

Даниэль Клугер

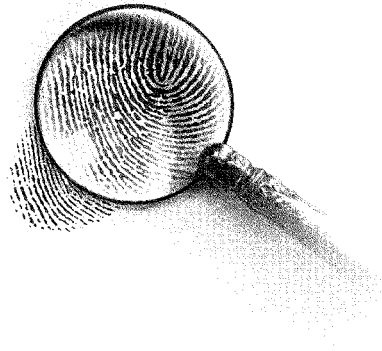
ГЕНИИ СЫСКА

ЭТЮД В БИОГРАФИЧЕСКИХ ТОНАХ

5

ПЯТЫЙ РИМ

Даниэль Клугер

ГЕНИИ СЫСКА

ЭТЮД В БИОГРАФИЧЕСКИХ ТОНАХ

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2019

УДК 930.85
ББК 85.374.3(3)
К 51

Оформление переплета М. Левыкина

Клугер Д.

К 51 Гении сыска. Этюд в биографических тонах. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2019. — С. 368, илл.

ISBN 978-5-9500938-2-1

Впервые на русском языке сенсационная книга о сыщиках, которые стали прототипами самых популярных книжных детективов.

Кем в действительности был Шерлок Холмс? Кто такой Пинкертон? Был ли знаменитый Видок мифическим персонажем или реальным человеком? Читайте увлекательное расследование Даниэля Клугера!

Оно перенесет вас то в Англию XVIII века, то в Америку века XIX-го, то в Россию начала XX-го века, когда большевики пытались создать первое всероссийское честное сыскное бюро.

Читайте детектив о детективе!

УДК 930.85
ББК 85.374.3(3)

ISBN 978-5-9500938-2-1

© Клугер Д., 2019
© Издательство «Пятый Рим»™, 2019
© ООО «Бестселлер», 2019

ПОСВЯЩЕНИЕ

Эту книгу мы когда-то собирались писать вместе с моим другом, замечательным человеком и писателем Алексом Аусваксом. Английский писатель, родившийся в Китае, а затем осевший в Израиле, он искренне любил детективы – и русскую литературу. В свое время именно в его переводах на английский язык вышла книга «Sherlock Holmes in Russia» – рассказы о Шерлоке Холмсе дореволюционных русских писателей П. Орловца и П. Никитина.

Долгое время он редактировал «Red herring» («Красную сельдь»), бюллетень такой уважаемой организации, как Британская ассоциация писателей криминального жанра. Красная сельдь – так на британском полицейском жаргоне называется ложный след, подброшенная улика.

Мы собирались написать две версии книги – для русских (я) и для английских читателей (он).

К сожалению, тяжелая болезнь помешала реализации проекта. Алекс скончался в Иерусалиме, раньше, чем мы приступили к работе. Даже обсудить план книги (двух книг), хотя бы в общих чертах, мы с ним не успели.

Тем не менее я надеюсь, Алекс был бы доволен тем, что у меня получилось.

Посвящаю книгу «Гении сыска» его светлой памяти.

ОТ АВТОРА

Зачем? Правда, зачем?

Я ведь не историк. Я — писатель.

Зачем же я шесть лет (!) корпел над этой книгой, лез в архивы, выписывал книги английских, американских, французских историков, листал газеты XIX века — чтобы...

Чтобы что?

Чтобы написать историю частного сыска?

Чтобы восстановить биографии знаменитых сыщиков первого призыва?

На самом деле, нет. Именно потому, что я не историк, меня в наименьшей степени интересовала история частного сыска (при том что так первоначально должна была называться эта книга). Меня интересовало совсем другое.

Будучи страстным любителем детективной литературы — и читателем, и автором нескольких романов и повестей этого жанра, — я постоянно чувствовал принципиальное отличие детективов от прочих жанров литературы, в том числе и фэбульной. Когда это чувство уже нестерпимо жгло мое воображение, я попытался его проанализировать. Результатом стало небольшое по объему эссе «Баскервильская мистерия». Именно эссе о детективе или даже роман о детективе, потому что ни в малейшей степени я не претендовал в «Мистерии» на объективное исследование истории и природы детективного жанра. Я просто рассказал о своем личном, субъективном отношении — к образам детектива, к его кажущейся простоте, к особенностям композиции и — главное — к поэтической стороне, казалось бы, вполне прозаической, массовой литературы.

Странный это жанр, мягко говоря. Ни в одном больше не назовешь, с точностью до дня, время рождения (20 апреля 1841 года), «родителя» – писателя, впервые написавшего «историю про расследование загадочного преступления», да еще и во вступлении к первому произведению сформулировавшего жанровую идеологию (Эдгар Алан По). Ни в одном жанре – прозаическом по крайней мере – не обнаруживается такое обилие ограничений (жесткий канон¹), несмотря на которое жанр продолжает расти, развиваться, радовать поклонников и раздражать противников. В этом с детективом могут сравниться разве что некоторые давно сложившиеся поэтические формы: сонет, классическая баллада, рондо.

Вообще, удивительное дело: постоянные попытки «поверить алгеброй гармонию» имеют место именно в детективном жанре, что, на мой взгляд, парадоксальным образом подчеркивает его родство с поэзией.

Ни один жанр не оценивается по худшим образцам (впрочем, это не я, это английский писатель Й. Филлпотс).

И ни в одном жанре прозаическом не присутствует столько поэзии, не обнаруживается столь много отсылок к фольклору и мифологии, как в детективе.

При чем тут реальная история сыска и личности реальных сыщиков прошлого?

При том что один из парадоксов детектива заключается в следующем.

Все (подчеркиваю – все!) персонажи детективов являются, в той или иной степени, отражениями мифологических персонажей. Они наделены множеством характерных черт героев низовой мифологии. Таким множеством, что порой воспринимаются даже не отражениями, а самими героями, лишь слегка гримирующимися под обычных людей. Причем это относится не только к центральным фигурам-антагонистам, сыщику и преступнику. Американский писатель Джеймс

---

¹ См., например: Р. Нокс. «Десять заповедей автора детективов: или С. С. Ван Дайн. Двадцать правил для пишущих детективы // Как сделать детектив. – М.: Радуга, 1990. – *Здесь и далее прим. авт.*

Н. Фрай в книге «Как написать гениальный детектив», написанной по результатам нескольких университетских семинаров, указывает на мифологическую природу всех без исключения второстепенных персонажей детективной истории.

И в то же время центральная фигура детектива, фигура гениального сыщика, имеет в качестве прототипа реальных людей, известных в истории криминалистики. В самом деле, шевалье Дюпен и сыщик Лекок (и Эркюль Пуаро тоже) восходят к монументальной фигуре Эжена Франсуа Видока, неподражаемый Шерлок Холмс – к таинственному сыщику-эмигранту викторианской эпохи Игнациусу Полу Поллаки, бесчисленные герои «крутого» американского (и не только) детектива – к великому и незабвенному Алану Натаниэлю Пинкертону.

А известный популяризатор истории науки Юрген Торвальд в нашумевшей книге «Век криминалистики», многократно издававшейся и переведенной на множество языков, утверждает еще и об обратной связи детективной литературы и реальной борьбы с преступлениями. Торвальд пишет:

«В Германии так и не зародились свои Сюртэ или Скотланд-Ярд либо иная уголовная полиция, с которой связывались бы какие-либо славные дела или легенды... Но дело заключалось в том, что в Германии тех лет не было ни одного хорошего писателя, достойного сравнения с англичанами Чарльзом Диккенсом, Уилки Коллинзом, позднее с Конан Дойлом или французом Эмилем Габорио, избравшими героями своих произведений детективов...»¹

Уникальный случай влияния писательской фантазии на реальность! И связан тоже именно с детективом. А говорят, что литература отражает жизнь...

Вот он, парадокс. С одной стороны, безусловно, мифологическая природа, персонализация страхов и чаяний общества, стихийных сил природы – словом, всего, что воплощается в фольклоре и низовой мифологии. С другой стороны, реальные

---

¹ Ю. Торвальд. Век криминалистики / Пер. И. Власова и Л. Пэка. – М.: Проспект, 2009. – С. 67.

прототипы со своими весьма сложными, но все-таки непридуманскими биографиями.

Я подумал, что разрешить этот парадокс можно, только изучив жизненный путь и характеры реальных людей, ставших гениями сыска. Ведь должно же в их личностях, в их характерах, в их биографиях быть нечто такое, что располагало к мифологизации этих людей?

Вот какую цель я изначально ставил перед собой, приступая к написанию этой книги.

И вот почему появился у нее подзаголовок «Этюд в биографических тонах».

Была и еще одна задача. Знаменитые преступники прошлого надолго остаются в памяти человечества. Фольклор любого народа изобилует легендами и песнями о разбойниках, грабителях, убийцах, пиратах. Неважно, восхищаются ими или ненавидят, но их имена сохраняются в веках, их «подвиги» описывают историки, хронисты и поэты. Геродот подробнейшим образом и с явной симпатией рассказывает о хитром и ловком египетском воре, который фактически вступил в единоборство с самим фараоном и победил — стал зятем повелителя Египта. Талмуд повествует о великом мудреце рабби Шимоне бен-Лакише, в юности бывшем галилейским грабителем, не скрывая восхищения его молодой лихостью. Немецкие хроники взалхлеб рассказывают о Дамиане Гисселе, «Баварском Гисселе», ставшем прототипом Карла Моора в «Разбойниках» Фридриха Шиллера. Хитроумные воры и отчаянно смелые разбойники являются героями английских народных баллад и русских народных песен, арабских сказок и немецких легенд. От «Не шуми, мати, зеленая дубравушка» и до «Мурки», десятки тысяч народных песен воспевают подвиги преступников, их удадь, лихость, верность товарищам-подельникам.

А вот тем, кто боролся с преступниками, тем, кто защищал общество и отдельных его представителей от убийц и воров, с памятью, тем более — с благодарной памятью, повезло значительно меньше. Положительный образ сыщика, следователя, бескомпромиссного борца с криминалом появился в культу-

ре значительно позже, в самом конце XVIII или даже начале XIX века.

И, прямо скажем, придуманные великими писателями ше-валье Огюст Дюпен или мистер Шерлок Холмс изрядно отличались от реальных борцов с преступностью, какими были герои этой книги: француз Эжен-Франсуа Видок, британец Игнациус Пол Поллаки и американец Алан Натаниэль Пинкертон. Возьму на себя смелость утверждать, что Видок, Поллаки и Пинкертон, как ни покажется странным это любителям детективной литературы, были гораздо сложнее прославленных литературных героев, их биографии многократно превосходят причудливыми поворотами сюжеты рассказов Конан Дойла или Агаты Кристи. Тайны, окутывавшие их жизнь, по сей день не раскрытые, поражают воображение сильнее всех головоломок Рекса Стаута или Эллери Куина. В этой книге я попробую раскрыть некоторые из них. Надеюсь, это покажется интересным.

Эта троица – главные, но не единственные герои книги. В документальных новеллах, которые носят названия интерлюдий и которые помещены между биографическими очерками, я рассказал о некоторых по сей день неразгаданных криминалистических загадках истории. С этими загадками я столкнулся в ходе работы и решил, что они тоже заслуживают внимания благосклонного читателя.

И еще несколько слов, прежде чем перейти к рассказу о гениях сыска и их тайнах. Для многих любителей детективной литературы понятие «частный детектив», «частный сыщик» означает «гениальный дилетант». В самом деле, писатели любят делать своими героями персонажей, никак не связанных напрямую с криминалистикой. Между тем частные сыщики в первую очередь были и остаются профессионалами. Ибо борьба с преступниками – это удел настоящих профессионалов. История выдающихся сыщиков – это еще и история профессии, история уголовного сыска, история частного сыска. И для того чтобы понять, как эта профессия формировалась и почему именно герои этой книги стали «Гениями сыска», я решил начать с рассказа об их предшественниках – предтечах частных сыщиков.

I

ПРЕДТЕЧИ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА

В одном из залов Хантеровского музея Королевского хирургического колледжа в Лондоне на посетителей из стеклянной витрины бесстрастно взирает вполне уместный здесь человеческий скелет. Но, возможно, не всякий посетитель знает, что этот бессловесный остов принадлежит человеку, пользовавшемуся при жизни очень шумной славой – по крайней мере, в Лондоне. Посмертная же его слава, благодаря классической литературе, шагнула далеко за пределы британской столицы. О нем писали Даниэль Дефо и Джон Гэй, Генри Филдинг и Бертольд Брехт, его упоминал Артур Конан Дойл. Да и в новейшей беллетристике нет-нет, а мелькнет его имя. Например, недавно он появился на страницах популярного романа современного британского историка и писателя Дэвида Лисса «Заговор бумаг».

Тело было эксгумировано, передано Королевскому хирургическому колледжу и препарировано в 1749 году, спустя почти четверть века после смерти.

При жизни этого человека звали Джонатан Уайльд. Сам себя он хвастливо называл «генералом вороловов». А еще его называли, когда в насмешку, а когда искренне, «Великим Джонатаном Уайльдом» или просто «Великим Человеком». Почему генерал и какой армией он на самом деле командовал? Что это за профессия такая – «воролов»?

Николай Карамзин писал в «Письмах русского путешественника»:

«Нигде так явно не терпимы воровы, как в Лондоне; здесь имеют они свои клубы, свои таверны и разделяются на разные классы: на пехоту и конницу (footpad, highwayman), на домашних и карманных (housebreaker, pickpocket). Англичане боятся

строгой полиции и лучше хотят быть обкрадены, нежели видеть везде караулы, пикеты и жить в городе, как в лагере... В Англии никогда не возьмут в тюрьму человека по вероятности, что он вор; надобно поймать его на деле и представить свидетелей; иначе вам же беда, если приведете его без неоспоримых законных доказательств...»¹

**20 POUNDS
REWARD.**

— — — — —

WHEREAS a most daring BURGLARY was, about Ten o'Clock on FRIDAY Night last, committed by Four or more Men breaking open and entering the House of Mr. HENRY GREEN, Farmer, of the *Hall Hammonds*, in the Parish of *Kinlet*, in the County of *Salop*, from whom they Stole between Thirty and Forty One Pound Bank Notes, (Part of which were of the *Dudley Bank*), and about Seven or Eight Guineas, and also the following Articles; (viz.) One Pair of Jean Half-Boots, gashed round with Leather; One Pair of Men's Shoes; Two Top Coats (a mixed plain Drab, and a Double-milled Drab), one with covered Buttons of the same, the other with white Metal Buttons; Two Silk Handkerchiefs; Close Coat (Damson Colour); Flannel Waistcoat, Silver Watch, and some other Articles.—Whoever may be the Means of giving such Information as may be the Cause of apprehending and convicting one or more of the Persons guilty of the above-named Burglary, shall receive a Reward of TEN POUNDS from the Association of the Parish of *Kinlet*, and a further Reward of TEN POUNDS upon Conviction of one or more of them, from Mr. HENRY GREEN.

If any Person concerned in the above Burglary, will make a Confession of his being an Accomplice in the above Offence, and shall be the Cause of any one or more being convicted, the utmost Means shall be used to obtain a Pardon for him, and he shall receive the above Reward.

N. B. Four very suspicious Characters were seen about Eight o'Clock on Friday Night near *Dunton*, on the Road between *Burdley* and *Kinlet*, and the like Number were observed returning through *Burdley* early on the following Morning.—The four Men who committed the above Burglary, dragged Mr. GREEN, his Daughters, and their Woman Servant, out of their Beds, and locked them up in a small Entry, and threatened to murder any one who made the least Noise or Resistance; after which they remained upwards of Three Hours in the House, and during that Time drank several Bottles of Wine, and consumed a considerable Quantity of Bacon and other Provisions: and it was observed by Mr. GREEN's Family, and by those who saw them on the Road between *Burdley* and *Kinlet* on Friday Night, and also by those who saw them return through *Burdley* on Saturday Morning, that one of the Four was a tall stout Man, and had on nearly a black Smock-Frock, and is supposed to be a Collier; and that one of them was lame, and had a Wood Leg on the left Side.

NOVEMBER 11th, 1816.

— — — — —
J. MILLS, PRINTER, KIDDERMINSTER.

**Объявление о двадцатифунтовом вознаграждении.
Такие объявления Джонатан Уайльд размещал
по поводу нахождения украденных вещей**

¹ Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. — Л.: Наука (Литературные памятники), 1984. — С. 360.

Правда, эта запись относится к 1790 году, но и в начале столетия положение было не лучше. Скорее, хуже. Подмеченное Кармазиным нежелание граждан Британии видеть повсюду государственную полицию вызвало к жизни в конце XVII – начале XVIII века совершенно особую специальность, получившую название «thief-taker» – «ловец воров», «воролов». Воролов занимался поиском преступников и передачей их и собранных доказательств совершенных преступлений органам государственного правосудия за определенное вознаграждение. Он действовал на свой страх и риск, но вполне легально, открывая соответствующую контору, обзаводясь агентами и информаторами в уголовной среде, по сути – прообраз частного детективного бюро. Так что этих людей вполне можно считать непосредственными предшественниками детективов – и частных, и полицейских. Они занимались не только поиском украденного. В спектр оказываемых ими услуг входили и возврат (по сути – выбивание) долгов, и поиск пропавших, и охрана – все то, чем занимаются частные детективы по сей день. Для многих из них этот бизнес становился основным источником существования, для других – лишь дополнением к основному заработку. Известный охотник за ворами начала XVIII века Чарльз Хитчен в качестве маршала Сити¹ ведал официальной охраной общественного порядка старейшего лондонского района, а например, воролов конца того же столетия знаменитый боксер Даниэль Мендоза, чемпион Англии, тренировал молодых спортсменов – в соответствии с разработанными им «научными приемами» бокса.

**Скелет
Джонатана
Уайльда
в медицинском
колледже
(совр.)**

¹ Лицо, ответственное за поддержание общественного порядка в городе.

Джонатан Уайльд –
«генерал воролов»

Что касается Джонатана Уайльда, то сей джентльмен начинал карьеру скупщиком краденого. Уроженец Вулверхэмптона, он в 1708 году, в шестнадцатилетнем возрасте обосновался в Лондоне. Здесь, после краткосрочного пребывания в долговой тюрьме, его криминальный талант развернулся во всей полноте. К превращению одного из многочисленных скупщиков краденого в крупного криминального авторитета, «бизнесмена», приложила руку лондонская проститутка Мэри по прозвищу Модистка, с которой Уайльд

свел близкое знакомство во время заключения. Она познакомила его с лондонскими преступниками и сделала своим помощником (сама Мэри занималась сводничеством и скупкой краденого). Вскоре Уайльд прибрал к рукам весь бизнес своей подруги, наладил жесткий контроль над уличной проституцией и попрошайничеством, ему платили дань воры-карманники и ночные грабители. Особенно привлекало преступников умение Уайльда за взятки вытаскивать своих людей из тюрьмы. В этом ему помогали знакомства среди тюремного персонала, которые он успел завязать еще во время своего пребывания в тюрьме и которые предусмотрительно поддерживал и после освобождения. Модистку он вскоре выгнал, собственноручно отрезав ей на прощанье одно ухо; сам же Уайльд превратился в настоящего короля преступного мира, Джонатана «Великого». Правда, как я уже отмечал, он предпочитал называть себя «генералом воролов». Случилось это по той причине, что примерно с 1712 года он присовокупил ко всем своим занятиям еще и ремесло сыщика. В те времена воролов за каждого пойманного и переданного в руки правосудия преступника получал 40 фунтов стерлингов – немалые деньги. Вознаграждение выплачивалось только в том случае, если суд счел обвинение доказанным. Поэтому воролов стремился не только поймать

преступника, но и добыть неопровержимые улики, то есть самостоятельно провести доскональное следствие по совершенному преступлению. Правда, так обстояло дело теоретически. Тому же Уайльду не было нужды проводить следствия — он и без того знал, кто именно из уголовников, подчиненных ему или «боссам»-конкурентам, совершил то или иное преступление. Вопрос заключался лишь в том, считал Уайльд выгодным для себя сдать преступника властям или нет. Как правило, он выдавал тех, кто либо не желал признать его верховенства, либо казался ему «отработанным материалом». Дело пошло успешно, и в 1715 или 1716 году Уайльд уже открыл в таверне «Герб Купера», совсем рядом с уголовным судом Олд-Бейли, «Бюро по возвращению пропавших или украденных вещей». С тех пор в газете «Дейли каррент» регулярно появлялись объявления, в которых Джонатан Уайльд предлагал свои услуги жертвам краж и ограблений. А поскольку такого рода преступления происходили в Лондоне ежедневно и даже ежечасно, то, соответственно, уайльдовское бюро не испытывало недостатка в клиентуре.

Повешение в Ньюгейтской тюрьме

Уайльд редко занимался поиском украденного всерьез. Воры сами несли ему добычу, понимая, что лучше получить хоть что-то, чем по воле всемогущего воролова оказаться в руках правосудия. Существует легенда о том, что выражением «отметить двойным крестом» («double-cross»), то есть «сдать с потрохами», английский сленг обязан именно Джонатану Уайльду. В своей приходно-расходной книге он имел обыкновение отмечать чем-то разгневавшего его преступника крестиком. Появление второго креста, перечеркивавшего первый, означало, что Уайльд решил сдать строптивца властям.

Джонатан Уайльд в тюрьме, перед казнью

Обычно Уайльд просматривал все ту же «Дейли каррент», раздел объявлений о поиске пропавших вещей, после чего сравнивал разыскиваемые предметы с добычей, принесенной ему его людьми. Далее он давал соответствующее объявление-ответ или отправлял к потерпевшему нарочного с условиями возвращения украденного. Жертвы ограблений готовы были платить треть или даже половину стоимости похищенного, чтобы вернуть золотые часы, жемчужное ожерелье или перстень с бриллиантом.

Совершенно особой статьей стало хищение и возврат документов. Этот вид имущества открывал перед предприимчивым Уайльдом широкое поле шантажа. Причем вовсе не было необходимости в реальном хищении документов. Представьте себе, например, появление все в той же «Дейли каррент» от 4 октября 1724 года такого объявления:

«1 октября был утерян блокнот черной шагреновой кожи с серебряными уголками и с некоторыми расписками. Указанный блокнот потерялся на Стрэнде, возле таверны “Фонтан”, примерно в 7–8 вечера. Если кто-нибудь принесет упомянутый блокнот господину Джонатану Уайльду в Олд-Бейли, то получит гинеею в качестве вознаграждения»¹.

Казалось бы, что тут особенного? Что следует из этого объявления, кроме того, что и сам господин Джонатан Великий, при всем его могуществе, тоже мог оказаться жертвой неразборчивого вора или обстоятельств (ну как и в самом деле потерял)? Ан нет! Вчитываемся – и выясняем следующее. Во-первых, что такое таверна «Фонтан»? Неискушенный современный читатель предположит – обычная таверна, кабак с номерами для постояльцев. Но лондонец двадцатых годов XVIII века был прекрасно осведомлен, что таверна «Фонтан» – бордель, публичный дом, в который уважаемые джентльмены не ходят, а если и ходят, то под чужими именами и, по возможности, не особенно это афишируя. Во-вторых, упоминание расписок означает, что имя человека, посещающего «Фонтан», хорошо известно: расписки, то есть

---

¹ Daily Currant. 1724. 4 октября. Пер. Д. Клугера.

долговые обязательства, подписываются подлинным именем, как же иначе? Ну, а гинея (немалые деньги) – цена сохранения секрета. Итак, некоего господина предупреждают, что его видели в сомнительном месте, что имя его известно, что его похождения могут быть преданы нежелательной огласке, если он не выплатит одну гинею. Кому? Ну, сказано же: Джонатану Уайльду, нашему воролову. Нет, не случайно, совсем не случайно полтора года спустя поминал его великий сыщик Шерлок Холмс:

«– Доводилось ли вам слышать о Джонатане Уайльде?

<...>

– Это выдающийся преступник, живший в прошлом веке.

<...>

...В истории всё движется по кругу – и профессор Мориарти тоже не одинок. Джонатан Уайльд был тайным заправилкой лондонского преступного мира, которому он ссужал за пятнадцать процентов комиссионных свой мозг и организаторский талант¹.

Как видим, сэр Артур Конан Дойл открыто признается, что его профессор Мориарти появлением своим в известной степени обязан Джонатану Уайльду. Но вот ведь парадокс: не только Мориарти, но и Холмс при всем рыцарственном характере в профессиональном смысле приходится родственником знаменитому преступнику.

Уайльд был настоящим стратегом преступности. Весь Лондон был разделен им на округа, и каждый округ закреплялся за кем-либо из «капитанов» – так называл Уайльд своих ближайших помощников. «Капитаны» строго следили за тем, чтобы воровы и грабители, «ночной народ», не совершали набегов на чужую территорию и не паслись на чужих угодьях. Ни дать, ни взять – дети лейтенанта Шмидта с их «сухаревской конвенцией». Заметим сразу же, что нарушителей типа Паниковского среди людей Уайльда не наблюдалось. И то сказать,

---

¹ А. Конан Дойл. Долина страха / Пер. Л. Бриловой и С. Сухарева / А. Конан Дойл. Долина страха. Записки о Шерлоке Холмсе. – СПб.: Азбука, 2017. – С. 27.

«генерал» был куда строже Шуры Балаганова. Да и механизм воздействия на нарушителей, способы их наказания Джонатан Уайльд отладил превосходно.

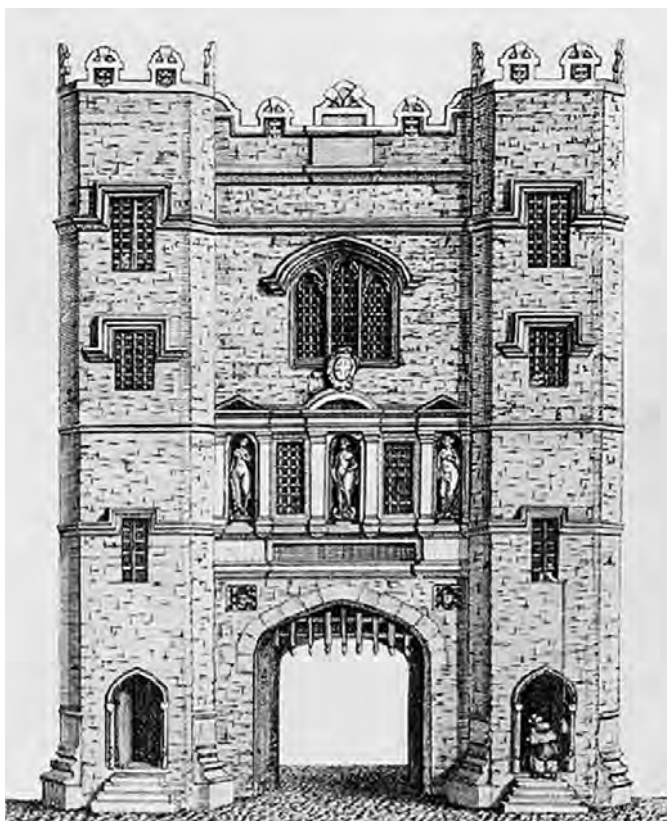
Билет на казнь Джонатана Уайльда

Общество на первых порах благоволило решительному борцу с преступностью (а именно так воспринимали действия Джонатана Уайльда обыватели). И он, в общем, давал

определенные основания так думать. Например, в июле – августе того же 1724 года стараниями Джонатана Уайльда и его помощников был арестован 21 грабитель из так называемой банды Кэррика, бесчинствовавшей в Лондоне. Уайльд выручил за это огромные деньги – 840 фунтов, что примерно соответствует нынешним 75 тысячам. Благодаря уликам, собранным Уайльдом, 20 арестованных были осуждены; когда же один был признан по суду невиновным, Уайльд приложил максимум усилий и собрал достаточно доказательств вины оправданного, что позволило осудить и его. Все эти действия расписывались современной «генералу» прессой как бескомпромиссная борьба с уголовниками; между тем, в действительности, здесь имела место неприкрытая и жестокая конкурентная борьба между преступным синдикатом Уайльда и «вольными охотниками» или другими воролованами, не желавшими делиться с всесильным Уайльдом. Правду сказать, проблема не только в неосведомленности рядовых граждан о подоплеке тех или иных событий. В тогдашнем обществе господствовало убеждение, что лучше всего с преступниками справятся сами преступники. И потому многие, слыша, что одних преступников Уайльд сдает правосудию, а других прикрывает и даже поощряет на совершение новых преступлений, до поры до времени досадливо отмахивались: главное – вон сколько неисправимых воров, а пуще того – грабителей и даже убийц знаменитый воролов отправил в тюрьму, а то и на виселицу! Можно на некоторые его шалости закрыть глаза. Такая точка зрения пережила и Уайльда, и его врагов. Кое-где она дожила до нашего времени.

ГЕНЕРАЛ ПРОТИВ МАРШАЛА

Джонатан Уайльд был самым ярким, но отнюдь не единственным «вороловом», чья слава пережила его самого. На этом поприще конкуренцию ему долгое время составлял, например, уже упоминавшийся выше Чарльз Хитчен. Хитчен был стар-

Ньюгейтская тюрьма

ше Уайльда и деятельность свою в качестве «воролова» начал раньше. Мало того, Уайльд осваивал азы сыскного искусства под заботливым патронажем Хитчена. При этом, если будущий «генерал вороловов» пришел к главному своему занятию из чисто преступного промысла (скупка краденого), то Хитчен — с противоположной стороны: еще в 1712 году он купил должность городского вице-маршала. В те времена маршалов было двое, в их ведении находился общественный порядок в городе. Каждому маршалу подчинялись шесть стражей порядка пониже рангом, их непосредственным начальником и являлся вице-маршал. Городские маршалы присматривали

за проститутками и сутенерами, за бродягами и нелегальными торговцами. Вот такой ответственный пост и сумел занять Хитчен, выложив за это немалую по тем временам сумму – 700 фунтов (более 60 тысяч фунтов по сегодняшним меркам). Хитчен не был богат, его отец занимался столярными работами. Но выгодная женитьба принесла ему неплохое наследство. Теперь же, будучи вице-маршалом, он легко вернул потраченные деньги и приумножил свое состояние. Дело в том, что, помимо 100 фунтов, выделявшихся городскими властями в качестве годового жалованья, штрафы, которые маршал и его помощники взимали с нарушителей порядка, оставались в полном распоряжении маршала – в соответствии с существовавшими нормами. Таким образом, заведенный порядок способствовал не столько снижению уровня преступности, сколько увеличению числа штрафов.

Понятно, что Хитчену, занимавшему столь ответственный пост, сам Бог (или, скорее, черт) велел стать «вороловом». Он и стал таковым, выправив соответствующую лицензию и занявшись «розыском похищенного имущества». На самом деле эта формула скрывала заурядную скупку краденого (как видим, вице-маршал двигался с Уайльдом, если можно так выразиться, по встречным маршрутам). Схема работы читателям уже известна: тот, кто не хотел продавать добычу Хитчену, отправлялся в тюрьму. Часть полученных таким образом вещей вице-маршал-«воролов» за вознаграждение возвращал владельцам.

В отличие от Джонатана Уайльда, умевшего лавировать между борьбой с преступностью и организацией преступлений так, чтобы публика была довольна, а воры слушались и по-малкивали, Хитчен быстро нажил множество врагов. Уже в 1713 году его отстранили от должности из-за многочисленных жалоб от уличных торговцев на произвол и постоянные поборы: вице-маршал занимался не периодическим, от случая к случаю, взиманием штрафов, а полноценным рэкетом, обретшим широкий размах.

Несмотря на временную отставку, Хитчена не лишили звания вице-маршала и даже сохранили за ним жалованье. Но

он был вынужден проявлять большую осторожность в теневой деятельности. Вот тут-то опытный преступник (или опытный сыщик – и то и другое название будут справедливы в определенном смысле) совершил ошибку.

Сатирический рисунок, изображающий мальчика-«молли» в женском наряде и его клиента в женском чепце

Роковую.

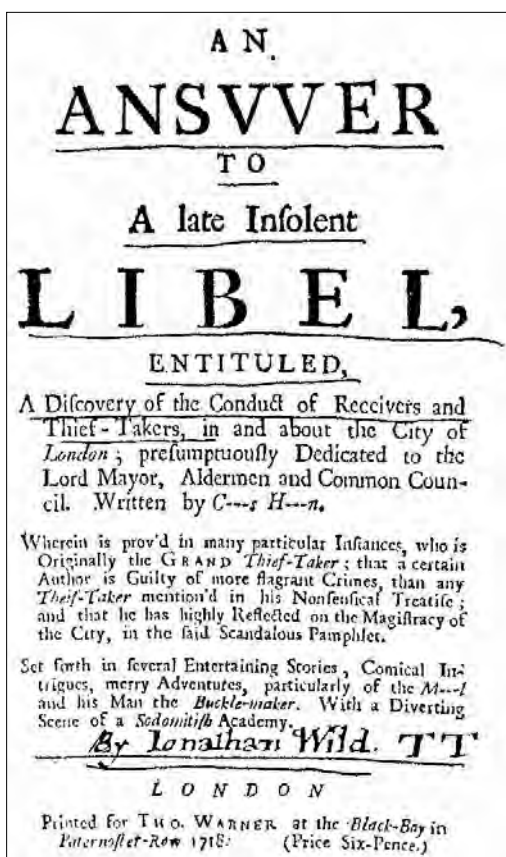
Джонатан Уайльд как раз в это время начинал свою деятельность «воролова» под патронажем вице-маршала. Хитчена обманула кажущаяся преданность Уайльда – и его собственная жадность, вечный бич криминальных боссов. Что, впрочем, и неудивительно: бескорыстных преступников не бывает, следовательно, чем крупнее криминальный авторитет, тем больше он подвержен этому пороку. Хитчен не мог и не хотел отказываться полностью от криминальной – большей – части своего промысла. Он решил управлять созданным им преступным сообществом через преданного и неопытного Уайльда. И передал будущему «генералу вороловов» власть над значительной частью своих подданных – воров.

Оказалось, что вице-маршал жестоко ошибся. Уайльд был предан Хитчену лишь до тех пор, пока чувствовал себя не очень уверенно. Но тут сам Хитчен передал ему целую воровскую империю! О какой преданности можно говорить, когда речь идет о власти и богатстве?!

Спустя короткое время все связи Хитчена сосредоточились в руках его протезе, а вице-маршалу оставалось лишь то скромное жалованье, которое выплачивали городские власти. Он скрипел зубами от ярости, лелеял планы отмщения, но пока что все было тщетно. Ни денег, ни власти, ни влияния у вице-маршала в почетной отставке не оставалось.

В апреле 1714 года фортуна, кажется, улыбнулась Чарльзу Хитчену. Ему позволили вернуться к активной деятельности в качестве «воролова»: в связи с окончанием Войны за испанское наследство в Лондоне появилось великое множество бывших солдат и моряков, занявшихся кражами и разбоем. Тут уж властям стало не до мелких грешков опытных «вороловов».

Первым делом Хитчен попытался вернуть свое влияние на воров, отошедших к Уайльду. Не тут-то было! Уголовный мир почти весь безоговорочно признавал верховенство Уайльда и порывать с «генералом» не рисковал. Никто не желал заполучить напротив своего имени в приходно-расходной книге Джонатана Уайльда уже знаменитый двойной крест. Тогда Хитчен опубликовал памфлет (анонимно, но что такое анонимность

Обложка памфлета, анонимно изданного Чарльзом Хитченом и направленного против Джонатана Уайльда

в том мире?). Памфлет обвинял Уайльда в том, что именно он является организатором всех преступлений, совершаемых в британской столице.

Разумеется, живущему в стеклянном доме не стоит бросаться камнями. Стоило появиться антиуайльдовскому памфлету, как тотчас появился памфлет антихитченевский. В этом сочинении о Чарльзе Хитчене говорилось, что вице-маршал является регулярным посетителем так называемых «домов Молли».

В тогдашней Британии так назывались специализированные бордели или особые потайные комнаты в тавернах, предназначенные для обслуживания гомосексуалистов. Хозяева таких домов и назвались «Молли», а их дома (и комнаты), соответственно, «домами Молли». «Молли» носили женскую одежду, пользовались женской косметикой и отзывались на женские имена. Существовали и особые ритуалы для посетителей — они представляли собой пародию на бракосочетание и даже имитацию родов. Вот такие дома и посещал вице-маршал Чарльз Хитчен и в таких ролевых играх участвовал — по утверждению анонимного источника.

Памфлет не был подписан, но Хитчен сразу узнал направляющую руку: Джонатан Уайльд продемонстрировал свое умение пользоваться компроматом и бить без промаха.

Хитчен испугался не на шутку. Он не сомневался, что Джонатан Уайльд легко предоставит в распоряжение судебных властей показания пары-тройки ярко накрашенных «Молли» и их подопечных, и тогда для вице-маршала настанут тяжелые времена: в британском уголовном законодательстве XVIII века гомосексуализм был уголовно наказуемым деянием, и обвиняемого могло ожидать суровое наказание вплоть до смертной казни. Пришлось вице-маршалу немедленно оставить «генерала» в покое, довольствуясь поборами с проституток и мелких торговцев, находившихся вне поля зрения Джонатана Уайльда. Война двух полководцев закончилась, маршал проиграл генералу.

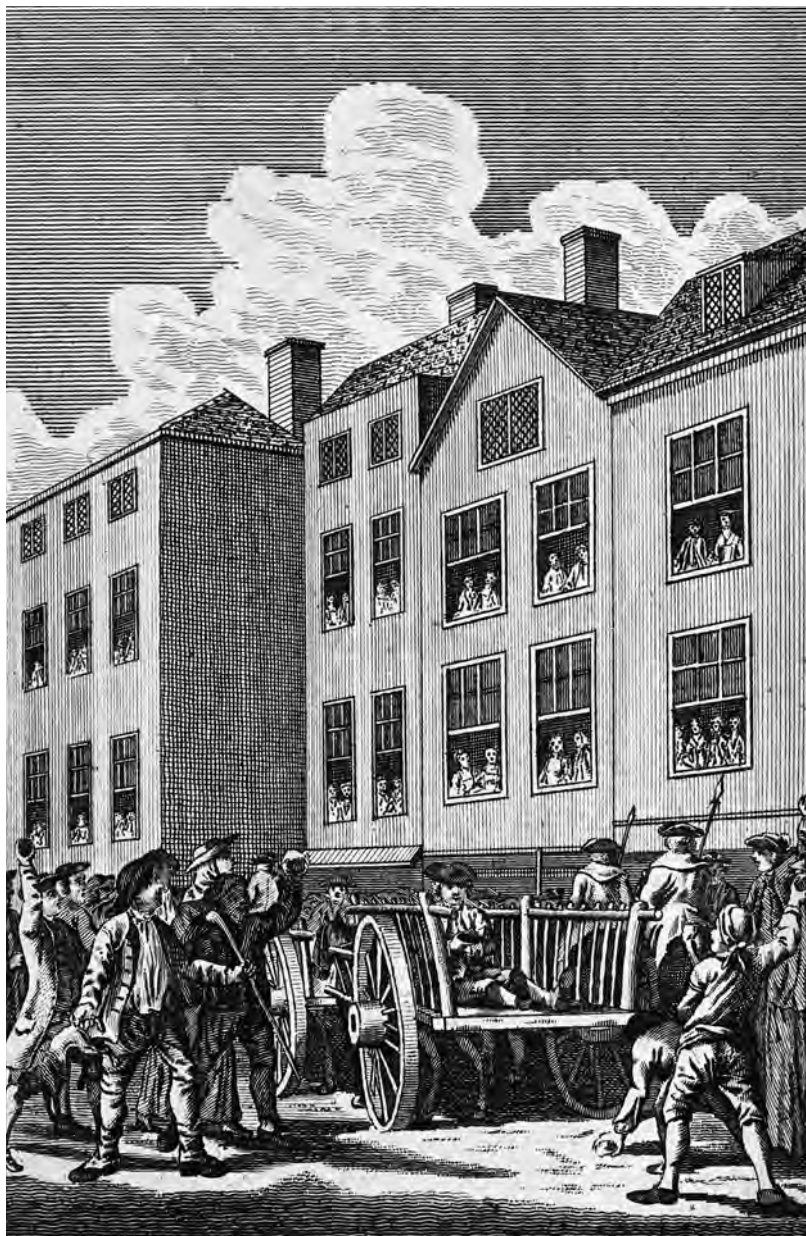
В апреле 1727 года Хитчен был арестован. Правда, вице-маршалу не предъявляли обвинений в организации краж или побегов из тюрьмы. Вспомнился ли памфлет, обвинявший Чарльза Хитчена в мужеложстве, или появились новые доносы на него, но случилось то, чего он панически боялся. Ему предъявили обвинения по этим двум пунктам: «мужеложство» и «склонение к мужеложству». Первое обвинение как раз и грозило смертной казнью. К счастью, суду его доказать не удалось. Доказано было лишь второе обвинение, по которому Чарльза Хитчена приговорили к штрафу и тюремному заключению. Хлопотами преданной жены его освободили раньше положен-

ного срока – в том же 1727 году, в ноябре. Но звезда Хитчена уже закатилась навсегда и более взойти не могла. Бывший вице-маршал, патрон и соперник «генерала вороловов», вышел из тюрьмы больной, страдавший от последствий многочисленных побоев и издевательств. Он скончался через два или три месяца после освобождения. Его самоотверженная вдова осталась без средств к существованию и вынуждена была обратиться за помощью в городской совет. Там ей от щедрот выделили пенсию в размере 20 фунтов в год.

ТАК ПРОХОДИТ МИРСКАЯ СЛАВА, ТАК ПРИХОДИТ МИРСКАЯ СЛАВА

Покончив с главным соперником, Уайльд продолжал подминать под себя лондонских уголовников, выдавая свои действия так же, как в случае с бандой Кэррика, за борьбу с преступностью. В 1724 году много шума наделала война между ним и неким Джеком Шепардом, известным также под кличкой «Джентльмен Джек». Новоявленный кумир лондонских уголовников был невысокого роста (всего 162 сантиметра) и хрупкого телосложения, но при этом обладал большой физической силой. Кроме того, Шепард отличался привлекательной (сегодня бы сказали «интеллигентной») внешностью и пользовался успехом у представительниц слабого пола. В его «Автобиографии» (написанной на самом деле каким-то профессиональным писателем, возможно самим Даниэлем Дефо) говорится, что именно женщина стала причиной превращения добропорядочного и искусного плотника в легенду преступного мира.

Начало истории Джентльмена Джека в какой-то степени повторяет начало истории Джонатана Великого. Шерше ля фамм! Ищите женщину! В 1722 году двадцатидвухлетний Джон Шепард в трактуре «Черный лев» закрутил роман с проституткой Элизабет Лайон, которую звали Элджуортская Бесс. Бесс стала его возлюбленной (она была на полторы головы выше Шепарда и примерно во столько же раз тяжелее). Она

Джонатан Уайльд в телеге, едущей на виселицу

же познакомила Джека с молодым мясником. Покупатели называли этого джентльмена мистер Джозеф Блэк, а близкие друзья – Синерожий. Синерожий вскоре стал постоянным собутыльником и товарищем Шепарда. Отмечу, что, хотя я пишу «мясник Блэк», «плотник Шепард», на самом деле Синерожий к тому времени освоил вторую, более прибыльную профессию взломщика, а Шепард под его чутким руководством занялся тем же бизнесом и учителя своего превзошел как в профессиональном мастерстве, так и в авторитете среди лондонских грабителей и воров. Именно он встал во главе самой дерзкой и удачливой шайки, на которую немедленно обратил внимание Джонатан Уайльд.

Взламывая замки на чужих дверях и очищая карманы добропорядочных граждан, лондонские воры XVIII столетия отнюдь не отказывались от своих первых, вполне безобидных и даже уважаемых профессий. Днем они на самом деле торговали мясом, сколачивали табуретки и шили сапоги. И Шепард действительно пользовался среди лондонцев популярностью как очень хороший плотник, а у Блэка хозяйки охотно покупали свежее мясо для бифштексов и ростбифов. Чужую собственность эти добропорядочные буржуа присваивали по ночам. В свободное от основной работы время.

Звезда Шепарда взошла на преступном небосклоне стремительно и горела ярко. Весной 1723 года, при участии своего младшего брата Томаса и возлюбленной, он совершил первую кражу. А дальше последовала целая серия удачных набегов на дома добропорядочных лондонцев. По удивительной случайности, все ограбленные были клиентами плотника Шепарда, и все пострадавшие от ночных визитов дома миниатюрный плотник посещал днем – исключительно для плотницких работ, в которых он, как я уже отмечал, был весьма искусен.

В течение 1723 года Джентльмен Джек с сообщниками совершил серию дерзких ограблений, принесших ему шумную славу. Но затем фортуна отвернулась от не в меру удачливого грабителя.

Была арестована Элджуортская Бесс. И тут Шепард совершил первый поступок, легший в фундамент легенды о нем:

Джек Шеппард в тюрьме (рис. Торнхилла с натуры)

он выкрал свою возлюбленную из тюрьмы. Но вскоре в тюрьму попал его брат и собщик Томас. Томасу грозила виселица, и он ради смягчения наказания выдал Джека. Для ареста власти прибегли к помощи «генерала вороловов», который с удовольствием отрядил на это дело своего помощника Джеймса Сайкса по кличке Ад-и-Ярость.

Так Джентльмен Джек впервые оказался в тюрьме. И пробыл в ней... ровно три часа. Через три часа после водворения за решетку Джек бежал. Он спустился из камеры с помощью сплетенных простыней, как был, в кандалах. Смешался с толпой на улице и исчез. Рассказывали, что он вдобавок еще и крикнул: «Держи вора!» (или что-то в этом роде) — и пустил уличных зевак и подоспевших стражей закона по ложному следу.

На свободе Шепард не задержался, попался на первом же взломе. Бесс навестила его в тюрьме, была узнана тюремщиками и тоже тотчас арестована. Из Ньюгейтской тюрьмы на этот раз они бежали вместе, выбравшись во двор, а затем преодолев семиметровую стену. Убежище сладкая парочка (так и хочется назвать их Бонни и Клайд XVIII века!) нашла в Фулеме – вотчине Уайльда. Уайльд был непрочь поспособствовать удачливому беглецу, но потребовал свою долю от добычи. Шепард отказался и... тут же в очередной раз оказался в тюрьме: Уайльд-уголовник уступил место Уайльду-воролову, который и сдал немедленно строптивного грабителя властям. Со всеми необходимыми доказательствами. «Генерала» можно понять: среди сообщников Шепарда были несколько людей Уайльда, стропливость «благородного разбойника» могла негативно сказаться на авторитете Уайльда, что, в свою очередь, чувствительно отозвалось бы на кармане последнего. Вот тут и началась настоящая война между «благородным разбойником» Джоном Шепардом и «генералом вороловов» Джонатаном Уайльдом. Вернее, не началась, а перешла в активную фазу – началась она раньше, когда «адский» Джеймс Сайкс по приказу «генерала» помог властям арестовать Джентльмена Джека.

Бражда между Уайльдом и Шепардом стала объектом пристального внимания публики. Ее история легла в основу знаменитой пьесы английского драматурга Джона Гэя «Опера нищего» и, соответственно, ее не менее знаменитой переработки «Трехгрошовая опера», принадлежащей перу Бертольта Брехта. Уайльда драматург изобразил в образе всемогущего мистера Пичема, повелевающего криминальной империей, а его противника – в образе элегантного налетчика и грабителя Макхита, знаменитого Мэкки-Ножа:

У акулы зубы – клинья,
 Все торчат, как напоказ.
 А у Мэкки – нож, и только,
 Да и тот укрыт от глаз...¹

¹ Б. Брехт. Трехгрошовая опера / Пер. С. Апта // Б/ Брехт. Мамаша Кураж и ее дети / Пьесы. – М.: Текст, 2008. – С. 11.

Во многом события пьесы восходят к подлинным перипетиям той войны. Правда, в пьесе конфликт случился из-за того, что дочь мистера Пичема влюбилась в Макхита. В жизни никакой любовной интриги не было, как говорят гангстеры в американских фильмах, «ничего личного – только бизнес». А вернее – обоюдная жадность.

Шепард еще трижды ухитрился бежать из тюрьмы. Но всякий раз попадался, разумеется, при активной помощи Уайльда. В конце концов он был приговорен к смертной казни.

Шепард сидел в ожидании казни, а у Уайльда случился конфликт с «крестным» Джентльмена Джека – Джоозефом Блэком (Синерожим). Тем самым, который днем был хозяином мясной лавки, а ночью – взломщиком. В свободное от рубки мяса время Синерожий как-то неожиданно стал владельцем шикарных золотых часов (с мясниками в те времена такие вещи случались). Уайльд потребовал отдать часы ему. Он уже успел поместить объявление в «Дейли каррент» о случайно найденных часах с подробным их описанием, и настоящий хозяин часов связался с ним.

Но Блэк вдруг заартачился. То ли часы приглянулись ему самому, то ли плата, предложенная Уайльдом, показалась недостойной внимания. Словом, он отказался. Вообще, у Уайльда было правило не сразу возвращать украденные вещи законным владельцам. Он позволял своим людям пользоваться добычей некоторое время: мужчины разгуливали в дорогом платье, с массивными тростями, золотыми часами и перстнями, женщины – с бриллиантовыми украшениями. Но «генерал» все это делал не для того, чтобы потакать суетным пристрастиям, вовсе нет. Разряженные по последней моде, сверкающие драгоценностями воры легко сближались с доверчивыми обывателями. Таким образом, краденое служило главным целям Уайльда: продвижению криминального бизнеса.

Но Синерожий не захотел расставаться с модным атрибутом процветания. Уперся, как один из быков, чьи туши он ловко разделявал в своей лавке. Уайльд рассвирепел: помимо всего прочего, он справедливо считал такое поведение откровенным предательством, ибо Синерожий являлся одним из «капитанов»

Афиша к спектаклю о Джеке Шепарде

Уайльда, тех самых особо доверенных подручных, с чьей помощью «генерал» управлял своим синдикатом. Джозеф Блэк играл с огнем, но не понимал этого. Судя по описанию Генри Филдинга, был он чрезвычайно силен, весьма жесток и непроходимо глуп. Еще и тщеславен — по словам все того же Филдинга, «честолюбием мясник был наделен сверх всякой меры». Синерожий оказался в тюрьме. Его карьера на этом закончилась. Блэк был приговорен к смертной казни. На суде он умолял дававшего показания Уайльда спасти его; когда же «генерал» отказался, расшвирепевший мясник бросился на него и едва не убил. Каким-то образом в его руках оказался маленький, но острый перочинный нож, и этим ножом «капитан» Синерожий попытался перерезать горло «генералу воролозов» (по другим данным, подсудимый пырнул коварного свидетеля в живот). Спohватившаяся охрана с трудом оттащила осужденного силача от Уайльда. Через месяц Блэк был повешен. Ему едва исполнилось двадцать четыре года. На судебный инцидент поэт и драматург Джон Гэй отозвался сатирической балладой «Ньюгейтский венок», которую уличные певцы почти тотчас переименовали в «Балладу Синерожего».

НЬЮГЕЙТСКИЙ ВЕНОК («Баллада Синерожего»)

Ньюгейтским баронам, чьи пальцы ловки,
Кто ловит в карманах чужих кошельки,
Кто запросто купит десяток сутяг,
А смотрит невинней бездомных бродяг, —
Вот новость для вас,
В сей радостный час:
Подарочек вам Синерожий припас.
Он нож перочинный припрятал — теперь
Ломайте без страха сундук или дверь.

В суде Синерожий ответы давал
И подле себя стукача увидал:
Там Джонни-доносчик спокойно сидел,
Вскипел Синерожий от этаких дел.
Тут ножик блеснул,

По глотке плеснул...
 Судья зазевался, и стражник зевнул.
 Вдове сороковник отдали¹. Теперь
 Ломайте без страха сундук или дверь.

Иной мне заметит – а что при дворе?
 В соборе, парламенте, монастыре?
 Воруют – а им ордена да почет,
 Такие ловчили и вовсе не в счет?
 Казну потроша,
 Крадут до гроша,
 Крадут у монарха и у торгаша.
 А тут Синерожий помог, и теперь
 Ломайте без страха сундук или дверь.

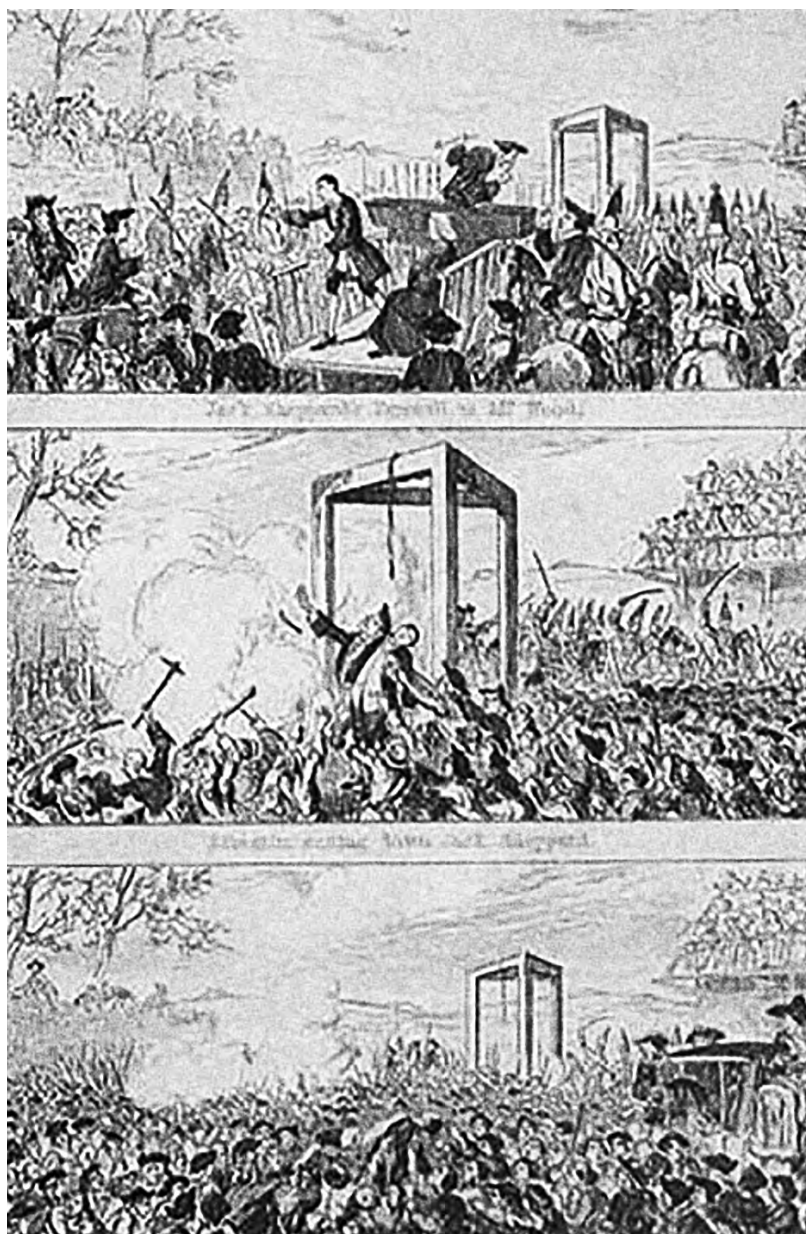
И для махинаций – путей миллион:
 Даст взятку судье – назовет: «Пенсион»,
 Коль врач украдет – говорит: «Гонорар».
 Церковник – мол, это не кража, а дар.
 А вот – адвокат,
 Грабителю брат:
 На службе удобнее красть во сто крат.
 И вам поспокойнее стало – теперь
 Ломайте без страха сундук или дверь.

Воруй на таможене, налоги воруй,
 В суде распинаясь и в карты мухлюй.
 В конторе акцизной шустри шукарем,
 Еще – за церковным воруй алтарем,
 И нет палача,
 Не рубят сплеча,
 Никто не боится угроз стукача:
 Зарезал его Синерожий – теперь
 Ломайте без страха сундук или дверь!²

---

¹ Намек на обычную «таксу» воролова – сорок фунтов за каждого преступника, осужденного с его помощью.

² John Gay. Newgate's Garland: <https://www.poetrynook.com/poem/newgates-garland>. Перевод Д. Клугера.

Казнь Джека Шепарда

На самом деле нож Блэка не отправил Джонатана Уайльда в преисподнюю. Хотя, как показали дальнейшие события, именно горло, а вернее, шея оказалась слабым местом «генерала вороловов». В «Балладе Синерожего» уже обозначен подлинный адресат будущей сатиры Джона Гэя — высокопоставленные воры, ничем не отличающиеся от двух повздоривших уголовников. Это обеспечило стихотворению широкую популярность: в день смертной казни Джозефа Блэка ее распространяли в толпе, собравшейся рядом с эшафотом. А Джон Гэй спустя некоторое время написал свою бессмертную «Оперу», развив обличительный пафос «Баллады Синерожего».

Во время суматохи, случившейся из-за нападения Блэка на Уайльда, Шепард совершил свой последний побег из Ньюгейта. Его вновь поймали, на этот раз — окончательно. Через пять дней после казни Синерожего на виселице окончил свои дни и его лихой крестник. На казнь продавались билеты, а непосредственно возле эшафота бойко торговали «Автобиографией» Джека Шепарда, написанной от его имени Даниэлем Дефо, посещавшим Джентльмена Джека в тюрьме. Гравюра, помещенная в брошюре, изображала знаменитого вора в камере, с кандалами на руках и ногах.

Хочу обратить внимание на то, что бурная преступная деятельность Джентльмена Джека, вместившая пять (!) побегов из тюрьмы, шесть арестов, десятки романов с первыми красавицами лондонского дна, сотни краж и грабежей, длилась всего-навсего полтора года: весной 1723 года он совершил свою первую кражу, а осенью 1724-го, в возрасте двадцати двух лет, окончил свою жизнь в петле.

Его изящное сложение напоследок сыграло с ним злую шутку: из-за малого веса он промучился в петле на четверть часа дольше, чем грузный Джозеф Блэк.

Уайльд, раненый своим взбунтовавшимся капитаном, в это время все еще находился в постели и не мог полюбоваться мучениями своих врагов. Их казнь стала вершиной его карьеры воролова. После этого события популярность Уайльда стремительно пошла вниз. Роковая рана, нанесенная ему Синерожим прямо в зале суда, удивительным образом изменила

отношение к «генералу» в обществе. То ли потому, что толпа не любит слабых, то ли потому, что безобразная сцена в суде даже самым наивным обывателям показала, что знаменитый воролов приятельствовал со столь же знаменитыми преступниками. Как раз в это время ужесточился закон, согласно которому смертной казни подлежали не только грабители-рецидивисты, но и организаторы преступлений, сами на дело не выходившие. И этот закон словно специально написан был для Джонатана Уайльда. Уже 15 февраля он был арестован. Его обвинили в организации побега одного из арестованных ранее преступников. Оказавшись в тюремной камере, Уайльд поначалу не терял оптимизма и продолжал руководить своей шайкой из стен Ньюгейта.

Но общественное мнение, ранее благоволившее «генералу вороловов», теперь было настроено не в его пользу. Во многом этому способствовали два фактора. Во-первых, незадолго до того произошел скандал с банкротством так называемой «Компании Южных морей» – грандиозной аферой, обездолившей многих рядовых граждан, вложивших деньги в ее бумаги¹. Справедливо или нет, но имя Джонатана Уайльда связывали с этим скандалом. Во-вторых – Джек Шепард, казненный с прямой подачи и благодаря показаниям Уайльда, был чрезвычайно популярен среди лондонских низов. А первым толчком стал описанный нами инцидент во время процесса над Джозефом Блэком: слишком многие слышали, как Блэк прямо обвинил «генерала» в предательстве и организации многочисленных краж:

«И вот, когда были раскрыты обширные замыслы Уайльда, кое-кому показалось, что при всем их величии они, как и проекты большинства таких людей, имели целью скорее славу самого великого человека, нежели вящую пользу для

---

¹ Историки спорят по сей день – был ли крах компании сознательным мошенничеством или стечением обстоятельств. Не будучи специалистом, я решил не вдаваться в подробности этого дела – в нашем случае мнение об этом банкротстве современного ему общества Британии важнее реальной подоплеки случившегося.

общества; а потому кое у кого из тех, кто почитал это своей прямой обязанностью, возникло намеренье остановить победное шествие нашего героя; в частности, один ученый судья, великий враг величия этого рода, добился введения в один из парламентских актов оговорки, представлявшей собою ловушку для Уайлда, в которую он вскоре и попался. По новому закону *плут* мог привлекаться к уголовной ответственности за свершение кражи чужими руками. Закон был так тонко

Джон Гэй, поэт и драматург,
автор «Оперы нищего»

рассчитан на сокрушение всякого величия на путях *плутовства*, что нашему герою поистине невозможно было от него уйти»¹.

Действительно, именно в это время (и, возможно, в связи с описанным инцидентом) суды начали карать не только непосредственных исполнителей преступления, но и организаторов, из тех, кто, подобно Уайльду, стремился загрести жар чужими руками.

Судебный процесс над Джонатаном Уайльдом затянулся надолго, в ходе его всплыли многие подробности деятельности «генерала вороловов» и его организации. 15 мая 1725 года суд вынес ему смертный приговор. 24 мая Уайльд был казнен. Накануне казни он пытался покончить с собой, выпив настойку лауданума, но остался жив. На виселицу его, находившегося в полубессознательном состоянии, тащили под руки. Вместе с Уайльдом были казнены три его «капитана».

¹ Г. Филдинг. История покойного Джонатана Уайльда Великого / Пер. Н. Вольпин // Г. Филдинг. Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1989. — С. 233.

**Томас Уокер, первый исполнитель роли
«Капитана Макхита» в спектакле «Опера нищего»**

Тело казненного тайно похоронили во дворе церкви Сент-Панкрас, рядом с могилой его третьей жены Элизабет Манн, умершей в 1718 году (он просил об этом перед смертью). Могила в церкви не стала местом последнего упокоения Уайльда. В 1749 году его тело эксгумировали и продали Королевскому хирургическому колледжу. Но об этом читателю уже известно.

Среди деятелей культуры, обессмертивших имя Джонатана Уайльда, был выдающийся английский писатель Генри Филдинг. В 18-летнем возрасте Филдинг стал свидетелем казни «генерала вороловов». Спустя восемнадцать лет, в 1743 году, увидела свет повесть (иногда ее называют первым романом писателя) «История жизни покойного Джонатана Уайльда Ве-

ликого» (выше я уже цитировали эту книгу). Повесть обрела большую популярность, в том числе и в России: произведение Филдинга было переведено Иваном Сытенским и издано под названием «Деяния господина Ионафана Вилда Великого». О популярности его свидетельствует, например, тот факт, что выдающийся русский военачальник А.В. Суворов любил цитировать выражение из этой книги, которое автор приписал своему герою (а возможно, подлинный Уайльд действительно говорил нечто подобное; во всяком случае, Филдинг подает афоризмы своего героя как подлинные слова): «Достоинной императорской раб в умеренности заслуг не терпим; хорошо когда скоро; но правило Ионафана Великого отлагати мщение до удобного времени»¹, — и восхищался стратегической мудростью «генерала вороволовов».

Вообще же правила Джонатана Великого в изложении Филдинга запоминаются — они действительно афористичны:

«1. Никогда не причиняй другому больше зла, чем это необходимо для осуществления твоих намерений: ибо зло слишком дорогая вещь, чтобы им бросаться зря.

2. Не делай различия между людьми по склонности к ним; с равной готовностью приноси любого в жертву личному своему интересу.

3. Никогда не сообщай о деле больше, чем нужно знать лицу, которому поручается его исполнить.

4. Не доверяй тому, кто обманул тебя, ни тому, кто знает, что обманут тобой.

5. Не прощай ни единого врага, но будь осторожен в мести, а зачастую и медлителен.

6. Сторонись бедного и горемычного, держись как можно ближе к влиятельному и богатому.

7. Сохраняй на лице и в осанке неизменную важность и во всех обстоятельствах строй из себя мудреца.

8. Разжигай между участниками своей шайки вечную зависть друг к другу.

---

¹ А.В. Суворов. Письмо П.И. Турчанинову от 21.09.1778 г. // А.В. Суворов. Письма. — М.: Наука (Литературные памятники), 1986. — С. 52.

9. Никогда никого не награждай в полную меру заслуги; но неизменно при этом внушай, что награда выше ее.

10. Все люди – подлецы или глупцы, а чаще всего и то и другое вместе.

11. С добрым именем, как с деньгами, приходится разлучаться или, по меньшей мере, рисковать им, чтобы оно принесло владельцу выгоду.

12. Добродетели, как драгоценные камни, легко подделываются; в обоих случаях фальшивка служит к украшению того, кто в нее рядится, и лишь очень немногие обладают достаточным знанием или умением разбираться, чтобы отличить поддельную драгоценность от настоящей.

13. Многие погибли оттого, что зашли в мошенничестве недостаточно далеко; игрок может остаться в проигрыше, если не рискует в игре.

14. Человек кричит о своих добродетелях, как лавочник выставляет свой товар, – чтобы на них заработать.

15. Сердце – надлежащее место для ненависти, любовь же и дружбу носи на лице»¹.

Разумеется, интеллектуальный цинизм, характерный для этих правил (обнаруженных якобы в рабочем кабинете Уайльда после его ареста), присущ не скупщикам краденого, а птицам более высокого полета. Что и неудивительно: своей сатирой Филдинг, так же как до него Джон Гэй, метил отнюдь не в избалованного преступника. Истинной целью был глава правительства Р. Уолпол. Уолпола, как и Уайльда, называли «Великим человеком». Если в обществе в те времена произносили «Великий человек», присутствующие сразу понимали, что речь идет о премьер-министре. Тем комичнее оказывался эффект, когда после паузы шло имя «...Джонатан Уайльд».

И все-таки «История Джонатана Уайльда» содержит немало достоверных обстоятельств жизни и смерти Уайльда –

---

¹ Г. Филдинг. История покойного Джонатана Уайльда Великого / Пер. Н. Вольпин // Г. Филдинг. Избранные сочинения. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 274–275.

например, случай с часами, украденными Синерожим; сцена в суде; наконец, финал истории Джонатана Великого.

Интересен тот факт, что Филдинг интересовался делом Уайльда не только как писатель-сатирик и активный политик, но и как один из творцов современной правоохранительной системы Великобритании. Именно Генри Филдинг, будучи судьей, в 1749 году организовал первое профессиональное подразделение лондонской уголовной полиции, получившее поначалу на-

**Писатель и юрист
Генри Филдинг**

смешливое название «Бегуны с Боу-стрит» или «красногрудые» (по цвету выданных им в качестве униформы красных жилетов). Благодаря судье Филдингу нечистых на руку «вороловов» сменили государственные служащие. Первоначально подразделение насчитывало всего лишь шесть человек. От «вороловов» они отличались тем, что находились на службе городских властей и платили им городские власти из бюджета, который выделялся правительством. «Бегуны» работали по заданию Филдинга и под его контролем, а находилась резиденция судьи по адресу Боу-стрит, 4 (отсюда и название). Эти полицейские не занимались патрулированием, но задерживали преступников от лица городских властей и имели право преследовать их по всей Британии. Возглавил новую службу Сондерс Уэлч, бывший бакалейщик, выбранный главным констеблем Холборна. Сотрудников он отбирал из тех бывших констеблей, которые готовы были пройти обучение законам и выполнять работу. Разумеется, на создание государственной альтернативы скомпрометировавшего себя института «вороловов» Генри Филдинга подвигла не только скандальная история Джонатана Уайльда. Но и это громкое дело сыграло немаловажную роль.

Слепой судья сэр Джон Филдинг, организатор первой регулярной уголовной полиции – «Бегунов с Боу-стрит»

Когда Филдинг ушел в отставку с поста судьи в 1754 году, его сменил младший брат Джон Филдинг, на протяжении четырех лет бывший его помощником. Несмотря на серьезные физические недостатки (он был слепым от рождения), Джон Филдинг по прозвищу Слепой Судья с Боу-стрит, превратил организованное его старшим братом подразделение в первую по-настоящему эффективную полицейскую службу Лондона, позднее дополнив ее конными патрулями. Слепой судья с Боу-стрит и его «бегуны» фигурируют в историческом детективе Джона Диксона Карра «Бесноватые», действие которого разворачивается в 1757 году. Кстати, среди действующих лиц там имеются и «вороловы».

Филдинговское детище просуществовало девяносто лет. Его расформировали в 1829 году в связи с реформами премьер-министра Роберта Пиля, основавшего в Лондоне муниципальную

полицию. Эти полицейские немедленно получили презрительно-насмешливое наименование «бобби» — по имени основателя. «Бобби» сменили на лондонских улицах «красногрудых».

ВЕРНИ ДОЛГ ПО-ХОРОШЕМУ!

«...В то время занятие мое было мне в новинку. Мой опыт насчитывал менее чем два года, и я еще постигал секреты профессии. В последний раз я выходил на ринг около пяти лет назад, тогда мне было двадцать три года. Когда моя карьера столь трагично закончилась, я находил разные способы заработать себе на жизнь или, правильнее было бы сказать, на пропитание. Не могу гордиться большинством из этих способов, но они меня научили многому из того, что оказалось полезным впоследствии. Одно время я служил по найму на судне, которое курсировало между южным побережьем Англии и Францией, но судно это, как догадался мой проницательный читатель, не принадлежало флоту его величества. После того как капитана судна арестовали за контрабанду, я сменил несколько профессий и занимался даже, стыдно признаться, тем, что грабил дома и промышлял разбоем на большой дороге. Подобные виды деятельности полны романтики, но едва ли прибыльны, и к тому же надоедает постоянно видеть своих друзей с петлей на шее. Поэтому я поклялся себе, что вернусь в Лондон и буду искать честный способ зарабатывать на жизнь...»¹

Так начинается роман «Заговор бумаг» Дэвида Лисса, один из самых примечательных исторических триллеров, написанных в последнее время. Занятие, о котором тут говорит главный герой, делает его коллегой рассмотренных выше персонажей: повествование в «Заговоре бумаг» ведется от лица охотника за ворами — «воролова». Зовут его Бенджамен Уивер, и прежде, чем ступить на путь профессионального борца с преступностью,

---

¹ Д. Лисс. Заговор бумаг / Пер. И. Нелюбовой. — СПб.: Азбука-классика, 2006. — С. 23.

он прославился как столь же профессиональный боксер по прозвищу Лев Иудеи. В юности его звали Бени Лоренцо, он происходил из семьи евреев-сефардов, бежавших из Испании в Англию от преследований инквизиции. Отсюда и его спортивное прозвище. Действие же романа разворачивается вокруг уже упоминавшегося банкротства «Компании Южных морей». Что же до действующих лиц, то вот уже хорошо известный джентльмен:

Даниэль Мендоза на ринге

«К тому времени, о котором я веду свой рассказ, подобных заказов почти не стало, так как в роли лучшего охотника за ворами прославился отъявленный мошенник по имени *Джонатан Уайльд*. Для многочисленных жертв грабежа Уайльд был просто волшебником: он мог разыскать едва ли не любого вора в Лондоне и вернуть владельцам едва ли не любую украденную вещь...»¹ [Курсив мой. – Д. К.].

¹ Д. Лисс. Заговор бумаг / Пер. И. Нелюбовой. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 28

Коль скоро и центральное событие подлинное, и среди героев – реальные лица, уместно задаться вопросом о подлинности главного героя – бывшего спортсмена, ставшего «вороловом». В романе он отличается от своих коллег-конкурентов честностью и благородством. Но существовал ли такой человек в действительности?

Дэвид Лисс понимал, что этот вопрос читатели зададут непременно, и в послесловии к своему роману на него ответил:

Даниэль Мендоза

«Такого человека, как Бенджамин Уивер, в реальности не было, но на создание этого персонажа меня вдохновили мемуары Даниэля Мендозы (1764–1836), который приписывает себе изобретение того, что он назвал «научным методом бокса», и который позднее стал профессиональным сборщиком долгов»¹.

Как видим, прототип Бенджамена Уивера-Лоренцо жил гораздо позже и конкурировать с Джонатаном Уайльдом не мог. Но многое в характере и биографии героя «Заговора бумаг» и следующего романа «Ярмарка коррупции» действительно почерпнуто из воспоминаний Даниэля Мендозы, написанных в 1810 году и впервые опубликованных в 1816-м. Кто же такой Даниэль Мендоза и какое отношение имеет он к теме нашей книги?

Даниэль Мендоза родился 5 июля 1764 года в семье Абрахама Мендозы, еврея, эмигрировавшего из Португалии в Британию, спасаясь от религиозных преследований. Жизнь в одном из самых опасных районов Лондона сделала его превосходным кулачным бойцом, несмотря на малый рост и вес. В 1792 году Мендоза выиграл поединок на чемпионское звание

¹ Там же. – С. 634.

и удерживал за собой этот титул в течение почти четырех лет. Он стал первым евреем – чемпионом Англии в этом виде спорта. В 1795 году Мендоза проиграл бой претенденту и ушел с ринга. Дважды он пытался вернуться в спорт и вновь стать чемпионом. В последний раз Мендоза вышел на бой с чемпионом в возрасте 56 лет. Его противником был Том Оуэн. Бой закончился неудачно, и Мендоза окончательно оставил бокс. Не выступая сам на ринге, он много занимался подготовкой молодых боксеров и даже написал книгу «Искусство бокса», в которой впервые уделил место таким важным составляющим подготовки спортсмена, как специальная диета и освоение тактики нападения и защиты.

«А вот резкие черты Дэна Мендозы, еврея, который незадолго до того покинул ринг; он прославился изяществом и ловкостью приемов, и они непревзойдены по сей день»¹. Таким предстает этот человек в историческом романе Артура Конан Дойла «Родни Стоун».

Но увы! Мендоза был классным спортсменом и замечательным тренером. А вот бизнесменом оказался никудышным. Пробовал все на свете, вплоть до выступлений в театральной пантомиме. Пытался освоить и куда менее безобидные с точки зрения закона профессии (контрабандиста, пирата, ростовщика). И то, что вымышленный Бенджамен Уивер говорит о своей жизни по завершении спортивной карьеры, вполне соответствует многочисленным занятиям, перепробованным в таких же обстоятельствах его реальным прототипом Даниэлем Мендозой.

Среди прочего Мендоза попробовал себя и на поприще «воролова». Правда, как верно пишет Лисс, бывший спортсмен специализировался не столько на розыске преступников или похищенного, сколько на преследовании несостоятельных должников и выбивании долгов. Выбивании – в прямом смысле слова.

Но и это занятие особых дивидендов ему не принесло. Мало того, в конце жизни и сам Даниэль Мендоза оказался

---

¹ А. Конан Дойл. Родни Стоун / Пер. Р. Облонской и Н. Галь // А. Конан Дойл. Собрание сочинений в 14 т. – Т. 8. – М.: Терра, 1998. – С. 369.

в роли гонимого и преследуемого такими же специалистами по несостоятельным должникам. Он окончил жизнь в сентябре 1836 года в долговой тюрьме, куда попал после очередной неудачной попытки наладить бизнес. Мендозу похоронили на еврейском сефардском кладбище, а в 1970 году, когда земля старого кладбища понадобилась для расширения Королевского колледжа, останки великого боксера, вечного должника и профессионального выбивателя долгов были перезахоронены в общей могиле в Эссексе.

НА ДРУГОМ КРАЮ ЕВРОПЫ

Потомки назвали его почему-то «русским Картушем», сравнивая с прославленным французским вором XVIII столетия. Между тем, по своим деяниям этот «русский Картуш» был значительно ближе к Джонатану Уайльду «Великому». Можно сказать, русский собрат и коллега знаменитого «генерала вороловов».

А звали его Иваном Осиповым, хотя куда большую известность он приобрел под кличкой Ванька Каин. Он родился в 1718 году и был крепостным крестьянином богатого купца Павла Дмитриевича Филатьева. Если верить его «Автобиографии» (так же, как подобные сочинения в Англии, она, конечно же, принадлежала перу не самого Осипова-Каина, по всей видимости, неграмотного, а какого-то профессионального литератора), преступные склонности у него проявились достаточно рано — равно как и изобретательность в кражах и мошенничествах. Поначалу Осипов воровал в хозяйском доме по мелочам, в соседских домах. Добычу его составляли неприбранные оловянные тарелки, медная посуда, украденные в ближних дворах куры да утки. Украденое он сбывал в Охотном ряду, где многие лавочники не брезговали скупкой и продажей похищенных вещей. На вырученные деньги Иван кутил в кабаках, иной раз не возвращаясь домой по несколько дней.

В кабаке же он и познакомился с неким отставным матросом (или солдатом) Петром, работавшим на парусной фабри-

Ванька Каин (И. Осипов)

ке и отзывавшимся на кличку Камчатка. Вместе они сговорились ограбить осиповского хозяина Филатьева: Осипов похвалялся, что знает, где его хозяин прячет добро, и может вскрыть замки заветного сундучка. Задуманное было выполнено с той наглостью, виртуозностью и, если можно так выразиться, воровской иронией, которые в дальнейшем отличали нашего героя.

Дождавшись, пока Филатьев и все домашние уснули, Осипов извлек из тайника заранее приготовленные инстру-

менты, проник прямо в господскую спальню, где буквально в две секунды вскрыл заветный сундучок, извлек оттуда значительную часть денег (но не все), переделся в господское платье и выбрался наружу, где у ворот ожидал его сообщник. Здесь Осипов (если верить его биографии и основанной на ней лубочной повести Матвея Комарова) оставил у ворот записку: «Пей воду, как гусь; ешь хлеб, как свинья; а работай у тебя черт, а не я»¹. Этот красочный штрих, по всей видимости, легенда: как уже было сказано, Осипов был неграмотным и никакой записки оставить не мог. В то же время, судя по воспоминаниям о нем, дерзкий преступник действительно отличался любовью к красному словцу, эффектному и афористичному.

Опасность двум отчаянным ворам грозила при прохождении специально созданных рогаток и караульных будок, по ночам перекрывавших дороги из одной части Москвы

¹ М. Комаров. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина // Ванька Каин. — М.: Эксмо (Русская классика), 2008. — С. 286.

в другую: караульные непременно останавливали подозрительных ночных странников. Чтобы избавиться себя от этой опасности, изобретательные Осипов и Камчатка совершили еще одно преступление. Обманом проникнув в дом священника, жившего по соседству с Филатьевым, они сменили здесь одежду: Осипов обрядился в священническую рясу, а Камчатка — в полукафтаны дьячка; стоявшим у городских рогаток караульным преступники объясняли, что торопятся на соборование умирающего, и так беспрепятственно выбрались из той части Москвы, в которой жил Филатьев, и оказались в Китай-городе. Здесь они примкнули к воровскому сообществу, обитавшему «под Каменным мостом». Так началась полноценная преступная карьера Ивана Осипова. А вскоре случилась история, после которой за ним и закрепилась кличка Ванька Каин.

Осипова узнали на улице люди его бывшего хозяина и тут же схватили. Купец посадил грабителя на цепь у столба, врытого посреди двора. Вот тогда-то одна дворовая девка, вынесшая Осипову попить, шепнула ему, что на днях в доме случилось страшное дело, заставляющее самого Филатьева и его людей дрожать от страха. Оказывается, слуги купца в пьяной драке убили какого-то солдата. От тела избавились, выбросив его в колодезь. Девка сообщила Осипову все подробности, о которых знала. Пойманому только того и надо было. Дождавшись, когда во дворе появились позванные купцом полицейские, он громко воскликнул:

— Слово и дело государево!

Согласно указу 1649 года, эта фраза означала, что выкрикнувший ее желает сделать донос о государственном преступлении. Особое распространение такие доносы получили при Петре I и его преемниках. Слышавшие этот возглас чиновники немедленно забрали Осипова в Сыскной приказ (как называлась в России XVII–XVIII веках служба уголовного розыска). Опасаясь, что секретарь сообщит о показаниях Осипова его бывшему хозяину, он, несмотря на угрозу телесного наказания, согласился изложить свой донос только графу Салтыкову — главе Московского сыскного приказа.

По словам Осипова, Филатьев «на сих днях убил в своем доме ландмилицкого солдата и, завернувши в рогожный куль, приказал бросить в сухой колодезь...»¹.

В своей автобиографии (написанной, впрочем, не им, но с его слов) Осипов пишет чуть иначе: «...Помещик мой ландмилицких солдат потчевал деревянными цепами, что рожь брюзжат, из которых один солдат на землю упал; то помещик мой, видя, что оный солдат по-прежнему ногами не встал, дождавшись вечера, завернул его в персидский ковер... и велел снести в сухой колодезь...»²

Тут следует внести некоторую ясность для современного читателя. Избиение, а тем более, убийство солдат считалось в те времена тяжким, но, главное, *государственным* преступлением. Поскольку солдат считался «государевым человеком», должностным лицом. Что там произошло в действительности, с чего вдруг богатый купец и его слуги учинили кровавую расправу над «государевыми людьми», мы сегодня сказать не можем. Речь в доносе идет о солдатах «ландмилицких». Ландмилицкие полки представляли собой особый род нерегулярных и полурегулярных войск, существовавший в России со времен Петра I и до 1807 года, когда ландмилиция была упразднена. Ее личный состав формировался из так называемых однодворцев – беднейших дворян, лично независимых, не перешедших в крестьянское сословие, но вынужденных заниматься земледелием. В то же время обычные полки набирались из бывших крепостных. Нередки были случаи, когда в ландмилицкие полки записывались беглые крестьяне, скрывавшие свое происхождение. Возможно, в данном случае мы имеем дело с чем-то подобным – например, Филатьев мог узнать в ландмилицком солдате беглого своего крепостного. Могли быть и какие-то счеты между дворовыми людьми купца и ландмилицкими солдатами, приведшие к драке с роковыми последствиями.

---

¹ Указ. изд. – С. 290.

² Д. Мордовцев. Ванька Каин. Исторический очерк / Д. Мордовцев. В. Каин // Царь Петр и правительница Софья / Царь и Гетман. – М.: Планета, 1994. – С. 20.

Так или иначе, купец и его люди были арестованы. В высохшем колодце посередине Филатьевского двора действительно обнаружился труп умершего от побоев солдата. Арестованным предъявили серьезнейшее обвинение в государственном преступлении.

Филатьеву удалось доказать непричастность к убийству; дворовых же приговорили к различным видам наказания. Что до доносчика, то его отпустили с миром, и он благополучно вернулся к ворам и грабителям в Китай-город. С той поры он и начал прозываться Ванькой Каином. То ли из-за доноса, то ли из-за особой изворотливости, хитрости и жестокости, с которой совершал преступления. Вскоре он перебрался из Москвы на Волгу, примкнул к шайке разбойничьего атамана Михаила Зори, затем вновь вернулся в Москву.

Перечислять его уголовные подвиги я не буду, поскольку нас интересует другая деятельность этого персонажа.

Она началась вскоре после восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра Великого. Случилось это знаменательное событие 25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота. Коль скоро политические преступления (а тут они, безусловно, имели место) не являются предметом нашего рассмотрения, я опущу подробности. Отметим лишь, что среди указов, подписанных новой императрицей в самом начале царствования, 15 декабря, появился и такой: «О Всемиловейшем прощении преступников и о сложении штрафов и начетов с 1719 по 1730 год».

Уже 27 декабря 1741 года в Сысской приказ добровольно явился наш герой. Объявив, к вящему удивлению служивших там чиновников, что он и есть тот самый знаменитый на Москве вор Ванька Каин, он предложил властям свои услуги в поимке грабителей, воров и прочих преступников в Москве и других местах, ему знакомых. Обо всем этом сохранился документ – протокол допроса Осипова-Каина (хранится в Российском государственном архиве древних актов), который вел копиист Сысского приказа Алексей Матвеев. Сам по себе документ чрезвычайно интересен. Вначале преступник кается в своих прегрешениях:

«...Я сим о себе доношением приношу, что я, забыв страх Божий и смертный час, впал в немалое погрешение: будучи в

Москве и в протчих городех, во многих прошедших годах машенничествовал денно и ночью, будучи в церквах и в разных местах, у господ, и у приказных людей, и у купцов, и всякого звания у людей из карманов денги, платки всякие, кошельки, часы, ножи и протчее вынимывал»¹.

Затем же он предлагает свои услуги – для чего, собственно, и явился:

«Товарищи, которых имена значит ниже сего в реестре, не токмо что машенничают и ис карманов денги и протчее вынимают, но уже я уведомился, что и вяще воруют и ездят по улицам и по разным местам, всяких чинов людей грабят и платья и протчее снимают, которых я желаю ныне искоренить, дабы в Москве оныя мои товарищи вышписанных продерзостей не чинили. А я какова чину человек, и товарищи мои, и где, и с за кем в подушном окладе написаны, о том всяк покажет о себе сам»².

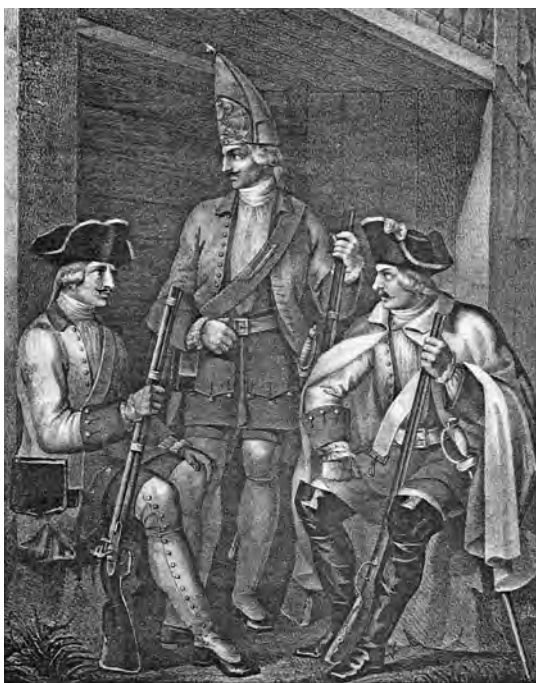
А чтоб чиновники не подумали, будто все это пустые слова, Каин тут же и перечислил имена и места проживания тридцати двух своих бывших подельников, среди которых упомянул и старого своего товарища и учителя Петра Камчатку. Как можно понять из его «доношения», мошенниками в России тогда называли не жуликов или аферистов, как в более поздние времена, а воров-карманников. Название это, по всей видимости, происходило от слова «мошна», то есть «карман», «кошелек». Соответственно, мошенник – тот, кто промышляет в мошнах.

Предложение было принято. Согласно хранящемуся там же рапорту («доезду») чиновника («протоколиста») Петра Донского, в ту же ночь солдатская команда под его начальством провела мощную облаву по адресам, указанным Ванькой Каином. Среди прочих арестованных (а их оказалось много больше первоначальных тридцати двух) схвачен был некий Алексей

---

¹ Д. Мордовцев. Ванька Каин. Исторический очерк // Д. Мордовцев. Ванька Каин / Царь Петр и правительница Софья / Царь и Гетман. – М.: Планета, 1994. – С. 41.

² Там же. – С. 42.

Нижние чины ландмилиции с 1736 по 1742 годы

Соловьев, отставной солдат и старинный друг-подельник Ваньки Каина. В отличие от Осипова, Соловьев владел грамотой. При нем обнаружались записки, содержавшие подробности лихих дел («...в понедельник взято в всевятской бане в вечеру 7 гривен... в четверг 50 коп., штаны васильковые; на кожаном мосту 16 алтын...»¹). А кроме того, здесь же был приложен список московских мошенников, среди которых значились Ванька Каин и Петр Камчатка! Историк Есипов по этому поводу высказал предположение, что список предназначался для доноса: Соловьев собирался идти той же дорогой, что и Ванька Каин, но Осипов опередил бывшего соучастника и коллегу. Пришлось Соловьеву идти в застенок — в то время, как Ивану Осипову присвоили звание доносителя Сысского приказа (сыщика) и дали в помощь воинскую команду.

¹ Там же. — С. 43.

Формально сыщик Осипов числился по Сыскному приказу, но за розыск и арест преступников Осипов получал плату, подобно английскому «воролову». Правда, суммы были, на взгляд бывшего разбойника, ничтожны: после первого эффектного появления на публике в качестве сыщика (а всего в ту первую ночь с его помощью были схвачены более полусотни уголовников) выдали новоявленному сыщику пять рублей. Понятно, что это не нынешние пять рублей, но для привыкшего к размаху Каина сумма показалась чуть ли не оскорблением. Возможно, на первых порах он и в самом деле намеревался порвать с прошлым. Во всяком случае, два года Осипов вел жизнь сыщика: доносил, арестовывал, организовывал сыск и слежку. Порою рисковал жизнью: бывшие товарищи вовсе не собирались мириться с предательством Каина, так что и нападали на него, и избивали. А начальству Сыскного приказа словно и невдомек было тяжелое положение энергичного сыщика. Наконец, спустя два года, в ноябре 1743 года Каин обратился в приказ с просьбой о погашении его долгов размере 12 рублей 40 копеек, которые Осипов задолжал в харчевнях за хлеб и другие продукты.

И в этом ему отказали. Вот тут-то, крепко задумавшись над своими перспективами, бывший мошенник, обратившийся в сыщика, занялся не борьбой с преступностью, а сколачиванием собственной криминальной империи. Было ему в то время всего 25 лет.

В создании преступной организации и ее руководстве размах Осипова-Каина намного превосходил размах Джонатана Великого. За минимальный срок он взял под покровительство едва ли не все воровские шайки, существовавшие в старой столице. Но этого было мало: энергии, ума и изворотливости Осипова (а еще и знания психологии современников) хватило на то, чтобы прибрать к рукам и «государевых людей», возглавлявших по роду службы борьбу с преступниками. Среди чиновников, прикормленных Осиповым, как впоследствии показало следствие, были не только мелкие сошки, но и важные люди: советник Воейков, сенатский прокурор Щербинин, граф Сергей Алексеевич Шереметев. О чиновниках пониже рангом, подьячих и начальниках военных команд я уж и не говорю.

Новоявленный борец с преступностью, подобно своему британскому коллеге, выдавал на расправу мелких воришек и тех, кто не желал ему подчиняться; прочие же творили свои дела совершенно безнаказанно, обогащая своего повелителя. Мало того, за возврат украденного имущества он выставял ограбленным такой счет, что они чувствовали себя ограбленными дважды. Когда, например, некий купец (чересчур скупой, видимо) за возвращение похищенных у него 4700 рублей выплатил Каину вознаграждение в 50 рублей, сыщик, не долго думая, спровадил прижимистого торговца в Сыскной приказ, где, избив и продержав в холодном погребе, отнял все возвращенное, да еще и пригрозил выгнать купца из Москвы.

Примерно с 1744 года Осипов стал настоящим хозяином Москвы – может быть, первым всемогущим повелителем преступного синдиката.

Особым промыслом Каина стало преследование раскольников, которых традиционно немало было в Москве и окрестностях. Он взимал с них огромные взятки за невыдачу властям.

В отличие от Уайльда или Шепарда, чьи уголовные карьеры были относительно краткосрочны, Ванька Каин управлял своей разбойной державой по 1749 год!

Разумеется, не все у него было гладко. Случались и доносы, и битье кнутом, и даже высылки. Но вскоре все возвращалось на круги своя. В столице складывалось впечатление, что московская администрация целиком подкуплена всесильным сыщиком. Чтобы хоть как-то справиться с ним, в Москву откомандировали из Санкт-Петербурга нового генерал-полицмейстера Татищева со специальной следственной комиссией. Этому в большой степени способствовали связи и богатство раскольников-скопцов: как уже было сказано, Каин их чрезвычайно притеснял и преследовал.

Комиссия действовала по июль 1753 года. Лишь тогда дело «русского Картуша» (или «русского Уайльда») передали в Сыскной приказ (полностью очищенный от соучастников преступлений). Здесь следствие велось еще два года. Наконец в 1755 году состоялся суд. Ванька Каин был приговорен к смертной казни. Сенат заменил приговор. Ванька Каин был выпорот кнутом,

на щеках и на лбу его были выжжены клейма. После этого ворасыщика отправили на каторгу в Рогервик — порт на Балтийском море. Видимо, там он вскорости и умер. Подробных сведений о смерти Ивана Осипова не сохранилось.

Матвей Комаров в своей книге, помимо подробного рассказа о разбойничьих подвигах героя, приводит и скрупулезный перечень тех преступников и шаек, которые были изловлены Иваном Осиповым в бытность последнего сыщиком. И этот список ничуть не менее внушителен. Привожу лишь часть его:

«...4. Переловил в селе Покровском разбойников же тридцать пять человек, которые разбивали [то есть ограбили] кашинского помещика Милитина.

5. Взял живущего подле Васильевского саду фабричного Андрея Скоробогатого с товарищи — всего семнадцать человек, которые делали фальшивые деньги, и еще по указанию оного Скоробогатого сыскал в Тверской ямской слободе вора с такими же воровскими деньгами.

6. Поимал воров — Алексея Журку с товарищи — четырнадцать человек, которые признались в покраже денег и пожитков у секретаря Чубарова и в других многих воровствах...»¹

И это лишь малая часть деяний Осипова-сыщика. Он отыскивал дезертиров и беглых рекрутов, возвращал богатым купцам украденные у них товары и векселя, выдавал на суд и расправу сектантов.

И одновременно, как полагают, многочисленные преступники именно под руководством и покровительством Ваньки Каина учиняли массовые поджоги в Москве в 1748 году, бесчинствовали на улицах и трактах, грабили и убивали.

Его размах, остроумие и разбойничья лихость настолько поразили воображение современников, что Ванька Каин стал любимым персонажем многочисленных легенд и историй. Ему даже приписали сочинение нескольких весьма популярных в XVIII веке «разбойничьих» песен. Вот одна из них:

---

¹ М. Комаров. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина // Ванька Каин. — М.: Эксмо (Русская классика), 2008. — С. 319.

Из-под лесу, лесу темного,
 Из-под чистого осинничку,
 Как бежит тут конь, добра лошадь,
 А за ней идет добрый молодец,
 Идучи, сам говорит ему:
 «Ты постой, постой, мой добрый конь,
 Позабыл я наказать тебе,
 Ты не пей воды на Дунай-реке,
 На Дунае девка мылася
 И совсем нарядилася,
 Нарядившись, стала плакати,
 А заплавав, сама молвила:
 “Или в людях людей не было,
 Уж как отдал меня батюшка
 Что за вора за разбойника,
 Как со вечера они советовались,
 Со полуночи на разбой пошли,
 Ко белу свету приехали”, –
 “Ты встречай, встречай, молода жена,
 Узнавай коня томленного”, –
 “Ах! Томленный конь – конь батюшкин,
 Окровавлено платье – матушкино,
 А золот веноч – милой сестры,
 А золот перстень – мила брата;
 Как убил он брата милого,
 Своего шурина любимого”»¹.

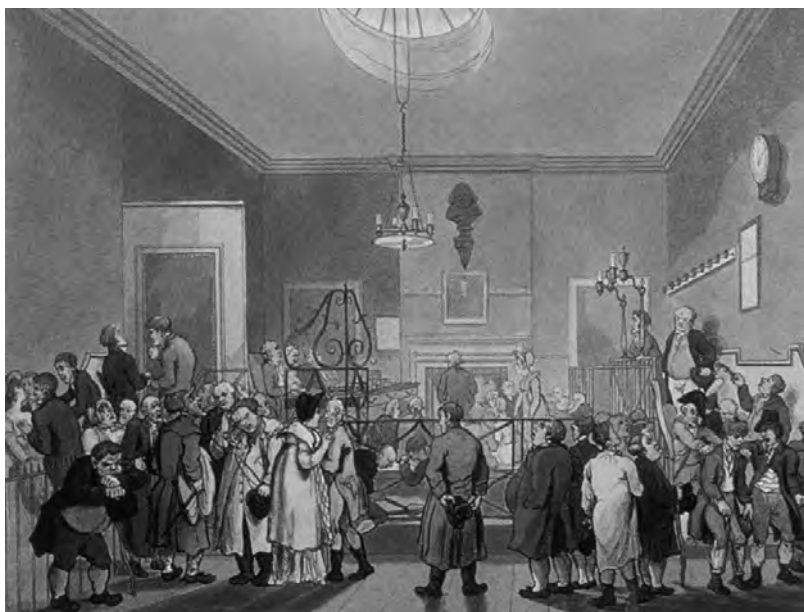
* * *

Вот так выглядели частные сыщики, а вернее, их предтечи образца XVIII столетия. Конечно, от Джонатана Уайльда или Ивана Осипова, одной рукой управлявших преступниками, а другой сдававших их полиции в случае необходимости, до благородного Шерлока Холмса или мудрого патера Брауна – «дистанция

---

¹ Там же. – С. 350.

огромного размера». Но ведь часто случается, что аристократические семейства ведут свое происхождение от разбойников с большой дороги или пиратов. Точно так же и частные сыщики XIX века являются прямыми потомками ничем не брезговавших «вороловов» XVII–XVIII столетий. От родословной никуда не денешься. Да и сами потомки далеко не сразу обрели лоск, позволяющий им появляться в аристократических салонах и даже королевских дворцах. И мало кто из реальных частных сыщиков первого, «героического» периода истории частного сыска походил на Шерлока Холмса. Хотя следует признать: этот литературный герой немало взял от своих прототипов.

«Бегуны с Боу-стрит»

Появившиеся стараниями слепого судьи Филдинга «бегуны с Боу-стрит» были не только государственными служащими. В каком-то смысле они наследовали часть деятельности «вороловов» — любого из полицейских новой службы можно было нанять для проведения частного расследования. В тогдашнем

обществе сохранялось подозрительное отношение к государственной полиции, и свои проблемы, связанные с преступностью, граждане предпочитали решать самостоятельно, но — с привлечением профессионалов сыскного дела. Некоторые «бегуны», выйдя в отставку, открывали частные конторы. Примечательно, что эти конторы никогда не назывались детективными — как правило, их называли информационными (справочными) бюро. Первоначально их деятельность не слишком отличалась от деятельности предшествовавших им «контор по розыску и возвращению похищенного и потерянного имущества», как называли свои фирмы некоторые «вороловы». И объявления, которые печатали в газетах первые частные сыщики, порой не отличались от объявлений, публиковавшихся в «Дейли каррент» Джонатаном Уайльдом со товарищи. В обществе деятельность «красногрудых» вызывала большей частью критические отзывы. Например, очерк «Сыскная полиция» Чарльз Диккенс начинает так:

«Мы отнюдь не из тех, кто свято верил в старую полицию с Боу-стрит. Сказать по правде, мы полагаем, что репутация у этих господ была дутая. Помимо того, что иные из них были людьми очень невысокой нравственности и слишком привыкли иметь дело с ворами и другими подонками, — в обществе они при каждом удобном случае напускали на себя таинственность и не в меру важничали. Неизменно находя поддержку в неспособных судьях, заботившихся об одном — как бы скрыть свое бессилие, и располагая перьями тогдашних борзописцев, они сделались героями легенды. И хотя там, где требовалось предотвратить преступление, полиция всегда оказывалась совершенно беспомощной, а в деле сыска — распущенной, ненадежной и неповоротливой, многие по сей день верят в эту легенду о ней»¹.

Среди «бегунов с Боу-стрит», ставших впоследствии частными сыщиками, можно назвать, например, Генри Годдарда.

---

¹ Ч. Диккенс. Сыскная полиция / Пер. Н. Вольпин // Ч. Диккенс. Собр. соч. в 30 тт. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957–1963. — Т. 19. — С. 349.

В историю криминалистики он вошел в 1835 году, когда раскрыл убийство, впервые доказав, что роковая пуля, поразившая жертву, выпущена из пистолета, который принадлежал подозреваемому. На пуле Годдард обнаружил небольшой выступ, а в жилище подозреваемого при обыске нашел форму для литья свинцовых пуль, имевшую углубление, точно совпадавшее с выступом на пуле. Потрясенный уликой владелец формы тут же сознался в преступлении. Казалось бы, что тут сложного – установить индивидуальные особенности на пуле? Тем более, так явно бросающиеся в глаза? Однако до Годдарда никто не обращал внимания на это¹. Юрген Торвальд в «Веке криминалистики» пишет:

«Сам того не ведая, Годдард стал предшественником многочисленных оружейников и полицейских, шарлатанов и настоящих исследователей, которые на протяжении жизни нескольких поколений создавали новые методы раскрытия преступлений, совершаемых с помощью огнестрельного оружия, – те самые методы, которые в первой половине XX в. вошли, подобно судебной медицине или токсикологии, в научную криминалистику и получили название «судебной баллистики» или «науки об огнестрельном оружии и боеприпасах»².

Самое удивительное то, что «вороловы» не исчезли полностью и не трансформировались в более привычных нам частных детективов. Эта профессия дожила до сегодняшнего дня – правда, не в Старом Свете, а в Новом, не в Великобритании, а в Соединенных Штатах Америки. Здесь по сей день существует институт так называемых охотников за головами («Bounty Hunter», дословно – «охотник за вознаграждением»).

---

¹ Есть сведения, что первую подобную экспертизу на несколько десятилетий раньше провел Эжен-Франсуа Видок (см. следующую часть настоящей книги). Однако в связи с отсутствием точных документированных доказательств у историков есть сомнения в его приоритете.

² Ю. Торвальд. Век криминалистики Пер. И. Власова и Л. Пэка. – М.: Проспект, 2009. – С. 280.

Интерлюдия первая

АФИНЫ, СМЕРТЬ КАЗАНОВЫ

В 402 году до н. э. Афины были взбудоражены страшным событием – жестоким убийством некоего Эратосфена, молодого и знатного афинянина. Убийцу звали Евфилет, и он являл собою полную противоположность убитому: незнатен, не очень молод, земледелец, всю жизнь проводивший в поле. Причиной убийства стало сластолюбие Эратосфена: молодой человек соблазнил жену Евфилета. Обманутый муж, случайно узнавший об этом, ворвался в спальню жены, когда та принимала любовника, и убил последнего.

Поначала этим все и должно было закончиться: согласно существовавшему тогда закону, муж имел право убить любовника жены, если заставал того на месте преступления, а именно в семейной спальне. Закон этот уже в V веке до н. э. считался анахронизмом. Как правило, соблазнитель отделялся денежным штрафом или позорным, но не опасным для жизни наказанием. Такая крайняя форма мести, как лишение жизни оскорбленным мужем, практически не применялась. Но и отменен варварский закон не был. Поэтому убийство сошло бы Евфилету с рук, если бы не родственники Эратосфена. Они возбудили против убийцы судебный процесс, утверждая, что Эратосфен не сам пришел в дом Евфилета, а хозяин вероломно заманил его именно для того, чтобы безнаказанно убить ничего не подозревавшего Эратосфена. Причины подобного поступка истцы объясняли очень смутно – мол, Евфилет то ли боялся каких-то разоблачений, которые будто бы мог сделать убитый, то ли между ними имела место давняя вражда, то ли ответчик намеревался из убийства лжераспутника извлечь какую-то korzyсть. Так или иначе, суд принял иск к рассмотрению.

Судебный процесс в Афинах того времени представлял собою ораторское состязание между истцом и ответчиком. Причем выступать они должны были сами, не передавая своих ролей нанятым обвинителям и защитникам. В связи с этим в Афинах обрела популярность профессия *логографа* – «писателя речей». Логографы принимали заказы на сочинение обвинительных и защитных судебных выступлений. При этом от них требовались, естественно, знание законов, владение основами ораторского мастерства, а в еще большей степени – способность разжалобить судей и добиться благожелательного их отношения к своему заказчику (неважно, обвинителю или обвиняемому). Один из самых известных логографов Дионисий Галикарнасский писал: «Когда судьи и обвинители – одни и те же лица, необходимо проливать обильные слезы и произносить тысячи жалоб, чтобы быть с благожелательностью выслушанным»¹. И «писатели речей» соревновались в умении выжать у судей больше слез. Профессия со временем стала не только популярной, но и прибыльной, так что известные ораторы Лисий, Демосфен, Исократ, Дионисий Галикарнасский не гнушались такой возможностью заработка. В то же время, как справедливо отмечал переводчик речей Лисия на русский язык академик С.И. Соболевский, уважением сограждан логографы не пользовались: слишком уж далеки были их аргументы от объективной картины тех или иных преступлений. В России много позже существовала поговорка, несколько раз цитируемая Достоевским: «Адвокат – нанятая совесть». К афинским логографам она применима в не меньшей, а то и в большей степени, чем к их будущим коллегам. Частенько случалось, что один и тот же умелец писал речь как обвинителю-истцу, так и обвиняемому-ответчику. Какая уж тут объективность!

Нельзя сказать, что презрительное отношение к логографам было справедливым на все сто процентов. Встречались и специалисты, которые не довольствовались использованием беспроектных ораторских приемов и битьем на жалость,

---

¹ Цит. по реферату «Античное ораторское искусство»: <http://www.orator.ru/referats.html>.

но проводили самое настоящее предварительное расследование: находили свидетелей и опрашивали их, при необходимости даже посещали место преступления, собирали информацию о личности жертвы и подозреваемого и так далее. И уже на основе этих сведений составляли полноценную защитительную речь, включающую и показания свидетелей, и даже перекрестные допросы. Так что таких логографов можно с полным на то основанием назвать частными сыщиками, предшественниками любимых героев современной приключенческой литературы. Но, повторяю, главной целью логографа было все-таки не воссоздание объективной картины преступления (как для детективов более поздних времен), а выполнение заказа обвинителя или обвиняемого.

Вернемся к нашему процессу. Родственники Эратосфена обвинили Евфилета в предумышленном убийстве, никак не связанном с соблазнением жены земледельца; Евфилет же должен был доказать, что действовал исключительно в соответствии с устаревшим, но, несмотря на это, все еще действующим законом.

Евфилет заказал защитительную речь одному из лучших афинских логографов – Лисию. Эта речь дошла до нас почти полностью. Она и сегодня поражает не только живостью интонации, меткими психологическими характеристиками и безупречной логикой, но и скрупулезной проработкой деталей, которая, безусловно, могла появиться только в результате добросовестно проведенного предварительного расследования (хотя, как я уже говорил, расследование не являлось целью логографа). Благодаря речи, написанной Лисием, мы сегодня можем восстановить полную картину этого убийства.

Итак, однажды к земледельцу Евфилету пришла некая старуха и рассказала, что его жена обзавелась сердечным дружкой, неким Эратосфеном из дема¹ Эи. Этот самый Эратосфен,

---

¹ Дем – территориальный округ в Древней Аттике, основная политическая и административная единица. Демы были составной частью так называемых фил. В V веке до н.э., к которому относятся описываемые события, число аттических дем достигало 150.

по словам старухи, был известен как профессиональный соблазнитель. Евфилет позже узнал, что хозяйка старухи тоже оказалась жертвой сластолюбца и, чтобы отомстить, подослала старую служанку раскрыть глаза обманутому мужу. Евфилет немедленно вспомнил о некоторых подмеченных им подозрительных деталях в поведении жены: неожиданных отлучках, чрезмерном увлечении притираниями для кожи лица и краской для век и ресниц (сам он частенько работал в поле, возвращаясь очень поздно, а то и оставаясь ночевать вне дома).

Евфилет пригрозил служанке своей жены, что сошлет ее в деревню на мельницу (самая тяжелая из всех сельскохозяйственных работ того времени), если та не расскажет ему чисто-сердечно об измене хозяйки. И несчастная рабыня рассказала хозяину, что, действительно, к той регулярно в отсутствие мужа наведывается молодой знатный господин по имени Эратосфен. Обманутый муж принял решение захватить распутника на месте преступления.

Каким образом? Вот что об этом рассказал на суде сам Евфилет:

«Когда служанка кончила [свой рассказ. — Д.К.], я сказал: “...Смотри, чтоб ни одна душа не узнала об этом. <...> Я хочу, чтобы ты доказала мне это на месте преступления. Слов не надо, но раз дело обстоит именно так, нужно, чтобы преступление было очевидным”»¹.

Как видим, Евфилет был человеком основательным и серьезным, как и подобает греческому земледельцу. И за это дело он взялся с той же основательностью, с какой обрабатывал свое поле. При этом, как всякий человек, занимавшийся тяжелым физическим трудом, он отличался терпением и выдержкой. Узнав в нужный момент от служанки, что любовники в очередной раз встретились, он не бросился тотчас в спальню с криком: «Умрите, прелюбодеи!» Вовсе нет.

«Я велел служанке следить за дверью, <...> молча спустился вниз и вышел из дома. Я заходил к одному, к другому: одних

---

¹ Лисий. Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена / Пер. С. Соболевского // Лисий. Речи. — М.: Ладомир, 1994. — С. 50.

не застал дома, других, как оказалось, не было в городе. <...> Взяв с собой сколько можно было больше при таких обстоятельствах людей, я пошел...»¹

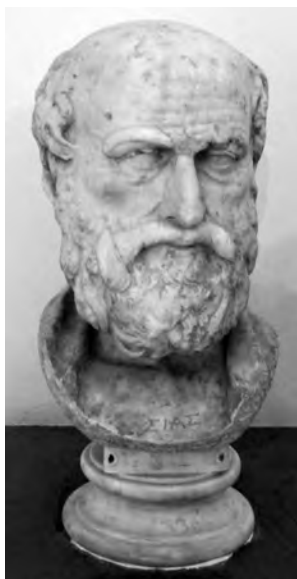
Словом, во главе целой толпы знакомых обманутый, охваченный праведным гневом муж ворвался в спальню собственной жены, где неверная нежилась в объятиях сластолюбца Эратосфена. Можно представить себе ужас любовника, которого застали *in flagrante delicto*². Он бросился к выходу (непонятно, на что рассчитывая), но был сбит с ног сильным ударом, нанесенным ему хозяином дома. Евфилет тут же ловко скрутил Эратосфена, после чего тот вину свою немедленно признал (а куда денешься – при такой-то толпе свидетелей?) и только умолял не убивать его, а взять деньги. Но Евфилет был горд и неумолим: «Не я убью тебя, но закон нашего государства; нарушая закон, ты поставил его ниже твоих удовольствий...» После чего в присутствии все тех же свидетелей выполнил то, что считал торжеством закона, – убил распутника.

Излагая все это в суде, Евфилет сопровождал рассказ о самом убийстве множеством красочных деталей, касавшихся как поведения презренного Эратосфена, так и ветреной своей половины. Правда, нигде не сказал о наказании, которому была подвергнута неверная мать его детей (по закону он мог делать все, что захочет, – и казнить, и миловать, суду не было до этого никакого дела). Затем ответчик потребовал зачитать закон, что и было исполнено, после чего вызвал одного за другим свидетелей происшествия. Свидетели подтвердили сказанное. В результате убийца был оправдан. Во всяком случае, таково мнение современных историков.

Можно сказать, что Лисий блестяще справился с заказом – об этой речи уже его современники (например, Дионисий Галикарнасский) говорили как о блестящем образце судебной риторики, подчеркивая чистоту аттической речи. Нынешнему читателю перевода это оценить трудно. А вот отметить тот факт, что Лисий прекрасно улавливал различие в психологии

¹ Там же. – С. 51.

² С поличным, на месте преступления (*лат.*).

**Афинский оратор
и логограф Лисий. Ок.
445 г. – 380 г. до н. э.**

представителей разных общественных слоев и в данном случае блестяще вжился в роль не очень образованного, простоватого крестьянина, можно и в переводе. Не случайно нынешние историки (в частности, уже упоминавшийся академик С.И. Соболевский) отмечают, что речь для Евфилета была написана Лисием «с особой любовью».

Меня же, признаться, заинтересовали некоторые странности, связанные как с этим делом, так и с личностью истинного героя событий — Лисия. Чтобы попробовать их понять и развеять туман вокруг этого уголовного дела, познакомимся вкратце с биографией автора защитительной речи.

Лисий и его старший брат Полемарх родились в Афинах в семье Кефала, богатого торговца из Сиракуз, переселившегося в Афины по приглашению Перикла. Однако впоследствии в совсем еще юном возрасте он и его брат перебрались в южноитальянскую колонию Фурии. В 412 году до н.э. они вернулись в Афины. Время было весьма беспокойным — шла Пелопоннесская война между Афинами и Спартой. Она закончилась поражением Афин и воцарением проспартанской олигархии, известной под названием Тирания Тридцати (или просто Тридцать тиранов). Для братьев наступила весьма тяжелая пора. Они представляли собой удобные мишени для преследований со стороны власти: убежденные сторонники поверженной демократии, очень богатые и при этом — не полноправные граждане, метеки, как их называли в Афинах. Неудивительно, что Лисий и Полемарх в числе десяти богатых метеков были объявлены вне закона. Лисию удалось бежать; Полемарх же был арестован и казнен, а все имущество братьев тираны конфисковали.

Тирания Тридцати просуществовала всего лишь год — с 404 по 403 год до. н. э. Сразу после ее падения и восстановления демократии Лисий вернулся в Афины. И первым громким деянием его стал судебный иск против одного из тиранов, которого Лисий считал лично виновным в гибели Полемарха.

Этого бывшего тирана звали Эратосфен. Речь, произнесенная Лисием в суде, стала первой написанной им судебной речью и единственной, с которой он выступил лично. Лисий обвинил тирана в том, что тот действовал исключительно из корыстных побуждений, стремясь завладеть имуществом братьев.

Лисий проиграл процесс. Эратосфен был оправдан — возможно, по причине незадолго до того объявленной амнистии, которой подлежали Тридцать тиранов. Правда, сама обвинительная речь ознаменовала начало популярности Лисия как логографа.

Все это не показалось бы мне подозрительным, если бы не еще одна деталь. Согласно мнению историков уже нашего времени, Эратосфен-тиран, счастливо избежавший обвинения в убийстве со стороны Лисия, и Эратосфен-сладострастник, через год убитый обманутым мужем Евфилетом, — *один и тот же человек!*

А теперь вспомним о позиции родственников Эратосфена перед процессом против Евфилета. Они утверждали, что Евфилет заманил Эратосфена в ловушку, что убийство последнего было связано не с распутством Эратосфена, а с какими-то другими мотивами, имевшимися у Евфилета. Правда, они не смогли толком сформулировать эти мотивы и доказать обвинение.

В то же время обращает на себя внимание очень уж тщательно продуманный план наказания распутника: тут и обработка служанки-рабыни, и подготовка в два этапа необходимого числа свидетелей, и некоторые другие детали. Вспомним, наконец, замечания нынешних исследователей о том, что речь в защиту Евфилета Лисий написал «с особой любовью». Мало того, еще современники удивлялись тому, что речи на более выигрышные темы Лисий порой писал небрежно, а эту, в защиту никому не известного простолюдина, отработал столь скрупулезно, что называется, по высшему разряду.

Вот и получается, что все это легко объяснимо, если только предположить, что мы имеем дело с тщательно продуманной мезтью. Действительно, Лисий, не сумевший добиться наказания убийцы старшего брата в открытом процессе, мог выбрать другой путь, оказавшийся более результативным. Что, если родственники убитого правы? Что, если у Евфилета действительно был совсем другой мотив? Разве не мог знаменитый, весьма красноречивый и уже достаточно состоятельный адвокат-логограф убедить незнатного и не очень богатого крестьянина устроить ловушку богатому распутнику? При этом, судя по репутации Эратосфена, не было необходимости все выдумывать. Вполне возможно, тот и правда наставлял рога трудяге Евфилету. В этом случае Лисий, как я предполагаю, следивший за своим врагом и собиравший о нем сведения, просто нашел удачный момент, а затем подослал уже упоминающуюся старуху.

Дальше – вопрос техники, как говорится. Лисий гарантировал не только щедрую оплату, но и безнаказанность – выигрышную речь (и выполнил свое обещание – написал одну из лучших своих речей и добился оправдания убийцы). Тиран же Эратосфен, убийца Полемарха и смертельный враг логографа, был наказан смертью – чего, собственно, и добивался Лисий.

Разумеется, это всего лишь предположение. С тех пор миновало более двух с половиной тысячелетий. Давно истлели кости участников этой старой истории. Нет свидетелей, нет виновников. Но и ничего невероятного в моем предположении тоже нет – ведь и сегодня хватает криминальных случаев, когда частные сыщики оказывались втянутыми в преступления.

Честно признаюсь: я бы с огромным удовольствием прочитал детективный роман «Логограф». Кто знает, может быть, еще и прочту.

II

ОТЕЦ
«СЮРТЭ
НАСЪОНАДЬ»

Его звали Эжен-Франсуа Видок, и он был организатором первой в мире криминальной полиции, а заодно и создателем первого в мире частного сыскного агентства. Прибавьте к профессии фантастически пеструю биографию этого человека и его незаурядную личность, а также литературный дар: в 1828 году увидели свет «Записки Видока, начальника парижской тайной полиции». Когда спустя почти полвека в 1877 году вышло в свет переиздание этих мемуаров, издатели в предисловии писали:

«Во все времена существовали натуры, одаренные богаче других, с большей энергией и большими задатками; эти люди, смотря по тому, в какую сферу занесет их судьба, делаются героями или злодеями, в том и другом случае оставляя глубокий след за собою. Но какова бы ни была их роль на свете, они далеки от обыденной пошлости и, как все выходящее из ряду, невольно привлекают всеобщее внимание, возбуждают любопытство и поработщают воображение масс.

К числу подобных исключительных закаленных личностей принадлежит герой этой истории; это, можно сказать, легендарный герой французского народа, столь живо и надолго увлекающегося качествами — телесной силой, храбростью и тонким, хитрым умом; это актер социальной комедии, воспоминание о котором свежо в народе, тогда как множество эфемерных знаменитостей предано забвению. Таков был Видок, начальник охранительной полиции...»¹

---

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции / Пер. с фр. В 3 тт. — Киев: СВЕНАС, 1991. — Т. 1. — С. 8.

И с этим можно согласиться. Но прибавим еще, что личность Видока и его жизнь полны загадок. Казалось бы, собственноручно написанные и изданные им воспоминания должны были бы в подробностях поведать о его жизненном пути. Но нет, даже для того, кто внимательно ознакомился с этим объемистым произведением, автор «Записок Видока» (он же — их герой) остается загадочной личностью. Слишком разнообразна, противоречива описываемая в нем жизнь, слишком много масок примеряет он, слишком многое проговаривает невнятной скороговоркой. Приходится очень тщательно и осторожно вычленять достоверные события, факты из-под словесной мишуры, созданной то ли самим Видоком, то ли кем-то из литераторов, помогавших ему в написании «Записок».

ЮНОСТЬ КАТОРЖНИКА

Аррас, главный город департамента Па-де-Кале на севере Франции, сегодня насчитывает около 40 тысяч жителей. Во второй половине XVIII столетия их было вдвое меньше — около 20 тысяч. В то время он был центром королевской провинции Артуа. Типичный провинциальный город. Не полное захолустье, конечно, но все-таки спокойная, несколько даже сонная, размеренная жизнь вдали от столичных потрясений.

Не случайно именно французская провинция традиционно поставляла Парижу молодых людей, вписывавших затем свои имена в книгу французской истории и вершивших эту историю. Вспомним, к примеру, гасконца Шарля де Бааца д'Артаньяна Кагельморо, прославленного талантом Александра Дюма. Д'Артаньян дослужился до маршала¹. Его кузен, граф Пьер

---

¹ Справедливости ради отметим: исторический д'Артаньян, в отличие от героя А. Дюма, стал не маршалом Франции, а так называемым полевым маршалом, то есть бригадным генералом.

Монтескье д'Артаньян, одно время был губернатором именно Арраса. Впрочем, то случилось за несколько десятилетий до интересующего нас времени.

Самый знаменитый провинциал, корсиканец Бонапарт, стал первым императором французов и завоевал едва ли не всю Европу. Правда, закончил дни на крохотном острове Святой Елены, по ту сторону экватора.

Провинциальный Аррас был типичен именно в этом смысле. Здесь родились несколько знаменитых французов. Первым в этом ряду назовем Максимилиана Огюста Робеспьера, родившегося в этом городе 6 мая 1758 года. Умный и развитый мальчик, он был отправлен на учебу в Париж в 1769 году, а через двадцать лет стал депутатом Генеральных штатов от третьего сословия. Дальнейшая история широко известна всем, кто интересуется историей Великой французской революции. Максимилиан Робеспьер по прозвищу Неподкупный, стал фактически единоличным правителем Франции, диктатором, залившим страну кровью, символом революционного террора. В конце концов окончил свои дни на той самой гильотине, которая ранее приняла сотни его противников и конкурентов.

В том же городе Аррасе и даже на той же улице с поэтическим названием улица Венецианских Зеркал (rue Miroir-de-Venise)¹, в доме № 222, по соседству с домом адвоката Максимилиана Бартелеми Франсуа Робеспьера, проживал уважаемый и популярный у горожан хозяин булочной. Его звали Никола-Франсуа-Жозеф Видок. Вот у жены этого булочника Генриетты-Франсуазы-Жозефы, урожденной Дион, спустя шестнадцать с лишним лет после рождения Максимилиана Робеспьера-младшего, тоже родился сын, второй сын, а вообще – пятый ребенок в семье. Мальчика назвали Эжен-Франсуа, Эжен-Франсуа Видок. Ему предстояло обрести славу не меньшую, чем у его соседа. Правда, известность Видока носила иной характер.

---

¹ С 1856 года улица носит название rue des Trois Visages – улица Трех Лиц.

С раннего детства юный Франсуа (обычно его называли по второму имени, имя Эжен в воспоминаниях он почти не упоминает) отличался ловкостью и физической силой. А в подростковом возрасте начал выказывать склонность к поведению, никак не свойственному молодым людям его сословия: «В восемь лет я был ужасом собак, кошек и соседних ребятишек; в тринадцать я довольно прилично владел рапирой». И еще Эжен-Франсуа Видок был довольно хорош собой, обладал бурным темпераментом и вовсе не мечтал становиться достойным преемником своего отца – профессия булочника и жизнь почтенного буржуа ничуть не привлекали его. Тем более что старший брат, Франсуа-Жислен-Жозеф Видок, уже осваивал наследственную профессию, и Видок-отец вскоре махнул рукой на младшего сына; мать же, как это часто бывает, всячески баловала проказливого своего Эжена, ставшего ее любимцем. Мы не знаем, учился ли Эжен-Франсуа Видок в том же коллеже Арраса, в котором ранее учились братья Робеспьеры (популярное и прогрессивное учебное заведение). Скорее всего, нет. Можно предположить, что юный Видок получил домашнее образование. Хотя, следует отметить, писал он грамотно и без ошибок, да и со счетом у него было все в порядке – все-таки отец готовил его к коммерческой карьере, пока надеялся на то, что Франсуа образумится.

Но нет, склонность к правонарушениям и даже преступлениям проявилась у Видока-младшего очень рано и активно, как следствие другого увлечения – азартных игр. Начал он с краж денег у собственного семейства для погашения карточных долгов. Объектом криминального интереса четырнадцатилетнего шалопаю стал ящик, в котором отец хранил деньги. Франсуа-Жислен, старший, «правильный», брат, в данном деле составил компанию младшему, за что и поплатился: когда хищение денег из семейного бюджета открылось, именно старший понес суровое наказание – был отправлен в Лилль, за 40 километров от Арраса. В Лилле жил приятель Николя Видока, коллега и даже компаньон. Вот в услужение к лильскому булочнику и был отправлен старший сын булочника аррасского. А Франсуа никак

не наказали. По-видимому, решили, что младший сын всего лишь поддался дурному влиянию старшего (на самом-то деле все произошло с точностью до наоборот). Словом, на всякий случай Никола Видок решил держать семейную казну под замком и в отсутствие главного злоумышленника. Отметим, что это был первый, но далеко не последний случай, когда открывшееся преступление, совершенное нашим героем, не повлекло наказания.

Пока же Видок-младший быстро изобрел новый способ добычи денег из семейного ящика: изготовил ключ-отмычку, которым и пользовался время от времени. Отметим, кстати, пикантную деталь: отмычку изготовил приятель Видока, сын местного полицейского.

Но герой наш был молод и неопытен. Потому вскоре попался – отец застукал его на месте преступления и изъясил ключ. Правда, служителям закона Никола Видок своего Франсуа не передал, решил дело по-семейному: выпорол непутевого отпрыска.

Не будем рассказывать о дальнейших «шалостях» Видока, имевших хотя и криминальный, но мелкий, домашний характер. Вскоре он перешел к более серьезным делам. Был у юного Видока, как у всякого начинающего преступника, свой уголовный ментор – человек по имени Пуаян. Впоследствии в воспоминаниях Видок отзывался о нем без всякой симпатии, считая, что именно Пуаян подтолкнул его на кривую дорожку. Но тогда, в юности, он во всем слушал своего старшего товарища. Можно предположить, что ему даже лестным казалось внимание Пуаяна, уголовные подвиги которого были широко известны жителям Арраса. Именно с Пуаяном Видок прогуливал украденные дома деньги, через него сбывал семейное столовое серебро, с которого опытный Пуаян предварительно стачивал фамильные клейма.

Вот как раз Пуаян, когда Видок начал жаловаться на то, что вынужден побираться по мелочам, посоветовал другу-недорослю «подломить» сейф папаши, где тот, по рассказам самого Франсуа, постоянно хранил несколько тысяч франков. Видок поначалу колебался: в серьезном деле и опасности серъ-

Эжен-Франсуа Видок

езные. Ну как родители, которым порядком надоели «шалости» отпрыска, вызовут объездной караул – аналог современного полицейского патруля? Да и сдадут его властям? Речь-то уже не о столовом серебре, а о весьма солидной сумме! Пуаян подбодрил юного подельника словами: «Разве ты им не сын? Да и мать тебя очень любит!»

Воспользовавшись деловым отъездом отца, Видок выманил мать из дома и, пока она отсутствовала, отыскал ключ от пекарни. Способ, каким он воспользовался, был столь же изобретателен, сколь и циничен. Один из приятелей Пуаяна, выглядевший благообразно, явился в дом Никола Видока и пожаловался его матери на... плохое поведение сына. По словам почтенного гостя, беспутный Франсуа накануне учинил дебош в питейном заведении, кого-то побил, переколотил посуду и окна, словом – юношу ждут серьезные неприятности. Вплоть до тюремного заключения. Движимый участием и сочувствием к почтенной

Генриетте Видок, посетитель объяснил: можно все уладить, но нужны деньги. Минимум 400 франков.

Посланец ушел, оставив мадам Видок в состоянии, близком к обмороку. Дорогой сынок, бывший в это время дома, бросился к ее ногам и клятвенно пообещал исправиться, если только мать немедленно отправится уладить дело. Выпроводив Генриетту Видок из дома, Франсуа немедленно вооружился необходимым ключом от лавки и с поджидавшим его Пуаяном проник в пекарню. Здесь с помощью заранее подготовленного Пуаяном ломика-фомки, взломал отцовскую кассу.

В кассе поделники взяли весьма крупную по тем временам сумму – 2000 франков. Эти деньги приятели разделили между собой, после чего Видок бежал из Арраса. К моменту возвращения мадам Генриетты, которой так и не удалось отыскать обвинителей дорогого сыночка, Франсуа и след простыл.

Вскоре он оказался в порту Остенд, недалеко от Лилля. Его воображение поразили многочисленные корабли с белоснежными парусами. Корабли уходили в разные концы Земли, чаще всего в Америку. И сердце Видока наполнилось жаждой странствий – он захотел отправиться в Новый Свет.

Увы. Новый Свет – далеко, а шулера близко. Незадачливый взломщик день за днем проводил время за карточным столом, а ночь за ночью – в объятьях местных красоток. Однажды утром его разбудил хозяин кабака, в котором Франсуа ночевал. Хозяин потребовал оплатить вчерашнее вечернее пиршество. Видок сунул руку в карман и похолодел: два франка – это все, что осталось от украденной тысячи. Царственным жестом расплатившись за ужин (этой суммы как раз хватило), Видок вышел на пристань с твердым намерением завербоваться на военный корабль. Учитывая, что служба на флоте была далеко не сахар, можно понять, до какого отчаяния дошел наш беспечный герой.

К счастью, судьба распорядилась иначе. Он прибил к бродячей труппе ярмарочных лицедеев, направлявшейся в Лилль на заработки. Труппу возглавлял некий господин Комус, входив-

ли в нее шуты, жонглеры, дрессировщики обезьянок, а также некие «натуралисты», именовавшие себя целителями и развлекавшие зевак экзотическими диковинками, а заодно лечившие и горожан, и домашних животных различными снадобьями с мудреными названиями.

Поначалу парень выполнял черную работу: убирал в балагане, помогал акробатам и жонглерам, ухаживал за дрессированными обезьянками. Но природная артистичность и атлетическое сложение молодого повесы заставили компаньона Комуса, натуралиста (без кавычек) Гарнье придумать Видоку новое амплуа: Франсуа обрядили в тигриную шкуру, сунули в руки грубую узловатую дубину устрашающего вида, и он стал изображать на ярмарках молодого дикаря-людоеда с экзотических островов. Амплуа Видоку не понравилось. Вернее, не понравилось ему дикарское меню: по мнению хозяина труппы, островитяне питаются сырым мясом и почему-то крупной галькой. И то и другое желудок Видока принимать отказался. Юный артист с большим скандалом покинул труппу Комуса и Гарнье — и примкнул к хозяину театра марионеток. Тут дело пошло веселее. В задачи бывшего дикаря входило стоять за занавесом и вовремя подавать кукольнику, по его сигналу, нужные марионетки. Например, кукольник воскликнул: «Пульчинелла!» — и на сцене появляется кукла Пульчинеллы — этакое итальянского Петрушки. По возгласу: «Коломбина!» — соответственно, ветреная красавица Коломбина. Как видим, ничего сложного. Стой себе за кулисами, следи себе за событиями на маленькой сцене и вовремя извлекай кукол из сундучка. Так бы оно и было, если бы не любвеобильное сердце и молодость нашего героя. Влюбилась в него жена кукольника очаровательная Элиза, бывшая много моложе мужа. И, конечно же, Франсуа не устоял перед ее чарами.

Во время очередного представления зрители захотели увидеть, как Пульчинелла дубинкой охаживает по бокам тупого полицейского комиссара. Желание публики — закон. Публика кричит: «Комиссара!» — и кукольник вторит: «Комиссара!» А Комиссара нет как нет, один Пульчинелла с дубинкой. Разозлившись на нерасторопность помощника, кукольник вле-

тел за кулису – и стал свидетелем страстных объятий своей молодой женушки и молодого шалопаю, недавно принятого на работу.

Картина, представшая выпученным глазам кукольника, стала финалом театральной карьеры Эжена-Франсуа Видока.

Трудно сказать, как повернулась бы дальше судьба нашего героя, если бы не вспомнились ему слова старого пройдохи Пуаяна о горячей материнской любви. Подобно блудному сыну из евангельской притчи, Эжен-Франсуа Видок вернулся домой и бросился в ноги отцу. И, подобно отцу блудного сына из этой притчи, родители приняли блудного Эжена-Франсуа, простили ему взлом отцовской кассы и прочие шалости. Не знаю, как насчет тучного тельца и пира горой, но, в любом случае, наш герой некоторое время наслаждался безоблачной жизнью в родительском доме. Если верить «Запискам», его самого поразили легкость и искренность, с которыми отец даровал ему прощение.

Тут самое время вспомнить о прославленном соседе нашего героя, о Робеспере. Вернее, о его поприще. Возвращение Видока домой совпало с грандиозными и опасными событиями Великой французской революции, которые изрядно повлияли на его дальнейшую жизнь.

За полтора года до того Учредительное собрание упразднило старое административное деление Франции. Провинция Артуа прекратила свое существование. Вместо нее возник департамент Па-де-Кале, центром которой отныне стал город Аррас. Была проведена религиозная реформа, которая потребовала от епископов присягнуть новой власти. Лишь семь епископов согласились это сделать. Самым известным из них был епископ Отёнский Шарль Морис де Талейран-Перигор. Он назначил в Аррас молодого священника Жислена-Франсуа-Жозефа Лебона (или Ле Бона), с которым Видок был знаком и который в дальнейшем сделал головокружительную карьеру.

В Париже ситуация обострялась. После предпринятого королем Людовиком XVI в августе 1791 года неудавшегося побега австрийский император Леопольд II и прусский король Фридрих Вильгельм II подписали так называемую Пильницкую

декларацию, по сути, заключив военный союз против революционной Франции. 20 апреля 1792 года Законодательное собрание объявило войну Австрии и Пруссии.

Нельзя сказать, что Эжена-Франсуа Видока всерьез беспокоили общественные потрясения. Вовсе нет. Просто вскоре после возвращения за юным сыном пекаря потянулся шлейф похождений скандального характера: любовные интриги, дуэли, загулы и прочее. Ну и уголовные привычки вновь дали о себе знать, так что Франсуа вдруг сообразил, что его похождения могут закончиться плачевно: либо тюрьмой, либо, что ему казалось еще страшнее, законным браком. Армия показалась наилучшим убежищем – как от служителей закона, так и от обуреваемых матримониальным пылом провинциальных красоток. В замечательном фильме Кристиана Жака «Фанфан-Тюльпан» подобная история становится завязкой головокружительных приключений очаровательного шалопада Фанфана, которого играл Жерар Филипп. Чем-то наш герой похож был на Фанфана-Тюльпана: юный волокита, гроза местных красоток и их родителей, гуляка и картежник. При всем том необыкновенно обаятельный и из хорошей семьи, так что, несмотря на славу, родители многочисленных Жаннет, Жоржетт, Лизетт не прочь были заполнить его в зятя.

Видок объявил родителям, что решил стать военным, и поступил рядовым в Бурбонский полк, квартировавший тогда в его родном городе. Как раз в это время, в апреле 1792 года, революционная Франция объявила войну Австрии, в связи с чем начался спешный набор добровольцев в новые революционные войска.

ВИДОК И РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ

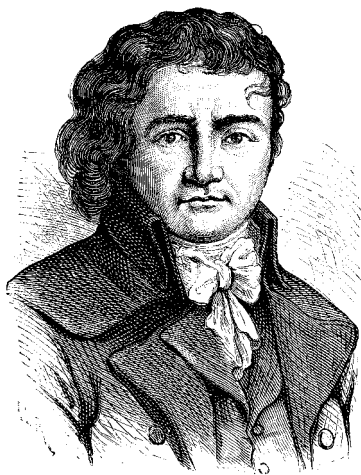
Поначалу дела у новоиспеченного солдата шли неплохо. Его даже перевели в егерскую роту – поскольку, в отличие от большинства новобранцев, он отлично стрелял, неплохо

владел шпагой и рапирой, да и физически был значительно крепче своих ровесников. Как вспоминает Видок, этот его перевод вызвал ревность некоторых старослужащих, поскольку егеря в пехотных полках считались элитой и как солдаты элитной роты пользовались определенными привилегиями по сравнению с обычными пехотинцами. Это стало причиной очередных дуэлей. Впрочем, такое объяснение дал своей славе бретера и забияки сам Видок. Можно поставить его объяснение под сомнение — зная необузданный нрав и криминальные склонности новоиспеченного егеря.

За короткий срок он ранил на поединках двух ветеранов; всего же за первые полгода пребывания в полку Видок поучаствовал в полутора десятках дуэлей, из которых по меньшей мере две имели смертельный исход.

Пока полк стоял в Аррасе, мать подкармливала своего любимчика лакомствами (которых, естественно, хватало и на однополчан), а отец даже объявил о постоянной денежной прибавке к солдатскому жалованью.

Беспечная гарнизонная жизнь, включавшая в себя дуэли, пирушки, любовные интрижки (куда ж без них?), скоро закончилась. Эжен-Франсуа Видок, семнадцатилетний рядовой егерской роты Бурбонского полка революционных войск Франции, вместе с полком отправился на войну. В боевых действиях он проявил себя превосходно — ни ловкости, ни отваги ему было не занимать. Чего не скажешь об удаче. Удача от него отвернулась. Впрочем, и от остальных солдат-бурбонцев — тоже. После первых неудачных столкновений с австрийцами и их союзниками полк был отведен в Лилль для пополнения. Здесь

**Жислен-Франсуа-Жозеф
Лебон**

командующий наспех собранной Северной революционной армией Теобальд Диллон – французский генерал ирландского происхождения (родился в Дублине) – был обвинен в измене и тайных сношениях с австрийцами.

Бурбонский полк относился к «старым» полкам французской армии, потому что был сформирован еще при «старом», королевском, режиме. Это вызывало недоверие к солдатам и офицерам-«бурбонцам», их постоянно подозревали в тайных симпатиях к монархии и аристократам.

Поэтому ничего удивительного, что неудачи полка немедленно были приписаны измене его командования. Трибунал приговорил генерала Диллона к смертной казни. 29 апреля 1792 года Эжен-Франсуа Видок вместе с однополчанами присутствовал при казни командира. Он вспоминал, что это событие произвело на него удручающее впечатление (на остальных солдат тоже). Впоследствии Диллон был оправдан, его прах поместили в Пантеон, а чудом уцелевшая вдова получила пенсию в полторы тысячи франков.

Новым командующим Центральной армии, в которую входил в тот момент и Бурбонский полк, стал генерал Франсуа-Кристоф Келлерман. Под его командованием Эжен-Франсуа Видок участвовал в знаменитом сражении, получившем у военных историков название канонада при Вальми. В том сражении у деревни Вальми в Бельгии солдаты Центральной (под командованием Келлермана) и Северной (которой командовал генерал Дюмурье, будущий изменник и перебежчик) французских армий остановили марш австрийцев и их союзников пруссаков на Париж¹. Свое название сражение получило от массированных обстрелов, которые применили пруссаки. Солдаты революционных войск продемонстрировали чудеса храбрости. Но даже на фоне этих храбрецов мужество молодого arrasца произвело впечатление на командиров. Уже на следующий день он был переведен в грена-

---

¹ Интересно, что в том сражении отлично зарекомендовал себя еще один генерал – Луи-Филипп Эгалитэ, будущий король, «король французов» Луи-Филипп.

дерскую роту — элиту элит тогдашней армии. Одновременно его повысили в звании — Видок стал капралом. Отметим, кстати, что канонада при Вальми была первой победой войск революционной Франции. Вскоре после этого французские войска под командованием Дюмурие оккупировали почти всю территорию Бельгии.

При герцоге Брауншвейгском, который командовал войсками антифранцузской коалиции, в бою при Вальми находился Иоганн-Вольфганг Гёте. После сражения, впечатленный храбростью новой, республиканской армии, он сказал товарищам: «Здесь начинается новая эра в мировой истории. И мы стали свидетелями ее рождения».

Вечером того дня Видок и его друзья решили обмыть капральские нашивки. Вышло это, как всегда выходило у него, чересчур шумно. Видок серьезно сцепился с унтер-офицером егерской, уже бывшей его роты. Далее — вызов на поединок и как следствие (по законам военного времени) угроза суда и тюрьмы. Свободолюбивая натура молодого капрала не могла мириться с такой перспективой. Он решил сбежать из полка. Тем более, оказавшись в тюрьме, легко можно было предстать перед трибуналом, а трибунал выносил приговоры без особых сомнений. Обидчик Видока запросто мог обвинить его в измене — а к чему приводят такие обвинения, и Видок, и его однополчане очень хорошо знали. Возможно, дело было не в сорвавшейся дуэли и не в страхе перед трибуналом. Просто он решил: двух сражений и нескольких стычек, в которых ему уже довелось поучаствовать, нескольких часов под градом ядер и картечи, когда бóльшая часть французских солдат осталась лежать в поле, даже не вступив в рукопашную, вполне достаточно.

Ночь выпала безлунная и туманная. Это оказалось и плохо, и хорошо. Хорошо — поскольку ему удалось благополучно выскользнуть из расположения армии Келлермана, не столкнувшись ни с одним часовым.

А плохо — потому что французская армия и австрийская находились очень близко друг от друга. Дезертировать на линии соприкосновения войск рискованно не только по причине

суровости наказания собственного командования – всегда есть возможность случайно забрести во вражеский стан и там быть поставленным к стенке за шпионаж. Именно так и случилось с Видоком: благополучно сбежав из Бурбонского полка, он на рассвете забрел в расположение австрийцев.

Видоку грозил скорый расстрел как лазутчику. Спасли актерские таланты и небольшой опыт лицедейства: наш герой объявил, что он вовсе не лазутчик и не случайно прибил к австрийцам. Молодой француз бежал от революционного террора и страстно мечтал попасть на службу австрийской армии.

Генерал Шарль-Франсуа Дюморье

То ли Франсуа был очень убедителен (последующая биография подтверждает его способность вызывать доверие), то ли австрийская армия нуждалась в молодых и крепких парнях не меньше, чем французская. Возможно и третье объяснение: капрал Видок оказался в расположении австрийской армии

не случайно, а совершенно сознательно и заранее подготовился к встрече с неприятельскими солдатами. Причем и это предположение находит косвенное подтверждение в дальнейшей биографии. Наконец, четвертое объяснение связано с французским генералом Дюмурье, примерно тогда же перебежавшим к австрийцам, еще и с группой преданных офицеров. Так что перебежчики из французской армии, возможно, казались австрийцам вполне искренними и заслуживающими доверия монархистами. Не исключено, что побег (или «побег») Видока связан был с изменой Дюмурье.

Так или иначе, Видок был тотчас зачислен в австрийский кирасирский полк. Мало того. Оказалось, что он куда лучше владеет шпагой, рапирой и саблей, чем большая часть офицеров полка. И Франсуа становится фехтмейстером — учителем фехтования.

Гарнизонная жизнь, вдали от сражений, но в красивом мундире и с неплохим жалованием, не слишком отличалась от жизни в родном Аррасе. Натура Видока вновь дала себя знать — дуэли, интриги, как следствие — очередное дезертирство и возвращение во французскую армию. Правда, под вымышленным именем.

Не будем останавливаться подробно на перипетиях военной службы нашего героя. Скажем лишь, что революционная армия по-прежнему очень нуждалась в солдатах. Да и порядок был в армии не очень налажен. Так что нашему герою и здесь сошло с рук его дезертирство. И снова — удача, он был не просто зачислен в так называемый Германский легион, формировавшийся из дезертиров, иностранцев, а также фехтмейстеров и просто авантюристов, решивших по каким-то своим причинам прибиться к армии. Видок, сочетавший в своем лице как минимум три из перечисленных категорий, почувствовал себя здесь как рыба в воде. Он даже получил унтер-офицерский чин вахмистра (напомним, что перед дезертирством он стал всего лишь капралом).

Кто знает, может быть, первоначальный побег из французской армии, «случайное» появление в расположении австрийских войск вовсе не были случайны? Удивительной кажется

легкость, с которой и французские, и австрийские военные принимали внешне бесхитростные объяснения дезертира Видока. Столь же удивительны последующие карьеры в обеих армиях.

Мы еще вернемся к этой загадке — когда попытаемся разобраться в белых пятнах биографии первого детектива Европы.

Вахмистр Германского легиона Эжен-Франсуа Видок недолго оставался в своем подразделении — в одной из предыдущих стычек он получил рану, которая вдруг открылась, дав возможность нашему герою получить отпуск и навестить родной Аррас.

За время его отсутствия в Аррасе случились изменения, изрядно напугавшие Видока. Впрочем, эти изменения были характерны не только для Арраса, но и для всей Франции — шел роковой для многих 1793 год, год кровавого террора, год образования Максимилианом Робеспьером Комитета общественного спасения. В «Записках» Видок так описывает свое возвращение в Аррас:

«При вступлении в город я был поражен впечатком уныния и ужаса на всех встречавшихся мне физиономиях; на мой вопрос о причине на меня смотрели недоверчиво и отходили молча»¹.

Выйдя на центральную площадь, вахмистр Эжен-Франсуа Видок увидел источник этого уныния и ужаса: в центре площади на высоком эшафоте установлена была гильотина².

Как раз в момент появления Видока здесь происходила очередная казнь: какого-то старика палач с подручным привязывал к доске, некий полупьяный обвинитель зачитывал приговор — и всем этим руководил молодой человек в полосатой фуфайке, шляпе с трехцветным пером и с громадной

---

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции / Пер. с фр. В 3 тт. — Киев: СВЕНАС, 1991. — Т. 1. — С. 31.

² Интересное совпадение: спустя несколько лет, уже при Наполеоне, доктор Жозеф Игнас Гильотен, по имени которого стали называть «бриту революции», тоже оказался в Аррасе — он возглавил здешнюю больницу.

кавалерийской саблей, на эфес которой он опирался. На лице его блуждала презрительная улыбка, талию его охватывал широкий пояс, такой же трехцветный, как и перо на шляпе. Такие перья и пояса носили представители новой революционной власти.

По мановению его руки и под крики толпы «Да здравствует республика!» несчастный старик (впоследствии Видок узнал, что им оказался комендант Аррасской крепости по имени Монгон) лишился головы.

Генерал Диллон

В молодом революционере с саблей Видок с удивлением узнал хорошо известного ему бывшего священника Лебона, того самого, кого в здешний приход назначил епископ Талейран. Лебон родился в том же Аррасе в 1765 году. По своему социальному происхождению он был близок к Видоку. По возрасту – тоже, он был всего лишь на десять лет старше Видока.

Оказалось, что уже в 1792 году Жислен-Франсуа Лебон сложил с себя священнический сан и с головой окунулся в революционную стихию. Красноречивый оратор, пламенный революционер Лебон быстро набрал популярность среди санкюлотов – городских низов. К моменту возвращения нашего героя в Аррас (а это совпало с падением жирондистов и возвышением якобинцев во главе с Робеспьером и Дантоном) якобинец Лебон стал мэром родного города и членом Конвента, а затем и членом робеспьеровского Комитета общественного спасения и фактически безраздельным властителем департамента Па-де-Кале.

Правда, революционные карьеры чреватые и стремительными взлетами, и столь же стремительными падениями. В на-

чале 1794 года Жозеф Лебон был смещен со всех постов: даже для своего земляка Робеспьера, сделавшего террор основным инструментом политики, его кровожадность показалась чрезмерной. О неоправданных казнях, которые устраивал бывший священник, Робеспьеру писал ближайший соратник, тоже отнюдь не мягкотелый Сен-Жюст. Лебон был арестован. Возможно, Робеспьер и простил бы своего единомышленника, но, пока шло следствие, случился термидорианский переворот, отправивший и покровителя Лебона Робеспьера, и обвинителя Сен-Жюста на гильотину. Следом термидорианцы послали на эшафот и бывшего мэра Арраса. 16 сентября 1795 года позорная телега отвезла к месту казни и его, в красной рубашке «отцеубийцы» (так обряжали и величали политических преступников во времена революционного террора). Официальное обвинение гласило: «За злоупотребление властью». Собственно, обвинение было вполне справедливым — он, действительно, отчаянно злоупотреблял властью, объявляя изменниками всех, кто ему почему-то не угодил, присваивая себе имущество людей, отправленных им на гильотину. Робеспьер, по крайней мере, не был замечен в этом. Впрочем, что ему имущество, если он владел всей Францией...

Пока же, в 1793 году, когда Видок имел счастье (или несчастье) посетить родной город, Жислен-Франсуа-Жозеф Лебон был в зените своей власти. Каждый день на эшафот поднимались обвиненные в «аристократизме» и «предательстве интересов республики». Причем поводом к подобным обвинениям могло стать все что угодно. Например, за день до приезда Видока был казнен несчастный, чей дрессированный попугай время от времени выкрикивал нечто, напоминавшее, по мнению судей, фразу: «Да здравствует король!» Хозяин пернатого заговорщика лишился головы на центральной площади Арраса. Истинным же виновником завладела супруга всесильного Лебона, пообещавшая перевоспитать роялистскую птицу в достойного республиканского попугая.

Сердобольная по отношению к попугаям госпожа (вернее, гражданка) Лебон отнюдь не была столь же мягкосердечной как «двуногим без перьев», как определял человека греческий фило-

соф Платон. По инициативе супруги мэра-якобинца были арестованы многие горожане. При каждом удобном и неудобном случае она призывала простолюдинов-санкюлотов доносить на «врагов революции» и даже самостоятельно арестовывать их и приводить в суд. Такие аресты почти всегда заканчивались все на той же гильотине.

Позже, на судебном процессе Лебона, обвинители говорили о тысяче казненных по его личному указанию в департаменте Па-де-Кале (из них около четырехсот — в самом Аррасе).

На беду Франсуа Видока, в родном городе у него еще со времен юношеских забав осталось немало недоброжелателей, тайных и явных. Да и сам Лебон относился к нему плохо, считая скрытым сторонником аристократов. Если вспомнить плохую репутацию Бурбонского полка у новых властей, дезертирство, службу в австрийской армии — нельзя не признать, что у революционных властей Арраса основания для таких обвинений, возможно, имелись. К тому же измена генерала Дюмурье прогремела по всей стране, тем более — на севере Франции.

Были и причины более свежие. По возвращении в Аррас Видок ухитрился ввязаться сразу в три дуэли, причем по политическим мотивам. В один из дней он оказался свидетелем очередной казни аристократов — трех молодых женщин. По его словам, «веревки гильотины тянули трое драгунов». Иными словами, драгуны исполнили роль палачей. Молодой «бурбонец» вызвал всех троих на дуэль — за столь недостойное солдат поведение. Кроме того, Видок неоднократно ввязывался в драки, защищая преследуемых новыми властями священников.

Не исключено, что еще одна причина ареста крылась в родителях Видока, вернее — в их деньгах.

Так или иначе, уже через неделю или две после приезда Видок оказался в тюрьме, по доносу одного из таких врагов и в связи с подозрениями, о которых еще раньше заявил Лебон — при первой же случайной (или нет) встрече с нашим героем. Глядя на молодого солдата, Лебон с усмешкой сказал:

«— А, а, это ты, Франсуа! Ты намереваешься разыгрывать аристократа и дурно отзываешься о республиканцах... Ты жа-

леешь о своем старом бурбонском полке... Берегись... я могу тебя отправить распоряжаться гильотиной!»¹

Теперь угроза оказалась реальной. Ситуация была критической — о Жислене Лебоне ходили страшные слухи. Рассказывали, например, что после каждой казни он с наслаждением выпивал бокал свежей крови жертвы. Восемнадцатилетний вахмистр вполне мог лишиться собственной крови ради утоления жажды этого чудовища².

К счастью, у родителей Эжена-Франсуа Видока еще сохранились кое-какие связи и средства. Несмотря на угрозы, он был отпущен и поспешил вернуться на военную службу, дабы не искушать судьбу (принявшую на сей раз облик кровожадного Лебона). Как это случилось?

Те, кто думает, что революции вообще и Великая французская в частности, представляют собой время господства суровых и неподкупных, жестоко ошибаются. Да, Робеспьер был прозван Неподкупным, но не в последнюю очередь и потому, что был явлением уникальным. Иначе никому не пришло бы в голову акцентировать это его качество. Так что он-то как раз поражал окружающих своим бескорыстием, но на фоне тысяч соратников, погрязших в коррупции, мздоимстве, казнокрадстве и прочих, мягко говоря, не самых достойных способах обогащения. Пример Дантона, сочетавшего яркую революционную идейность с таким же ярким, неудержимым корыстолюбием, — всего лишь один, хотя и очень известный пример. Тот же Лебон, ранее яростно обличавший роскошь аристократов, не гнушался поборами и прямым грабежом, именовавшимся «реквизициями». Роскошный особняк на площади, например, в котором Лебон проживал с женой, ранее принадлежал казненной аристократке. С балкона особняка было удобно наблюдать за казнями врагов народа и революции, осужденных мэром и комиссаром Конвента Лебоном.

---

¹ Там же. — С. 35.

² Впоследствии было доказано, что многие рассказы о чрезмерной кровожадности Жислена-Франсуа Лебона, в том числе об обязательной «чаше крови», распространяли враги мэра. Правда, число горожан, казненных по его приказам, сомнению не подвергалось.

Появление молодого солдата, служившего ранее в «старом» Бурбонском полку, том самом полку, которым командовал изменник Диллон, давало возможность Жислену Лебону запустить руку в кошелек Николя Видока.

Чем суровый революционер и не преминул воспользоваться.

Нужная сумма, собранная Генриеттой Видок, помогла Франсуа избежать эшафота. Заметим, кстати, что еще одним следствием ареста стала неожиданная женитьба нашего героя. Женой стала беременная девица – младшая сестра некоего гражданина Шевалье, члена городского совета, – девятнадцатилетняя Мария-Анна-Луиза Шевалье. По слухам, забеременела она как раз от всесильного Лебона, так что не только деньги повлияли на решение аррасского мэра¹.

Для «аррасского Казановы», как иногда называли нашего героя, вынужденная женитьба, да еще на чужой любовнице, стала куда большим ударом, чем тюрьма. Однако в случае отказа всесильный мэр Арраса легко мог отправить строптивца из тюремной камеры на эшафот. От мысли о близком знакомстве с «бритвой революции» Видока бросало в дрожь. В конце концов он покорился судьбе, хотя и постарался поскорее забыть о женитьбе. Деньги плюс разрешение щекотливой истории – и наш герой вернулся из тюрьмы на военную службу – семейным человеком.

Вновь оказавшись в армии, Видок получил первый офицерский чин – лейтенанта. Он обучал фехтованию новобранцев из 2-го территориального батальона департамента Па-де-Кале, вместе с этим батальоном участвовал в схватках против австрийцев. При отражении атаки австрийских гусар был дважды ранен и даже получил личную благодарность прославленно-го генерала Доменика Вандама. Заметим, что этого генерала

---

¹ Впоследствии Эмиль-Адольф Шевалье, сын Марии-Анны-Луизы Видок, урожденной Шевалье, претендовал на наследство нашего героя и даже взял его фамилию, став Эмилем-Франсуа Видоком. Ирония судьбы: в 1857 году (год смерти Видока) быть сыном бывшего каторжника казалось предпочтительнее, чем сыном грозного революционера. Однако суд постановил, что «в момент зачатия истца Эжен-Франсуа Видок находился в тюрьме и не мог быть отцом истца».

частенько обвиняли в поощрении грабежей и мародерства, которыми занимались солдаты подчиненных ему частей. В последний раз такие обвинения ему высказал не кто-нибудь, а император российский Александр I, в 1813 году, когда Вандам попал в плен к русским. Не моргнув глазом, генерал ответил: «По крайней мере, меня никто не может обвинить в отцеубийстве», — намекая на участие Александра в убийстве императора Павла I. Немудрено, что в дивизии такого человека Видок чувствовал себя как рыба в воде.

Правда, некоторые эпизоды военной службы вызывали оторопь даже у него. Так, рассказывая об этом периоде своей жизни, он пишет: «Там я познакомился со странным корпусом, известным под именем *революционной армии*. Люди с пиками и красными шапками, составлявшие его, повсюду возили с собой гильотину. Конвент не нашел лучшего внушающего средства к укреплению верности в офицерах четырнадцати действующих армий, как показывать им орудие казни, назначаемой изменникам»¹.

Вскоре политические интриги привели к тому, что все офицеры его полка были разжалованы в рядовые и отведены в тыл на переформирование.

Пылкий темперамент молодого офицера вновь сыграл с ним дурную шутку: его обвинили в дезертирстве, когда он, переодевшись в женское платье, бежал от своей любовницы, будучи застигнутым врасплох ее чересчур ревнивым мужем.

К счастью, генерал Вандам потребовал арестанта к себе. В его палатке Видок рассказал историю о любовнице, ревнивом муже и женском платье. Вандам изрядно повеселился, после чего приказал Видока освободить. Я уже говорил, что генерал относился снисходительно к шалостям своих солдат.

Собственно говоря, вся армейская жизнь Видока, несмотря на кажущуюся пестроту, выглядит довольно однообразно: любовные интрижки, дуэли. Та же жизнь, какую он вел в юности, — сдобренная, правда, участием в боевых действиях. Напомним: нашему герою всего-навсего 19 лет, как я уже говорил —

---

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. — С. 38.

типичный Фанфан-Тюльпан, правда, более приземленный и без мечты о королевской дочери.

Счастливо избежав наказания за мнимое дезертирство, Видок теперь отправляется путешествовать по дорогам Франции, подальше от района боевых действий.

О своих занятиях в этот период он пишет довольно туманно. Все же можно понять из намеков, разбросанных по страницам его мемуаров, что путешествовал Видок по фальшивым документам

(купленным, как он пишет, у какого-то пограничного офицера за 15 луидоров); что занимался он мошенничеством, подлогами, мелкими кражами. Чаще всего — шулерством. На последнем поприще однажды встретил компанию шулеров, хорошо ему знакомых еще по доармейской жизни в Лилле. Трое пройдох с краплеными картами в карманах и рукавах преспокойно носили мундиры и погоны действующей армии, причем не какие-нибудь, а генеральские и полковничьи. Видок даже немного позавидовал им — на его плечах были всего лишь лейтенантские погоны.

Рассуждая о криминальной карьере Эжена-Франсуа Видока, следует помнить, на каком общественном фоне эта карьера развивалась. Революция, тем более такая грандиозная, как французская, была, во-первых, питательным бульоном для роста преступности, а во-вторых, изрядно снижала планку неприятия обществом преступлений и преступности. Жизнь человеческая обесценивалась, генеральские и даже маршальские мундиры зачастую скрывали воров и грабителей — при том что они могли быть храбрыми до безумия солдатами и талантливыми организаторами.

Максимилиан Робеспьер

Вот, кстати, о мундирах, скрывавших воров. Самым интересным эпизодом этого периода жизни Видока стала служба в никогда не существовавшем полку действующей армии, «дислоцированном» в Бельгии. Создание фальшивых воинских частей в период боевых действий хотя и редкость, но не самая большая – такое имело место в разных странах, в том числе даже в СССР во время Великой Отечественной войны. Можно вспомнить так называемое дело Павленко, когда на протяжении нескольких лет, с 1943 по 1946 год, в Советском Союзе преспокойно существовала липовая военно-строительная часть. Соблазн воспользоваться военной неразберихой и попользоваться армейскими запасами и казной нередко подвигал умных и циничных преступников на такие рискованные предприятия (Павленко был в конце концов арестован и приговорен к высшей мере наказания). Возможно, подельники Видока в данном случае были пионерами подобной практики. Во всяком случае, мне не попадалось упоминаний о подобных аферах ранее.

Видок пишет: «Я вступил в эту *действующую армию* без войска, наполненную офицерами без свидетельств, с фальшивыми чинами и фальшивыми билетами; она внушала страх и почтение военным комиссарам, так как в те времена в военной администрации было весьма мало порядка»¹. Здесь он даже получил повышение в чине – стал капитаном с соответствующим офицерским патентом, сфабрикованным опытным преступником Альбертом Лаббе, по прозвищу капитан Лаббе. Командовал всеми некий аферист, находившийся в чине полковника. Всего же подобных липовых офицеров и генералов на территории одной лишь Бельгии было, по словам Видока, более двух тысяч. Шайка, в которую он попал, называлась Бродячая армия. Они не рисковали обращаться за денежным и иным содержанием в тыловые службы во Франции, опасаясь разоблачения. Но вот аферы на местном уровне – «реквизиции для нужд армии», взяточничество для освобождения от поборов в пользу ми-

---

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. – С. 46.

фических интендантств и тому подобное — вполне имели место. Главари шайки изобретали самые разные способы пополнения своих карманов. Командир (вернее было бы сказать, главарь или атаман) Бродячей армии, например, уже на памяти Видока произвел сам себя из полковников в бригадные генералы. По этому поводу новоиспеченный генерал провел очередную «реквизицию», содрал с местных богатеев кругленькую сумму — на новый мундир и праздничную пирушку для своих «офицеров». «Генерала» принимали в лучших домах, почитая за честь устроить обед или бал в его честь.

В одной из последних афер «капитан» Эжен-Франсуа Видок сыграл центральную роль. Однажды его «генерал» в разговоре наедине признался Видоку, что продолжать в прежнем духе становится опасным. Уже несколько раз липовых вояк в чем-то начинали подозревать военные комиссары местных округов. Не сегодня завтра придется отказаться от прибыльного, но уж больно рискованного заработка. В связи с этим у «генерала» родился план последней аферы, которая должна была принести кругленькую сумму ему и его «капитану». После чего можно было снять мундиры и оставить гостеприимную Бельгию.

По плану «генерала», Видок должен приударить за некоей бельгийской баронессой, которая должна была воспытать нежными чувствами к статному офицеру. «Генерал» объяснил молодому «капитану», что у баронессы более ста тысяч франков капитала. Такое приданое просто обязано попасть в руки молодому мужу (и, разумеется, его старшему наставнику). «Это какой-то никому не известный Видок женился в Аррасе, — сказал «генерал». — Ты же вовсе не Видок, ты сейчас носишь другое имя, а значит — холост!»

И Видок согласился.

Дабы снискать благосклонность бельгийской аристократки, Видок «открылся» ей, объявив себя тайным дворянином, вынужденным скрываться на территории Бельгии от страшных якобинцев. Соответствующий «документ» Видоку выправил все тот же «капитан Лаббе».

КОРОЛЬ ПОБЕГОВ

Получив от баронессы еще до предполагавшейся женитьбы часть денег (пятнадцать тысяч франков), Видок немедленно же и лишился их, не успев передать автору хитроумного плана. Наш любвеобильный герой увлекся юной красоткой по имени Розина и просадил все на нее и еще в карты. К карточным играм его активно подбивала та же Розина, бывшая поделницей компании шулеров.

На этом Видок распрощался с Бельгией и военной службой. Он отправился в Лилль, где вскорости благополучно попал в тюрьму – в очередной раз и, по его словам, опять-таки ни за что. Была у него подруга Франсина, из-за нее наш герой подрался и, как следствие, оказался в тюрьме – его приговорили к месячному заключению «за нарушение общественного порядка».

Тут-то, в Лилльской тюрьме, с ним и случился казус, определивший его дальнейшую судьбу. Вплоть до этого момента карьера Видока, хотя и имела криминальную окраску, но по тем мутным временам столь невинную, что его никак не причислишь к профессиональным преступникам. Скорее, уж можно было посчитать его авантюристом, какие в эпоху великих потрясений всегда рождаются во множестве. Даже взлом отцовской кассы считался внутрисемейным делом и наказанию строгому не подлежал. Да и простил его отец; все же остальное вполне списывалось на молодой темперамент и чрезмерную любвеобильность, на чувство независимости и нетерпимость к попыткам помыкать собою.

В Лилльской же тюрьме Видок – если верить полицейским архивам – впервые оказался замешанным в серьезное преступление: подделку государственных документов. Вот как это случилось.

В тюрьме молодой буян (он ведь попал сюда за драку) познакомился с тремя уже осужденными преступниками: крестьянином Себастьяном Буателем и двумя бывшими фельдфебелями Франсуа Груаром и Сезаром Гербо. Буатель был приговорен к шести годам тюрьмы за кражу мешка картошки.

К бывшим военным Видок испытывал доверие. И однажды они обратились к нему с безобидной просьбой. «Несчастный многодетный Буатель, — сказали они, — арестован по ошибке. Хорошо бы помочь бедняге, чтоб он вышел поскорее, а то ведь детишки просто пойдут по миру от голода и холода». Видок разделял их участие, хотя и не понимал, как же он может помочь. «А очень просто, — пояснил Груар. — Главное — составить правильное прошение. И мы с Сезаром знаем, как это сделать. Вот только, понимаешь ли, товарищ, тут, в общей комнате, очень шумно, трудно сосредоточиться. Дело-то важное, не дай бог ошибиться! Так ты уж будь добр, позволь нам воспользоваться твоей конурой». Почему бы и нет? Видок все дни проводил в помещении для гостей, поскольку посетителей у него было много, носили они ему всякие яства из соседнего кабака и вина вдосталь (охрана на это смотрела сквозь пальцы). Отчего ж не предоставить отдельную конуру, в которой он обитал, для благого дела? И Видок согласился помочь таким пустяком двум благородным товарищам.

Спустя какое-то время Гербо и Груар громогласно объявили о том, что прошение они написали и даже передали куда следует. Еще через день Буатель продемонстрировал всем своим товарищам по несчастью приказ полицейского начальника о своем освобождении. Начальник тюрьмы, ознакомившись с приказом, отпустил невинно осужденного многодетного отца на все четыре стороны.

Тем бы все и закончилось, если б, на беду всех заинтересованных лиц, в тюрьму не нагрянул с проверкой полицейский комиссар. Причем именно тот, чья подпись фигурировала в приказе об освобождении. Сверившись с записями, он недоуменно спросил, где, мол, заключенный Себастьян Буатель? На что получил ответ: так вы же сами, господин комиссар, изволили его отпустить! Ознакомившись с приказом об освобождении, комиссар возмущенно объявил:

— Подделка! — и, обращаясь к начальнику тюрьмы, в сердцах добавил: — Нужно быть полным идиотом, чтобы такую грубую фальшивку принять за документ, да еще и скрепленный моей подписью!

За освобожденным Буателем немедленно была отправлена погоня. Уже через несколько часов счастливого отца семейства схватили. Не запираясь, он тут же и признался, что приказ об освобождении ему вручили Гербо и Груар. Те же, в свою очередь, объявили, что они-то люди темные и маленькие, а главным фальсификатором был хитроумный Эжен-Франсуа Видок. Да вот же, все видели – он же у себя в каморке и писал подложный приказ!

На самом деле Гербо и Груар как раз специализировались на подлогах и сидели за подлог. Услышав, что Буатель сулит сто франков тому, кто поможет ему выйти на свободу, они, недолго думая, сляпали фальшивку. Теперь же, естественно, постарались превратить в главного преступника нашего беспечного героя, заручившись к тому же показаниями еще одного типа, Эжена Стофле, показавшего, что Гербо, Груар и Видок постоянно уединялись в комнате Видока и подолгу что-то обсуждали втроем.

Напрасно Видок пытался оправдаться, напрасно он утверждал, что ничего не знал ни о планах Буателя со товарищи, ни о подложном приказе. Ему это не помогло – слово одного против показаний четверых (Буатель в конце концов подтвердил показания трех остальных). Далее – суд и суровый приговор: восемь лет в кандалах. На языке тогдашнего судопроизводства это означало: восемь лет каторги.

Действительно ли Видок был так невиновен, как написал в мемуарах? Я позволю себе усомниться в его наивности и невинности. Так же, как и двум пройдохам-фельдфебелям, ему не впервой было иметь дело с фальшивыми документами. Он ведь и сам ими пользовался, и, возможно, помогал их изготавливать. Вспомним фальшивый паспорт, купленный им у какого-то пограничного офицера за 15 луидоров. Вспомним фальшивый офицерский патент «Бродячей армии» и там же полученные документы, удостоверявшие его дворянство. Так что, возможно, бывшие фельдфебели и не лгали. Но покажите преступника, который признается в собственных деяниях, тем более публично! Чтобы закончить с этой историей, скажем: Сезар Гербо, один из фальсификаторов, подставивших Видока (по его утверждению), спустя три года был приговорен к смертной казни за ограбление и жестокое убийство. Видок оказался

свидетелем того, как Гербо везли на эшафот. Нашему герою сокамерники-подельники приговоренного рассказали, что Гербо часто каялся в том давнем деле, и Видок, по его словам, простил экс-фельдфебеля. Но до конца жизни он считал именно Сезара Гербо тем человеком, который поломал ему жизнь, человеком, превратившим его в настоящего преступника.

Так или иначе, после приговора жизнь Видока претерпевает серьезные изменения. Теперь за ним числятся уже не просто мелкие грешки. Он — опасный преступник, каторжник. А ему всего-навсего двадцать лет, и на дворе — 4-й год Республики (1795 год)...

Видок ухитрился бежать в первый раз еще до вынесения приговора, во время следствия, но вскоре был схвачен и на этот раз препровожден на каторгу в форт Магон. В те неторопливые (несмотря на революцию) времена дорога была долгой, так что к Магону Видок прибыл лишь в 1797 году. За два года, прошедшие с момента вынесения приговора и до прибытия на каторгу, он ухитрился стать легендой уголовного мира северной Франции, пройдя через три (!) пересыльные тюрьмы, совершив полдесятка побегов и приняв участие в десятке (по меньшей мере) серьезных преступлений, от контрабанды до соучастия в грабежах. Так же, как с первым делом, он впоследствии отрицал все, кроме связей с контрабандистами. Он утверждал, что судьба, в самом деле, сводила его с различными преступниками, но лишь в стенах тюрем, где он становился внимательным слушателем кровавых историй. Так, однажды он познакомился и даже подружился с членами кошмарной шайки «поджаривателей», считавшихся изуверами даже в те далеко не мягкие времена. «Поджариватели» врывались в дома обывателей по ночам. Название свое они получили от милой привычки пытать огнем тех несчастных, которые пытались утаить от разбойников свое имущество. Знакомства с самыми одиозными фигурами преступного мира придавали ему, по его словам, вес в уголовной среде, но не превращали его самого в соучастника жестоких убийств и разбоев.

Словом, наш герой оказался на каторге в ореоле славы, его знали как отчаянного и рискованного малого. Можно, конечно, принять на веру утверждения самого Видока о его непривлекатель-

ности к самым страшным преступлениям. Тем не менее полиция была одного мнения с уголовниками относительно его личности. Во всяком случае, вот такой документ на случайных правонарушителей не составляют:

«Особенный надзор.

Видок (Эжен-Франсуа), заочно приговоренный к смертной казни. Субъект этот чрезвычайно предприимчив и очень опасен»¹.

Не вступая в спор с давно покинувшим этот мир Эженом-Франсуа Видоком, согласимся хотя бы с последним определением, данным ему одним из полицейских чиновников: «Чрезвычайно предприимчив и очень опасен».

Правда, указанный документ появился несколько позже — когда Видок, сбежав с каторги, оказался обвиненным в убийстве. Да-да, он недолго задержался на каторге — уже в январе 1798 года он оказался на свободе. Правда, пробыл на свободе всего лишь три недели. Его вновь поймали и отправили в тюрьму (по другому обвинению; о побеге Видока с каторги в тот момент задержавшие его полицейские не знали). Этому аресту мы обязаны подробным описанием внешности Эжена-Франсуа Видока. Все его портреты относятся к более позднему периоду и представляют нам зрелого 40-летнего мужчину. Каким он был в молодости, можно судить по полицейскому описанию:

«Эжен-Франсуа Видок, 22 лет. Рост 5 футов, 2 дюйма, 6 линий (в современных единицах измерения — 1 метр 69 см). Волосы светло-каштановые; брови и борода — тоже. Лицо овальное, широкое, глаза — серые, нос крупный. Рот средний, подбородок круглый, с ямочкой; лоб низкий, справа у губы — шрам, уши проколоты»².

Правда, в этом описании не хватает некоторых важных черт — например, удивительных способностей к перевоплощению, — не зря когда-то его пытались сделать балаганным лицедеем, видимо, были у него артистические способности.

---

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. — С. 208.

² James Morton. First detective. The Life and Revolution Times of Vidocq. The Overlook Press, NY, 2004. P. 57. Пер. Д. Клугера.

Ничего, конечно же, не говорится и о его наблюдательности и фантастической памяти, о быстром уме и мгновенной реакции, о хитроумии и природном обаянии Видока.

В этой тюрьме он тоже задерживается недолго. Снова побег, новые похождения, в которых нашлось место и таким экзотическим событиям, как пребывание в ярмарочном балагане (но уже не в роли юного дикаря-каннибала, а в качестве помощника «народного целителя»-коновала), в цыганском таборе, среди контрабандистов Бретани.

Сомнительная его слава ширилась, он в конце концов получил прозвище король побегов. А еще его называли королем риска. Сам он пытался оправдаться тем, что, мол, когда живешь среди мошенников и разбойников, всегда выгодно, чтобы тебя считали отъявленным злодеем: «Я был среди них генералом, которому приписывали все подвиги его солдат...»¹

Вот одна интересная деталь. В своих «Записках» Видок вдруг бросает, словно невзначай, по поводу разбойничьих шаек, с которыми он как-то был связан:

«Я знал, что остатки шаек, образовавшихся под названием Рыцарей Солнца или Общества Иисуса, в ожидании политической реакции, коль скоро правительство этого пожелает. Единственный извинительный предлог для их разбоя – *роялизм* – более не существовал...»² Это замечание относилось к тому времени, когда он уже прервал свои отношения с героями преступного мира.

Рассказывает он также, как его едва не убили в одной из таких шаек: один из разбойников опытным глазом заметил клеймо каторжника на его нижнем платье. Атаман тут же обвинил Видока, недавно прибывшегося к шайке, в том, что он – полицейский агент. Как же еще мог оказаться в их рядах беглый каторжник? Видок в тот раз спасся чудом. Ему кое-как удалось убедить атамана (тет-а-тет), что он никакой не агент, просто

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. – С. 317.

² Там же. – С. 192.

повезло сбежать с галер... Странно, что преступник, по малейшему подозрению готовый убить Видока, столь же быстро стал ему доверять.

Видок добрался до родного Арраса. Здесь его встретила постаревшая мать. Он узнал, что отец его незадолго до того скончался. Мать умоляла своего непутевого любимца образумиться и остаться с ней. Пусть под другим именем — она готова была скрывать его от полиции и знакомых. Видок в какой-то момент заколебался.

Но, пожив немного в родном городе, он столкнулся с неприятным обстоятельством. Сомнительная слава его достигла и Арраса. И местные полицейские имели предписание о розыске опасного преступника Эжена-Франсуа Видока. Его несколько раз задерживали, но всякий раз отпускали, не имея подтверждений тому, что задержанный господин и есть разыскиваемый Видок. Тут выручал неоднократно отмечавшийся современниками артистизм Видока, его привычка к мгновенным преобразованиям. Он даже разговаривать умел на диалектах различных провинций и земель, так что его принимали то за южанина, то за уроженца Иль-де-Франс, то и вовсе за испанца или голландца.

Но в конце концов, спустя неполный год, удача отвернулась от него. Он был в очередной раз схвачен и заключен в тюрьму. Сначала в самом Аррасе, затем в Бетюне и, наконец, в Дуэ. Из тюрьмы Видок бежит, прикинувшись инвалидом.

Он почувствовал, что север для него становится слишком опасным. Пробыв короткое время в Париже, Видок устремляется дальше на юг — в Лион. Он обосновался в таверне некоей Адель Бюффон. Таверна служила убежищем и логовом преступников всех мастей, местом их встреч, словом — настоящей воровской малиной. Здесь Видока приняли с почетом и уважением, свели с известными грабителями и... при первой же возможности благополучно сдали полиции. Король риска оказался в который уже раз за решеткой, в лионской тюрьме Роанн — на этот раз благодаря собратьям по ремеслу.

Можно представить себе ту ярость, которая охватила Видока, когда он понял, что его сдали те самые воры и скупщи-

ки краденого, которые накануне раболепствовали перед ним и пили за его счет.

Он решил отплатить им той же монетой. Потребовав письменные принадлежности, он пишет письмо лично графу Франсуа-Луи Дюбуа, которого совсем недавно первый консул Наполеон Бонапарт назначил генеральным комиссаром полиции Лиона.

В письме Видок просит комиссара о личной встрече.

Дюбуа приказал привести к нему легендарного преступника. Видок сразу взял быка за рога. Он предложил комиссару сотрудничество. Он сказал, что готов помочь полиции в ликвидации нескольких крупных воровских шаек. В частности, Видок пообещал вывести полицию на след убийц – шайку братьев Кинэ. Именно братья Кинэ, насколько мог понять Видок, стали инициатором сдачи его в руки полицейским. Разумеется, они сделали это чужими руками – ведь их самих, как уже было сказано, разыскивала полиция.

Дюбуа не мог поверить собственным глазам: как?! Король риска, король побегов, легенда уголовного мира Северной Франции Видок сам предлагает полиции свои услуги! Готов стать осведомителем! Стукачом! Этого не могло быть...

Видок прекрасно понимал, что человеку с его биографией трудно верить. Поэтому, видя сомнения комиссара Дюбуа, он вдруг сказал:

– Господин комиссар, а вы бы поверили мне, если бы я смог бежать из тюрьмы, а потом прийти к вам добровольно?

Дюбуа рассмеялся:

– Вернулись бы в тюрьму добровольно? После удачного побега? О, в этом случае – разумеется!

– Прекрасно. В таком случае прикажите вернуть меня в Роанн. И – до встречи, господин генеральный комиссар!

Дюбуа приказал отвести Видока обратно в тюрьму. Его сопровождали два вооруженных полицейских. Но что это за охрана для короля побегов? Улучив момент, Видок сбивает с ног обоих незадачливых стражей, в несколько прыжков преодолевает расстояние до ближайшего угла и... словно растворяется в воздухе. Нет, не случайно о нем рассказывали,

что он способен превращаться во что угодно — даже в сноп соломы.

Через два дня Видок как ни в чем не бывало, постучался в дом Дюбуа. Далее все произошло так, как и предполагал Видок. Полиция взяла братьев Кинэ, а затем накрыла несколько «малин», арестовав завсегдатаев. Среди арестованных были несколько давно и безуспешно разыскиваемых преступников. Видок мог считать себя отомщенным.

В тот раз сотрудничество с полицией не стало чем-то постоянным. Видок просто отомстил обидчикам — руками полиции. Но, возможно, в тот момент он заинтересовался этой малоизвестной ему стороной жизни — не убежать, а догнать, не скрываться, а разыскивать. Но если он и задумался над продолжением сотрудничества с полицией, то окончательно порвать с преступным миром пока не решился. До этого было еще далеко. Видок покинул коварный Лион и вновь отправился на север. Очередной (который уже по счету!) арест — и вторичное осуждение к пребыванию в каторжной тюрьме, да еще в двойных кандалах

Так наш герой вторично оказывается на каторге (таких пойманных беглецов тут называли «возвращенные лошади»), на галерах в Бресте.

Он вновь бежит — на этот раз в Булонь. Оказавшись в Булони, нанимается на корсарское судно — фрегат «Реванш», которым командует некий капитан Полé.

Корсар (или капер) — это частное лицо, получающее от властей официальное разрешение на ведение боевых действий против неприятельских судов во время войны. Корсарский патент, конечно, давал морякам определенную защиту, но только от преследований со стороны собственных властей — власти враждебных государств рассматривали корсаров и каперов как обычных пиратов со всеми вытекающими последствиями — вплоть до виселицы. Тем не менее в любой войне хватало отчаянных голов, готовых рискнуть головой ради обогащения. К таким относился и наш герой.

После одного из морских сражений ему посчастливилось обзавестись новыми документами. Видок заранее обратил

внимание на одного из своих новых друзей — бывшего капрала береговой артиллерии, весьма на него похожего, по имени Лебель. После гибели Лебеля наш герой решил воспользоваться его документами — на всякий случай. Так что отныне на «Реванше» не было Эжена-Франсуа Видока — считалось, что он погиб во время ночной бомбардировки порта, учиненной англичанами. А вот канонир Лебель благополучно продолжал существовать, участвовал в набегах на английские торговые суда, копил богатство, которое, впрочем, быстро таяло в портовых кабачках той же Булони.

Вскоре ему пришлось оставить и этот промысел — почти законный во время войны и достаточно прибыльный. Наполеон, недавно ставший из Первого консула императором, готовил Великую армию к завоеванию Англии. Огромная по тем временам, численностью почти полмиллиона, войсковая группировка, по замыслу Наполеона, концентрировалась в Булони. При этом император приказал очистить армию от сомнительных элементов и открытых уголовников. Всех их велено было отчислить из полков и посадить на стоявшие в Булони частные суда. Дальнейшая их судьба командование не интересовала.

Не очень понятно, почему это известие так встревожило Видока. Сам он говорит, что не хотел оказаться в окружении отъявленных негодяев. «Отъявленными негодьями» он называл в «Записках» бывших своих сотоварищей, нашедших, как и он в свое время, убежище в армии.

Видок списался на берег, не дожидаясь выполнения приказа. Он поступил в береговую артиллерию, пользуясь все теми же документами погибшего капрала Лебеля. Во время береговой службы он неожиданно оказался втянутым в антибонапартистский заговор. По его собственным словам, заговорщиков было немало, в основном морские офицеры и унтер-офицеры (гардемарины), а также некоторое количество офицеров и унтер-офицеров береговых подразделений, входивших в Булонский гарнизон. Общество называлось Олимпийским, и, как сказано в «Записках», ориентировалось на давнего соперника Наполеона — республиканского генерала Моро. Сам Моро, ранее

обвиненный Наполеоном в заговоре против Первого консула, в это время уже два года жил в Америке. Скорее всего, заговор «олимпийцев» не представлял серьезной угрозы для власти императора. Может быть, поэтому глава французской полиции Жозеф Фуше не обращал никакого внимания на булонских заговорщиков, несмотря на то что полиция, по утверждению Видока, знала о его существовании всё – вплоть до поименного списка участников. Тут уместно спросить, почему сам Видок так уверен в информированности полиции. Прямого ответа на этот вопрос в его мемуарах нет.

Заговор «олимпийцев» был раскрыт лишь в 1806 году, через полтора года после того, как Видок оказался вовлечен в этот то ли рыцарский орден, то ли масонскую ложу. Последовали разоблачения, сопровождавшиеся большим числом самоубийств, арестами и трибуналами. Видок счастливо избежал ареста: незадолго до того он покинул Булонь с несколькими уголовниками, принадлежавшими к так называемой «Армии Луны», весьма разветвленной шайке разбойников. «Армию Луны» составляли беглые солдаты и матросы, поэтому высокая дисциплина в шайке и привычка к взаимовыручке делали ее самой опасной из всех существовавших тогда в этом беспокойном крае.

При очередной поимке Видока препроводили в уже известную ему тюрьму Дуэ. Здесь у него состоялся примечательный разговор с генеральным прокурором Па-де-Кале. На приказ надеть кандалы Видок вдруг сказал:

– За что вы так относитесь ко мне, господин прокурор? Неужели только за то, что я долго был в бегах? Но ведь это единственное преступление, которое я совершил, а так я всегда старался честно зарабатывать кусок хлеба!

На первый взгляд, фраза «честно зарабатывать» звучит цинично, но не будем спешить с выводами. Тем более что после такого обращения Видока суровый прокурор действительно смягчил режим его пребывания в тюрьме. Во всяком случае, кандалы приказал снять. И даже побеседовал со знаменитым заключенным с глазу на глаз.

Во время пребывания в тюрьме Дуэ Видок наконец-то развелся. Похоже, он и сам уже забыл, что в Аррасе живет его жена.

Теперь Мари Видок приехала в тюрьму к мужу. Но вовсе не за тем, чтобы скрасить ему заключение. Прямо с порога бывшая девица Шевалье заявила, что давно уже любит другого и теперь намерена за этого другого выйти замуж. Потому ей требуется официальный развод.

Видок немедленно дал согласие. Испытал ли он облегчение от того, что вновь стал холостяком, неизвестно. С одной стороны, он никогда не чувствовал себя связанным семейными узами, с другой — время от времени вспоминал навязанную жену и даже навещал ее, когда судьба заносила его в Аррас.

В этой же тюрьме он встретил одного из давних своих знакомцев и подельников по брюссельской «Бродячей армии» — «капитана Лаббе». Несколько вечеров они провели в разговорах и воспоминаниях. Лаббе был приговорен к шести годам каторги и вскоре отправился в Тулон «на галеры». Впоследствии Видок узнал, что его приятель по дороге бежал, был схвачен и отправлен в Антверпен. Здесь «капитан Лаббе» и скончался в октябре 1814 года.

Видок отмечает, что пребывание его в тюрьме Дуэ изрядно затянулось. Спустя пять месяцев он решил распрощаться с этими стенами обычным уже способом — очередным побегом. На свободе подельники приготовили ему полное обмундирование офицера легкой артиллерии. Сам же Видок старательно обхаживал своих сторожей: угощал их блюдами из ближайшего трактира, обильно снабжал вином. В конце концов с ним стали обращаться почти по-товарищески. И, поскольку неловко было пить за счет Видока, а самого его не приглашать, Видок вскоре оказался завсегдаем их пирешек и даже участником карточных игр. Так сложилось забавное трио: тюремщик Ветю, судебный пристав Гутерль и заключенный Видок. В оправдание Ветю и Гутерлю следует сказать, что они по каким-то им одним ведомым причинам считали Видока уже почти помилованным.

Видок же стремился в эту компанию по одной-единственной причине: комната, в которой отдыхали и развлекались два его «партнера», была единственным помещением в тюрьме без

решеток на окнах. И в один прекрасный день, когда Ветю и Гутерль изрядно размякли от возлияний, Видок неожиданно выпрыгнул в это окошко – прямо у них на глазах. Пока оторопевшие сторожа приходили в себя, пока они поднимали тревогу, Видок успел переплыть узкую, но глубокую речку Скарп, на отвесном берегу которой и была построена тюрьма.

Видок, говоря словами Пушкина, решил: «Но вреден се-вер для меня...» Он надумал поселиться в Париже. При всей лестности «королевских» прозвищ Видок именно после побега из тюрьмы в Дуэ осознает, что трон «короля каторжников» его более не прельщает. Он вполне серьезно решает покончить с преступным прошлым и стать добропорядочным гражданином Франции, солидным обывателем, не имеющим пятен на репутации. Отметим, кстати, деталь, на первый взгляд не вписывающуюся в образ перекаати-поля, беглого преступника, каторжника-«отморозка»: несмотря на риск, Видок, прежде, чем отправиться в столицу, навестил Аррас и забрал с собою престарелую мать.

В Париже Видок встречает молодую женщину по имени Аннетта. Ее муж, торговец, сбежал от кредиторов в Голландию, бросив Аннету и не подавая о себе вестей. Вместе с Аннеттой Видок открывает небольшую лавочку. Аннетта, будучи посвященной в тайны своего возлюбленного, даже купила у своего домовладельца, некоего Жакелена, его паспорт. Так что Видок стал господином Жакеленом, парижским жителем. Они действительно зажили мирной, размеренной жизнью. Но – ненадолго. Бывшие подельники, встретившие его случайно, в очередной раз выдали его властям – так же, как за три года до того в Лионе. Видок оказался в парижской тюрьме Лафорс. И вновь, как в тюрьме Роанн, он решает обратиться к полицейскому начальству. Видок пишет шефу Первого управления полиции господину Анри, а через него – и префекту полиции барону Паскье.

Принципиальная разница между двумя обращениями в полицию – лионским и парижским – заключалась в том, что, если в первом случае Видок просто собирался с помощью комиссара Дюбуа расправиться с доносчиками, а заодно и освободиться из тюрьмы, то во втором он окончательно принял решение по-

рвать с прошлым. И решение это не было неожиданным — оно формировалось постепенно, в течение нескольких лет.

При этом Видок решил не просто уйти от преступного мира. Он собирался начать активную борьбу с ним.

АГЕНТ ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Прервем в этом месте рассказ о похождениях нашего героя. Представим себе этого человека — в камере тюрьмы Лафорс, принявшего решение, весьма рискованное, кардинально меняющее всю его жизнь. Ведь с этого момента его жизненный путь стал зеркальным отражением первой половины жизни. Именно зеркальным, когда правая сторона становится левой, а левая — правой, черное и белое меняются местами.

В произведениях Оноре де Бальзака, которые составили «Человеческую комедию», встречается сквозной персонаж, которого он «списал» с Видока. Бальзак дружил с Видоком и даже, по слухам, приложил руку к «Запискам начальника Парижской тайной полиции».

В повести «Отец Горио» Бальзак дает весьма подробный портрет этого персонажа — Вотрена, в котором современники легко угадывали Эжена-Франсуа Видока¹:

«Г-н Вотрен принадлежал к тем людям, о ком в народе говорят: “Вот молодчина!” У него были широкие плечи, хорошо развитая грудь, выпуклые мускулы, мясистые, квадратные руки, ярко отмеченные на фалангах пальцев густыми пучками огненно-рыжей шерсти. На лице, изборожденном ранними морщинами, проступали черты жестокосердия, чему противоречило приветливое и обходительное обращение. Не лишенный

---

¹ Строго говоря, Вотрен — прозвище, которое, действительно, носил в юности Э.-Ф. Видок. На северо-французском (артуасском или пикардийском) диалекте того времени «Вотрен» означало «дикий кабан» (в современном французском *sangler*). Это прозвище Видок получил за необузданный нрав. Таким образом, Бальзак и не скрывает, кого он вывел в своих романах под этим именем.

приятности высокий бас вполне соответствовал грубоватой его веселости»¹.

И вот, представим себе, такой человек сидит в камере в ожидании ответа от господина Анри, начальника II отделения парижской полиции. Перед ним – свеча, бутылка дешевого вина, каким тюремщики за гроши снабжали заключенных. Он курит трубку и, возможно, вспоминает всю предыдущую жизнь – что же еще? Ведь к прошлому, скорее всего, возврата больше нет. Даже если Анри не поверит в его искренность, Видок уже не останется прежним Видоком. Все тот же Оноре де Бальзак в романе «Блеск и нищета куртизанок» вкладывает в уста Вотрена-Видока следующие слова, предваряющие его отказ от криминального прошлого и переход на другую сторону:

«Предел моего честолюбия – быть частицей порядка и возмездия, вместо того чтобы олицетворять собою безнравственность. Я впредь никого не буду вовлекать в великую армию порока. Когда на войне берут в плен вражеского главнокомандующего, его не расстреливают, не правда ли? Ему возвращают шпагу и предоставляют какой-либо город в качестве тюрьмы; так вот, я главнокомандующий каторги, и я сдаюсь...»²

Замечу, что многочисленные биографические статьи, посвященные истории Эжена-Франсуа Видока, изобилуют неточностями, а порой и просто невероятными выдумками. Мне встречалось, например, утверждение, что Видок плавал на судне знаменитого корсара Жана Барта – что, конечно, могло бы иметь место только в фантастическом романе: Жан Барт умер в 1702 году, а Видок родился в 1775... Заметно и полное доверие к легендам, окружавшим фигуру «первого детектива Европы», в первую очередь – к тому, что изложено в «Записках Видока, начальника парижской тайной полиции». При этом

---

¹ О. де Бальзак. Отец Горио / Пер. Е. Корша // О. де Бальзак. Собр. соч. в 24 тт. – М.: Правда (Библиотека Огонек), 1960. – Т. 2. – С. 284.

² О. де Бальзак. Блеск и нищета куртизанок / Пер. Н. Г. Яковлевой // О. де Бальзак. Собр. соч. в 24 тт. – М.: Правда (Библиотека Огонек), 1960. – Т. 10. – С. 521.

не учитывали ни то, что, скорее всего, писать ему помогали профессиональные литераторы, ни то, что свою задачу неназванные авторы видели в том, чтобы заинтересовать тогдашнюю публику, а вовсе не в том, чтобы донести до этой публики правду.

Поэтому попробуем вслед за нашим героем вспомнить некоторые сомнительные моменты биографии, которые сыграли известную роль в «преображении Видока».

История с первым дезертирством, службой в австрийской армии и возвращением на службу в армию Франции с повышением больше похожа на операцию военной разведки, чем на цепь счастливых случайностей.

Столь же двусмысленным представляется вступление Видока в тайное «Общество олимпийцев» и счастливое бегство из его рядов перед самым разоблачением заговора и массовыми арестами.

Что до остального, то, возможно, Видок не лукавил, говоря прокурору об отсутствии в его жизни реальных тяжких преступлений. В самом деле, нет никаких свидетельств об участии в грабежах или тем более убийствах. Конечно, если не считать убийствами дуэли, которых Видок и правда числил за собой десятками. Но дуэли в действующей армии в конце XVIII – начале XIX века были столь распространены, что не только Видок, но и подавляющее большинство его современников, исключая совсем уж заведомых чудаков, вытаращили глаза, если б им сказали: дуэль – это убийство.

Точно такое же удивление у большинства тогдашних европейцев вызвало бы причисление к преступлениям, подлежащим наказанию, карточного мошенничества. Ведь этим не брезговали и вполне уважаемые члены общества – во всех практически странах Европы, от Британии до России. Можно вспомнить, например, знаменитого Ф. Толстого-Американца или других великосветских кутил, о которых открыто говорили, что они «на руку нечисты». Крапленые колоды ходили в приличных домах так же, как на уголовных катранах (хотя слова этого тогда еще не было).

Что до подложных документов и фальшивых приказов – такие правонарушения казались более серьезными, но и они

были распространены чрезвычайно и в общественном мнении не вызывали особого осуждения. Подделка чека, векселя, завещания – конечно, неприличное занятие, но редко в светском обществе дело доходило до суда и тюрьмы. Максимум, ожидавший «шалуна», – увольнение из полка (для военного), отказ от некоторых домов. Конечно, иное дело – профессиональные фальсификаторы вроде Альберта Лаббе, «капитана Лаббе». Но Видок не был профессиональным фальсификатором и занимался подлогами лишь по чрезвычайной необходимости.

Еще одна страница биографии Видока – служба на фрегате «Реванш» под командованием капитана Поле. Корсарство во время войны вообще не считалось преступлением. То есть англичане, на торговые суда которых нападали «Реванш», наверняка считали его команду пиратами и в случае поимки повесили бы всех, включая и Видока, без всяких раздумий. Так же точно поступили бы французы в случае захвата ими английского капера. Но в своих и в нейтральных странах корсары и каперы ничем не отличались от военных моряков. Закон их не только не преследовал, но даже защищал.

Таким образом, документированных преступлений за Видоком числилось не так много, и отношение к этим преступлениям в тогдашнем французском обществе было достаточно мягким. Он не был убийцей или грабителем, не воровал и не подделывал деньги. Он даже не занимался скупкой краденого. Единственным серьезным преступлением были многочисленные побегі. Но даже в отношении этих «подвигов» сегодня как-то не хочется его чересчур обвинять – тем более, его артистичность восхищала не только уголовников, но и самих полицейских – например, побег Видока под видом полицейского... сопровождающего Видока! Роль фальшивого Видока играл его подельник.

Можно обратить внимание на его знакомство с разбойничьими шайками, в конце 90-х годов XVIII столетия буквально заповолившими не только провинции, но и сам Париж. Тут обращает на себя внимание то, что сам он не вступал ни в одну шайку и не участвовал в преступлениях, совершаемых всеми этими разбойниками. Интересно, что в «Записках» Видок

пишет об использовании многими уголовниками «роялистского» прикрытия: они выставляли себя идейными борцами с революционным террором.

Думаю, читатель уже догадался, к чему я клоню. Действительно ли первые контакты с полицией в качестве возможно-го агента для Видока начались лишь в 1806 году, в Лионской тюрьме? Нет никаких свидетельств такой версии, а сам Видок в первой части своих «Записок» поддерживает многочислен-ные легенды о криминальных подвигах. Правда, описывает он все-таки больше не свои «подвиги», а чужие. Тем не менее можно предположить, что вся криминальная жизнь Эжена-Франсуа Видока, начиная с военной службы, была «легендой» правительственного агента. Агента, занимающегося, правда, не уголовными, а политическими и военными преступления-ми. Если, конечно, контакты с разбойниками и грабителями, притворявшимися роялистами, связаны были именно с «роя-листской окраской» шаек, орудовавших в деревнях и на дорогах департамента Па-де-Кале.

Возможно, обращение к комиссару Дюбуа стало первой неудачной попыткой легализоваться в условиях, когда в кри-минальной среде над головой короля побегов начали сгущаться тучи. Отметим, что судьба осведомителя, агента полиции в те времена была не слишком безопасна. Для полицейских чинов-ников агент из уголовников, стукач, оставался презренным от-щепенцем, ничтожеством. Его жизнь ничего не стоила, никому из чиновников не пришло бы в голову спасти его в критиче-ской ситуации; загнанный в угол, он вынужден был заботиться о своей безопасности самостоятельно. Видок, возможно, понял, что, лишь открыто превратившись в полицейского чиновника на жаловании государства, он сможет постоять за себя, не по-лагаясь на защиту самого государства.

Разумеется, это лишь одна из причин. О второй — мести вероломным подельникам, сдавшим его при первой же воз-можности, я уже писал. Наконец, третья причина (но не по-следняя по значимости) состоит в том, что, возможно, близко познакомившись с преступным миром, Видок и в самом деле возненавидел эту изнанку жизни. В конце концов, все три при-

чины ничуть не противоречат друг другу; напротив, они дополняют друг друга, как дополняют друг друга различные черты характера нашего героя.

Но если это так, почему же Видок не написал это открыто? Почему даже в своих «Записках», когда ему нужно было оправдаться перед обществом, он не стал говорить, что действовал по заданию властей, а не из преступных наклонностей? Тут могло быть две причины. Во-первых, и во Франции, и в России в глазах общества разбойник, грабитель, словом – уголовник, имел романтический ореол, а вот полицейский агент, осведомитель, шпион окружен был всеобщим презрением. «Шпионами пользуются, но их не уважают» – таково было общее убеждение. И Видок, прекрасно понимавший это (или автор, фактически написавший мемуары), предпочитал выступить в качестве раскаявшегося уголовника, а не правительственного агента. Ну, а второй причиной могли быть опасения мести от преступников или заговорщиков. Одно дело – преступник Видок, который раскаялся в 1806 (или даже в 1809) году. И совсем другое – полицейский агент Видок, задолго до того вынюхивавший опасные секреты.

Так что предлагаемая версия вполне имеет право на существование. К тому же она достаточно убедительно, как мне кажется, объясняет многие сомнительные моменты биографии Эжена-Франсуа Видока, которому в момент обращения к господину Анри исполнилось уже 34 года – возраст более чем солидный в те времена.

ЛУЧШАЯ ПОЛИЦИЯ ЕВРОПЫ

Парижская полиция была создана при «короле-солнце» Людовике XIV в декабре 1666 года, по инициативе королевского интенданта финансов Жана-Батиста Кольбера, фактического главы правительства. По его протекции вновь образованное ведомство возглавил Габриэль Николя де ла Рейни, назначенный генерал-лейтенантом полиции – на должность, созданную специально для него. Ла Рейни занимал эту должность более тридцати лет –

до января 1697 года. Обязанностями главы парижской полиции стало наведение порядка в столице государства и обеспечение безопасности горожан. Имелась в виду не только безопасность от преступников, но также борьба с пожарами, наводнениями, защита города от стихийных бедствий, недопущение массовых волнений. Для этого в первую очередь необходимо было создать единую службу, которая бы занималась всеми сторонами безопасной жизни в городе. Это был первый опыт создания подобной службы в отдельном городе,

Габриэль Николя де ла Рейни, генерал-лейтенант полиции. С портрета Николя Миньяра

а не государстве. В Париже в то время проживало полмиллиона жителей. Не проходило дня, чтобы в городе не обнаруживались трупы убитых ночью и ограбленных обывателей, причем – из самых разных сословий. Именно так утром 22 декабря 1643 года недалеко от рынка Пре-о-Клер в Париже было обнаружено тело королевского мушкетера Армана де Силлега д'Атоса д'Отвьеля¹ со следами насильственной смерти (колотые раны). Причиной убийства сочли дуэль, но кто знает, не стал ли мушкетер в действительности жертвой уличных грабителей? В 1664 году один парижский публицист писал: «Днем и ночью в Париже обворовывают и убивают. Мы достигли самого дна эпохи, ниже некуда»².

Такова была обстановка в городе, когда вышел указ короля об учреждении новой, «высокой полиции». И вновь назначен-

¹ Гасконский дворянин Арман де Силлег д'Атос д'Отвьель считается прототипом благородного Атоса из романа А. Дюма «Три мушкетера».

² Г. Файкс. Большое ухо Парижа / Пер. Л. Ф. Маковкина. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 30.

ный генерал-лейтенант этой полиции призван был навести здесь порядок.

Николя де ла Рейни начал с организации штата своих помощников. Он создал должности 48 комиссаров полиции, которые управляли общественным порядком в 17 районах Парижа. Генерал-лейтенанту подчинялись также губернатор Парижа, служба жандармерии Иль-де-Франс, парижская городская стража. Общая численность вооруженных сил, находившихся в его распоряжении, составляла 400 пеших и 144 конных полицейских. Он мог привлекать в случае необходимости и армейские подразделения. Кроме того, у него были два лейтенанта (заместителя) – по уголовным и судебным делам.

С именем Николя де ла Рейни связана первая в истории Франции полицейская облава. Задумав одним ударом очистить Париж от преступников, он однажды всем своим полицейским войском окружил район городских трущоб. Но внутрь его люди не пошли – это было бы бессмысленным. Нет, ла Рейни просто передал жителям этого квартала (через собственных информаторов, которыми прежде он буквально наводнил городские трущобы): всем немедленно покинуть городскую черту. В этом случае им будут прощены все прошлые прегрешения (если, разумеется, они не вернуться в Париж). Последние двенадцать человек будут арестованы полицейскими и ответят по всей строгости – за всех собратьев.

Началась дикая давка, но спустя короткое время квартал был пуст. Ла Рейни не пришлось никого наказывать – никто не хотел оказаться в числе двенадцати «козлов отпущения».

Примерно так же генерал-лейтенант парижской полиции действовал и в других случаях. Так, например, он счел виновниками большей части преступлений в городе столичных цыган. В кратчайший срок все цыгане были высланы из Парижа. Те немногие из несчастных, кто решил, несмотря на запрет, вернуться домой, рисковали оказаться на костре.

Правда, некоторые подвиги Николя де ла Рейни вызывали невольное уважение остроумием и находчивостью. Например, получив приказ разогнать волнения горожан (они случались регулярно и обретали порой большой размах), он прибыл

на площадь с небольшим отрядом мушкетеров. Обратившись к мятежникам, генерал-лейтенант громко сказал:

– Господа, его величество приказал нам в случае необходимости стрелять в негодяев! Но не в порядочных людей. Поэтому порядочных людей я попрошу разойтись! Негодяи могут остаться.

Толпа быстро рассосалась, поскольку никому не хотелось признать себя негодяем. Мушкетерам ла Рейни не пришлось стрелять. Дело было улажено бескровно.

Николя де ла Рейни ликвидировал так называемые «дворы чудес», каковых в Париже было двенадцать. «Дворами чудес» называли кварталы, в которых селились профессиональные попрошайки, воров, грабители и прочие обитатели городского дна. Здесь действовали свои правила, свои законы – и даже были свои «короли» и «принцы». Связываться с их подданными власти не рисковали.

Ла Рейни, действующему жестко и даже жестоко, удалось разгромить парижские «дворы чудес». Парижские – потому что они существовали во всех крупных городах.

Но не только обитатели трущоб совершали преступления в столице «короля-солнца». Самые громкие дела, пришедшиеся на эпоху ла Рейни, касались представителей дворянства и высшей буржуазии.

Первым из них было «Дело маркизы Бренвилье». Оно принесло главе парижской полиции Николя де ла Рейни и его лейтенанту по уголовным делам Франсуа Дегрэ общеевропейскую славу.

Все началось весной 1672 года с крайне подозрительной смерти одного молодого кавалерийского офицера, шевалье де Сент-Круа. Обстоятельства указывали на то, что офицер интересовался вещами, не очень характерными для дворянской молодежи Парижа: его нашли в алхимической лаборатории. Причиной смерти де Сент-Круа была производственная авария. Случайно разбился один из сосудов, в котором молодой человек пытался получить чрезвычайно сложный и эффективный яд. Пары этого яда и убили незадачливого алхимика.

Разумеется, полиция заинтересовалась необычным хобби блестящего офицера. Тем более что и завещание, найденное в его кабинете, оказалось весьма неожиданным. В нем говорилось следующее:

«Покорнейше умоляю тех, к кому попадет эта шкатулка, оказать мне одолжение и передать ее в собственные руки маркизе де Бренвилле, проживающей на улице Нев-Сен-Поль, поскольку все, что находится в шкатулке, имеет отношение только к ней и принадлежит ей одной, да к тому же содержимое никому не может принести никакой пользы, а равно и никакой корысти; в случае же если маркиза умрет раньше меня, прошу сжечь шкатулку со всем содержимым, ничего не открывая и не перебирая. А чтобы потом не было ссылок на неведение, клянусь Господом, которого безмерно чту, и всем святым в мире, что все сказанное здесь – истинная правда. В случае же если это мое желание, всецело законное и здоровое, не будет выполнено, пусть поступившим будет стыдно передо мной и на том и на этом свете, и торжественно заявляю, что такова моя воля.

Составлено в Париже пополудни 25 дня мая месяца 1672 года.
Подписано де Сент-Круа»¹.

Далее на том же листе имелась приписка, сделанная рукой все того же де Сент-Круа:

«Один пакет предназначен г-ну Пенотье, каковой и надлежит ему отдать»².

Шкатулку, естественно, вскрыли, невзирая на волю покойного. В ней оказались снадобья, необходимые для приготовления сильнодействующих ядов, а также некоторое количество готового яда. Вот что было сказано по этому поводу в заключении привлеченного полицией аптекаря Ги Симона:

«Этот хитроумный яд ускользает при любых исследованиях; он настолько таинствен, что его невозможно распознать, столь неуловим, что не поддается определению ни при каких ухищрениях, обладает такой проникающей способностью, что

---

¹ А. Дюма. Знаменитые преступления / Пер. Л. Цывьяна. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – С. 80.

² Там же. – С. 80.

ускользает от прозорливости врачей; когда имеешь дело с этим ядом, опыт и знание бесполезны, правила сбивают с толку, поучительные изречения бессмысленны.

Были произведены самые достоверные и общепринятые опыты с различными элементами либо на животных...

Яд Сент-Круа прошел все испытания и ускользнул во всех опытах; яд плавает на воде, он легче ее и вынуждает оный элемент подчиниться; он также оказался неуловим при испытании огнем, после какового от него осталась только безвредная пресная материя; в животных он скрывается так искусно и с такой хитростью, что совершенно невозможно его распознать; у животного все органы остаются здоровыми и невредимыми, проникая в них как источник смерти, этот хитрый яд в то же время сохраняет в них видимость и признаки жизни»¹.

После этого, разумеется, расследованием обстоятельств гибели шеваляе Сент-Круа занялась полиция под руководством лейтенанта по уголовным делам Франсуа Дегрэ. Этот относительно молодой человек к тому времени уже снискал славу одного из лучших полицейских офицеров Парижа².

Ему-то и удалось установить картину, которая и сегодня поражает изощренностью и невероятной жестокостью. За несколько лет до смерти Сент-Круа, капитан полка де Траси, увлекся красавицей маркизой де Бренвилье, и она ответила молодому кавалерийскому офицеру взаимностью. Настолько, что она ушла из семейного дома и поселилась у любовника. Маркиз де Бренвилье поведением жены был нисколько не смущен, тем более женился он на ней не по любви, а из-за немалого приданного.

Но вот отцу ее, судье Дре д'Обре, поведение дочери категорически не понравилось. И, для того чтобы принудить ее к соблюдению приличия, а заодно чтобы наказать ветреного

¹ Там же. – С. 83.

² Франсуа Дегрэ уже в наше время стал одним из главных героев знаменитой эпопеи Анн и Сержа Голон о маркизе Анжелике. В экранизации романов его роль исполнил знаменитый французский актер Жан Рошфор. Наверняка зрители помнят бывшего юрисконсульта графини де Пейрак, которого повсюду сопровождала собака по кличке Сорбонна.

**Маркиза Мари-Мадлен
де Бренвилье**

кавалериста, он добился персонального ордера на арест Сент-Круа.

И это было роковой ошибкой. Потому что соседом капитана по камере случайно оказался итальянец Экзили, специализировавшийся на изготовлении ядов и обвинявшийся во многих отравлениях, совершенных в Риме.

Возможно, наши любовники уже обсуждали различные способы решения проблемы нудной опеки маркизы со стороны отца и старших братьев. Ну и, конечно, про-

блемы скорейшего получения немалого наследства. Так что судья д'Обре собственными руками обеспечил своих убийц орудием убийства. Вскоре после освобождения из-под ареста капитана Сент-Круа в страшных муках скончались отец маркизы де Бренвилье, а следом — ее старшие братья. Правда, в тот момент врачи посчитали причиной этих смертей какую-то непонятную, но очень тяжелую болезнь. Лишь после несчастного случая с капитаном стало понятно, что родственники прекрасной маркизы были отравлены сложным ядом, присутствие которого медики поначалу не смогли обнаружить. В ходе следствия основные показания (под пыткой, но в то время это была обычная следственная практика) дал помощник погибшего офицера некто Лашоссе. Он не только назвал в качестве главной соучастницы преступлений Сент-Круа маркизу Мари-Мадлен де Бренвилье, но и сообщил жуткие подробности о том, как испытывались составляемые преступниками яды — прежде чем использовались по назначению. Оказалось, что маркиза проверяла их действие сначала на собственной служанке, а затем в больнице для бедных, куда приходила якобы из милосердия — раздать несчастным специально выпеченный хлеб. Хлеб был начинен ядом, и великосветская убийца хладнокровно наблюдала за тем, как отравка действовала на нищих. Лашоссе был приговорен к колесованию и казнен на Гревской

площади — еще до того, как была взята под стражу маркиза. Его показания подтвердила чудом выжившая служанка — ей повезло, яд вызвал тяжелую болезнь, но не смерть.

Мари-Мадлен де Бренвилье попыталась скрыться в женском монастыре в Льеже. Но специально посланному туда Франсуа Дегрэ удалось выманить преступницу и доставить ее в Париж. Она призналась не только в отравлении родных (убийства бездомных и попытка отравления служанок судей интересовали мало). Она сообщила также о том, что готовила покушения на Кольбера и Мазарини. Интендант финансов действительно болел непонятной болезнью в 1669 году — как раз в разгар деятельности дьявольской парочки. Маркизу заподозрили в том, что она действовала в данном случае по указанию опального министра Николя Фуке. Подозревали даже, что Фуке собирался ее руками отравить самого «короля-солнце». Но в этом, несмотря на пытку, Бренвилье не призналась. Прекрасную отравительницу отправили на эшафот. 17 июля 1676 года ей отрубили голову, а тело сожгли.

Тут я должен заметить, что к признаниям преступников прежних времен следует относиться с определенным скепсисом. Пытка входила в качестве обязательного и даже рекомендуемого инструментария в арсенал приемов полиции XVII века. Насколько соответствовали истине показания женщины, которую подвергали мучениям разной степени, представляю судить читателям. Мне же кажется, что пристегивание политических мотивов к делу об отравлении из корыстных побуждений, какими, несомненно, были убийства судьи д'Обре и его сыновей, никак не диктовалось интересами правосудия. Ла Рейни знал, что его покровитель Кольбер заинтересован в окончательном уничтожении опального соперника. Поэтому, не исключено, показания преступной маркизы о попытках отравления министра и короля по указанию арестованного Николя Фуке появились в деле именно по этой причине.

Под впечатлением от ужасного дела, а также подозревая, что мода на «порошки Бренвилье» будет активно распространяться в свете, король приказал учредить так называемую «Огненную палату» или «Огненный суд» («Chambre ardente»),

которая занималась расследованием преступлений среди знати, имеющих не только уголовную, но и политическую окраску. Палату возглавил все тот же Николя де ла Рейни. Само же «Дело о ядах» повлекло за собой еще одно дело – вдовы Монвуазен, которое иногда считается лишь финалом «Дела о ядах». В ходе следствия стало известно, что некая Катрин Монвуазен (или Ла Вуазен) специализировалась на поставках ядов для знатных персон – таких, как племянница кардинала Мазарини герцогиня Суассонская и даже официальная фаворитка короля мадам де Монтеспан. Соучастником Монвуазен был сатанист и чернокнижник аббат Гибур, устраивавший для высокопоставленных заказчиц «черные мессы», во время которых приносились в жертву дьяволу младенцы, купленные у нищенок специально для этой цели.

Согласно показаниям Монвуазен, во время одной такой оргии мадам де Монтеспан молила дьявола о возвращении любви короля, который охладил к ней.

Скандал, таким образом, затронул интересы самого короля, поэтому следствие было прекращено, вдову-отравительницу Монвуазен поскорее казнили.

И вновь выскажу сомнения в достоверности этой части показаний, полученных лейтенантом Дегрэ. По сей день неизвестно, действительно ли фаворитка Людовика участвовала в чудовищных «черных мессах» и планировала убийства соперниц – как неизвестно, имели ли место в действительности сами сатанинские оргии. В падении всемогущей фаворитки были заинтересованы несколько ее соперниц: от бывшей королевской любовницы Луизы де Лавальер до будущей – мадам Ментенон. Некоторые показания Монвуазен и особенно аббата Гибура производят впечатление бреда психически не очень здоровых людей. Хотя факт изготовления ядов вдовой и продажи этих ядов некоторым представителям светского общества (герцогине Суассонской, например) сомнения не вызывает.

Так или иначе, король не предпринял ничего против своей фаворитки, несмотря на обвинения в ее адрес. Ее не только не судили, но даже не удалили от двора. Лишь в 1691 году она оставила двор – по собственному желанию, но с разрешения короля.

Впрочем, судьба госпожи де Монтеспан (кстати, матери семерых королевских детей и прапрапрабабки «короля французов» Луи-Филиппа) остается вне рамок нашего повествования. Скажем лишь, что «Дело о ядах» и «Дело вдовы Монвуазен» является фоновым событием, описываемых в новелле Э.Т. А. Гофмана «Мадемуазель де Скуодери», а также в романах Анн и Серж Голон о маркизе Анжелике. Александр Дюма посвятил преступлениям маркизы де Бренвилье новеллу в книге «Знаменитые преступления».

**Жозеф Фуше,
министр полиции**

К концу «тридцатилетия ла Рейни» Париж действительно стал самым безопасным (в криминальном отношении) и, что немаловажно, самым освещенным городом Европы – здесь имелись 6000 уличных фонарей, установленных на деньги от специального налога, введенного генерал-лейтенантом полиции. Налог назывался «грязь и свет», поступления от него использовались на благоустройство парижских улиц. Сама же полиция Парижа стала называться «современным чудом света».

Преемники господина де ла Рейни приумножили славу этого чуда, хотя оставили о себе славу двусмысленную. Например, об Антуане де Сартине, возглавлявшем полицию уже в XVIII веке, с 1759 по 1774 год, при Людовике XV, тот же Видок в своих «Записках» пишет с нескрываемой насмешкой:

«Не знаю, каких сыщиков имели при полиции гг. Сартин и Ленуар, известно только то, что во времена их администрации вора́м была, что называется, лафа, и их водилось немало в Париже. Главный начальник полиции мало заботился о том, чтобы остановить их подвиги, это было не его дело; только он не прочь был познакомиться с ними и от времени до време-

ни заставлял их забавлять себя, если знал их за людей ловких и искусных в ремесле»¹.

Согласно рассказу Видока, Сартин поддерживал славу возглавляемой им полиции весьма своеобразным методом. Например, он мог призвать к себе опытных воров и сообщить им, что в Париж прибыл богатый иностранец. И не просто сообщить, но и приказать... обокрасть его! По словам главного полицейского, такая кража поддержит славу парижских уголовников. Украденные вещи воры, естественно, приносили генерал-лейтенанту Сартину. Далее действие развивалось следующим образом. Обворованный иностранец обращался в полицию – и буквально через четверть часа получал украденные вещи назад. Естественно, восхищению иностранца такой оперативностью не было предела – и не было предела славе парижской полиции.

Видок утверждает также, что в бытность Сартина начальником парижской полиции искусные воры являлись желанными гостями в великосветских салонах. Здесь они демонстрировали свою ловкость, а знатные дамы и господа в восхищении аплодировали им. Зачастую титулованные особы ходатайствовали об освобождении преступников из тюрьмы – именно по причине удивительного таланта.

В то же время нельзя не отнять у Антуана де Сартина и организационных способностей. При нем умножилось число масляных уличных фонарей. При нем же невероятно возросло число тайных полицейских информаторов – как из уголовников, так и из добропорядочных граждан. Правда, использовал он этот ресурс гораздо чаще в политических целях, нежели в целях борьбы с уголовной преступностью. Рассказывают, что однажды Сартин гордо сказал королю:

– Сир, если на улице останавливаются поговорить трое парижан, уверяю вас: один из них – мой человек.

Ему же, кстати, принадлежит и знаменитый афоризм «Ищите женщину!» («*Cherchez la femme*»). Он имел в виду, что за каж-

---

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. – Т. 2–3. – С. 79.

дой тяжбой и за каждым преступлением всегда можно найти женщину, которая являлась вдохновительницей.

Так или иначе, Сартин стал такой же легендой парижской полиции, как и Рейни. Легендой, естественно, дореволюционной. В то время, когда Видок решил обратиться к господину Анри с предложением своих услуг, о Сартине еще ходили легенды — и среди преступников, и среди полицейских. Но время уже было иное. Революция внесла свои правки и в дело охраны общественного порядка. Пост министра полиции с 1799 года занимал бывший якобинец, а затем — бонапартист Жозеф Фуше. При нем так же больше внимания уделялось политическим преступлениям (заговорам и покушениям), нежели уголовным.

ПЕРВЫЕ ДЕЛА АГЕНТА ВИДОКА

Префектом парижской полиции в момент обращения Видока был барон Этьен-Дени де Паскье. Именно он должен был дать Анри, начальнику II полицейского управления, разрешение на сотрудничество с «королем каторжников» Эженом-Франсуа Видоком. И разрешение было получено. Заключенному тюрьмы Лафорс об этом сообщил сам господин Анри в своем кабинете на Малой улице Св. Анны. Видока освободили из тюрьмы в обмен на сотрудничество — но не помиловали. Само освобождение было обставлено как очередной побег из-под ареста. Приговор за побег, за прочие преступные деяния, бывшие и не бывшие в действительности, оставался в силе. В любой момент власти могли отправить его на много лет в каторжную тюрьму или на галеры.

Но Видок был убежден в том, что Анри, славившийся проницательностью и искусством разбираться в людях, прозванный парижскими уголовниками Злым гением (или Злым роком) — именно за эти качества, — что этот полицейский прозорливец поверил ему, поверил в искренность намерений Видока. И он взялся за новое для него дело с прежней энергией и решительностью.

В те дни — летние дни 1809 года — многие парижане могли видеть мужчину и женщину средних лет, выглядевших как

обычные парижские обыватели. Мужчина среднего роста, с широким, открытым лицом и обаятельной улыбкой, с сильной проседью в пышной каштановой шевелюре и цепким внимательным взглядом светлых глаз; женщина – миниатюрная, миловидная, улыбчивая. Оба одеты неброско и опрятно. Это были новоявленный агент полиции Эжен-Франсуа Видок и его верная подруга Аннетта. С этой минуты в течение нескольких лет она была его верной помощницей.

Видок и Аннетта занимались тем, что можно было бы назвать рекогносцировкой – они старались как можно четче запомнить сцену своих будущих подвигов: лабиринт парижских улиц, пути отхода, сквозные дворы, парки. В те времена не существовало разработанных методик ведения следствия, так что Видоку приходилось импровизировать.

По словам Видока, изучением места действия он занимался ровно 22 дня. На 23-й день пребывания на свободе его вызвал к себе Злой гений. Видок получил первое задание: схватить неуловимого фальшивомонетчика по имени Вотрен. На предупреждение Анри о том, что прежние агенты упустили Вотрена, так что сразу после ареста тому удалось бежать, вызвали у нашего героя насмешливую улыбку. Еще бы – для него нерасторопность полиции не была неожиданностью, он ведь и сам неоднократно бежал из-под ареста, пользуясь этим качеством стражей закона.

– Но мне нужны все сведения о нем, которые есть у полиции, – предупредил Видок.

– Это справедливо. Разумеется, вы будете знать все, что известно нашим агентам, – и Анри отдал соответствующее распоряжение.

Увы! Все, что могли сообщить Видоку полицейские агенты, сводилось к сведениям о некоторых привычках знаменитого фальшивомонетчика.

Пришлось нашему герою и его верной подруге все начинать с нуля. Спустя день или два после тщательной разведки Видок узнал, что Вотрен не так давно оставил свои вещи в меблированных комнатах на бульваре Монпарнас. Видок установил слежку за домом, полагая, что Вотрен либо придет сам, либо пришлет кого-нибудь за вещами. Недельку слежка не давала

никаких результатов, так что охваченный азартом Видок решил снять квартиру поблизости и поселиться там вместе с Аннеттой. Семейная пара вызвала куда меньше подозрений, чем одинокий мужчина.

Наконец однажды вечером он дождался появления Вотрена и его сообщника. Схватить их обоих Видоку не удалось — его добычей оказался лишь товарищ Вотрена. Видок не имел права на самостоятельный арест, но, понадеявшись на то, что схваченный им мужчина этого не знает, он добился признания, что тот не только

**Этьен-Дени Паскье,
префект полиции**

знакомый, но и соучастник Вотрена, а также указания адреса, по которому проживали они оба. Оказалось, разыскиваемый преступник живет не так далеко — на улице с говорящим названием rue Mauvais Garçons (улица Плохих Ребят), в доме под номером 4. Отправив Аннетту за полицейской стражей, Видок пускается по указанному адресу и застаёт Вотрена. Здесь ему удается захватить и обезоружить забаррикадировавшегося фальшивомонетчика — как раз к моменту, когда подоспели полицейские. Вотрен был арестован и препровожден в тюрьму. Видок получил первое денежное вознаграждение и благодарность от Анри. Что до Вотрена, то он был приговорен к смертной казни (фальшивомонетничество во всех странах наказывалось очень сурово) и спустя короткое время обезглавлен.

Таковы были первый розыск и первый арест, осуществленные Эженом-Франсуа Видоком. На первый взгляд, в этих событиях нет ничего из ряда вон выходящего. Но уже здесь Видок применил качества и приемы, ставшие впоследствии визитной карточкой Видока-сыщика. Прежде всего — наблюдательность, ориентация на местности. Умение маскировать-

ся, выдавать себя за другого. Умение разговорить нужных людей. Терпеливость, способность ждать — часами, днями и даже неделями.

Казалось бы, простейшие приемы. Что такого особенного, например, в маскировке, искусстве грима? Но Видок, занимаясь им, довел искусство гримировки до совершенства. Повествуя о разоблачении притона, который содержала скромная учительница музыки мадам Ноэль — мать знаменитого грабителя, отбывавшего срок на каторге, — он подробно рассказывает, как в соответствии со словесным портретом преступника, за которого намеревался себя выдать при встрече с этой женщиной.

«Тетушка Ноэль никогда не видела меня в лицо, — пишет Видок. — Я решился выдать себя за беглого каторжника Жермена, прозванного Капитаном, который был близок с Ноэлем; хотя он не походил на меня ни капли, но тем не менее я решился воспользоваться его именем»¹.

Далее Видок так описывает процесс собственного преобразования:

«Мои волосы, подрезанные по моде каторжников, были выкрашены в черную краску, так же как и борода, которую я отпускал в продолжение целой недели. Чтобы придать своему лицу смуглый цвет, я намазался настоем ореховой скорлупы; чтобы довершить превращение, я подделал болячки с помощью гуммиарабика с кофе. Это украшение не было излишним, оно дало мне возможность говорить в нос, как Жермен. Мои ноги были также приспособлены самым тщательным образом; я сделал себе искусственную опухоль с помощью композиции, рецепт которой мне сообщили в Бресте. Я подделал следы оков. Когда эта операция была окончена, я оделся в платье, соответствующее моему положению. Я не упустил из виду ничего, что могло бы придать сходство с оригиналом, не забыл ни обуви, ни белья, помеченного роковыми каторжными клеймами»².

---

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. — Т. 2–3. — С. 43.

² Там же. — С. 45.

Столь же тщательно он готовился к каждой операции. Видимо, опыт ярмарочного артиста, приобретенный им в юности, оказался чрезвычайно ценным. Он еще тогда научился менять не только обличье, но и акцент, походку, даже возраст. Может быть, поэтому позже, в пору его славы, среди преступников французской столицы ходили самые фантастические рассказы о Видоке, о его оборотничестве; при этом никто толком не мог описать его внешность. Он неоднократно проникал в самые опасные притоны Парижа — и уходил неузнанным и невредимым. За ним охотились, но он лишь посмеивался над своими врагами.

Что до упомянутого притона мадам Ноэль, то полиция не просто разгромила его; Видок сумел разоблачить некоего Нансо, агента полиции, который выдал Видока держательнице притона и едва не провалил всю операцию.

Еще одно дело, которое представляется типичным для Видока в пору начала его сотрудничества с полицией, — дело рецидивиста Фоссара, беглого каторжника, приговоренного к пожизненному заключению за многочисленные квартирные кражи и побеги из тюрем. Первоначальную информацию о нем полиция получила в ходе операции по ликвидации притона мадам Ноэль: подельниками Фоссара в прежние времена были некто Виктор Дебуа — и сын уже знакомой нам мамыши Ноэль. Ноэль-младший в обыденной жизни был обладателем семейной профессии учителя музыки. Профессия позволяла ему часто посещать дома зажиточных буржуа. Обучая отпрысков почтенных семейств игре на музыкальных инструментах, он одновременно делал слепки с домашних ключей, по которым Дебуа делал дубликаты, а затем Фоссар с подручными обчищал соответствующие дома.

Теперь Дебуа и Ноэль сдали своего более удачливого и рискованного подельника — за улучшение содержания в тюрьме (снятие кандалов, приличный рацион и прочее).

Сам Видок сказал, что не сможет заняться поиском Фоссара, поскольку и сам Фоссар, и его любовница хорошо знали его в лицо. Поиск и арест беглого каторжника были поручены другим агентам.

И, конечно же, им не удалось найти иголку в стоге сена, какой был квартирный вор в Париже. Раздраженный Анри отчитал своих людей, не стесняясь в выражениях. Он довольно прозрачно намекнул на то, что агенты попросту боятся разыскивать Фоссара, поскольку знают, что тот хорошо вооружен и стреляет, не задумываясь, по первому же подозрению. Кроме того, Анри, чтобы подразнить своих подчиненных, поставил им в пример новичка — Франсуа Видока.

Разумеется, они были крайне недовольны этим выговором. Тем более что Видок уже успел вызвать ревность и зависть коллег. Агент Эвре, ветеран парижской полиции, при встрече с Видоком язвительно заявил:

«Это вы, милостивый государь, великий герой, совершитель подвигов? По вашей милости мы получили выговор по поводу какого-то Фоссара, беглого каторжника, который, говорят, скитается по Парижу. Послушаешь господина префекта, так только вы и способны на что-нибудь путное. Он говорит, что если бы Видока послали на поиски, то, без сомнения, он давно бы арестовал его. Так в чем же дело, г-н Видок? Вы ведь так ловки, вот и постарайтесь изловить его, докажите свое искусство»¹.

Видока язвительность старого агента задела за живое. Он пообещал сделать подарок префекту и начальнику II отделения — он поймает Фоссара к Рождеству.

Он начал поиски так, как начинал все свои дела, предыдущие и последующие, — с преобразования:

«С помощью нескольких поддельных морщин, напудренного парика, треугольной шляпы, большой трости с золотым набалдашником и других принадлежностей я превратился в одного из тех добродушных шестидесятилетних буржуа, которых все старые девы находят хорошо сохранившимися. У меня был точь-в-точь вид и одеяние одного из богачей улицы Марэ, с румяным, добродушным лицом, на котором написано довольство и желание осчастливить какую-нибудь несчастную»².

---

¹ Там же. — С. 52.

² Там же. — С. 53.

Видок знал район, в котором скрывался Фоссар. А еще было ему известно, что одно окно занимаемой беглым каторжником квартиры украшают желтые портъеры, а второе — белая кисея. Кроме того, он выяснил, в том же доме живет некая молодая швея, горбунья, знакомая девицы Тонно — подруги Фоссара. Другими сведениями он не располагал.

Несколько дней пожилой господин с тростью разыскивал молодую швею, «у которой правая лопатка чуть выше левой». Заодно он отмечал все окна с желтыми занавесями, которые соседствовали с белой кисеей.

Опыт подсказывал Видоку, что, во-первых, люди с подобными физическими недостатками словоохотливы, а во-вторых, что основными их собеседниками должны быть молочницы, булочники и зеленчики. Именно на представителях этих профессий, посещавших интересующий его район, Видок и сосредоточил внимание. Вскоре ему посчастливилось: к молочнице, за которой он наблюдал уже несколько дней, пришла девушка соответствующей внешности. Проследив за ней до дома, Видок интуитивно почувствовал, что это — искомая швея. Но на окнах в доме ни было ни одной желтой шторы!

Рассудив, что швея с искривленной спиной — элемент более постоянный, нежели желтая штора, он решил навестить девушку.

Нанеся ей визит, Видок с простодушным видом принялся объяснять, что вот, мол, есть вполне обеспеченные пожилые господа, оставшиеся одинокими и мечтающие о браке.

Далее он доверительно сообщил ей, что уже нашел подходящую девушку и даже сделал ей предложение. При этом Видок описал внешность Тонно.

— Но, представьте себе, милочка, похоже, у нее уже есть поклонник! — огорченно сказал Видок. — Недавно я видел ее с неким господином... — и он подробно описал внешность Фоссара. — Я знаю, что она живет в этом доме. Скажите, милочка, ошибаюсь ли я? Ведь ее измена разорвет мне сердце!

Вид страдающего пожилого господина с честным, открытым лицом, слезы, кстати навернувшиеся на его глаза, сделали

свое дело. И швея немедленно выложила Видоку все, что знала относительно своей подружки и ее ухажера Фоссара. А знала она, в частности, что разыскиваемая парочка относительно недавно оставила снимавшуюся в соседнем доме квартиру и куда-то перебралась. Куда?

— А вы, месье, спросите у домовладельца, — посоветовала словоохотливая горбунья. — Он наверняка знает.

Домовладелец поначалу не знал нового адреса, зато знал маклера, через которого Фоссар снял квартиру. Маклер ничего не хотел говорить незнакомцу, но Видок умел быть очень убедительным. Он представился неутешным мужем, от которого жена сбежала с любовником, и пообещал награду за помощь. Дальнейшее стало вопросом времени. Засада, ожидание, арест. Обыск в квартире и конфискация ворованных драгоценностей на сумму десять тысяч франков. Еще одна деталь: Фоссар попытался откупиться от Видока, которого хорошо знал. Он предложил спрятанные отдельно банковские билеты на сумму еще десять тысяч. Видок демонстративно сдал их своему начальнику, в присутствии арестованного и жандармов, сопровождавших Фоссара.

В своей сыскной деятельности Видоку еще раз пришлось встретиться с Фоссаром. Луи Матьюрэн Моро-Кристоф, бывший во времена Видока генеральным директором тюрем Франции, в своих воспоминаниях рассказывает о случае, имевшем место в 1831 году. Тогда полиция расследовала кражу в Национальной библиотеке. Видок, прибывший на место преступления, внимательно осмотрел дверные панели и по следам на них заметил, что знает лишь одного преступника, столь виртуозно умеющего проникать в запертые помещения, — это Фоссар. Но Фоссар находится в тюрьме, а значит, не может быть виновным в краже. Префект, присутствовавший при этом, возразил:

— Фоссар уже восемь дней на свободе!

— В таком случае это сделал он! — воскликнул Видок. Через два дня он лично арестовал Фоссара — второй раз в жизни. Фоссар вскоре сознался в краже и был вновь препровожден в тюрьму.

РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ «СЮРТЭ НАСЬОНАЛЬ»

Но Видок отнюдь не собирался становиться еще одним информатором или агентом, каких было немало. Он действительно решил разорвать всякие связи с криминальным миром. Он добивался официального признания в качестве сотрудника полиции, стать, как тогда говорили, «агентом на жаловании», а не стукачом-доносчиком.

И это был лишь первый этап в честолюбивых планах бывшего каторжника Эжена-Франсуа Видока. Видя беспомощность полиции в борьбе с бесчисленной армией преступников, он задумал создать принципиально новую службу уголовной полиции, способную эффективно противостоять тому валу преступности, который в смутное время революции захлестнул Францию. Он знал, что полицейское начальство предпочитает заниматься политическими интригами, что правительству нет дела до рядовых граждан, зато оно выделяет огромные суммы на борьбу с реальными и мнимыми заговорщиками, роялистами, якобинцами и прочими. При этом он сформулировал принцип, которым затем руководствовался в работе: «Преступника может поймать только преступник», имея в виду, что борьбу с преступниками следует возложить на бывших преступников — на тех, кто искренне решил завязать с преступной деятельностью.

В 1811 году ему удалось получить статус агента на жаловании. А через год Видок создает так называемую «Бригаду Сюртэ Насьональ» («Бригаду общественной безопасности»), сокращенно называемую Сюртэ, первую в Европе криминальную полицию, и возглавил ее. Первоначально офис Сюртэ располагался рядом с II отделением полиции, в которое формально входила Сюртэ — на той же Малой улице Святой Анны.

Несмотря на громкое название, поначалу Видоку позволили принять на службу лишь четверых сотрудников-агентов. Все четверо были уголовниками, объявившими о своем намерении жить честной жизнью. Спустя короткое время, доказав эффек-

тивность своей службы, он добился разрешения увеличить штат: сначала до шести, потом до десяти и, наконец, до двенадцати сотрудников. Видок считал Сюртэ настоящей и эффективной армией. Он с гордостью писал:

«У меня были сначала четыре агента, потом шесть, десять и, наконец, двенадцать. В 1817 году у меня было их столько же, а между тем с этой горстью людей я совершил от 1 января до 31 декабря семьсот семьдесят два ареста и тридцать девять обысков с захватом украденных вещей»¹.

Эти слова не были бахвальством. Среди арестованных в том году числились 15 убийц и 341 вор.

Согласно сохранившимся в архивах полиции записям, видокская Сюртэ демонстрировала удивительную эффективность — по сравнению с прежней полицией: за первые годы его деятельности в качестве сыщика, преступность в столице снизилась на 40%. Вот отчет деятельности Сюртэ за один обычный день — за 3 января 1824 года:

«Раскрытые кражи с арестом виновников — 6, уличные происшествия — 1, мелкие правонарушения — 3, обвинение в бродяжничестве — 6, попытки нападения — 2, проституция — 8»².

Это, повторяю, лишь один день работы Сюртэ при Видоке.

Секретарем начальника Сюртэ в 1812 году стал некто Мари-Бартелеми Лакур, он же Коко-Лакур. Профессиональный вор, еще молодой (первый раз он был арестован в тринадцатилетнем возрасте), ловкий, находчивый, умный, он был достойным учеником шефа Сюртэ. Правда, они частенько ссорились, Коко-Лакур считал, что Видок излишне требователен. Он ушел в отставку вместе с еще двумя ветеранами службы — Декостаром по кличке Прокурор и Кретьеном — и вернулся лишь после первой отставки самого Видока — на его место начальника Сюртэ. Но это случилось спустя полтора десятка лет после образования службы.

Год создания Сюртэ совсем не случайно совпал с Русским походом Наполеона: император обезлюдил Париж, призвав в армию

---

¹ Там же. — С. 63.

² James Morton. First detective. The Life and Revolution Times of Vidocq. The Overlook Press, NY, 2004. — P. 134. Пер. Д. Клырева.

всех мужчин соответствующего возраста. Полицейское начальство вынуждено было пойти на такой шаг, как принятие в штат бывших преступников — больше некого было.

И начальство не прогадало. Видоковская Сюртэ за два десятка лет своего существования изобличила и отправила за решетку (а иных и на гильотину) тысячи преступников, фактически радикально изменив сами принципы борьбы с преступностью. Конечно, заслуга в этом прежде всего самого Видока. Он поистине стоял у истоков европейской криминалистики.

А еще он стал легендой добропорядочного Парижа — как прежде был легендой криминального подполья. Его принимали в лучших домах и великосветских салонах, причем смена режима с бонапартистского на роялистский в этом смысле ничего не изменила. С ним общались и даже приятельствовали Оноре де Бальзак, Теофиль Готье, Александр Дюма. Первые красавицы эпохи дарили бывшему каторжнику свою благосклонность. Так, ходили слухи, что у Видока был роман с княгиней Багратион, урожденной графиней Скавронской, — вдовой героя Отечественной войны 1812 года генерала П. И. Багратиона. Екатерина Павловна Багратион — внучатая племянница князя Потемкина. Ее называли Прекрасный голый ангел (*Le bel ange nu*), поскольку она часто появлялась на балах в прозрачных туалетах, — или Белой кошкой (*Chatte blanche*) — за «кошачью» чувственность и непрекращающиеся любовные похождения. В 1805 году она навсегда оставила Россию и уехала в Европу. У нее был роман с австрийским министром иностранных дел и будущим канцлером князем Клеменсом фон Меттернихом (от которого она родила дочь), с принцем Вюртембергским и дру-

**Княгиня Екатерина
Багратион-Скавронская**

гими сиятельными и даже коронованными особами. Княгиню подозревали в том, что она выполняла конфиденциальные поручения русского (и не только) правительства, особенно во время Венского конгресса.

В 1815–1818 годах Белая проживала в Париже, на Елисейских полях. Ее роскошный салон по улице Фобур Сент-Оноре, 45, блистал знаменитостями: писателями, художниками, светскими львами и львицами. Бывал здесь и шеф Сюртэ. Правда, неизвестно, привлекала ли его слава и красота Прекрасного голого ангела, или он посещал салон по профессиональной необходимости: вряд ли французская полиция могла оставить без внимания женщину, которую подозревали в связях с иностранными секретными службами. Так или иначе, если слухи были справедливы, Видок оказался в компании с князьями, министрами (возможно, и с императорами). Неплохая карьера для бывшего каторжника, сына скромного булочника из Арраса.

Пикантность ситуации заключалась в том, что Видок в это время все еще числился преступником – над ним по-прежнему довлел приговор за побег с каторги. Лишь через шесть лет после образования Сюртэ, в 1818 году, уже во времена Реставрации, король Людовик XVIII особым указом помиловал его. Разумеется, это была формальность, но этой формальности Эжен-Франсуа Видок ждал с нетерпением долгие годы. Правда, его радость от помилования была омрачена тем фактом, что указ не получил необходимого по закону утверждения.

Изменения произошли и в личной жизни Видока. Видимо, в 1818 году или около того он расстался с Аннеттой. Аннетту некоторые историки называют «Таинственная мадам де Б.», поскольку до сих пор о ее жизни до или после союза с Видоком ничего не известно, как неизвестна и ее судьба. Она словно бы просто исчезает. Причем исчезает бесследно. Еще при жизни Видока его враги утверждали, что он избавился от Аннетты, надумав жениться второй раз. Якобы он не мог жениться на своей подруге, даже если такая мысль приходила в голову: исчезнувший муж не давал ей возможности заключить новый брак. Высказывалось предположение, что

мужем «гаинственной мадам де Б.» был вовсе не сбежавший от кредиторов торговец, а... каторжник, отбывавший срок на галерах в Бресте. Срок его заключения закончился в 1817 или 1818 году, он приехал за женой, и Аннетта, повинувась чувству долга или еще какому-то чувству, вернулась к мужу-уголовнику, предпочтя его любовнику-полицейскому. На мой взгляд, это версия маловероятна — если, конечно, между уголовником и сыщиком не было какой-то договоренности. О которой, впрочем, не осталось никаких намеков ни в документах, ни в записках Видока. Самым эксцентричным было предположение, что Аннетты вообще никогда не существовало — ее придумал Видок для каких-то своих целей. Правда, этому противоречат упоминания о любви Видока и Аннетты в письмах Александра Дюма и Виктора Гюго¹.

Мне представляется, что, во-первых, «мадам де Б.» существовала, а во-вторых, причиной разрыва стали бесчисленные любовные романы ее партнера. Тем более что романы эти развивались и завершались далеко не всегда безобидно. Например, незадолго до возможного разрыва Аннетты и Видока Париж потрясло самоубийство одного из руководителей парижской префектуры, некоего Путо. Молва почти сразу связала его ужасную смерть с любовной связью его жены Анны-Розали Путо и его подчиненного Эжена-Франсуа Видока.

Словом, Аннетта уходит из его жизни и более не появляется. Вскоре, в 1820 году, Видок женится вторично на Жанне-Виктуар Геран. Второй брак оказался коротким — Жанна умерла через четыре года от чахотки. В 1830 году Видок женился в третий раз, на Флёрид-Альбертин Манье, с которой он прожил в любви и согласии семнадцать лет — до самой смерти Флёрид.

Пока же он ни на миг не прекращал своей борьбы с преступным миром французской столицы. Каждый день посещал одну из парижских тюрем, где часами наблюдал за заключенными уголовниками, запоминая их внешность, особые приметы, походку. Узнавал их методы работы, преступный «почерк».

---

¹ Подробнее см.: Matt Kuhns. Vidocq // Matt Kuhns. Brilliant Deduction, Lakewood, Ohio, Lyon Hall Press, 2012.

Сведения обо всех преступниках, с которыми когда-либо доводилось сталкиваться Видоку и его людям, заносились в картотеку. В дальнейшем она сослужила неоценимую службу не только Видоку, но и его преемникам в Сюртэ.

Видок пытался систематизировать не только приметы действующих профессиональных преступников, но и категории преступных «профессий», существовавшие тогда во Франции. Он описывал излюбленные приемы каждой из этих категорий, особенности преступников, занимавшихся тем или иным уголовным промыслом. Вот, например, его наблюдения по поводу категории так называемых утренников:

«Воры, так называемые утренники (*clievaliers grimpants*), обыкновенно прокрадываются в дом тихо и незаметно и стакивают мимоходом все, что попадает под руку. Первыми ворами были, как гласит предание, слуги без мест. Сначала их было немного, потом они воспитали учеников, и ремесло их приняло такие размеры, что от 1800 до 1812 года не было почти дня, когда бы в Париже где-нибудь не своровали двенадцати или пятнадцати корзин серебра. Коко-Лакур, передававший мне этот факт, говорил, что вначале у утренников была общая касса. Для них имеют большой интерес книги: “Торговый календарь”, “Придворный календарь” и “Календарь двадцати пяти тысяч адресов”. Каждое утро, перед выходом, они с ними справляются и, вознамерившись посетить какой-либо дом, редко не знают имен, по крайней мере, двоих из живущих там»¹.

Или вот другая категория:

«Букардьерами называют воров, обкрадывающих по ночам лавки; они никогда не пускаются на кражу, не познакомившись вперед со всеми препятствиями, могущими им встретиться; с этой целью, в продолжение нескольких дней, утром и вечером, бродят они вокруг лавки, стараются быть при отпирании или запираании, причем обращают внимание на болты, легко ли они надеваются и снимаются, узнают также, стережет ли лавку собака, не спит ли кто в ней. Вообще много есть средств охра-

---

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. — Т. 2–3. — С. 350.

няться от лавочных воров, но средства эти, конечно, хороши только своей тайной, и разглашать их не должно. Немецкая поговорка говорит: “Хороший замок порождает искусного вора...” Это потому, что хороший замок не есть тайна»¹.

Подробнейшим образом описывал он магазинных воров, воров экипажных или колесников (*rouletiers*), разумеется, карманников (*floeurs*), шулеров — карточных и бильярдных (*emporteurs*), и так далее.

Удивительно, что многие его наблюдения не утратили своей актуальности и по сей день, причем не только для Франции. Вот, например, типичный случай, описанный Видоком:

«Завидя подобную жертву, один из мошенников, наиболее ловкий, подходит к незнакомцу и делает как бы мимоходом с полдюжины таких вопросов, из ответов на которые он мог бы более или менее заключить о финансовом его положении. Получивши подобное сведение, он подает знак сообщникам; тогда второй товарищ, забежавший вперед, роняет ящик, кошелек или какой-нибудь пакет таким образом, что незнакомец не может пройти мимо, не заметив этого предмета. Он действительно намеревается его поднять, но в то самое мгновение его новый знакомый кричит: “Чур, вместе!” Останавливаются посмотреть находку. Обыкновенно это оказывается какой-нибудь драгоценный предмет в богатой оправе, бриллиантовая запонка, брошь и т. п. При нем записочка:

“Милостивый государь, посылаю Вам Ваше бриллиантовое кольцо, за которое Ваш слуга заплатил мне две тысячи семьсот двадцать пять франков. Бри Зебар, ювелир”.

— Будь у меня деньги, — говорит нашедший, — я вам заплатил бы вашу долю с удовольствием, но у меня нет ни гроша. Что делать?.. — Он с минуту размышляет. — Послушайте! — вдруг, как бы надумавшись, восклицает он. — Вы мне кажетесь честным, достойным человеком; дайте мне вперед несколько сотен франков, а когда продадите перстень, возвратите остальное; понятно, что вы получите процент за выданную мне вперед сумму. Оставьте мне свой адрес.

---

¹ Там же. — С. 354.

Привлеченный барышом, простак с удовольствием опрастывает свой кошелек. По заключении сделки они расстаются с обещанием свидеться, хотя с той и другой стороны твердо решили, что этого не будет. Из двадцати человек, обманутых таким образом, по крайней мере восемнадцать дадут фальшивое имя и фальшивый адрес: чтобы быть обманутым, отчасти надо самому быть обманщиком»¹.

Надо ли говорить, что никаких бриллиантов там не было — дешевая подделка из стекла. Подобные приемы встречаются и сегодня, сплошь и рядом, в Москве и Нью-Йорке, Тель-Авиве и Париже.

Во многих методах, получивших в криминалистике дальнейшее развитие, французский сыщик стал первопроходцем. Вот только один пример.

В 1822 году Париж был потрясен убийством графини Изабель д'Арси. Префект поручил расследование Видоку. Сыщик установил, что молодая женщина была застрелена в упор из пистолета.

Первым под подозрение попал сам граф д'Арси. Он был значительно старше жены, кроме того, незадолго до убийства граф узнал, что жена ему неверна. Можно было бы предположить, что граф убил жену из ревности.

После долгой беседы с подозреваемым Видок засомневался в его вине. Престарелый граф явно не походил на убийцу.

Сомнения усилились, когда Видок осмотрел имевшиеся в доме два дуэльных пистолета. Оба пистолета были тщательно вычищены, но, по словам графа, он периодически чистит оружие, даже если из него не стреляет. Если бы в распоряжении Видока была пуля, он, конечно же, мог бы сопоставить ее с пистолетами графа. Но пуля осталась в теле женщины, и родственники категорически не желали разрешать вскрытие.

Видоку удалось убедить личного врача семейства д'Арси извлечь пулю тайно. Пуля окончательно убедила его в невиновности графа: ее калибр не подходил ни к одному из пистолетов д'Арси.

---

¹ Там же. — С. 390.

Но кто же тогда убийца? Вновь встретившись с графом, Видок спросил, не пропало ли в доме что-нибудь ценное. После некоторых раздумий д'Арси неуверенно сказал:

— Кажется, не хватает некоторых украшений, которые я подарил жене...

Теперь Видок оказался в своей стихии. Получив от графа описание пропавших украшений, он задействовал своих информаторов, занимающихся скупщиками краденого. Спустя несколько дней он получил сведения о приобретении одним из них драгоценностей из списка графа д'Арси. От скупщика Видок получил описание продавца, в котором без труда опознал любовника убитой графини. При немедленно последовавшем обыске в доме подозреваемого Видок нашел еще несколько драгоценностей, принадлежавших графине. Но любовник Изабель д'Арси упорно настаивал на своей невинности. Драгоценности, по его словам, графиня подарила ему сама.

И тут Видок положил на стол пистолет, найденный в квартире подозреваемого, и рядом — пулю, извлеченную из тела графини. Подозреваемый сознался немедленно, поскольку был поражен этой уликой. Ничего удивительного: никогда ранее полиция не проводила баллистических экспертиз, это казалось чуть ли не чудом.

Первая официально зафиксированная баллистическая экспертиза была проведена в 1835 году — ее провел английский детектив Генри Годдард. Но, похоже, Видок опередил его на целых тринадцать лет.

Вот еще один случай, который показывает поистине мастерскую работу нашего сыщика с уликами.

В 1818 году в окрестностях Парижа были совершены несколько дерзких и жестоких ограблений, сопровождаемых убийствами. Как правило, жертвами преступников становились странствующие торговцы. Полиции никак не удавалось напасть на след разбойников.

Однажды из парижского предместья Корбейль пришла весть: очередному нападению подвергся местный мясник по имени Фонтен, собиравшийся поехать в соседний городок. Но, в отличие от прежних жертв, Фонтен выжил.

Видок немедленно отправился на место преступления. Здесь среди прочих малозначительных деталей он нашел несколько окровавленных клочков бумаги. Очевидно, убийца вытер бумагой нож, которым несколько раз ударил Фонтена. Затем порвал бумагу и выбросил клочки. Внимательно рассмотрев эти клочки, Видок пришел к выводу, что на листке был записан какой-то адрес, от которого остались лишь несколько непонятных слов: «Г-ну Рау... иноторговцу зас... Роше... Кли...» Видок предположил, что первоначально надпись выглядела так: «Господину... виноторговцу, застава Рошешуар, шоссе Клипьянкур». Интенсивные поиски в конце концов дали результаты: среди виноторговцев, живших в указанном районе, лишь один носил имя Клер Рауль, и этот человек уже попадал в поле зрения агентов Видока. Он имел сомнительную славу, его подозревали в связях с контрабандистами и скупщиками краденого. Кроме того, женат он был на сестре недавно освободившегося каторжника.

Тем временем раненый мясник пришел в чувство. Он смог сообщить некоторые приметы преступников. Ничего определенного Фонтен не сказал. Но вдруг вспомнил: когда убийцы напали на него, один из них вдруг припал на одно колено и вскрикнул от боли.

Как раз хромого мужчину заметили агенты Видока, которых шеф Сюртэ отрядил следить за домом виноторговца Рауля. Человек этот, по имени Курт, несколько раз посещал Рауля. Внешность его также соответствовала приметам, указанным Фонтеном. Вскоре Курт был арестован. Заодно арестовали и его жену, чтобы та не могла предупредить сообщников мужа.

Курт сознался в преступлении, когда Видок поразил его сообщением, что жертва последнего нападения дает показания. Он был уверен, что после двадцати восьми (!) ударов ножом мясник уже не выживет. Тем не менее он упорно отказывался выдавать сообщника. В конце концов с помощью очной ставки Видоку удалось получить признания и от Рауля. Убийцы были осуждены и приговорены к смертной казни. Так внимание к нескольким окровавленным клочкам бумаги помогло сыщику раскрыть серию жестоких убийств.

В 1825 году Видок использовал обнаруженные ранее пятна крови для поимки убийцы. А уже в 1826 году он приходит к мысли о необходимости брать у преступников отпечатки пальцев.

До опытов доктора Уильяма Гершеля, ставших основой дактилоскопии, оставалось еще целых столетия. Разумеется, прозрения Видока были именно случайными, во многом интуитивными прозрениями, так и не получившими дальнейшего развития (хотя все-таки именно французский сыщик изобрел несмыаемые чернила особого состава, предназначенные именно для снятия отпечатков пальцев). Тут уместно будет вспомнить одну криминалистическую загадку, связанную с именем Марка Твена, — загадку, которую попытаемся разгадать. В книге «Жизнь на Миссисипи», написанной в 1882 году, писатель рассказывает о некоем Риттере, чьи жена и ребенок во время Гражданской войны были убиты солдатами-мародеерами. Один из убийц оставил на месте преступления кровавый отпечаток своего большого пальца. Риттер притворился гадальщиком-хиромантом и, вооружившись отпечатком, принялся за поиски убийцы. Гадая солдатам по руке, переходя от одного военного лагеря к другому, он изучает узоры на их больших пальцах и в конце концов находит убийцу.

Впоследствии, когда дактилоскопия была официально признана и нашла использование в криминалистике, многие удивлялись прозрению американского писателя. Между тем сам он свой неожиданный выбор улики объясняет устами своего героя Риттера:

«В молодости я знал одного старика француза, который тридцать лет был надсмотрщиком в тюрьме, и он мне сказал, что одно никогда не меняется у человека от колыбели до могилы — это линии на подушечке большого пальца, и он еще говорил, что нет двух людей с совершенно схожими линиями. Теперь мы фотографируем нового преступника и храним его портрет в галерее преступных субъектов для справок; но этот француз в свое время брал отпечаток большого пальца у каждого нового арестанта и хранил для будущих справок. Он всегда говорил, что портреты не годятся, потому что переодевание с гримом могут их сделать бесполезными. “Отпечаток пальца —

вот единственная достоверная примета,— говорил он, — его уже не замаскируешь”. И он доказывал свою теорию на моих друзьях и знакомых и всегда оказывался прав...»¹

Мне представляется не случайным упоминание здесь «старого француза» (в данном случае профессия его — «тюремный сторож» — не так уж важна). Вполне возможно, что удивительные опыты Видока в форме слухов из Франции (откуда же еще!) достигли Нового Света. И тогда следует говорить не о прозрении Марка Твена, а о прозрении несколькими десятилетиями раньше Эжена Франсуа Видока. Потому эпизод из книги «Жизнь на Миссисипи» может рассматриваться и как косвенное подтверждение, что идею дактилоскопии действительно пытался реализовать впервые в истории криминалистики именно Видок.

При всем том коллеги французского сыщика всячески демонстрировали Видоку свою неприязнь. Они не скрывали, что не доверяют бывшему преступнику. В чем только не обвиняли «короля сыщиков»! И в присвоении казенных средств, и в том, что он привлекает к работе в Сюртэ таких же, как он, бывших преступников. И в том, что, изображая из себя борца с преступниками, на самом деле руководит ими. Рассказывая о предтечах сыщиков, я писал об английских «вороловах», многочисленных «мистерах Пичемах», сотрудничавших с властями и заправлявших криминальными сообществами. Именно в деятельности такого рода подозревали и даже обвиняли Эжена-Франсуа Видока. В самом деле, если Иван Осипов — Ванька-Каин — мог совмещать уголовную активность с деятельностью сыщика (и тоже весьма эффективной), почему же не мог заниматься тем же бывший «король риска»?

Разумеется, коллегами Видока двигала зависть: по сей день не найдено никакого подтверждения двойной жизни первого начальника Сюртэ. Не было их и тогда. В ответ на очередной донос Анри сказал:

— Видок и четыре его агента в месяц берут полсотни преступников с поличным. Вас в десять раз больше, так поймите

---

¹ Марк Твен. Жизнь на Миссисипи / Пер. Р. Райт-Ковалевой // Марк Твен. Собр. соч. в 12 т. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. — Т. 4. — С. 447.

его и приведите ко мне! Если он ворует и укрывает краденое, вам всем вместе будет нетрудно его накрыть! Вперед, господа!

Сам же Видок стремился всячески обезопасить себя и своих людей от беспочвенных подозрений. Причем действовал он и тут так же неожиданно, как и при расследовании преступлений. В один прекрасный день начальник Сюртэ приказал всем своим сотрудникам надеть замшевые перчатки.

– Отныне, – сказал Видок, – каждый, кто выйдет на службу без перчаток, будет немедленно уволен без объяснений.

Специалистам сразу стал понятен этот жест. Агенты Сюртэ были в прошлом успешными ворами-карманниками. Карманник, утративший чувствительность пальцев, уже не способен воровать. Приказ Видока именно это и гарантировал: его люди, даже если бы хотели, не могли заниматься кражами в грубых замшевых перчатках. Перчатки стали первой униформой агентов Сюртэ.

Тем не менее Видок устал от постоянной конфронтации и в 1827 году подал в отставку. Вот текст этого прошения, написанного на имя некоего молодого человека по имени Дюлесси, в том году назначенного начальником второй дивизии – то есть непосредственным начальником Видока:

«20 июня 1827 года.

Вот уже восемнадцать лет, как я служу полиции с достоинством. Я никогда не получал ни одного выговора от ваших предшественников, потому полагаю, что я их не заслужил. С тех пор как вас назначили во второе отделение, вот уже вторично вы мне жалуетесь на агентов; но разве я могу держать их под своей властью вне моего бюро? Конечно, нет. Чтобы избавить вас, милостивый государь, от труда вперед делать подобные упреки, а себя от неудовольствия получать их, честь имею просить у вас отставки.

Ваш покорнейший слуга.

Подписано: Видок»¹.

---

¹ Библиографический очерк о жизни Видока // Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции / Пер. с фр. В 3 тт. – Киев: СВЕ-НАС, 1991. – Т. 2–3. – С. 413.

Отставка принята. Когда выходит в отставку чиновник подобного ранга, его награждают орденом или титулом. Видок получил окончательное прощение – 1 июля 1828 года верховный суд на торжественном заседании утвердил королевский акт о помиловании Эжена-Франсуа Видока – тот самый акт, который Людовик XVIII подписал десятью годами ранее. Тоже своеобразный орден.

Видок становится частным лицом. Именно в это время он пишет свои мемуары (скорее всего, при участии профессионального литератора), ставшие для современников набором сенсаций, а для нас – источником неопределимой информации по истории европейского уголовного мира конца XVIII – начала XIX веков и тогдашних правоохранительных органов. Ну и, конечно же, источником сведений о самом Видоке – создателе первой в Европе уголовной полиции. Издатель выплатил ему 20 тысяч франков за первые три тома. «Записки» стали настоящим бестселлером и принесли издателю колоссальную прибыль. Однако он не захотел увеличить гонорар автору, по каковой причине Видок отказался работать над четвертым томом. Но, как я уже сказал, и первые три тома представляют собой неоценимый источник информации. Хотя, конечно, жаль, что тайны последних лет пребывания Видока во главе Сюртэ так и не увидели свет.

«Записки Эжена-Франсуа Видока, начальника парижской тайной полиции» почти сразу же были переведены в Англии, а спустя несколько месяцев – даже инсценированы драматургом Дугласом Уильямом Джеральдом: 6 июля 1829 года состоялась премьера спектакля «Видок: шпион французской полиции», поставленного Робертом Уильямом Эллистоном в театре Суррей. Спектакль получил положительные отзывы критиков, в том числе в такой солидной газете, как «Таймс».

После ухода Видока полицейское руководство с удивлением обнаружило, что хорошее происхождение и безукоризненное (на их взгляд) поведение не заменят профессиональных способностей и таланта.

Париж пережил очередной всплеск преступности, и власти вновь обращаются к старому волку. Во время Июльской рево-

люции 1830 года, приведшей к власти «короля-гражданина» Луи-Филиппа, Видока восстанавливают в полиции. Он занимает должность заместителя префекта полиции.

На словах Видок неприязненно относился к политическому сыску. В своих записках он говорит:

«Политическая полиция равносильна понятию об учреждении, созданном и содержимом с целью обогатиться на счет правительства, постоянно поддерживая его тревоги и опасения; с политической полицией связано также стремление записывать в бюджет тайные расходы, изобретать какое-нибудь употребление для сумм, часто незаконно и непроизводительно взимаемых (налог на публичных женщин и разные другие мелочные повинности), стремление некоторых чиновников придать себе значение и важность, заставляя думать, будто правительству угрожает опасность»¹.

Тем не менее с возвращением на службу ему приходится заниматься неуважаемой сферой деятельности – политическим сыском. Вот один из примеров такого расследования.

Префект Делаво поручил своему заместителю собрать информацию о политиках и общественных деятелях, состоящих в оппозиции к королю и, возможно, готовящих заговор с целью свержения Луи-Филиппа. Эти деятели собирались у некоего барона Мешена, в прошлом – видного чиновника, ныне «заразившегося либерализмом», оставившего службу и окружившего себя врагами престола и церкви.

Понятно, что просто так Видок не мог попасть на очередной прием у месье Мешена. Для начала он свел знакомство с шеф-поваром барона, выдав себя за его коллегу-кулинара. Уже отмеченное нами обаяние Видока и на этот раз не подвело: повар стал лучшим другом мнимого коллеги, но, несмотря на это, наотрез отказался ввести его в столовую под видом слуги одного из гостей («чтобы насладиться уникальной сервировкой стола»). Но пригласить нового приятеля в кухню и выпить с ним десяток бутылок вина – это с удовольствием.

---

¹ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. – Т. 2–3. – С. 75.

Через короткое время Видок уже знал биографии всех домашних барона и прислуги. А еще он услышал множество анекдотов о любимце барона – попугае. Вот тут-то у него и возникает идея. На следующий день, прилично одевшись, Видок запиской приглашает в кофейню одного из лакеев барона Мешена. На попечении именно этого лакея находится пресловутый попугай. Видок представился фантастическим титулом: господин Ламберт, нотариус-сертификатор. Поразив гостя знанием его жизни и тайных желаний (среди которых были деньги в сумме 500 франков), почтенный нотариус предлагает ему сделку, на первый взгляд странную. Он просит лакея во время прогулки случайно упустить попугая. Но, чтобы птица не улетела, привязать к ней свинцовую пульку, переданную Видоком: попугай взлетит и тут же опустится. Больше ничего не надо. Оплата – вожделенные пятьсот франков. Деньги эти нужны слуге Мешена для того, чтобы купить добровольца, готового вместо него самого уйти в армию: опекун попугая мечтает жениться, а тут, как назло...

Словом, лакей принимает предложение, попугай улетает из случайно открытой клетки и тут же садится на руку так кстати подвернувшемуся нотариусу-сертификатору. «Господин Ламберт» торжественно возвращает птицу лично господину барону, тот рассыпается в благодарностях, приглашает почтенного нотариуса (успевшего осыпать простака-барона десятками комплиментов политического характера) вечером к ужину.

Сразу после вечернего кофе на стол префекта ложится полный список гостей барона Мешена, а также краткие, но точные характеристики каждого из них, сделанные Видоком на основании услышанного во время приема.

Но при всем том этот человек все-таки обладал фантастической способностью приходиться не ко двору у начальства. Уже через два года после его восстановления на службе вновь начинается откровенная травля сыщика. Новый префект полиции Анри Жиске категорически не желает мириться с присутствием в рядах государственных служащих бывших преступников. В 1833 году Видок подает в отставку снова.

За четыре года до этого, в 1829 году, в Англии появился аналог французской Сюртэ – Скотланд-Ярд. В 1833 году, вскоре после того как Видок подал в отставку, создатель английской уголовной полиции Роберт Пиль отправил двух своих подчиненных в Париж – для знакомства с французским сыщиком. Англичане провели несколько дней с экс-шефом Сюртэ, вызывая раздражение официальных лиц. Возможно, этот визит подтолкнул Видока к решительному шагу.

БЮРО ПО СБОРУ ИНФОРМАЦИИ

В 1833 году, вскоре после отъезда английских сыщиков, в Париже, на улице Клош-Перш, 12, открылась контора под названием Бюро по сбору информации (Le bureau des renseignements). Открыл это бюро ушедший в отставку Эжен-Франсуа Видок. Так в Европе впервые в истории возникло частное детективное агентство, так Эжен Франсуа Видок стал первым официально признанным частным детективом.

«Эжен-Франсуа Видок, известный между ворами и полицейскими шпионами под именем Жюль, теперь 45 лет, ростом 5 футов и 6 дюймов, отличается колоссальными формами. Волосы белокурые, нос длинный, глаза голубые и рот улыбающийся. Словом, наружность его, с первого взгляда, не лишена приятности, хотя часто он имеет дерзкий вид и надменно смотрит на всякого встречного, точно какая-то всесветная знаменитость»¹.

Такое описание Видока дал один из его недоброжелателей – некто Шарль Ледрю, выпустивший книгу «Записки каторжника», – в пику уже упоминавшимся «Запискам Видока, начальника парижской тайной полиции». Он все еще энергичен, силен и умен, и его частное детективное бюро очень быстро начинает процветать.

---

¹ Библиографический очерк о жизни Видока // Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции / Пер. с фр. В 3 тт. – Киев: СВЕ-НАС, 1991. – Т. 2–3. – С. 413.

Свой принцип борьбы с преступниками руками бывших преступников Видок реализовал и в этой деятельности – его сотрудниками были бывшие заключенные, преступники, решившие встать на путь исправления. Первоначально штат бюро состоял из одиннадцати детективов, двух конторских служащих и одного секретаря. Вскоре в газетах появились объявления, что за годовую подписку в сумме 20 франков можно стать постоянным клиентом и обращаться в бюро за любой информацией. Разовое обращение стоило пять франков. Правда, там не говорилось, что реальный гонорар зависел от степени сложности задания.

Стены бюро украшали картины сомнительного качества, изображавшие усекновение головы Иоанна Крестителя, а также пытки, которым подвергли Равальяка – убийцу короля Генриха IV. Кроме того, Видок развешал в своем кабинете портреты бывших и нынешних министров и префектов полиции Фуше, Паскье, Анри и прочих. Под портретами восседал сам Эжен-Франсуа Видок. На фирменных бланках было напечатано: «Бывший шеф службы Сюртэ Насьональ».

По заказам своих клиентов Видок расследовал действия аферистов, мошенников, занимался ложными банкротствами и тому подобными вещами. Разумеется, среди прочего, велась слежка за неверными супругами, за беспутными детьми, за наследниками-транжирами. Но главными делами были дела по возвращению долгов. Все начиналось с писем на упомянутых фирменных бланках, которые Видок направлял необязательным должникам. Типичный пример такого письма-угрозы приводит Джеймс Мортон в своей книге «Первый детектив. Жизнь и революционное время Видока»:

«Имею честь обратиться к Вам с просьбой. Прошу тотчас по получении этого письма потрудиться навестить мое бюро. В противном случае касающееся Вас дело может привести к неприятностям и расходам»¹. Письмо отправлено 11 апреля 1845 года некоей госпоже Пеш, проживавшей на улице Прованс, 67. По всей видимости, она имела неосторожность взять

---

¹ James Morton. First detective. The Life and Revolution Times of Vidocq. The Overlook Press, NY, 2004. – P. 165. Пер. Д. Клырева.

кредит у одного из постоянных клиентов Бюро по сбору информации — и не вернула долг вовремя.

Если верить воспоминаниям известного журналиста Лео Леспэ, который в молодости какое-то время работал в бюро Видока, никаких особых требований при приеме на работу не выдвигали — недолго поговорив с кандидатом, Видок принимал его или отвергал, полагаясь на собственную интуицию:

«Я увидел перед собой крепкого коренастого мужчину, невысокого, с голубыми глазами, толстогубого, с густой седоватой шевелюрой. Он продиктовал мне несколько фраз, проверил запись и принял на работу»¹. И еще Леспэ поразило то, что владелец Бюро по сбору информации во время беседы с клиентом кормил шоколадом своего бульдога.

Первый частный сыщик Европы был автором нескольких афоризмов, которыми любил иной раз щегольнуть перед новичками в своем бюро: «В криминалистике два и два — не четыре, а двадцать два» или «Если хочешь проследить за кем-то незаметно, встань прямо перед ним»².

Рабочий день видоковского бюро продолжался 10 часов. С 1 апреля по 1 октября он начинался в восемь часов и заканчивался в семь вечера, с двумя перерывами по полчаса: в 10:30 и 17:30. С 1 октября по 1 апреля начало и конец рабочего дня смещались на полчаса позднее. Правда, это расписание относилось к работе конторы и ее сотрудников (включая самого Видока). Что касается агентов, их рабочий день был ненормированным. Если они начинали задолго до девяти утра, а заканчивали после семи вечера, им платили за сверхурочные часы работы.

Видок старался привить своим агентам хорошие манеры, но это получалось у него с трудом. Единственное, чему он смог их научить, — это плевать на пол только в случае крайней необходимости, снимать шляпу, входя в помещение, и пропускать дам перед собой.

Как и прежде на официальной полицейской службе, он частенько прибегал к недозволенным методам. Неудивительно,

---

¹ Там же. — Р. 164.

² Там же.

Эжен-Франсуа Видок

что бывшие его коллеги, немало поспособствовавшие его отставке, питали к новоявленному конкуренту не самые теплые чувства. А Видок в придачу нажил себе влиятельных врагов еще и в военном ведомстве, и в других правительственных учреждениях. Кончилось все тем, что в 1837 году он был арестован. В бюро изъяли три с половиной тысячи документов, касавшихся проводимых им расследований. Рождество и Новый год знаменитый сыщик провел в тюрьме, а затем предстал перед судом по обвинению в свершении сразу трех преступлений: получении денежных средств обманным путем, подкупе должностных лиц и самовольном присвоении функций государственного чиновника. К счастью, на основании показаний многочисленных свидетелей судья отклонил обвинения и освободил Видока. Отметим здесь, что во многом освобождению Видока способствовала энергичность его адвоката Шарля Ледрю. Известный русский политический деятель Александр Иванович Тургенев вспоминал об этом событии:

«Здесь же нашел я старого моего знакомца, адвоката Ледрю. Он подал мне вечерний журнал, где напечатано письмо его к пресловутому Видоку об условиях, на коих соглашается он защищать его перед судом. Вы, конечно, уже читали в журналах об аресте Видока и о предании суду. Ледрю, согласившись быть его адвокатом за 1000 франков в пользу бедных (кои Видок уже внес и представил расписку), успел уже рассмотреть некоторые документы, Видоком представленные, и уверяет, что он спасет его; будто Видок имеет неоспоримые доказательства, что он спас жизнь короля в каком-то заговоре; будто в руках его честь и стыд многих сановников, и проч. и проч. Уже более

3000 дел или документов (*dossiers*) разобрано; разосланы справки в разные департаменты. Производство суда над Видоком займет дня на три салоны Парижа»¹.

Ледрю выполнил обещание. Видок на свободе, его деятельность как частного сыщика продолжается, и весьма успешно. Среди клиентов появляются знаменитости — например, прославленный поэт Альфред де Виньи, по заказу которого в 1837 году Видок установил слежку за актрисой Мари д'Орваль, любовницей Виньи.

По мере роста успехов росло и число врагов Видока, причем врагов могущественных и влиятельных. На беду первого сыщика Франции, среди них оказались новый префект парижской полиции Габриэль Делессер, судья Мишель Барбу и другие. Число жалоб, официальных и конфиденциальных, на методы Видока привело к тому, что спустя почти пять лет после первого ареста, в августе 1842 года по приказу префекта семьдесят пять (!) полицейских вломилась в контору Видока и арестовали его и одного из его агентов. На этот раз Видок (ему было шестьдесят семь лет) оказался в печально известной тюрьме Консьержери по обвинению в шантаже и мошенничестве. Дело казалось ясным. При расследовании дела о мошенничестве Видок арестовал подозреваемого, а затем угрозами вынудил его подписать вексель на сумму, равную сумме похищенных денег. И то и другое деяние при всех благих намерениях сыщика было откровенным нарушением закона: незаконное лишение свободы и вымогательство. Первые судебные слушания состоялись 3 мая 1843 года. Председательствовал судья Барбу, числившийся среди личных недоброжелателей Видока. В ходе слушаний всплыли еще несколько дел, имевших явно противозаконный характер. Так, например, выяснилось, что он и его сотрудники поместили нескольких молодых женщин в монастыри (по просьбе родственников чересчур легкомысленных юных особ); Видока обвинили также и в незаконной финансово-кредитной деятельности. Словом,

---

¹ А.И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). — М.: Наука (Литературные памятники), 1964. — С. 129.

суд вынес обвинительный приговор: пять лет тюрьмы и 3000 франков штрафа (немалая сумма по тем временам). Видок обжаловал приговор. Следует заметить, что среди влиятельных людей были не только враги, но и друзья бывшего каторжника. Они-то и добились пересмотра дела и того, чтобы новые слушания прошли в Королевском суде. Здесь в сентябре того же года Видок был полностью оправдан и после одиннадцати месяцев тюремного заключения в Консьержери вышел на свободу и вернулся к своим делам. Разумеется, скандальными разоблачениями, сделанными судьей Барбу, репутации сыщика был причинен серьезный ущерб. Кроме того, префект Делессер стремился изгнать Видока из столицы.

Видок все чаще рассматривал возможность ухода от дел и продажи своего бюро. Тем не менее он продолжал свою детективную деятельность. Видок по-прежнему тренировал зрительную память, писал проекты тюремных и полицейских реформ, излагал свои соображения относительно смертной казни и так далее. И он по-прежнему и во Франции, и за ее пределами считался безусловным и неоспоримым авторитетом в деле борьбы с преступностью. В 1843 году сыщики Скотланд-Ярда вторично прибыли в Париж для изучения опыта французских коллег. Разумеется, сначала они обратились в Сюртэ, к новому – очередному – начальнику криминальной полиции Пьеру Аллару. Но провели они с Алларом всего два дня, явно из вежливости. После этого английские детективы отправились на улицу Клош-Перш. Здесь они провели целую неделю – в обществе Видока и его сотрудников. Знакомились с методами классификации преступников, выходили на операции, присутствовали при допросах. Спустя два года по их приглашению уже Видок посетил Лондон и встретился с английскими коллегами. Разумеется, он приезжал не только для встречи с детективами Скотланд-Ярда. Причин было несколько. Первая – так называемое «Дело Димьера», которым Видок занимался по поручению некоей фирмы из Антверпена (кстати, еще один факт, указывающий на высокий авторитет сыщика за пределами Франции). Жан Димьер, кассир этой фирмы, похитил деньги хозяев и скрылся под чужим именем. Видоку удалось выйти на след преступника,

который, оказывается, обосновался в Лондоне. Здесь он тоже успел набедокурить, подделывая векселя. Видок, по всей видимости, с помощью английских коллег нашел беглого кассира и лично арестовал его в доме, который тот успел приобрести в английской столице. При этом ему пришлось применить немалую силу, поскольку Димьер был малым решительным и неслабым, отчаянно сопротивлявшимся аресту. Тем не менее Видок его скрутил и передал в руки полиции. Ему было предъявлено обвинение в мошенничестве из двенадцати пунктов. Один из совладельцев пострадавшей антверпенской компании прибыл в Лондон и дал показания против бывшего сотрудника.

Но дело развалилось в суде, поскольку ни один истец не явился на судебное заседание. Димьер отделался легким испугом и благополучно вернулся домой.

Приезд французского сыщика в 1845 году в столицу Великобритании вызвал ажиотаж в светских кругах, и вечно нуждавшийся в средствах Видок решил использовать это в полной мере. Он снял помещение на Пикадилли, в центре города, расклеил афиши и приступил к демонстрации своеобразных полицейских спектаклей. Он предстал перед публикой то старухой, то солдатом, то сестрой милосердия, то человеком из общества¹.

В 1847 году знаменитого сыщика постигла личная трагедия – скончалась его третья жена Флёрид, с которой он прожил семнадцать лет. На следующий год очередная революция сбросила с трона «короля-гражданина» Луи-Филиппа. Видок поспешил предложить услуги новому республиканскому правительству. Ему поручили тайную слежку за оппозицией (в первую очередь за бонапартистами).

В 1849 году Видок окончательно отошел от детективной деятельности. Теперь он много времени посвящал помощи бывшим преступникам, отказавшимся от прежних занятий.

Видок начал заниматься тем, что сегодня назвали бы «реабилитацией осужденных», еще возглавляя Сюртэ. В 1826 году

---

¹ См. James Morton. Vidocq in London // James Morton. First detective. The Life and Revolution Times of Vidocq. The Overlook Press, NY, 2004. – P. 194–202.

в Сен-Манде, одном из предместий Парижа, он на свои деньги выстроил бумажную и картонажную фабрику. Сюда принимали только освободившихся преступников обоюго пола, решительно отказавшихся от прежнего образа жизни. Первоначально новичков обучали профессии, обеспечивая пищей и жильем. Затем, через полгода, они приступали к работе, зарабатывая, на первом этапе по два франка пятьдесят сантимов (мужчины) и один франк двадцать пять сантимов (женщины) в день; затем зарплата возрастала у мужчин до трех с половиной франков, у женщин – до одного франка семидесяти пяти сантимов в день.

К сожалению, не имея реальной поддержки ни с какой стороны, Видок вынужден был закрыть фабрику через несколько лет: расходы оказались чрезмерными, а прибыль – ничтожной. Его душеприказчик, уже упоминавшийся нами адвокат Шарль Ледрю, указывает, что каждая машина на этой фабрике требовала минимум 100 тысяч франков затрат. Тем не менее до конца жизни Видок продолжал заниматься проектами, связанными с помощью бывшим заключенным. Выступал он также и за отмену или ограничение применения смертной казни, и за реформу пенитенциарной системы Франции.

Все эти проекты, а также неудачная игра на бирже разорили Видока. Невероятно, но факт: специалист и знаток всех видов существовавшей преступности, подробно описавший типы преступников, приемы мошенников и аферистов, сам оказался перед ними совсем беспомощным. Ледрю отмечает удивительную наивность и доверчивость бывшего «короля сыщиков» в денежных делах:

«Для всех, интересовавшихся Видоком, оставалось неразгаданной задачей, куда девалось его состояние, потому что он отличался умеренностью и проживал немного: он всегда старался избежать объяснений об этом предмете. Нам известно из достоверного источника, что он сделался жертвой *подлого злоупотребления доверием*; но от кого? Эту тайну он унес с собой»¹.

---

¹ Библиографический очерк о жизни Видока // Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. – Т. 2–3. – С. 418.

Скончался король сыщиков в мае 1857 году (по одним данным, от холеры, по другим — от последствий инсульта, второго за последние дни), в возрасте 81 года. Он успел написать (сам или при помощи профессионального литератора) и опубликовать, помимо уже упоминавшихся «Записок» и проектов, словарь воровского жаргона, а также несколько уголовных романов, в частности «Настоящие тайны Парижа» — в ответ на знаменитый роман Эжена Сю «Парижские тайны».

Для любителей неожиданных совпадений: в том же 1857 году и в том же месяце — мае — в Венеции скончалась женщина, с которой Видока когда-то связала молва: Екатерина Павловна Багратион.

Эжен-Франсуа Видок был похоронен на парижском кладбище Пер-Лашез. До наших дней его могила не сохранилась. Примерное расположение можно определить по сохранившейся могиле его третьей жены Флёрид — согласно указаниям Ледрю, Видока похоронили рядом с ней.

«ЖИД И ШПИОН»

«Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека».

Так в 1830 году отозвалась на выход в Париже «Записок Видока» русская «Литературная газета». Далее в той же заметке автор задает вопрос:

«Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно

Генерал М. Ф. Орлов

имел в виду не только и не столько французского сыщика, сколько своего постоянного литературного оппонента и недруга Фаддея Булгарина. Сравнивая Булгарина с французским сыщиком, Пушкин отвечал на «Анекдот» самого Булгарина, в котором тот нарисовал поэта в образе некоего французского писателя. Видимо, фигура Видока, имевшего темное прошлое, показалась Александру Сергеевичу удобной для атаки на Булгарина, тоже имевшего темное прошлое (во время Отечественной войны 1812 года Булгарин служил в армии Наполеона). Следует признать, что намек оказался точным, общество подхватило это сравнение; отождествление было подкреплено пушкинскими эпиграммами:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты *Видок Фиглярин*².

¹ А.С. Пушкин. Собр. соч. в 10 тт. — М.: ГИХЛ, 1959—1962. — Т. 6. Критика и публицистика. — С. 67.

² Там же. Том. 2. — С. 334.

ускользнувший от предусмотрения законодательства?»¹

С 1857 года (кстати, это год смерти Эжена-Франсуа Видока) эта заметка публикуется под именем А.С. Пушкина и входит в собрания его сочинений. П.В. Анненков, впервые снабдивший ее подписью великого русского поэта, не делал никакого литературоведческого открытия: об авторстве Пушкина знали и современники, и последующие читатели. Знали они и то, что Пушкин

Не то беда, Авдей Флюгарин,
 Что родом ты не русский барин,
 Что на Парнасе ты – цыган,
 Что в свете ты *Видок Фиглярин* –
 Беда, что скушен твой роман...¹

Блистательность и легкость этих эпиграмм на долгие годы определили в русском обществе не только отношение к Фаддею Булгарину, но и к Эжену-Франсуа Видоку, никак не связанному с литературной войной.

Между тем, в окружении Пушкина был человек, знавший Видока лично и имевший возможность просветить поэта относительно истинной природы французского полицейского. Этим человеком был отставной полковник Иван Петрович Липранди, с которым Пушкин близко сошелся во время пребывания в Кишиневе в 1820 году. Липранди очень ценят исследователи творчества Пушкина – Иван Петрович написал весьма обстоятельные воспоминания о кишиневском периоде поэта. Пушкин относился к Липранди с большой симпатией и даже сделал его героем повести «Выстрел»: и современники поэта, и последующие историки сходятся на том, что главный герой «Выстрела» Сильвио списан с Ивана Липранди.

Во время их знакомства Липранди уже был в отставке – по причине неудачно завершившейся дуэли.

Нас интересует один период чрезвычайно занимательной биографии этого обрусевшего потомка старинного испанского рода. К слову сказать, начиная с историка С. Штрайха, в русской историографии сложилась традиция именовать нашего героя «потомком испано-мавританского рода» (Н. Эйдельман) или даже «потомком испанских грандов с примесью мавританской крови» (И. Волгин и др.). Но П. Садилов еще в 1941 году писал:

«Отец братьев Липранди был вовсе не “потомок испанских грандов” или “мавр” по происхождению, как полагает С.И. Штрайх, а скромный буржуа г. Мондовио в Пьемонте (куда

¹ Там же. – С. 335.

предки его действительно переселились из Барселоны в начале XVII в.), владелец суконной и шелковой фабрик; в 1785 г. Пьетро Липранди переселился (по приглашению) в Россию, пользовался затем покровительством Зубова и в 1800 г. был уже директором Александровской мануфактуры в Москве. И.П. Липранди, по его собственным словам, после смерти отца всей дальнейшей карьерой “был обязан своей силе и здоровью, не будучи аристократического кружка”¹.

Я же дополню это замечание следующим. В Барселоне мавров, в том числе и крещеных (а из каких еще могли возникнуть испанские гранды мавританского происхождения?), найти трудновато: северная граница мавританского завоевания Пиренейского полуострова почти совпадает с южной границей провинции Каталония, центром которой является этот город. Да и фамилия Липранди еще и сегодня встречается довольно часто, только она не мавританского, а еврейского происхождения². Что, к слову сказать, больше соответствует и роду занятий предков И.П. Липранди: мориски (крещеные мавры) в Испании в основном занимались земледелием; промышленность, мануфактура, «буржуазные» ремесла характерны были в большей степени именно для конверсос — крещеных евреев.

Происхождение предков русского офицера меня бы не заинтересовало, если бы не забавный факт, связанный с Пушкиным. Вспоминая о случайной встрече со старым другом и однокашником В. Кюхельбекером, осужденным за участие в декабристском мятеже, поэт, в частности, пишет:

«Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черной

---

¹ П. Садилов. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов: (По новым материалам) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — [Вып.] 6. — С. 266–295. Сетевая версия издания: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v41/v41-266-.htm>.

² См.: Jewish Genealogy in Argentina. The Online Center of Jewish Genealogy in Argentina: <http://www.jewishgenealogy.com.ar/guia1950/ancestors-phone-357.html>.

бороною, во фризовой шинели — с виду настоящий жид — я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся им спиною, думая, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений»¹.

Каково было бы ему узнать, что человек, к которому он искренне был привязан, о ком писал в письме к Ф.Ф. Вигелю в 1823 году «Где и что Липранди? Мне брюхом хочется видеть его...»² и кого сделал прототипом едва ли не самого романтического своего героя, благополучно сочетал в себе именно эти два «понятия» — «жида» и «шпиона». О первом — о еврейском происхождении предков Ивана Липранди — я уже рассказал, теперь перейдем ко второй части — шпионской (или полицейской, тут уж кому какой термин понравится). А для этого обратимся ко времени завершения войны с Наполеоном, в которой Липранди принимал активное участие, будучи офицером русской армии. О его военных талантах говорит хотя бы то, что к моменту разгрома Наполеона 24-летний Липранди уже дослужился до звания подполковника. С 1815 по 1818 год он служил в Париже в составе русского оккупационного корпуса. И здесь судьба (а вернее, непосредственное начальство в лице командующего корпусом генерала М.А. Воронцова) свела его с Видоком. Впоследствии Липранди так рассказывал об этом эпизоде (в работе с длинным названием «Важность иметь положительные сведения о происходящем на правом берегу Дуная и о тайных кознях в княжествах; с указанием на единственные средства к достижению того, в полном объеме высшей тайной “заграничной полиции”»):

«В 1815 году, оставаясь при кавалерии кн. Воронцова во Франции, его светлость поручил мне наблюдение за существовавшим тогда во Франции обществом заговорщиков под

---

¹ А.С. Пушкин. Встреча с Кюхельбекером // А.С. Пушкин. Полное собр. соч. в 17 тт. — М.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. — Т. 12. — С. 307.

² Н.Я. Эйдельман. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. — М.: Высшая школа, 1993. — С. 432.

названием «булавок», что поставило меня в сношение с французскими начальниками высшей тайной полиции в Арденнах и Шампани; составленная мною секретная статистика этих мест, представленная в 1818 г. князю, свидетельствует о сказанном мною»¹.

Несмотря на общее «французские начальники высшей тайной полиции», видимо, именно тогда познакомился подполковник Липранди с главой «Сюртэ Насьональ» Видоком. Что касается «общества булавок», то, очевидно, он имел в виду общество «Черной булавки», о котором вскользь говорит Виктор Гюго в романе «Отверженные». Это общество действительно существовало, причем заговор, который его члены пытались составить, имел место в 1817 году — как раз во время пребывания Липранди в Париже. Члены «Черной булавки» были сторонниками Орлеанской ветви, то есть будущего «короля-гражданина» Луи-Филиппа, стоявшего в оппозиции к царствующему тогда Людовику XVIII. Заговор, судя по дошедшей до нас информации, был несерьезным.

Другой и более веской причиной знакомства Липранди с Видоком стала не борьба с заговорщиками, а организация военной полиции в рамках оккупационного корпуса — впервые в русской армии. Это дело было поручено подполковнику Липранди тем же генералом Воронцовым. Имелась ли связь между русским офицером и княгиней Багратион, в это же время жившей в Париже и державшей салон, в котором бывали все знаменитости, мы не знаем. Но исключать это нельзя, возможно, именно в салоне Прекрасного голого ангела Липранди познакомился с Видоком, и знаменитый сыщик стал вхож в дом Липранди в Париже. Именно здесь встретил его известный русский мемуарист Ф.Ф. Вигель, оставивший нам портрет этого незаурядного человека:

---

¹ П. Садиков. И.П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов: (По новым материалам) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — [Вып.] 6. — С. 266–295. Сетевая версия издания: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v41/v41-266-.htm>.

«Один... мне понравился: у него было очень умное лицо, на котором было заметно, что сильные страсти не потухли в нем, а утихли. Он был очень вежлив, сказал, что обожает русских и в особенности мне желал бы на что-нибудь пригодиться; тотчас после того объяснил, какого рода услуги может он оказать мне. Как султан, властвовал он над всеми красавицами, которые продали и погубили свою честь. Видя, что я с улыбкою слушаю его, сказал он: “Я не скрою от вас моего имени; вас, по крайней мере, не должно оно пугать: я Видок”.

<...>

Я лучше понял причины знакомства с сими людьми; так же как они, Липранди одною ногою стоял на ультрамонархическом, а другою на ультрасвободном грунте, всегда готовый к услугам победителей той или другой стороны»¹.

В свою очередь, И.П. Липранди не преминул с нескрываемой иронией ответить на это, что Вигель, несмотря на свою щепетильность, охотно воспользовался помощью Видока в поиске украденных золотых часов.

Сам же Липранди в память о той своей службе привез на родину колоссальную библиотеку, на книгах которой стояла печать королевской библиотеки Бурбонов. Н. Эйдельман высказывал предположение, что эти книги Липранди, возможно, получил от Видока. Впоследствии они были куплены библиотекой Главного штаба. В советское время 189 томов с печатями Бурбонов и надписью «de Liprandy» хранились в Государственной библиотеке им. Алишера Навои в Ташкенте. Мне неизвестна нынешняя судьба этих книг. Возможно, они по-прежнему находятся в хранилище ташкентской библиотеки.

С.И. Штрайх считал, что один намек в повести «Выстрел» прямо указывает на то, что об этой странице биографии Липранди Пушкин был вполне осведомлен: «Сильвио встал и вынул из картона красную шапку с золотою кистью, с галуном (то, что французы называют «bonnet de police»); он ее надел;

---

¹ Ф.Ф. Вигель. Записки. — М.: Захаров, 2000. Сетевая публикация: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Vigel/Vigel.htm>.

она была прострелена на вершок ото лба». «Bonnet de police» — «полицейская шапка». Впрочем, это было всего лишь названием головного убора, никак в действительности не связанного с полицией. Но — все может быть...

В 1821 году уже вышедшего в отставку Липранди намеревались сделать начальником военной полиции 2-й армии. По этому поводу один из генералов этой армии писал командующему:

«Сколько я знаю и от всех слышу, то Липранди один только, который по сведениям и способностям может быть употреблен по части полиции; он даже Воронцовым по сему был употреблен во Франции; а лучше об нем Вам скажет Михайла Федорович, который уже сделал ему разные препоручения; другого же способного занять сие место не знаю»¹.

Михайла Федорович — генерал М.Ф. Орлов, в прошлом — начальник штаба русского оккупационного корпуса в Париже и непосредственный руководитель Липранди того времени. Назначение не состоялось, но в дальнейшем наш герой все время занимался военной разведкой и контрразведкой на юге России, был создателем обширной и разветвленной агентурной сети в приграничных и собственно турецких землях. Спустя много лет он писал со сдержанной гордостью:

«Агенты мои в разных местах Австрии, в Турции до самого Адрианополя, успели собрать самые достоверные сведения не только о состоянии областей турецких и Австрии, но и о всех приготовлениях турков, состоянии их крепостей, флотилии, характере и свойствах пашей и других начальствующих лиц и т. п.»².

Вот тут я бы хотел вернуть внимание читателя к временам молодости Эжена-Франсуа Видока — временам, когда он, возможно (это лишь гипотеза), выполнял разведывательные мис-

---

¹ П. Садиков. И.П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов: (По новым материалам) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — [Вып.] 6. — С. 266–295. Сетевая версия издания: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v41/v41-266-.htm>.

² Там же.

сии в австрийской армии. Судя по тому, что Липранди занимался не уголовным сыском, а именно разведкой, можно предположить, что Видок делился с ним не только опытом в раскрытии уголовных преступлений. Может быть, биография русского офицера окажется косвенным свидетельством разведывательной деятельности молодого Видока. Но — опять-таки, это всего лишь предположение.

И.П. Липранди

И.П. Липранди окончательно вышел в отставку генерал-майором. В 1840 году он поступил на службу гражданскую, став чиновником особых поручений при министре внутренних дел Л.А. Перовском. На этом посту он навеки загубил репутацию — в глазах и современников, и потомков. Профессиональные качества И.П. Липранди в создании агентурных сетей оказались востребованы правительством исключительно в деле политического сыска. В роли чиновника по особым поручениям МВД он занимался и преследованием сектантов-старообрядцев, и сообществами вольнодумцев. Ему же было поручено наблюдение за кружком, который в 1848 году, под впечатлением революционных событий, сотрясавших Европу, был организован М.В. Буташевичем-Петрашевским. Это громкое дело, к которому, среди прочих, оказался причастен молодой Ф.М. Достоевский, по сути, было инспирировано Иваном Петровичем Липранди. Именно его докладная записка побудила власти арестовать петрашевцев и начать громкий судебный процесс. В записке чиновник по особым поручениям писал:

«Члены общества предполагали идти путем пропаганды, действующей на массы. С этой целью в собраниях происходили рассуждения о том, как возбуждать во всех классах народа

негодование против правительства, как вооружать крестьян против помещиков, чиновников против начальников, как пользоваться фанатизмом раскольников, а в прочих сословиях подрывать и разрушать всякие религиозные чувства, как действовать на Кавказе, в Сибири, в Остзейских губерниях, в Финляндии, в Польше, в Малороссии, где умы предполагались находящимися уже в брожении от семян, брошенных сочинениями Шевченки. Из всего этого я извлек убеждение, что тут был не столько мелкий и отдельный заговор, сколько всеобъемлющий план общего движения, переворота и разрушения»¹.

Дело закончилось вынесением неожиданно суровых приговоров: Петрашевский и еще двадцать членов его кружка (в том числе Достоевский) были приговорены к смертной казни. И приговоры, и мрачная инсценировка приведения их в исполнение (на осужденных надели балахоны, привязали к столбам и лишь после этого прочли указ императора о помиловании) — все это на долгие годы определило негативное отношение русского общества к Липранди.

Справедливо ли финал дела «петрашевцев» общественное мнение связывало с именем И.П. Липранди, сказать трудно. С одной стороны, он как будто был сторонником «мягкого» отношения к преступникам. С другой — жуткий маскарад исполнения приговора у меня лично немедленно вызвал в памяти семейную историю «испанских грандов» Липранди и маскарады аутодафе, в которых принуждены были участвовать предки и родственники нашего героя.

Но это, впрочем, совсем другая история, далекая от темы книги. Я же хочу еще раз обратить внимание читателей на удивительный факт: оказывается, «первый сыщик Европы» до известной степени способствовал становлению русской разведки и контрразведки, а также тайного политического сыска Российской империи.

---

¹ И.П. Липранди. Записки. Мнение, представленное д.с.с. И.П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. 1872. — Т. 6. — С. 77.

АКЦЕНТ ЭРКЮЛЯ ПУАРО

Помимо долгой и разнообразной жизни, которую природа и судьба подарили первому сыщику Европы, история и литература подарили ему много больше — подлинное бессмертие.

Начнем с творчества великих французских писателей — современников и знакомых Видока. Я уже говорил о каторжнике Вотрене — под этим именем Видок появляется в романах Оноре де Бальзака «Отец Горио», «Утраченные иллюзии», «Блеск и нищета куртизанок», входящих в цикл «Человеческая комедия». Вотрен не только внешне списан с Видока, но и во многом повторяет его судьбу. Это беглый каторжник, меняющий обличье от книги к книге, а в романе «Блеск и нищета куртизанок» переходящий на сторону правосудия и начинающий бескомпромиссную борьбу с преступниками и продажными полицейскими. Хотя сам Видок был недоволен этим своим портретом, нельзя не признать, что Бальзак наделил своего героя многими привлекательными чертами. Вотрен в романах Бальзака столь же сложен, как и реальный его прототип. Так же как Видок, он в молодости попадает на каторгу по ложному обвинению в подлоге. Интересно, что одному из основных приемов реального Видока — частым переодеваниям — Бальзак придал философский смысл: постоянно, от книги к книге меняя обличье и имена, его Вотрен как бы меняет социальный статус, превращаясь в другого человека. Под пером Бальзака перемены Вотреном внешности и имен символизируют неизменность истинной внутренней сущности всех тех, кто принадлежит к самым разным классам и слоям общества.

Вообще, личность Видока вызывала достаточно сложные философские ассоциации не только у Бальзака. Другой знакомый нашего героя, Виктор Гюго, обессмертил его сразу в двух образах в книге «Отверженные». Здесь черты Видока и его судьбу писатель распределил между двумя героями-антагонистами — каторжником Жаном Вальжаном и полицейским Жавером. Противостояние Видока-каторжника (Вальжана) и Видока-полицейского (Жавера) в романе превращается в прит-

чу о борьбе доброго и злого начал в душе одного человека, две половины жизни реального Эжена-Франсуа Видока становятся философским символом. При этом Жавер в «Отверженных» не просто полицейский, но тоже выходец с каторги, такой же изгой, как и Вальжан. Примечательно, что для романтика, каким был Виктор Гюго, Видок-каторжник кажется предпочтительнее Видока-полицейского: Жан Вальжан в «Отверженных» гораздо привлекательнее сыщика Жавера.

Но, конечно, наибольшее влияние оказала личность и биография Видока на детективную литературу. В 1841 году появился первый детектив в мировой литературе – рассказ Э.А. По «Убийство на улице Морг». Действие этого рассказа происходит во Франции. И, конечно, это неслучайно – как неслучайна и фигура сыщика, месье Дюпена (в современной критике принято называть Дюпена Шарль-Огюст, хотя в рассказах Эдгара По имя сыщика обозначено лишь инициалами). Эдгар По знал цену словам, именам и названиям. Когда он задумал написать «готический» рассказ «Метценгерштейн», местом действия стала Германия, а героями – немецкие аристократы. Ничего удивительного – сумрачные рассказы о сверхъестественном прочно связывались с Германией. Рассказ о притягательной и пугающей стихии средневекового маскарада («Маске Красной смерти») помещен в итальянскую обстановку. На Луну с помощью воздушного шара летит голландец Ганс Пфааль, уроженец страны отважных путешественников и изобретателей. К Южному полюсу устремляется юный американец. Что до детектива – для созданного Эдгаром По жанра, для первого *детективного* рассказа писатель избрал местом действия именно Париж. И героем сделал именно француза. Конечно, Дюпен – приукрашенное и идеализированное изображение, это не копия и не портрет Видока. Но кое-что этому утонченному аристократу досталось в наследство от нашего героя: превратности судьбы, едва не кончившиеся катастрофой в прежней жизни, особые, доверительные отношения с руководством парижской полиции – и одновременно соперничество с ним. Вряд ли случайному человеку префект полиции позволит посещать и осматривать место преступления, вряд ли к мнению случайного человека он будет прислушиваться.

Вряд ли, опять-таки, к случайному человеку будет обращаться в щекотливых обстоятельствах префект полиции – как, например, в истории с «Похищенным письмом», вторым рассказом из мини-сериала о Дюпене:

«...Дверь распахнулась, и в комнату вошел наш старый знакомый, мосье Г., префект парижской полиции.

Мы встретили его приветливо; хотя многое в нем заслуживало презрения, но человек он был презабавный, – к тому же мы его не видели несколько лет. Мы сумерничали, и Дюпен тут же встал, чтобы зажечь лампу, но снова уселся в свое кресло, когда Г. сказал, что пришел посоветоваться с нами, или, скорее, узнать мнение моего друга об одном служебном происшествии, причинившем немало неприятностей»¹.

Следующим отражением Видока в детективной литературе стал сыщик Лекок из романов Эмиля Габорио. Вот он, агент сыскальной полиции мосье Лекок:

«Помощником Жевроля в ту пору был ставший на праведный путь бывший правонарушитель – великий пройдоха и весьма искусный в сыском деле молодчик, к тому же люто завидовавший начальнику полиции, которого он считал посредственностью. Звали его Лекок»².

Такую отнюдь не лестную на первый взгляд характеристику дает своему герою Эмиль Габорио в первом романе «Дело вдовы Леруж», написанном в 1866 году. В то же время этот портрет близок к портрету оригинала – Эжена-Франсуа Видока.

Кстати о портрете. Воображаемому художнику пришлось бы немало попотеть, пытаясь создать портрет гения сыска. И вот почему:

«Лекок выглядит так, как желает выглядеть. Его друзья утверждают, будто он обретает собственное, неподдельное лицо

¹ Э.А. По. Похищенное письмо / Пер. Н. Демуровой // Э.А. По. Полное собрание рассказов. – М.: Наука («Литературные памятники»), 1970. – С. 553.

² Э. Габорио. Дело вдовы Леруж / Пер. Е. Баевской и Л. Цывьяна // Дело вдовы Леруж. Духи Дамы в черном. Арсен Люпен – джентльмен-грабитель. – М.: Прогресс, 1990. – С. 13.

лишь тогда, когда приходит к себе домой, и сохраняет его лишь до тех пор, пока сидит у камелька в домашних туфлях, однако это утверждение невозможно проверить.

Достоверно одно: его переменчивая маска подвержена невероятнейшим метаморфозам; он по желанию лепит, если можно так выразиться, свое лицо, как скульптор лепит податливый воск, причем он способен менять все — вплоть до взгляда, что недоступно даже самому Жевролю, наставнику и сопернику Лекока»¹.

Итак, Дюпен и Лекок года списаны с Видока. Причем Дюпен — еще при жизни французского сыщика. Ну, а дальше на сцене появляется величайший сыщик всех времен и народов, придуманный Артуром Конан Дойлом.

«Шерлок Холмс встал и принялся раскуривать трубку.

— Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпенем, делаете мне комплимент, — заметил он. — А по-моему, ваш Дюпен — очень недалекий малый. Этот прием — сбивать с мыслей своего собеседника какой-нибудь фразой “к случаю” после пятнадцатиминутного молчания, право же, очень дешевый показательный трюк.

— Вы читали Габорио? — спросил я. — Как, по-вашему, Лекок — настоящий сыщик?

Шерлок Холмс иронически хмыкнул.

— Лекок — жалкий сопьяк, — сердито сказал он. — У него только и есть, что энергия»².

Вот так небрежно и вполне уничтожительно отозвался Шерлок Холмс о своих французских предшественниках. Что интересно: доктор Ватсон поинтересовался его мнением о литературных персонажах, плодах фантазии американского и французского писателей. И Холмс высказался о них с го-

---

¹ Э. Габорио. Преступление в Орсивале // Э. Габорио. Преступление в Орсивале; Г. Леру. Тайна Желтой комнаты. — М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 46.

² А. Конан Дойл. Этюд в багровых тонах / Пер. Н. Трениевой // А. Конан Дойл. Собр. соч. в 8 тт. — М.: Библиотека Огонек, Правда. — Т. 1. — С. 51.

рячностью и эмоциональностью, во-первых, необычных для него, а во-вторых, как о живых людях. Тут, впрочем, ничего неожиданного нет: естественно, персонаж к персонажу отнесется как к живому человеку.

Так что же? Детектив утратил французский акцент и приобрел английский? Да как сказать... В биографии Шерлока Холмса обнаруживается все тот же «французский след». Вот он (рассказ «Случай с переводчиком»):

«— В вашем собственном случае, — сказал я, — из всего, что я слышал от вас, по-видимому, явствует, что вашей наблюдательностью и редким искусством в построении выводов вы обязаны систематическому упражнению.

— В какой-то степени, — ответил он задумчиво. — Мои предки были захолустными помещиками и жили, наверно, точно такою жизнью, какая естественна для их сословия. Тем не менее эта склонность у меня в крови, и идет она, должно быть, от бабушки, которая была сестрой Верне, французского художника. Артистичность, когда она в крови, закономерно принимает самые удивительные формы»¹.

Мы видим, что и во времена Дойла все еще казалось уместным связать гениального детектива с Францией. В свете сказанного приведенный выше разговор Шерлока Холмса и доктора Ватсона выглядит забавно: Видок-Холмс дает уничтожающую характеристику Видоку-Дюпену и Видоку-Лекоку.

Артуром Конан Дойлом дело не кончилось. Младший современник Дойла и безусловный наследник «короля детективов» Гилберт К. Честертон тоже не смог обойтись без французов. Вспомним Эркюля Фламбо, грабителя, мошенника и вора. «Фламбо» — прозвище, под ним скрывается французский преступник-виртуоз Эркюль Дюрок. Впервые он появляется в рассказе «Сапфировый крест», где его заманивает в ловушку маленький священник-детектив — отец Браун. Затем Фламбо, все еще в роли преступника, возникает в «Странных шагах»,

---

¹ А. Конан Дойль. Этюд в багровых тонах / Пер. Н. Вольпин // А. Конан Дойль. Собр. соч. в 8 тт. — М.: Библиотека Огонек, Правда. — Т. 2. — С. 167.

в «Летучих звездах». После последнего преступления Фламбо-Дюрок сам становится сыщиком и помощником отца Брауна.

Кажется, достаточно примеров. В раннем классическом детективе действительно имеется «французский след». И этот след, вне всякого сомнения, образ Эжена-Франсуа Видока. Именно его литературными отражениями в той или иной степени можно считать и Дюпена, и Лекока, и Шерлока Холмса, и еще немало персонажей мировой детективной литературы. От его биографии ведет свое происхождение соперничество-сотрудничество частного сыщика и полиции. От его же методов возникла та привычка к переодеванию и использованию грима, которая присуща и Лекоку, и Холмсу.

Одни персонажи взяли от него происхождение и стремление систематизировать методы расследования преступлений (тренировка зрительной памяти и наблюдательности, составление личного архива и т. д.). Другие – французское происхождение, галльскую артистичность, склонность к бахвальству, смешное, несколько ребяческое тщеславие. Третьи – принадлежность как к миру борцов с преступностью, так и к самому преступному, теновому миру. Таковыми являются, например, вор-джентльмен Арсен Люпен, придуманный французским писателем Морисом Лебланом, Эркуль Фламбо-Дюрок у Честертона – сначала вор, а затем сыщик и помощник патера Брауна, взломщик и – по совместительству – частный детектив Барни Роденбарр из романов американского писателя Лоренса Блока, Саймон Темплер по кличке «Святой» из произведений Лесли Чартериса. И, конечно же, многих героев классического детектива роднит с Видоком загадочность натуры и туманная пелена, окутывающая прошлое.

Таким образом, «французский акцент» у литературных сыщиков – знак их родства с реальным французом, первым сыщиком Европы Эженом-Франсуа Видоком. Кстати, последний в ряду великих сыщиков золотого века детектива, Эркуль Пуаро, хотя он и бельгиец, говорит с французским акцентом и носит французское имя (еще один Эркуль). О, разумеется, половина населения Бельгии – франкофоны. Но все-таки...

Место действия первого детективного романа Джона Диксона Карра – тоже Париж, главный герой (ставший его первым сериальным героем) – французский сыщик Анри Беколин.

Ну, а самым, пожалуй, неожиданным и интересным отражением Видока в литературе стал обаятельный персонаж И. Ильфа и Е. Петрова. Разумеется, в карикатурном, сниженном виде, но у Остапа Бендера можно найти множество тех самых черт, которые подарил своим литературным портретам Эжен-Франсуа Видока. Бендер «Двенадцати стульев» – обаятельный и артистичный мошенник, Бендер «Золотого тельника» – типичный частный детектив. Его напарники-подельники – такие же бывшие мошенники. А «Рога и копыта» – это ведь точно такая же частная детективная контора, как и Бюро по сбору информации, открытое Видоком. Да и занимается она именно этим – сбором информации о преступниках и преступлениях.

Интерлюдия вторая

ДЕДУШКА ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Вскользь брошенные слова Конан Дойла об Орасе Верне, внучатым племянником которого он сделал Шерлока Холмса, заставили меня внимательнее присмотреться к фигуре этого художника-баталиста и ориенталиста, весьма популярного в свое время не только во Франции, но и в других странах Европы.

С автопортрета на нас смотрит худощавый мужчина в псевдовосточной одежде, с высоким лбом, орлиным носом, иронической улыбкой. В руке он держит курительную трубку с длинным чубуком. Фоном служит мастерская художника, среди атрибутов — восточные кинжалы и сабли.

Что-то в его облике действительно напоминает придуманного Артуром Конан Дойлом гениального сыщика. Возможно, конечно, что именно внешнее сходство побудило писателя сыграть в такую изящную игру — дать плоду своего воображения родство с реальным человеком. Возможно даже, что портрет Верне повлиял на фантазию Конан Дойла. Но нам хочется думать, что причины не только в портрете. Вполне вероятно, что писатель знал некоторые страницы биографии «родственника» Шерлока Холмса. А страницы эти весьма любопытны. И свидетельствуют, что артистичность, о которой вспоминает Холмс, действительно принимает удивительные формы.

Орас Верне, внук художника Жозефа Верне и сын художника Карла Верне, родился в 1789 году. Искусству он учился у отца и успехов на поприще живописи добился не меньших, чем тот, а возможно и больших. Его полотна, в основном батальные («Взятие Танжера», «Сражение при Йене», «Битва на море» и др.), имели огромный успех.

Но для нас представляет интерес другая сторона его деятельности. Орас Верне рано вошел в политическую элиту Франции. Кроме живописи он занимался еще и дипломатией, выполняя самые различные поручения Луи-Филиппа и Наполеона III. В качестве не только художника, но и дипломата (возможно, и разведчика) он принимал участие в военных операциях французской армии в Алжире в 1833 году. В 1836 году, а затем в 1842–1843 годах Верне побывал в России, опять-таки, сразу в двух ипостасях: как дипломатический посланник и как художник. Картины этого периода выставлены сегодня в Эрмитаже. Среди них – один из лучших портретов императора Николая I и семейный портрет царского семейства («Царско-сельская карусель»).

В качестве же дипломата Верне предпринимал попытки к установлению более теплых отношений между пославшим его Луи-Филиппом и русским императором, недолюбливавшим «короля-гражданина» (как называл себя Луи-Филипп). Трудно сказать, насколько ему это удалось. Возможно, дипломатическими способностями Верне и в самом деле обладал, ведь не случайно король посылал его в Россию дважды. Кое-что можно почерпнуть из его писем к жене, опубликованных еще в 1865 году, а недавно переведенных и на русский язык.

«Санкт-Петербург, после 20 августа 1842 г.

Итак, я снова в этом большом неустроенном городе. Император принял меня все с той же сердечностью, но разговор был короткий. Он спросил о королевской фамилии, интерес к которой у него не охладился, *однако я не счел уместным пускаться в дальнейшие объяснения при князе Волконском, отложив оные до ближайших дней...*¹ [Курсив мой. – Д. К.]

Уже из этого письма, одного из первых, следует, что он был не просто посланником, но *конфиденциальным* посланником

---

¹ О. Верне. При дворе Николая I. Письма из Петербурга 1842–1843 / Пер. Д. Васильева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – С. 16.

между двумя монархами. В других письмах обращает на себя внимание его интерес к русской армии, боевым действиям, которые в то время вела Россия, а заодно и попытки анализа взаимоотношений между солдатами и офицерами:

«29 июня 1842 г., Царское Село.

<...>

...Мы приехали с маневров, которые были великолепны. Семьдесят тысяч солдат под развернувшимся от дождя небом... К сожалению, в этом году придется отказаться от большого турне – время мало сему благоприятствует, особенно на Кавказе... Получили известие о новом большом сражении, но кто победил, об этом ничего не говорят. Зато уже известны имена убитых офицеров, что позволяет догадываться об исходе дела...»¹

«Санкт-Петербург, после 20 августа 1842 г.

<...>

...Обращенные ко мне в обществе вопросы показывают беспокойство о будущем этой страны. За последнее время в администрации и армии случились ужасающие убийства. Несколько дней назад один чиновник застрелил товарища министра финансов князя Гагарина. Преступника осудили на шесть тысяч шпицрутенов, но он умер после тысячи двухсот. Теперь обнаружилось, что его вынуждали признаться в хищениях, совершавшихся на самом деле важными персонами. Сей случай возбудил изрядное волнение в среднем классе, у которого нет ни суда, ни защиты против тирании вельмож...»²

«Санкт-Петербург, 21 октября 1842 г.

<...>

...Взбунтовалось целое военное поселение – ни один офицер не уцелел, все были хладнокровно перерезаны. Солдаты, возглавляемые унтер-офицерами, явились к своим начальникам и заявили: “Мы не держим на вас обиды, но вы обречены на смерть, кончайте свои дела, мы придем за вами”. И они пришли. Должно быть, наказание было ужасным,

---

¹ Там же. – С. 10.

² Там же. – С. 17.

поскольку об этом ничего не известно. Все эти полки расформированы...»¹

С одной стороны, ничего удивительного нет в том, что художник-баталист проявляет повышенный интерес к военным учреждениям страны, в которой находится с визитом. С другой стороны, почему-то кажется, что человек именно такой профессии выбран был Луи-Филиппом не случайно. Тут учитывался и благосклонный интерес русского императора к батальной живописи, и слава художника, и его профессиональные качества.

Сегодня трудно установить, что именно, кроме официальных дипломатических обязанностей, выполнял в Санкт-Петербурге французский художник. Но соблазнительно предположить, что были среди них и те, в которых Орас Верне проявил качества, роднящие его с вымышленным потомком. Не исключено, что та же мысль появилась и у молодого писателя Артура Конан Дойла, когда он придумывал биографию своему герою.

Но тут мы вступаем на территорию чистой фантазии. Если, разумеется, в будущем не обнаружатся документы, подробнее знакомящие нас не только с художником Орасом Верне, но и с профессиональным дипломатом и, возможно, разведчиком Орасом Верне.

Разумеется, в письмах Верне нашлось место не только дипломатии и армии. Есть и забавные истории, почти анекдоты. Например, вот такой:

Орас Верне. Автопортрет

¹ Там же. – С. 33.

«...После богослужения император целуется с первым встречным. Обычно это часовой, стоящий у дверей. Несколько лет назад Государь поцеловал гренадера Преображенского полка со словами: “Христос воскрес!”, на что тот отвечал: “Никак нет!” – он оказался евреем. С этого дня всех евреев перевели во флот, и в сухопутных войсках не осталось ни одного...»¹

Встречаются и описания чрезвычайно запутанных уголовных преступлений, одно из которых художник сравнивает с «Парижскими тайнами» Эжена Сю. И ведь как соблазнительно было бы написать роман, в котором старший родственник великого сыщика раскрывает преступление, находясь в столице России!

Оставим же эту незаурядную личность и вернемся к его «внучатому племяннику». Но прежде – забавная деталь. Сравнивая портрет Николая I, написанный Верне, с его автопортретом, нельзя не заметить поразительного сходства между этими лицами. И тут сразу же вспоминается, что советский актер Василий Ливанов, замечательно сыгравший великого сыщика в знаменитом сериале Игоря Масленникова, несколькими годами ранее столь же прекрасно сыграл... молодого Николая I в фильме Владимира Мотыля «Звезда пленительного счастья». Видимо, режиссер не случайно обнаружил сходство между «внучатым племянником» Ораса Верне и русским императором.

---

¹ Указ. изд. – С. 66.

III

ШЕРЛОК ХОЛМС
В РЕАЛЬНОЙ
ЖИЗНИ

В истории сыска хватает загадок и загадочных личностей. Герой предыдущего очерка – создатель французской криминальной полиции – типичный тому пример. Ничего удивительного в этом нет – значительная часть событий и личностей, относящихся к истории криминалистики, не любят яркого света и гласности. Преступление – загадка, методы и действия детектива – загадки (для непосвященных, разумеется); ну так и сам он просто обязан быть личностью загадочной, как же иначе?

Среди окутанных таинственностью фигур великих детективов пальма первенства принадлежит человеку, уже при жизни заслужившему славу лучшего сыщика Великобритании. Ныне он известен как Игнациус Пол Поллаки, хотя, возможно, это не подлинное имя – во всяком случае, имя произвольно измененное или, произвольно искаженное. О его рождении и молодости не известно ничего. Сколько-нибудь достоверные сведения относятся лишь к 1849 году, когда Поллаки появился в Англии. Да и причины его появления в Альбионе, равно как и внезапная стремительная карьера на поприще частного сыска, тоже вызывают удивление и множество вопросов, все еще остающихся без ответов.

Есть и другие загадки. Например, в популярной книге Ю. Торвальда «Век криминалистики» имеются рассказы о Видоке, о Пинкертоне, о других сыщиках и криминалистах XIX века, но ни слова не сказано о Поллаки. И это при том, что во второй половине XIX века он считался лучшим детективом Англии! Лишь в относительно недавнее время о нем кое-что начали писать. Например, в России, в книге Светозара Чернова

«Бейкер-стрит. Эпоха Шерлока Холмса»¹, в главе, посвященной частным детективам викторианской эпохи, приводится краткая биография этого человека (к сожалению, не без ошибок). В Великобритании не так давно вышла книга «Блистательная дедукция. История реальной жизни великих сыщиков» Мэтта Канса², в которой Игнациусу Поллаки посвящена отдельная глава (и вновь с некоторыми искажениями и неточностями). Наконец, уже совсем недавно, в июне 2015 года, вышло из печати первое более или менее полное жизнеописание сыщика, написанное Брайаном Кессельманом и озаглавленное “‘Паддингтон’ Поллаки: частный детектив. Таинственная жизнь подлинного Шерлока Холмса и его эпоха»³.

Что же это был за человек и почему все чаще его так громко и высокопарно именуют «подлинным Шерлоком Холмсом»? При том что он ни разу не упоминается Артуром К. Дойлом среди возможных прототипов великого сыщика с Бейкер-стрит (хотя некоторые факты биографии Поллаки и детали его расследований наталкивают на мысль именно об этом). Почему, кстати говоря, А.К. Дойл ни словом не обмолвился о своем старшем современнике, которого сравнивали с его героем? Как и при каких обстоятельствах оказался Поллаки в Англии и почему открыл частное детективное бюро? Что за странные, по сей день не до конца расшифрованные послания остались от него? Что за еще более странные объявления, состоявшие порой из одного слова (а то и просто нескольких букв), оставлял он в «Колонке страждущих» лондонской «Таймс»? Какие преступления были им раскрыты? Что стало причиной ужасного и трагического финала его долгой жизни?

Трудно найти ответы на эти вопросы – еще и потому, что, в отличие от своих более известных коллег, Эжена Франсуа Видока и Алана Натаниэля Пинкертона, Игнациус Поллаки

---

¹ С. Чернов. Бейкер-стрит. Эпоха Шерлока Холмса, 2012.

² Matt Kuhns. Brilliant Deduction. The Story of Real-Life Great Detectives, 2012.

³ Bryan Kesselman. ‘Paddington’ Pollaky, Private Detective. The Mysterious Life and Times of the Real Sherlock Holmes, 2015.

никогда не испытывал писательского зуда. Во всяком случае, он не оставил никаких воспоминаний или мемуаров — кроме записных книжек, в которых историки не разобрались по сей день, да писем, больше похожих на зашифрованные донесения. Не так много сохранилось и его портретов, так что почти все издания, рассказывающие о нем, зачастую иллюстрируются одним и тем же изображением: карикатурой известного французского художника Фаустина Бетбедера из серии «Знаменитые лондонцы». Кессельман в своей книге публикует еще одну газетную карикатуру и один, фотографический, портрет Поллаки, относящийся к последним годам жизни. Фотография изображает седовласого джентльмена в зимнем пальто и шляпе, опирающегося на трость. Под фотографией, оригинал которой хранится ныне в нью-йоркском институте Лео Бика, есть подпись: «Мистер (или сэръ?) Поллаки, внучатый дядя Тони, знаменитый британский детектив». Это — всё. Даже после Эжена-Франсуа Видока, жившего в додагеротипную эпоху, изображений осталось больше.

Попробуем восстановить биографию этого человека — хотя бы в той степени, которую позволяют архивные документы, расшифрованные и опубликованные за последние годы рядом исследователей из разных стран. А заодно расскажем и о других полицейских детективах и частных сыщиках викторианской эпохи, с которыми, так или иначе, доводилось сотрудничать или конкурировать «подлинному Шерлоку Холмсу».

ПОЖОНЬ, ПРЕСБУРГ, ПРЕШПОРЕК

Братислава, нынешняя столица Республики Словакия, не всегда называлась Братиславой. Венгры называли ее Пожонь, немцы — Пресбург, чехи — Прешпорек. А когда-то, в Средние века, у нее и вовсе было латинское имя Истрополис. Причина понятна: Братислава оказывалась городом то богемским, то австрийским, то немецким, то венгерским. И не просто городом — дважды ей довелось быть словацкой столицей (в 1939–1944 го-

дах и после 1989-го) и один раз – венгерской, в 1541–1684 годах, после того как прежнюю столицу Венгерского королевства захватили османы.

Словом, история города напоминает старый еврейский анекдот о раввине, который родился в Австрии, женился в Венгрии, учился в Чехии, раввином стал в Словакии, сына женил в СССР, а умер в Украине – и всё это не покидая родного Мукачево.

Именно в Пресбурге-Братиславе в семье Йозефа Франца Поллака 19 февраля 1828 года¹ родился сын, которого назвали Игнац Пал. Игнац Пал Поллак. «Поллаки» он писался на венгерский манер (Pollaku), подобно тому как венгерское название родного его города Пожонь писалось с окончанием «у» – Pozsony.

Точно определить занятия Поллака-старшего будет трудно: в Пресбурге в тот момент проживало несколько Йозефов Францев Поллаков, и по меньшей мере у шести из них были сыновья по имени Игнац Пал, родившиеся примерно тогда же, когда родился наш герой. Следует учесть, что и он сам создал нынешним историкам трудности, поскольку иногда указывал годом рождения не 1828, а 1829 год – что, согласитесь, не облегчает усилия по его идентификации. Правда, некоторых кандидатов сразу можно отвергнуть, ибо о них в архивных документах указана дата не только рождения, но и крещения. Мы же знаем, что лондонские джентльмены, упоминая Поллаки в частных письмах, с нескрываемым раздражением раз за разом прибавляли «этот венгерский еврей» или «этот немецкий еврей». Иной раз его называли даже «польским евреем», как о том упоминает, например, Мэтт Канс в своей книге о великих сыщиках. Так что можно высказать предположение, что наш герой вряд ли был христианином. Согласно Брайану Кессельману, посвятившему рассказу о собственных поисках документов о рождении Поллаки целую главу в биографической книге, Игнац Пал Поллак действительно происходил из очень религиозной еврейской семьи, а его отец Йозеф Франц Поллак

---

¹ Эту дату Поллаки указал в документах о натурализации, хранящихся в архиве в г. Брайтон.

отправлял обязанности шамеса (синагогального служителя или старосты) в главной синагоге Пресбурга. Игнац Пал Поллак не был ни первым, ни единственным ребенком в семье, у него были братья и сестры. Отмечу заодно, что ряд документов, касающихся нашего героя, можно отыскать в некоторых разделах известного и популярного сайта Jewish Gen¹, вот уже много лет публикующего архивные материалы еврейских общин Европы (списки налогоплательщиков, свидетельства о рождении, смерти, заключении брака и т.д.).

Многочисленное и весьма разветвленное семейство Поллак занимает в истории европейских евреев достаточно важное место. Согласно традиции, корни этого рода восходят к XV веку, к фигуре известного раввина Якова бен Йосефа по прозвищу Поллак (1460–1541). Рабби Яков Поллак родился в Люблине (Польша), затем переехал в Прагу, столицу Чехии (Богемии). Здесь, в Праге, он и получил прозвище Поллак, то есть просто Поляк (по месту рождения), ставшее затем фамилией для него и его многочисленных потомков – всех этих Поляков, Поликов, Полячков – и, конечно, наших Поллаков из Пресбурга. Рабби Яков возглавлял в Праге высший раввинский суд, затем, после острого конфликта с другими раввинами, оставил пост и уехал в польскую столицу Краков, куда пригласили его местные евреи – выходцы из Чехии. В Кракове, тогдашней столице Польского королевства, он основал высшее религиозное учебное заведение по изучению Талмуда и Галахи (еврейского законодательства). Современники считали его величайшим знатоком Талмуда. Ему, в частности, принадлежит открытие особого метода толкования Талмуда, который получил название «пильпуль» (от слова «пильпель», на иврите означающего «перец») или «польский метод» и которым еврейские богословы пользуются и по сей день, хотя некоторые из них относятся к методу «пильпуль» скептически.

К чему всё это рассказывать? И зачем в истории сыска долгий рассказ о методах изучения Талмуда? Разумеется, не только и не столько для того, чтобы подчеркнуть древность и ученость

---

¹ Jewish Gen: <http://www.jewishgen.org>.

семьи нашего героя. Дело в том, что, если отставить в сторону его религиозную составляющую, метод «пильпуль», отдающий предпочтение выявлению скрытых логических связей перед буквальным прочтением законов, как две капли воды похож на знаменитый дедуктивный метод Шерлока Холмса, неизменно восхищающий тысячи поклонников детективной литературы.

Не существует никаких документов о том, где и как учился Игнац Поллак. Учитывая тот факт, что в британских иммиграционных документах он назвался профессором («Professor Pollaku»), видимо, наш герой получил академическое образование. А исходя из происхождения и положения его отца, можно предположить, что, помимо образования светского, он получил и религиозное. Тем более что Пресбург славился своей иешивой, основанной выдающимся религиозным мыслителем р. Моше Сойфером (р. Моисеем Шрайбером), чей мавзолей сегодня является одной из туристических достопримечательностей Братиславы. И мне кажется, что изучавшийся в иешиве р. Сойфера метод «пильпуль», некогда разработанный далеким предком нашего героя, возможно, повлиял на методы, использовавшиеся им уже отнюдь не в религиозной сфере. Ведь обучение данному методу заключалось в том, что на примере вообразаемых ситуаций по спорным вопросам законодательства учеников учили делать логически обоснованные выводы и решать возникающие парадоксы. Не худший способ тренировки интеллекта для будущих сыщиков. Сомневающиеся могут раскрыть любой современный учебник по криминалистике и убедиться, что все примеры там будущими криминалистами рассматриваются по тому же принципу: вообразаемый криминальный казус, аргументы, логические построения, разрешение, казалось бы, неразрешимых парадоксов и т.д.

А еще отметим, что семейство Поллак состояло в родственной связи со многими немецкими и австрийскими знаменитостями. Среди них, в частности, семья матери Карла Маркса Генриетты Пресбург («Пресбурги из Пресбурга»). Когда-то ее предки были раввинами в родном городе нашего героя, почему и получили фамилию по названию этого города. Впоследствии они переселились в Нидерланды.

**Игнациус Пол Поллаки в последние годы жизни.
Фото хранится в Leo Baek Institut (Нью-Йорк)**

Другим дальним родственником нашего героя был великий немецкий поэт-романтик Генрих Гейне, чьи корни также восходили к Пресбургам, а через них – к р. Поллаку. Разумеется, все это родство было очень дальним, как говорится, седьмая вода на киселе.

С 1828 года, от рождения Игнаца Пала Поллака, до 1849 года, года появления его в Лондоне и превращения в Игнациуса Пола Поллаки, мы не располагаем документальными свидетельствами ни о его учебе, ни о его работе, ни даже о его профессии (если таковая имелась). Но можем отметить в придачу к сказанному выше, что образован он был неплохо. Судить можно хотя бы по тому, что к двадцатилетнему возрасту Поллаки свободно владел как минимум немецким, словацким, венгерским, фран-

цузским, английским и итальянским языками. Значительную роль в этом сыграла, конечно, и история родного города, кочевавшего из одного языкового поля в другое. Родным языком Игнац Поллак, как и многие евреи Европы, считал немецкий и в дальнейшем личную переписку предпочитал вести на этом языке.

Кроме того, можно предположить, что молодой житель Пресбурга-Пожони не избежал участия в бурных событиях, которые переживала Европа в 1848–1849 годах. И возраст, и происхождение толкали его в ряды революционеров. Следует отметить, что в «весне народов», как романтично называют серию европейских революций того времени, принимали активное участие почти все молодые евреи Пресбурга. Пресбург был одним из центров борьбы венгерских революционеров против австрийской гегемонии. На первых порах евреи Венгрии обрели равноправие и, разумеется, оказались в рядах восставших. Но почти сразу же Пресбург стал едва ли не самым главным в стране очагом антисемитской пропаганды (возможно, из-за чрезмерного, по мнению националистов, участия евреев в национально-освободительном движении). Эта пропаганда привела к жестокому еврейскому погрому, случившемуся в Пресбурге 23–24 апреля 1848 года. Один человек был убит, несколько – ранены, еврейская начальная школа разгромлена, магазины, принадлежавшие евреям, – разграблены. Сведений о наказании зачинщиков и участников этой трагедии нет. Вместо этого городские власти обрушили свой гнев на жертвы: евреям запретили записываться в национальную гвардию, а кроме того, приказали всем вернуться в городское гетто (с началом общеевропейской «весны народов» евреи начали покидать отведенные для них со времен Средневековья кварталы и селиться в других районах Пресбурга, среди христиан).

Реакция усилилась в 1849 году. Многие молодые евреи, участвовавшие в революционных событиях, начали покидать родные места. Забегая вперед, скажем: правильно делали. Сразу после подавления антиавстрийского восстания, вспыхнувшего в 1849 году, в котором еврейская молодежь вновь приня-

ла активное участие, несмотря на антисемитскую политику городских властей, антиеврейские законы стали жестче, а в апреле 1850 года по городу прокатился новый погром, еще более жестокий.

Но к тому времени Игнац Поллак уже оказался в Англии. Логично предположить, что причиной его эмиграции стало участие (разумеется, гипотетическое, но все же весьма вероятное) в революции: в 1849 году он, очевидно, уже ясно понимал, что победила реакция. Обратим внимание на то, что, возможно, именно к тем бурным временам восходит знакомство будущего детектива с Фридрихом Энгельсом, Эдуардом Бернштейном и некоторыми другими вождями европейского революционного движения. Но о его связях поговорим несколько позже. Все эти люди также эмигрировали — кто в относительно спокойную Швейцарию, кто, подобно нашему герою, в не менее спокойную Великобританию. Здесь впоследствии ему довелось встретиться с некоторыми из них и даже оказать помощь в щекотливых делах.

УБИЙСТВО НА РОУД-ХИЛЛ

Имя Игнациуса Поллаки впервые стало известно широкой публике более чем через десять лет после того, как он осел в Англии. Произошло это в обстоятельствах скандальных и связано было с одним из самых громких преступлений XIX века — так называемым убийством на Роуд-Хилл. Забавно, что это упоминание в печати Игнациуса Поллаки сопровождается эпитетом «*таинственный*». В статье лондонской «Таймс», повествующей об одном из судебных заседаний, связанных с указанным преступлением, репортер недоуменно спрашивает: «Что это еще за *таинственный мистер Поллаки*? Какова его роль в этом деле?»

Попробуем ответить на заданный вопрос. Тем более что «Дело об убийстве на Роуд-Хилл» повлияло как на историю криминалистики, так и на историю литературы (что не ме-

нее интересно). Именно под впечатлением от этого кровавого и таинственного происшествия Уилки Коллинз написал знаменитый «Лунный камень», который впоследствии был назван «первым и лучшим британским детективным романом». Так назвал сочинение Коллинза Т.С. Эллиот. Вполне заслуженная оценка. Другим известным произведением, созданным под влиянием убийства на Роуд-Хилл, стал мистический роман выдающегося американского писателя Генри Джеймса «Поворот винта». Наконец, неоконченный роман Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда» также был навеян всё той же историей, происшедшей на Роуд-Хилл. Сам Диккенс обещал, что этот роман станет лучшим его романом и что читатели ни за что не угадают развязку. К сожалению, сегодня мы не можем судить о том, удалось ли ему выполнить обещание. Тем не менее историки литературы единодушны в том, что к написанию романа Диккенса подтолкнули эти события.

Таким образом, три выдающихся произведения литературы XIX века появлением своим обязаны мрачной тайне особняка на улице Роуд-Хилл в деревушке Тробрюбридж.

Что же там произошло? Что настолько поразило воображение рядовых обывателей и политиков, журналистов и писателей?

Все началось с того, что 30 июня 1860 года в полицию обратилась миссис Мэри Кент, жена преуспевающего лондонского чиновника Сэмюэла Кента. Семья жила в загородном особняке, поблизости от Тробрюбриджа, на улице Роуд-Хилл. Миссис Кент заявила о похищении сына, четырехлетнего Сэвилла — Френсиса Сэвилла Кента. Прибывшие в особняк полицейские (констебли из участка Тробрюбриджа) тщательно обыскали дом и сад. Вскоре мальчик был найден — в дворе туалетом, с перерезанным горлом, завернутый в собственное одеяло. Убийца с такой силой нанес мальчику смертельный удар, что едва не обезглавил свою жертву.

Местная полиция пришла к выводу (вполне естественно и логичному), что преступление было совершено в ночь с 29 на 30 июля и что преступником является, очевидно, кто-то из домашних. При всей скандальности такого предположения

оно не выглядело таким уж невозможным. Семейство Кентов, несмотря на внешнюю респектабельность, хранило немало «скелетов в шкафу». Первая жена Кента была душевнобольной, нынешняя миссис Кент при жизни первой супруги служила гувернанткой старших детей, будучи одновременно любовницей главы семейства.

После предварительного следствия, которое провел местный суперинтендант¹ полиции Джон Фоли, расследование этого ужасного убийства поручили присланному из Скотланд-Ярда инспектору Джонатану Уичеру, одному из самых опытных лондонских детективов, которого один из коллег назвал «королем сыскарей».

Речь идет о полицейских детективах, относительно недавно пришедших на смену тем самым «красногрудым бегунам с Боу-стрит», о которых я рассказывал в первой части книги. По мере того как в обществе нарастало недовольство «бегунами», представители политического истеблишмента склонялись к необходимости создания сыскной полиции, которая заменит коррумпированных «бегунов», недалеко ушедших от уже знакомых читателю «вороловов». Впрочем, дело было даже не в коррумпированности, а в чрезвычайной малочисленности этих борцов с преступностью. В лучшие времена число «бегунов» доходило до пятнадцати человек. И это в таком густонаселенном городе, как Лондон! Неудивительно, что британская столица по-прежнему оставалась одним из самых опасных городов в мире. В конце концов министр внутренних дел Роберт Пиль создал настоящую уголовную полицию. Первая тысяча полицейских 9 декабря 1829 года вышла на патрульную службу. Но... это были борцы с уличной преступностью, а криминогенная обстановка требовала профессиональных сыщиков, способных вести полноценные расследования. В 1842 году наконец-то тот же Роберт Пиль создал сыскную полицию, прославившуюся в дальнейшем под названием Скотланд-Ярд. Вот служащие

---

¹ Суперинтендант – в британской полиции офицерское звание, на ранг ниже комиссара. Суперинтендантами являются (и являлись) начальники всех полицейских участков.

Скотланд-Ярда и стали официально называться «детективы». И было их поначалу всего-навсего восемь, затем — двенадцать человек. В отличие от своих коллег из других подразделений, детективы ходили в штатском, для них не предусматривалась униформа.

Посланный в Роуд-Хилл инспектор Джоанатан Уичер входил в число первых восьми детективов лондонской сыскальной полиции.

«Невысок ростом, плотного сложения, с лицом, меченным оспой, на вид молчалив и задумчив — он как будто углубился в сложные арифметические подсчеты»¹, — такой портрет Уичера рисует Диккенс в очерке «Сыскальная полиция». Там же он приводит в качестве примера одно из расследований Уичера (в очерке он носит имя «Уитчем»), рисуящее последнего как очень наблюдательного, изобретательного и упорного полицейского.

Уже через несколько дней, после тщательного анализа всех обстоятельств дела и изучения улик, внимание детектива привлекла сводная сестра мальчика, дочь мистера Кента от первого брака, 16-летняя Констанс. Многие свидетели показали, что девушка ненавидела мачеху еще с тех пор, когда та служила гувернанткой и состояла в любовной связи с отцом Констанс. Ненависть свою и ревность к отцу она перенесла на детей Сэмюэла Кента от второго брака. Она то и дело третировала мальчика Севила и издевалась над ним и его годовалой сестрой. Об этом, в частности, поведала сыщнику Эмма Моуди — школьная подруга Констанс. Масло в огонь подливало поведение мачехи, чье отношение к детям Сэмюэла Кента от первого брака никак не походило на родственное.

Детектив Уичер посчитал, что такая ненависть вполне могла стать мотивом для совершения жестокого преступления. Констанс Кент, по его мнению, решила убить своего единокровного брата, чтобы отомстить мачехе.

---

¹ Чарльз Диккенс. Сыскальная полиция / Пер. Н. Вольпин // Ч. Диккенс. Собр. соч. в 30 тт. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. — Т. 19. — С. 351.

Однако для предъявления обвинения наличия только лишь мотива, да еще и предположительного, было явно недостаточно — ни для суда, ни для общественного мнения, изрядно взбодраженного жестоким убийством ребенка. Конечно, случись это событие на полвека позже, когда в центре внимания всей образованной публики оказались теории Зигмунда Фрейда, в частности Эдипов комплекс, дело могло обойтись и без вещественных доказательств. Версия, к которой склонялся Уичер, выглядела точной иллюстрацией Фрейдových концепций: ненависть к матери (мачехе), ревность по отношению к отцу, перенос отношений на трехлетнего ребенка и т.д. Хладнокровие, с которым Констанс отвечала на вопросы полиции, спокойствие, с которым она (как полагал Уичер) совершила тщательно продуманное преступление, не оставляли надежды на чистосердечное признание преступницы, не подкрепленное уликами. Ну и, конечно же, «дурная наследственность»: мать Констанс, первая жена Сэмюэла Кента, много лет страдала психическим заболеванием.

Все это, пусть и по-другому сформулированное, было достаточно серьезным психологическим основанием подозрений инспектора Уичера. Но вот с материальными доказательствами, с уликами дело обстояло куда хуже. Да что там хуже! Их просто не было.

Опытный сыщик Джонатан Уичер был уверен: нет преступника, который не оставил бы после себя хотя бы какие-нибудь следы. Хоть один след. Вот и в данном убийстве — рана, нанесенная Сэвиллу, свидетельствовала, что мальчик потерял много крови. Не могло случиться так, чтобы ни одна капля не попала на одежду убийцы — во время совершения преступления или когда преступник заворачивал и переносил тело. Убийство было совершено ночью. Следовательно, именно ночное одеяние могло хранить пятна крови, а кроме того, возможные разрывы ткани, грязь и так далее.

Но обыск в доме ничего не дал. Ни одна из ночных сорочек, принадлежавших подозреваемой (а Уичер упорно продолжал считать наиболее вероятной преступницей именно Констанс), не несла на себе никаких следов. И другая одежда, которую

добросовестный Уичер просмотрел тщательнейшим образом, тоже не несл на себе следов крови.

И все-таки ему удалось ухватиться за ниточку. При осмотре спальни Констанс он обнаружил в комодке список вещей, которые отправлялись прачке. В списке фигурировали три ночные сорочки. В наличии же оказалось только две. На вопросы полицейского девушка отвечала, что третью сорочку потеряла прачка, которая брала всю одежду в стирку. Прачка обвинение отрицала, но что толку? Опять-таки слова. Слово против слова.

Тем не менее детектив не отказался от версии и добился привлечения девушки к суду. Общественное мнение было на стороне обвиняемой: молоденькая, скромная, сирота, из хорошей семьи. Словно только что сошла со страниц какого-то из романов Чарльза Диккенса (кстати, Диккенс внимательно следил за развитием следствия и часто высказывался по его поводу в печати).

А вот сыщики общественным благорасположением вообще не пользовались. «Хапуны», «легалые», «ищейки» – такими презрительными кличками охотно награждали обыватели первых борцов с преступностью. Или менее презрительными, но насмешливыми: «пилеры», «бобби» (и то и другое – от имени организатора Скотланд-Ярда министра Роберта Пиля). Да что там обыватели! От такой позиции недалеко ушли и служители закона. Например, А.И. Герцен в «Былом и думах» рассказывает весьма характерный для Англии случай. Полиция арестовала иностранца-эмигранта д-ра Симона Бернара по обвинению в подготовке покушения на императора Франции Наполеона III во время визита последнего в столицу Великобритании. Обвинение базировалось на данных слежки за подсудимым. Следили, естественно, агенты-осведомители, которые были вызваны в суд для дачи соответствующих показаний.

Так вот, адвокат подсудимого Эдвард Джемс никоим образом не собирался оспаривать эти показания. Ему было ни к чему. Тактика защиты строилась на том, чтобы вызвать у присяжных неприязнь к обвинению именно в силу того, что оно привлекает внештатных агентов:

«На этой ненависти к политическим шпионам и к бесцеремонному вторжению их в Лондон основал Эдвин Джемс свою защиту. Что он делал с английскими агентами, трудно себе вообразить. Я не знаю, какие средства нашел Scotland Yard или французское правительство, чтоб вознаградить за пытку, которую заставлял их выносить Э. Джемс»¹.

И дело закончилось оправданием подсудимого, который при этом вовсе не скрывал своих планов. Только представьте себе: эмигранта, намеревавшегося убить главу соседней державы, под рукоплескания обывателей присяжные объявляют невиновным — и потому лишь, что обвиняют его полицейские агенты, «пилеры», «ищейки»! Вот каким было отношение к представителям правоохранительных органов в тогдашнем обществе. Причина крылась отнюдь не в личных качествах полицейских, а в принципиальном нежелании англичан терпеть вмешательство государства в личную жизнь. Разумеется, права человека важны, и любовь к свободе заслуживает всяческих похвал. Но всё имеет свою обратную сторону. Обратной стороной любви подданных Соединенного Королевства к свободе была ненависть к тем, кто формально отождествлялся с запретами и ущемлением прав, хотя на деле стоял на страже жизни и собственности обывателей.

Детектив-сержант Джонатан Уичер испытал такое отношение на собственной шкуре. Сразу же после судебного заседания, на котором адвокат Констанс Кент разбил аргументы обвинения (ключевое доказательство, окровавленную сорочку, Уичер представить, понятное дело, не смог), в газетах развернулась самая настоящая травля сыщика. Журналисты и политики яростно обрушились на Уичера, осмелившегося обвинить в кровавом преступлении скромную благовоспитанную девушку из хорошей семьи. Его называли безнравственным циником, глупцом, подкупленным настоящим преступником. Дело даже дошло до запроса в палате общин. Начальник Уичера сэр Ричард Мэйн (глава Скотланд-Ярда) поспешил отозвать

---

¹ А. Герцен. Былое и думы. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. — Ч. 6–8. — С. 98.

оскандалившегося сыщика. Детектив продолжал чуть ли не ежедневно получать свою порцию грязи, а оправданная Констанс Кент — жалости.

Джонатана Уичера довели до нервного срыва. Он еще какое-то время служил в полиции — и даже побывал в командировке в России: в 1862 году русское правительство обратилось к англичанам с просьбой о консультационной помощи по организации сыскной полиции в Варшаве. Русские коллеги высоко оценили профессионализм лондонского сыщика.

Между тем история расследования в Роуд-Хилл продолжалась. В ноябре 1863 года открылись очередные судебные слушания. Их инициировал некий Томас Сондерс, адвокат и член окружного суда Бредфорда-на-Эйвоне. Он был уверен в том, что убийцей, вернее, убийцами являлись отец мальчика Сэмюэл Кент и горничная, ставшая его любовницей¹. Еще он был уверен в том, что жители Тробриджа знают, кто преступник, но скрывают это. А главным же виновником сокрытия Сондерс считал «коррупцированного полицейского детектива из Скотланд-Ярда», то есть несчастного Джонатана Уичера. Томас Сондерс утверждал: Сэмюэл Кент подкупил детектива для того, чтобы тот отвел подозрение от истинного убийцы. Что тот и сделал, назначив на роль жестокого убийцы невинную девушку.

Но один из дней в суде принес настоящую сенсацию. Томас Сондерс вызвал в качестве свидетелей местных полицейских. И вот в ходе допроса констебля по фамилии Уоттс вновь всплыла история с ночной сорочкой. Констебль точно назвал день, когда обнаружилась столь важная улика, и место, где он ее обнаружил. По его словам, 30 июня 1860 года, то есть в первый день полицейского расследования, Уоттс проводил обыск в кухне и в духовке плиты обнаружил скомканную грязную ночную сорочку. Констебль Урч, присутствовавший при этом, подтвердил показания Уоттса и добавил, что на сорочке имелись засохшие пятна крови, а также тот факт, что сорочка была маленького размера. Показания констеблей вынужден был подтвердить их начальник, суперинтендант Фоли,

---

¹ Этой точки зрения придерживался и Ч. Диккенс.

также вызванный в суд. По его словам, он просто уничтожил окровавленную ночную сорочку, даже не попытавшись выяснить, кому она принадлежит. Точно так же он, недолго думая, вытер отпечаток кровавой ладони на окне в спальне мальчика. Позже он заявил, что не хотел лишний раз пугать членов несчастного семейства Кентов, уже пострадавшего, лишними подозрениями, слухами и пересудами. Что до пятен крови, то суперинтендант сказал: он счел их следами менструации какой-то из служанок. Стыдясь их, служанка поспешно спрятала грязную сорочку в кухне, чтобы потом ее уничтожить.

Замечу, что в те времена подобное вопиющее с нынешней точки зрения поведение полиции было в порядке вещей. Респектабельные джентльмены были вне подозрений — с точки зрения столь же респектабельного полицейского начальства. Да и при чем тут испуганная девушка, когда суперинтендант был уверен: преступление совершили цыгане, чей табор располагался неподалеку?

Интересно, что для Сондерса показания полицейских оказались неприятным сюрпризом, ибо подтверждали версию Уичера, которого он обвинял в продажности. Уичер ведь тоже обращал внимание суда на исчезнувшую ночную сорочку Констанс Кент! Словом, Сондерс попытался на очередном заседании замаять историю с сорочкой — он-то упрямо вел дело к осуждению Сэмюэла Кента и его горничной.

Не тут-то было! Ему не дали это сделать. Неизвестный никому джентльмен, сидевший в первом ряду, вдруг бесцеремонно ввязался в судебное следствие и засыпал обвинителя градом ироничных по форме, но очень точных вопросов. Репортеры, присутствовавшие в суде в тот день, обратили внимание на легкий акцент, сопровождавший его в остальном безупречную речь. До истории с сорочкой он молча сидел на своем месте и стенографировал весь ход процесса. Но вот после того, как стало ясно, что Сондерс пытается дезавуировать им же инспирированные показания Уоттса, Урча и Фоли, незнакомец вмешался.

Его вопросы вызвали у Сондерса смятение. Незнакомец не просто поставил в центр следствия пресловутую сорочку,

но и вынудил его самого, председательствовавшего на заседании, по сути, дезавуировать собственную версию. При этом настырный незнакомец никаких утверждений себе не позволял, он только задавал вопросы, на которые Сондерс вынужден был отвечать.

Пронырливые репортеры немедленно выяснили, как звали незнакомца: Игнациус Поллаки, суперинтендант зарубежного отдела частного сыскного бюро Чарльза Фредерика Филда.

Уже на следующий день газеты писали о нем больше, чем об остальных участниках процесса. Полицейские же и судья Сондерс изо всех сил стремились с ним встретиться, чтобы выяснить, какое задание этому «таинственному мистеру Поллаки» (так называли его газеты) дал Чарльз Филд – старейший из лондонских частных детективов, а до того – самый опытный инспектор Скотланд-Ярда (между прочим, близкий друг Джонатана Уичера, о чем газеты тоже разузнали). Поллаки уклонялся от всяких встреч – до поры до времени. Газета «Бристоль дейли пост» высказывала предположение, что поимка убийцы его не интересует вообще. Газета же «Фрум таймс» сообщила, что ее репортеру известно о встрече Поллаки с Сондерсом и что на этой встрече Сондерс поинтересовался у Поллаки, не пытается ли последний выставить почтенного судью сумасшедшим? Как писала газета, Поллаки ничего не ответил на этот прямой вопрос¹. Можно сказать, что, в отличие от Томаса Сондерса, у Поллаки было хорошее чувство юмора.

Скорее всего, инспектор Филд послал Поллаки не для того, чтобы раскрыть преступление, а для того, чтобы не дать совершиться новому преступлению: обвинению Джонатана Уичера в продажности, а Сэмюэла Кента – в причастности к убийству собственного сына.

Поллаки с этой задачей справился. Сондерс через несколько дней вообще прекратил судебное следствие и закрыл процесс. Газеты заговорили об окровавленной сорочке и оставили в покое Джонатана Уичера.

---

¹ См. К. Саммерскейл. Подозрения мистера Уичера, или Убийство на Роуд-Хилл. – М.: АСТ, 2010.

Детектив Джонатан Уичер. 1865

Таким было первое появление на публике Игнациуса Пола Поллаки. Согласитесь, достаточно эффектное. Наверное, добиться снятия обвинений в продажности с тогдашнего полицейского детектива было никак не легче, чем раскрыть убийство. А возможно, и гораздо труднее — ибо коррупция продолжала пронизывать правоохранительную систему, словно перейдя по наследству от «бегунов с Боу-стрит» к детективам Скотланд-Ярда.

Я хочу обратить внимание читателей на то, что Поллаки одержал победу именно в словесном поединке с обвинителем. Он не представил суду каких-либо доказательств невиновности своего коллеги Уичера. Он не вызвал свидетелей, которые

под присягой подтвердили бы нелепость подозрений Сондерса. Нет, он просто задавал вопросы. Но вопросы эти безотказно били в цель – раскрывали уязвимость позиции бредфордского адвоката. Вот об этой-то беспощадной и в то же время достаточно формальной логике я и говорил, имея в виду метод «пильпуль».

Но что же Джонатан Уичер? В 1864 году он, уже добровольно, ушел в отставку и занялся частным сыском.

А через год после этого (и через пять лет после того скандального расследования) случилось непредвиденное (для гонителей и начальников Джонатана Уичера).

В полицейский суд Трубриджа явился преподобный Артур Дуглас Вагнер. Он руководил брайтонским платным пансионом Святой Марии (как пишет Кейт Саммерскейл¹, самым близким аналогом женского монастыря в англиканской Британии). Встретившись с судьей, преподобный Артур Д. Вагнер сообщил, что пришел по просьбе одной из пансионеров – Констанс Кент, которая поселилась в пансионе вскоре после ужасных событий в доме ее отца. Глава пансиона сказал: Констанс попросила его передать судье, что она готова признать свою вину в убийстве брата – четырехлетнего Сэвилла Кента.

Слова священника Вагнера поразили судью, а затем и всех тех, кто слышал об убийстве на Роуд-Хилл. Констанс Кент призналась в преступлении на исповеди, однако преподобный Вагнер подчеркнул, что не нарушает тайну исповеди, поскольку говорит то, что подопечная сказала ему в присутствии третьих лиц. Состоялись новые судебные слушания, и на них Констанс Кент чистосердечно рассказала о содеянном. В мае 1865 года Констанс Кент была приговорена к смертной казни через повешение. Однако уже в июле того же года королева Виктория помиловала ее – это соответствовало настроению в обществе. При этом следует отметить, что она не дала никаких объяснений своему чудовищному поступку, но упорно отрицала утверждения, будто она руководствовалась ревно-

---

¹ См. К. Саммерскейл. Подозрения мистера Уичера, или Убийство на Роуд-Хилл. – М.: АСТ, 2010.

стью к мачехе и мезтью. По сей день нет единого мнения о том, что же двигало юной девушкой — как нет единого мнения о том, действительно ли она убила своего брата. Несмотря на ее признание.

Чтобы закончить историю с Джонатаном Уичером, чья личность, возможно, заинтересовала читателей, коротко расскажу о том, как он окончательно восстановил свою репутацию толкового и проницательного профессионала, занимаясь (в качестве частного сыщика) так называемым делом лже-Тичборна.

В 1854 году в кораблекрушении погиб сэръ Роджер Тичборн — баронет, наследник немалого состояния. Тело его не было найдено, что никого не удивило — все-таки останки погибших при кораблекрушении находятся далеко не всегда. Единственным человеком, который не мог примириться с мыслью о его смерти, была его мать, вдовствующая леди Тичборн. Она утверждала, что сын ее спасся, и весьма энергично занималась поисками. И вот однажды, через двенадцать лет после крушения, в самом конце 1866 года, в Лондоне объявился человек, назвавшийся сэром Роджером Тичборном. Оказывается, он не погиб в крушении, а чудом спасся, оказался в Чили, затем перебрался в Австралию, где жил в Новом Южном Уэльсе под именем Томаса Кастро. Так бы и жил, вполне довольный новой жизнью, если бы не попала ему в руки однажды газета с объявлением о его розыске. Объявление поместила леди Тичборн. Тогда Томас Кастро решил вернуться к прежней жизни и в теплые материнские объятия.

Леди Тичборн признала в нем своего пропавшего сына. Разумеется, нашего читателя подобное признание вряд ли удивит и убедит: некогда мать убитого в Угличе царевича Димитрия признала своего сына в самозванце Лжедимитрии I. А после убийства последнего — и в Лжедимитрии II. И в том, что леди Тичборн, долгие двенадцать лет не желавшая примириться с мыслью о смерти сына, признала его, ничего удивительного нет. Но ведь его признали многие: друзья, знакомые, слуги и даже домашний врач. Врач, среди прочего, сообщил пикантную деталь: у баронета Тичборна половой член в не-

эрегированном состоянии втягивался в паховую складку. Нам почему-то кажется, что, если бы речь не шла о большом состоянии, на том бы дело и кончилось. Леди Тичборн обливала бы материнскими слезами чудом обретенного сына, слуги радостно заботились о вернувшемся из дальних странствий хозяине.

Но... Имения Тичборна были немалыми, и родственники пропавшего и воротившегося баронета решили проверить, не имеют ли они дело с аферистом, выдавшим себя за действительно погибшего. Для проведения тщательного и скрупулезного расследования они наняли частного детектива Уичера. И Уичер приступил к делу. Ему нужно было найти многое – например, объяснение физических недостатков, общих у самозванца и пропавшего (если только объявившийся Тичборн действительно самозванец); его неожиданно точное знание деталей (вплоть до расположения картин в фамильном доме).

Уичер взялся за розыски. Он действовал привычными полицейскими методами: слежкой, подкупом, угрозами. Но они оказались достаточно эффективными. В одном из предместий Лондона Уичер нашел некую Мэри-Энн Лодер. Эта дама заявила сыщику, что нынешний Тичборн – ее любовник, который бросил ее в 1852 году (за два года до рокового кораблекрушения) и у которого был тот же физический дефект, что и у пропавшего баронета. Звали его Артур Ортон, был он мясником и в 1852 году уехал в Австралию. Джонатан Уичер заподозрил, что именно Артур Ортон (или Томас Кастро) и есть появившийся внезапно Роджер Тичборн.

Но одного лишь свидетельства Мэри-Энн Лодер было, разумеется, мало. Уичер продолжил собирать улики и свидетельства, подтверждавшие его подозрения. Он даже съездил в Австралию, где, к слову сказать, у его старого друга Филда были хорошие связи среди местных полицейских и частных детективов, а его резидентом был старейший и популярнейший австралийский частный детектив Отто Берлинер.

Уичер собирал улики почти пять лет – с 1866 по 1871 год. Только в 1872 году на «Тичборна»-Осборна родственники уто-

нувшего баронета подали в суд за лжесвидетельство. Процесс длился два года. Наконец в 1874 году, спустя семь лет после появления «Тичборна» в Англии, Ортон (или Кастро) оказался в тюрьме — на долгие четырнадцать лет.

Уичеру за проведенное расследование родственники утонувшего баронета заплатили солидную сумму — сто гиней.

Однако и в этом его расследовании присутствуют те же недостатки, что в расследовании убийства на Роуд-Хилл. Мы видим, что каждый раз Уичер в первую очередь опирается на собственную интуицию, а уж затем пытается найти улики. Вот и на этот раз он ответил далеко не на все вопросы. Осталось неизвестным по сей день, кто и почему рассказал мяснику Ортону столько подробностей из жизни погибшего баронета Тичборна — в том числе интимного характера. Нынешний адвокат на одних только двусмысленностях оппонентов добился бы оправдательного вердикта.

Впрочем, и лже-Тичборн, утверждавший, будто никакого Артура Ортона не существует в природе и никогда не существовало, что все это придумал сам Уичер, чтобы выполнить задание родственников Тичборна, — тоже не смог ничем подкрепить свое обвинение.

Не будем оспаривать решение суда. Тем более что с той поры минуло более ста лет и за все сто лет никому не пришлось в голову потребовать нового расследования.

На этом попрощаемся с частным детективом Джонатаном Уичером и вернемся к биографии нашего главного героя.

Итак, широкая британская публика узнала об Игнациусе Поллаки в связи с судебным процессом, затеянным Томасом Сондерсом, как о ближайшем помощнике знаменитого сыщика Чарльза Филда. Мало того, вскоре выяснилось, что мистер Поллаки работает на мистера Филда, являясь фактически, его правой рукой, более десяти лет! То есть, почти с самого момента прибытия в Великобританию! Неплохая карьера для эмигранта. Как такое могло произойти?

Прежде чем ответить на этот вопрос, познакомимся поближе с легендарным инспектором Филдом и его частным сыскным агентством.

ИНСПЕКТОР ФИЛД, ДЕТЕКТИВ

«Мистер Снегсби испугался, заметив, что между ним и поверенным, неподалеку от стола, стоит внимательно всматривающийся в них человек со шляпой и палкой в руках – человек, которого не было здесь, когда сам мистер Снегсби вошел, и который при нем не входил ни в дверь, ни в окно. В комнате стоит шкаф, но петли его дверцы не заскрипели ни разу; не слышно было и шума шагов по полу. Однако этот третий человек стоит здесь со шляпой и палкой в руках, заложенных за спину, – внимательный, сосредоточенный и спокойный слушатель. Это крепко сложенный, немолодой, степенный на вид мужчина с острыми глазами, одетый в черный костюм. Он смотрит на мистера Снегсби с таким видом, словно хочет написать с него портрет, но, кроме этого, в нем на первый взгляд нет ничего особенно замечательного, – разве что появился он на манер привидения.

– Не обращайтесь внимания на этого джентльмена, – говорит мистер Талкингхорн как всегда спокойно. – Это просто мистер Баккет.

<...>

...Мистер Баккет – агент сыскной полиции, Снегсби»¹.

Прототипом вымышленного мистера Баккета – вездесущего, незаметного и дьявольски проницательного – стал реальный Чарльз Фредерик Филд, детектив из Скотланд-Ярда. Диккенс вывел его и под другим именем – детектива Уилда – в очерке «Сыскная полиция», и под его собственным – в очерке «С инспектором Филдом при отправлении службы». Но самым известным английским детективом Филд стал не только благодаря литературным воплощениям, принадлежащим перу великого писателя, но и потому что качества, которыми Диккенс наделил детектива Баккета и детектива Уилда, во многом присущи были реальному инспектору Филду.

---

¹ Ч. Диккенс. Холодный дом / Пер. М. Клягиной-Кондратьевой // Ч. Диккенс. Собр. соч. в 30тт. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957–1963. – Т. 17. – С. 400.

«По дороге мистер Снегсби наблюдает нечто для него новое: каким бы скорым шагом они ни шли, у спутника его, как ни странно, все время такое выражение лица, как будто они не спеша прогуливаются от нечего делать; и еще — собираясь повернуть направо или налево, Баккет всякий раз притворяется, будто твердо решил идти прямо, но в самый последний момент делает крутой поворот. Время от времени навстречу им попадается квартальный полицейский, который обходит

**Инспектор Чарльз
Фредерик Филд. 1855**

свой участок, и тут мистер Снегсби подмечает, что оба они, и его проводник и квартальный, — встречаясь, становятся чрезвычайно рассеянными и смотрят куда-то в пространство, как бы совсем не замечая друг друга. Изредка мистер Баккет нагоняет какого-то невысокого молодого человека в блестящем цилиндре с прилизанными волосами, закрученными на висках в два плоских завитка, и, почти не глядя на него, прикасается к нему своей палкой, а молодой человек, оглянувшись, мгновенно улетучивается. Мистер Баккет замечает почти все, что происходит вокруг, но лицо его так же не меняется, как не меняется огромный траурный перстень на его мизинце или булавка с крохотным брильянтиком в массивной оправе, воткнутая в его рубашку»¹.

Действительно, весьма впечатляющий портрет опытного полицейского той «героической» эпохи (мы имеем в виду «героической» для истории уголовной полиции).

«Инспектор Уилд — мужчина средних лет, осанистый, с большими, влажными, умными глазами и сильным голосом;

---

¹ Там же. — С. 403.

у него манера в подкрепление своих слов выставлять толстенный указательный палец, держа его все время на уровне глаз или носа»¹.

Но, разумеется, внешность и даже умение появляться и исчезать внезапно не являются главными для этой профессии. Филд великолепно знал уголовный мир Лондона. В умении быстро распознать профессионального преступника под любой респектабельной личиной он мог бы составить неплохую конкуренцию своему старшему коллеге – французу Видоку. А его обстоятельность помогала не только отправить в тюрьму преступника, но и оставить на свободе невиновного человека, на которого по стечению обстоятельств могли указать улики. Об одном из таких случаев рассказал тот же Диккенс в очерке «Пара перчаток»: перчатки, найденные на месте жестокого убийства женщины, едва не сыграли роковую роль в судьбе одного молодого человека (в очерке он носит имя Тринкл). Будь на месте инспектора Филда (в очерке – Уилда) менее опытный или более равнодушный человек, и не миновать бы мистеру Тринклу скамьи подсудимых, а там и эшафота. Но Филд, арестовав беднягу, пришел к выводу, что тот невиновен. И нашел исчерпывающее объяснение появления злополучных перчаток на месте преступления. А заодно обнаружил и убийцу.

Филд родился в Челси, его отец был трактирщиком. Сам он вовсе не мечтал о полицейской службе. В молодости он хотел стать актером. Но – человек предполагает, а Бог располагает. Тяжелое финансовое положение семьи вынудило его в 1829 году поступить в полицию. И вот тут оказалось, что именно детективная деятельность – его призвание. Следует отметить, что тяга к актерству сохранялась за ним и на этом поприще. Так, например, он любил переодеваться и гримироваться (может быть, чуть чаще, чем того требовали обстоятельства). То же юношеское увлечение сценой, возможно, породило его любовь к славе и известности (в чем порицал своего приятеля и героя Диккенс).

---

¹ Там же. – Т. 19. – С. 349.

Полицейскую службу он оставил спустя двадцать три года, в 1852-м. Понятно, что такой опыт не должен был пропадать даром. Он и не пропал – вскоре после его отставки в «Таймс» появилось следующее объявление:

«ЧАСТНОЕ СЫСКОЕ БЮРО

(Элдон Чамберс, Деверо Карт, Темплъ, Лондон)

под руководством мистера ЧАРЛЬЗА ФРЕДЕРИКА ФИЛДА, старшего детектив-инспектора столичной полиции.

Мистер ФИЛД имеет честь сообщить многочисленным друзьям и общественности, что, вняв предложениям нескольких крупных торговых фирм и адвокатских контор, он открыл частное сыское бюро.

Мистер ФИЛД имеет основания надеяться, что его опыт и личные качества заслужат одобрение клиентов.

Бюро открыто с 11 до 5 часов»¹.

Чарльз Диккенс

¹ The Times. – 1852. – April 7, Пер. Д. Клугера.

Ходили слухи (правда, документальных подтверждений мне найти не удалось), что в этот бизнес вложил деньги сам Чарльз Диккенс — 300 фунтов, немалую по тем временам сумму. Слухи не лишены основания: Диккенс, как уже было сказано, дружил с Филдом; ну, а иметь собственное (хотя бы частично) сыскное бюро как практически неиссякаемый источник сюжетов, характеров и прочего не отказался бы ни один писатель. Именно о таком «проценте с инвестиции» свидетельствует, возможно, письмо Диккенса к инспектору Филду, написанное в июне 1852 года, вскоре после того, как инспектор открыл свое бюро: «2 июня 1852 года, инспектору Ч. Ф. Филду.

Мистер Чарльз Диккенс благодарен за прошлую ночную экспедицию. Но, поскольку другие заботы требуют его внимания, мистер Диккенс предлагает следующую среду вместо этой. Если мистер Филд не возражает, мистер Диккенс будет ждать его в редакции “Хаусхолд уордс” в 8 часов в следующую среду»¹.

Чарльз Филд едва ли не первым из тогдашних частных детективов всерьез озаботился международными связями своей конторы — в бюро был международный отдел, именно его возглавил Игнациус Поллаки. И вскоре в его объявлениях появляются данные о представителях бюро Филда в Нью-Йорке и Мельбурне: в США таковыми становятся сотрудники Дж. Хайес и Р. Стоклби из Независимой сыскной полиции, а в Австралии — Отто Берлинер, возглавлявший частное детективное бюро. Соответственно, сам Филд выполнял обязанности представителя своих американских и австралийских коллег. И в Новом Свете, и в Южных морях он пользовался большой известностью (не в последнюю очередь благодаря публикациям Диккенса): его коллеги с гордостью сообщали о своих связях с прославленным лондонским детективом.

Тут забавными выглядят объявления детектива Берлинера, публиковавшиеся в Австралии, — они представляют собой точную и старательную копию объявлений его представителя Филда:

---

¹ Juni 2, 1852. Letter from Charles Dickens to Inspector Charles Field / Summary from Sotheby Catalogue, Jule, 1982. Пер. Д. Клугепа.

«Мистер БЕРЛИНЕР (в прошлом — полицейский детектив) имеет честь сообщить многочисленным друзьям и общественности, что, вняв предложениям нескольких крупных торговых фирм и адвокатских контор, он открыл частное сыскное бюро.

Мистер БЕРЛИНЕР имеет основания надеяться, что его опыт и личные качества заслужат одобрение клиентов»¹.

Только имя и адрес другие. Но зато, как уже говорилось, подчеркивается, что представителем бюро мистера Берлинера в Лондоне является «прославленный детектив мистер Чарльз Ф. Филд».

Коль уж я упомянул Отто Берлинера, читатели, надеюсь, не будут возражать против нескольких слов и об этом, тоже весьма незаурядном сыщике. Его биография была схожа с биографией Чарльза Филда — Отто Берлинер тоже много лет прослужил в полиции, прежде чем, выйдя в отставку, открыл первое в Австралии частное сыскное бюро.

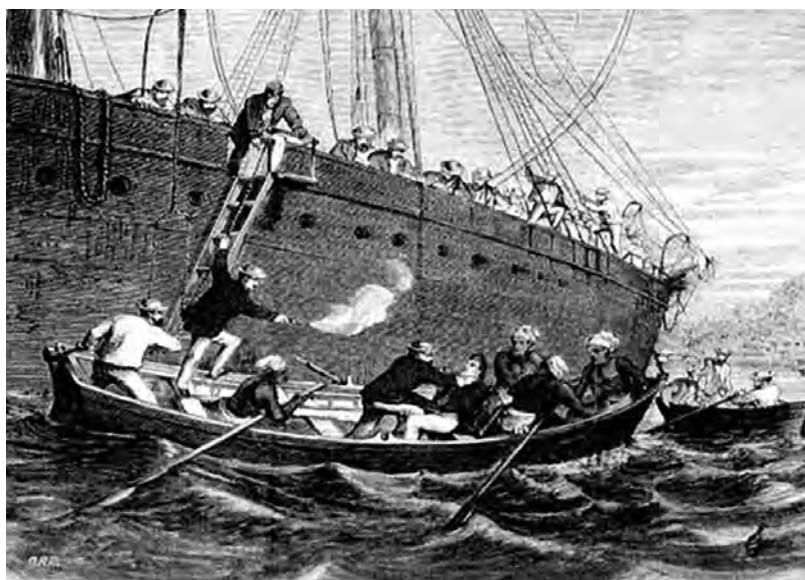
Самым громким расследованием в активе Берлинера было дело Элиаса Розенвакса.

Элиас Розенвакс, польский еврей, эмигрировавший в Австралию, считался вполне законопослушным и добропорядочным ювелиром и владельцем ломбарда. Но, как писала впоследствии одна из мельбурнских газет, «Розенвакс вдруг исчез, по-видимому, вдохновившись примером своих еврейских предков, которые перед исходом из Египта обобрали соседей-египтян»². Розенвакс бежал из Мельбурна, прихватив хранившиеся в его ломбарде ценные вещи, а заодно обманув кредиторов на 1000 фунтов (весьма солидная сумма по тем временам, приближающаяся к ста двадцати тысячам фунтов сегодняшних). Поисками преступника как раз и занялся Отто Берлинер (кстати, тоже эмигрант и тоже еврей). Берлинера те же газеты наперебой называли лучшим мельбурнским частным детективом (а до того — лучшим полицейским детективом). Берлинеру удалось высле-

¹ Private Inquiri Office // Sydney Morning Gerald. 1865. — 13 December. Пер. Д. Клугера.

² Case of Rosenwaks // Illustrated Australian News. — 1871. — 4 December. Пер. Д. Клугера.

дить Розенвакса и арестовать его – причем в тот момент, когда преступник уже сел на пароход, отправлявшийся в Европу. Арест был проведен весьма эффектно, эту сцену изобразили рисовальщики едва ли не всех австралийских газет: к стоящему под парами пассажирскому пароходу, преодолевая высокие волны, приближается полицейский катер, на носу которого, держа в руках наручники, стоит герой публикации – детектив Отто Берлинер. Таким был австралийский представитель и партнер Чарльза Филда. Его подвиги в деле борьбы с преступниками на Зеленом континенте вспоминают по сей день.

Арест Элиаса Розенвакса детективом Отто Берлинером. 1871

Филд очень гордился своей прежней полицейской службой. Настолько, что, к вящему неудовольствию бывших коллег, и в частной своей карьере продолжал представляться не иначе, как «инспектор Филд» – что повлекло обращение в суд руководства Скотланд-Ярда. Обращение не помогло, и частный детектив Филд продолжал называть себя инспектором Филдом. На него вновь подали в суд – в 1861 году – и даже на четыре месяца

прекратили выплату полагавшейся пенсии. В конце концов пенсию ему восстановили. По этому поводу имеется документ, датированный 7 января 1862 года:

«Восстановление пенсии мистеру Филду, бывшему инспектору столичной полиции, выплаты по которой были приостановлены с 17 августа 1861 года, за его поведение в бытность частным детективом. Мистер Филд дал слово впредь не совершать заслуживающих осуждения поступков и принять меры к тому, чтобы устранить возникшее впечатление, будто его деятельность как-то связана с деятельностью государственных учреждений»¹.

Филд не выполнил обещания, и вновь руководители полиции обратились в суд. Вся эта история тянулась еще три года. Лишь в 1865 году министр внутренних дел сэр Джордж Грей закрыл дело. Но к тому времени Филд уже закрыл свое бюро.

Став частным сыщиком, он занимался тем же, чем занимались в большинстве своем все его коллеги: бракоразводными делами, розыском пропавших (чаще – сбежавших) девиц и легкомысленных дам, спорами по поводу имущества и детей. Вот, например, одно из объявлений, помещенных им в «колонке страждущих» «Таймс» 13 июля 1858 года:

«М.Р. – Е.Р. и “не” М.Р. Незаконно действовал кто-то третий. Тем не менее в течение двух месяцев 1855 года на Х.Г. – М.Р., непонятно, “16 или 7”. Хозяйке 16 лет, умер. М.Р. или Е.Р., 20 лет. Вопрос к вам: его ребенку 4 года или 5 лет? Сообщить: Ч.Ф. Филд, Частное бюро расследования, Деверо Карт, Темплъ, Лондон»².

Объявление кажется нам непонятным ребусом. Но адресат, по-видимому, прекрасно все понимал. «Колонка страждущих» была буквально переполнена подобными кодированными посланиями.

Разумеется, бывший инспектор Скотланд-Ярда, занимавшийся такими делами, появлялся на страницах газет гораздо реже, чем во времена службы в полиции. Тем не менее он уча-

¹ Records on Inspector Field from the files of Scotland Yard. <http://www.ric.edu/faculty/rpotter/chasfield.html>. Пер. Д. Клугера.

² The Times. – 1858. – Juli 13. Пер. Д. Клугера.

ствовал в нескольких крупных уголовных процессах своего времени – сам или через своих подчиненных, служивших в его детективном бюро.

Например, помимо косвенного участия в расследовании убийства четырехлетнего Френсиса Кента, контора Филда занималась и другим известным делом, одним из самых громких дел XIX века, – процессом доктора Палмера. Суть заключалась в следующем.

В ноябре 1855 года доктора обвинили в отравлении его друга Джона Парсонса Кука и собственного незаконнорожденного сына Альфреда. В ходе расследования выяснилось, что в семье доктора, начиная с 1849 года, имел место целый ряд подозрительных смертей (теща Палмера Энн-Мэри Торнтон, жена Палмера Энн, его брат и так далее – не будем перечислять всех, но их набралось более десятка!).

Обвинение строилось на том, что, во-первых, Палмер незадолго до смерти Кука приобрел стрихнин (и Кук, и маленький Альфред умерли от отравления стрихнином), а во-вторых, на серьезных денежных проблемах подозреваемого. Действительно, некоторые из подозрительных смертей улучшали финансовое положение доктора – он получил страховку за брата; наследство от тещи в связи со смертью жены тоже перешло к нему. Помимо материальных причин, у Палмера были и другие основания желать смерти жены: незадолго до того он закрыл роман со служанкой (матерью Альфреда).

Непосредственно расследованием занималась полиция, но с запутанными финансовыми делами подозреваемого страховая компания пригласила заняться частного детектива Филда. Результаты его расследования были использованы обвинением во время судебного процесса; Филд сам давал на нем показания – и затем достаточно активно общался с газетчиками. Он любил популярность, любил, когда его имя появлялось в газетах.

Что до Палмера, то доктор-отравитель был повешен 14 июня 1856 года. На это зрелище собралось 30 тысяч человек. И вновь отметим: нынешние историки (во всяком случае, некоторые из них) полагают, что доказательств обвинения представило

недостаточно, а судья Джон Кэмпбелл не скрывал своего предубеждения к подсудимому. Не исключено, что сегодняшний суд оправдал бы его — за недостаточностью улик. Относится ли это и к той части обвинения, которое основывалось на расследовании Чарльза Филда, сейчас уже трудно судить. Но, во всяком случае, Филд очень гордился своим участием в расследовании и непременно указывал на это, публикуя рекламные статьи не только в Англии, но и в других уголках Британской империи. Например, все в той же Австралии, вслед за информацией о деятельности его конторы, газета «Сидней морнинг геральд» публикует вот такой отзыв:

«В связи с делом отравителя Палмера, известна лестная оценка расследования, проведенного мистером Филдом, чье сыскное бюро было создано именно для таких целей. Мистер Филд и его сотрудник мистер Симпсон были первыми, кому удалось подкрепить подозрения против Палмера в ходе расследования страховых махинаций преступника. Опыт и мастерство мистера Филда дали превосходные результаты»¹.

В начале 1865 года Чарльз Филд ушел на покой. Что до его бюро, то оно еще какое-то время существовало под названием Частное информационное бюро Филда и Николса.

Последние десять лет жизни (он умер 27 сентября 1874 года) старый детектив провел на покое, оставив борьбу с преступниками своим более молодым коллегам и ученикам. Делами его бюро управлял С. Николс — тоже бывший полицейский и ученик Филда. Через месяц газета «Корнуэлл Кроникл» сообщила читателям об уходе из жизни бессмертного «инспектора Баккета из “Холодного дома”, прославленного детектива, мистера Чарльза Фредерика Филда.

Вот у такого знаменитого профессионала и начал свою карьеру наш герой Игнациус Пол Поллаки, по мнению многих — и современников, и нынешних историков, — лучший частный сыщик викторианской эпохи.

---

¹ Private Inquiri Office // Sydney Morning Gerald. — 1865. — 13 December. Пер. Д. Клуфера.

Он многому научился у Чарльза Филда – «инспектора Баккетта». Впоследствии, в единственном интервью, которое Поллаки дал газетчику в апреле 1875 года (это был корреспондент газеты «Квинслэнд Таймс» Дэвид Кристи Мюррей), прославленный сыщик нашел несколько теплых слов и для своего бывшего начальника, учителя и наставника в искусстве расследования. Интервью было опубликовано в «Квинслэнд Таймс» вскоре после смерти Филда и названо было очень скромно: «Мистер Поллаки».

Добавим, что кабинет Игнациуса Поллаки в его офисе впоследствии украшал большой портрет инспектора Филда – человека, давшего ему, говоря современным языком, путевку в жизнь – в опасную и романтическую жизнь лондонского частного детектива:

«Мы с Филдом работали вместе долгое время. Он был очень умным человеком и прекрасно знал свое дело. Я был тогда рядовым солдатом. А генералом был Филд»¹.

СЫЩИК-ПОЛИГЛОТ

Игнац Пала Поллак объявился в Лондоне 20 сентября 1849 года. Сюда он прибыл из Грейвзэнда (графство Кент). В Грейвзэнде, в книге регистрации иностранцев, прибывших за то время, сохранилась запись, в которой он, по-видимому, впервые назван как Игнациус Поллаки – «Профессор Поллаки Игнациус». «Профессор» в данном случае всего лишь указание на законченное высшее образование. Не исключено, что наш герой немного слукавил: документальные свидетельства об учебе Игнаца Поллака в каком-либо европейском высшем учебном заведении пока не найдены. Правда, «пока не найдены» – не значит «не существуют». Всё может быть. Мало ли открытий могут принести скрупулезные архивные изыскания.

Почти сразу Поллаки находит приличную работу. Нет, поначалу еще не сыщиком. Да и бюро Чарльза Филда, в котором

---

¹ Bryn Kesselman. 'Paddington' Pollaky, Private Detective. The History Press, 2015. – P. 166. Пер. М. Бородкина.

он впоследствии начал работать, и работать успешно, откроется лишь через два года. Частных детективных бюро тогда вообще было немного, хотя после визита в Лондон Эжена-Франсуа Видока (я рассказывал об этом в предыдущей части нашей книги) идея, что называется, носилась в воздухе. Вполне возможно, что среди «информационных бюро», объявления о которых появлялись в тогдашних газетах, уже были первые детективные конторы. Но какие из них занимались сыском, а какие выполняли функции справочных бюро или адресных столов, сегодня сказать трудно. Фридрих Энгельс в письме Эдуарду Бернштейну от 28 ноября 1882 года упоминает восемнадцать частных сыскных агентств, действовавших тогда в Лондоне. Очевидно, что за тридцать лет до того их было значительно меньше. С уверенностью можно говорить о Частном информационном бюро инспектора Чарльза Филда, открывшемся в 1852 году, а также о предприятиях Артура Кливленда Монтегю (Правовое и конфиденциальное агентство) и Частное информационное бюро Уэнделла Шерера. Не исключено, что Частное информационное бюро инспектора Чарльза Филда, действительно стало первым английским частным сыскным агентством – или, во всяком случае, одним из первых.

Но, как я уже сказал, даже оно открылось чуть позже; пока же наш герой устроился переводчиком в один из лондонских судов. Вот где пригодилось его знание языков! При активной эмиграции из Европы – а в то время, после революционных бурь и социально-политических кризисов 40-х годов XIX века, Лондон был Меккой эмигрантов с континента (в том числе политических), особенно из Германии, Австрии и России, – человек, свободно владевший основными европейскими языками, был чрезвычайно ценен. Ведь в этой массе эмигрантов далеко не все, подобно Александру Герцену или Карлу Марксу, свободно изъяснялись по-английски.

Что до самого Поллаки, то и для него опыт работы в суде оказался весьма полезен – ведь именно тогда он задумался о детективной карьере. Спустя два года, почти сразу же после открытия частного детективного бюро «инспектора» Филда, Поллаки оказывается там. На первых порах он занимается тем

же, чем и в суде, – работает переводчиком. Но уже спустя несколько месяцев становится начальником (суперинтендантом) иностранного отдела.

За время работы у Филда и в личной жизни Поллаки произошли серьезные изменения. 20 мая 1856 года он первый раз женился. Его женой стала 25-летняя Джулия Сьюзан Девоналд, дочь врача Эрасмуса Доналда Девоналда¹. Доктор Девоналд, умерший за четыре года до этого в возрасте 58 лет, был весьма известной фигурой среди лондонских медиков, его статьи публиковались в медицинских журналах и книгах. В частности, популярностью пользовалась его работа «Физические и моральные условия эксплуатации детей и подростков на промышленных предприятиях», вышедшая в 1843 году. Уже из этого понятно, что он был не только практическим врачом, но и исследователем и общественным деятелем. К сожалению, счастливый брак Игнациуса и Джулии Поллаки продолжался недолго: менее чем через три года, 20 сентября 1859 года, Джулия скончалась после тяжелой болезни. Детей у них не было.

Через два года после ее смерти, 2 июня 1861 года, Поллаки женился вторично, на 20-летней Мэри-Энн Хьюз², с которой прожил долгую жизнь. Во втором браке у него родились семь детей. Первый ребенок, дочь Лили, родилась в 1862 году, но почти сразу же умерла, затем последовали Полин (Лена), родившаяся в 1863-м и умершая в восьмилетнем возрасте, в 1871 году, Минна Мэри Энн (1864–1899), Фрэнсис Хьюз Джеймс (1866–1999), Роуз Кэтрин (1868–1934), Мэйбл Мэри (1869–1947) и последний ребенок, второй сын Уильям Эрнст, родившийся в 1872 году и умерший в том же году в возрасте пяти месяцев. Таким образом, зрелого возраста достигли лишь три дочери и один сын.

Мы еще будем говорить о личной жизни нашего героя; сейчас же вернемся к его профессиональной карьере.

---

¹ См.: London Metropolitan Archives, Saint James, Paddington, Register of marriages, P87/JS, Item 034.

² См.: Surrey, England, Marriages, 1754–1937 [database on-line]. Provo, UT, USA: Ancestry.com Operations, Inc., 2013.

То, что Поллаки столь стремительно занял руководящую должность на совершенно неизвестной ему службе, кажется еще одной загадкой. Можно предположить, что Филд, будучи детективом Скотланд-Ярда, на каких-то судебных слушаньях познакомился с молодым переводчиком и по достоинству оценил ум и проницательность Поллаки. Возможно, свою роль сыграла и отмечавшаяся впоследствии многими удивительная информированность его во всем, что касалось криминального мира Европы. Эта информированность также относится к числу загадок, связанных с нашим героем.

Отметим сразу: «суперинтендант иностранного отдела в частном бюро инспектора Филда» – громкое звание, но не более того. Весь штат бюро состоял из нескольких бывших полицейских детективов, да и большую часть дел, которыми занималось бюро, громкими вряд ли можно назвать: слежка за неверными мужьями и женами, сбор компромата на конкурентов, проверка лояльности слуг. Правда, за время службы у Филда Поллаки неоднократно приходилось бывать на континенте. Подробности этих путешествий неизвестны. Например, летом 1858 года Поллаки путешествовал из Лондона в Роттердам на пароходе «Мозель»¹. Цель посещения Голландии осталась скрытой, но вряд ли наш герой хотел в Голландии развлечься. Именно в эту страну частенько переправляли похищенных или купленных у нищих родителей девочек 12–13 лет, а Поллаки впоследствии числился экспертом по делам, связанным с торговлей женщинами: он был внештатным сотрудником лондонского Общества защиты молодых женщин – одной из первых феминистских организаций, можно предположить, что его знания (по крайней мере, часть из них) во многом стали результатами служебных командировок в Голландию и другие европейские страны. Как правило, в судебных журналах напротив имени Игнациуса Поллаки, в графе род занятий, было написано просто: «Джентльмен».

---

¹ См.: Ancestry.com. England, Alien Arrivals, 1810–1811, 1826–1869 [database on-line]. Provo, UT, USA: Ancestry.com Operations, Inc., 2010.

Поллаки принимал самое активное участие и в расследованиях, которые Чарльз Филд проводил совместно с бывшими коллегами — детективами Скотланд-Ярда. Это мы уже видели на примере дела об убийстве на Роуд-Хилл. Но оно не было единственным. В частности, в начале 1860 года полиция привлекала его для помощи в расследовании подозрений о предполагаемом затоплении судна «Джон Лугар». Речь шла о достаточно распространенном виде преступлений — затоплении судна ради получения страховки. Злоумышленники предполагали устроить кораблекрушение «Джона Лугара», посадив судно на мель или выбросив на берег, предварительно заключив контракт с одной из страховых компаний.

Чарльз Филд порекомендовал бывшим коллегам своего суперинтенданта, поскольку преступники, о которых шла речь, были иностранцами — подданными Пруссии. Правда, в этом расследовании Поллаки, как и в деле об убийстве на Роуд-Хилл, вновь не являлся центральной фигурой, а числился лишь консультантом по Пруссии и переводчиком, чье присутствие было необходимо при аресте мошенников.

Позже, в 1861 году, Поллаки занимался расследованием убийства французского судьи. Тут Филд рекомендовал его уже своим французским коллегам. Французы обратились к знаменитому британскому сыщику в связи с «британским следом». Убийство судьи было совершено в поезде «Париж — Лион». Преступники завладели деньгами жертвы в сумме 40 тысяч франков. При расследовании французские сыщики заподозрили, что убийцы скрылись в Великобритании. Занимаясь этим делом, Поллаки вышел на некоего Эдуарда Шмидта, немецкого эмигранта, жившего в Кингсвуде. Поллаки удалось установить связь между преступлением во Франции и недавним жестоким убийством приходского священника, совершенным в Кингсвуде. На суде, который состоялся в Кингсвуде летом 1861 года, Поллаки выступал в качестве свидетеля.

Любопытно, что Эдуард Шмидт оказался первым, но далеко не последним Шмидтом из Германии, с которому довелось столкнуться нашему герою в профессиональной деятельности.

Одно из дел, которыми ему довелось заниматься как представителю бюро Филда, неожиданно привело его к кратковременному возвращению на родину. Случилось это в начале октября 1863 года.

Некто Сигизмунд Дитрихштейн, подданный Австрии, разыскивался Скотланд-Ярдом в связи с хищением в одном из банков огромной суммы денег — 8000 фунтов стерлингов¹. Дитрихштейн, разумеется, не был грабителем, он промышлял мошенничеством и присвоил деньги с помощью подлога, предъявив в банке фальшивые чеки или векселя.

После совершения преступления мошенник вместе с женой скрылся из Лондона. В погоню за преступной парочкой отправились самые опытные детективы Скотланд-Ярда: инспектор Гамильтон, детектив-сержант Уэбб и детектив Мосс. По ряду признаков полиция заподозрила, что чета Дитрихштейнов бежала на континент и, возможно, их следует искать в родных краях. Поскольку Сигизмунд Дитрихштейн родился то ли в Австрии, то ли в Венгрии, сыщики решили искать беглецов именно там. Тогда-то их старший друг и коллега Чарльз Филд порекомендовал воспользоваться услугами своего суперинтенданта Поллаки — ведь тот сам был из Венгрии, прекрасно владел языками и хорошо ориентировался в континентальных реалиях. Предложение было принято, трио превратилось в квартет, причем поначалу Игнациус Поллаки играл отнюдь не первую скрипку, а скорее, переворачивал ноты профессиональным «музыкантам».

Сыщики установили, что Дитрихштейны разделились, рассчитывая сбить погоню со следа. Команда сыщиков тоже разделилась: инспектор Гамильтон и сержант Уэбб отправились за мужем, а детектив Мосс и нанятый переводчик (так официально значился в команде Поллаки) занялись розысками супруги мошенника.

Поиски привели их в Бельгию, в город Остенд. Еще одно совпадение: в Англию Поллаки прибыл именно из Остенда, так что и в этом городе он ориентировался неплохо. Почти сразу

---

¹ По минимальной оценке, свыше 650 тысяч фунтов стерлингов по сегодняшнему курсу (!).

после прибытия сыщики обнаружили отель, в котором остановилась миссис (или фрау) Дитрихштейн. Поискам помогло то, что мошенница опрометчиво рассчиталась здесь похищенными купюрами. Тем не менее захватить ее врасплох не удалось — миссис Дитрихштейн выписалась буквально за несколько часов до появления Мосса и Поллаки. Единственное, что им удалось узнать, — дальнейший маршрут беглянки. Теперь путь сыщиков лежал в Вену, а оттуда в город Пресбург, он же Пожонь, лежавший в 32 километрах к востоку от австрийской столицы, — на родину нашего героя.

Здесь Игнациус Поллаки окончательно перестал быть переводчиком и превратился в детектива, энергичного и умелого. Известно, что дома и стены помогают. Во всяком случае, ему удалось очень быстро найти свидетельницу, совсем недавно видевшую фрау Дитрихштейн. Кроме того, газета «Меркюри», впоследствии опубликовавшая подробный отчет об этом деле, указывает на некую улику, обнаруженную сыщиками в Пресбурге. Газета не называет эту улику, ограничившись выражением «таинственная». В который уже раз этот эпитет сопровождает фигуру нашего героя!

Указанная таинственная улика и показания неназванной жительницы Пресбурга определили дальнейший маршрут неутомимых борцов с преступностью: теперь они знали (подробности газета, увы, вновь не сообщает), где преступная парочка наметила встречу. Пунктом назначения для преступников и для сыщиков стал венгерский город Пешт. В Пеште, по просьбе английских детективов, супругов Дитрихштейн и арестовала местная полиция.

Финал, правда, оказался неожиданным — для сыщиков. Во-первых, несмотря на арест, местные власти никаких обвинений Дитрихштейну не предъявили. Он был выпущен на свободу, после чего... преспокойно вернулся в Лондон. Еще одна загадка! Хотя, возможно, и загадки никакой нет, ему просто могли сказать: «Возвращайся в свою Британию, и мы тебя судить не будем. Иначе...» Он и вернулся. И его немедленно арестовали. Но, правда, тут же и освободили. Опять-таки, не предъявляя никаких обвинений.

При этом Поллаки и Мосс вернули пострадавшему банку почти все похищенные деньги – 6000 фунтов стерлингов из 8000. Что кроется за этой странной концовкой расследования – предоставляю гадать читателю. Не исключено, что пойманный Сигизмунд Дитрихштейн заключил сделку то ли с банком, то ли с полицией, то ли и с банкирами, и с полицейскими.

Тем не менее дело Дитрихштейна всегда числилось в активе нашего героя. А закулисные сделки были, есть и будут.

Дело Дитрихштейна стало последним расследованием, в котором Поллаки принял участие в качестве сотрудника бюро инспектора Филда. Уже 21 октября 1863 года в газете «Таймс» появилось объявление:

«ЧАСТНОЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО

Основано в интересах британских подданных, вступающих в коммерческие, юридические и общественные связи с иностранцами и нуждающихся в самой разнообразной информации в Британии и за рубежом. Адвокаты, с которыми сотрудничает наше агентство, обладают широкими связями на континенте.

Частное континентальное информационное бюро берется в том числе и за дела, от которых отказываются официальные полицейские учреждения.

Кроме того, мы занимаемся переводами с немецкого, французского, итальянского и испанского языков.

Обращаться по адресу:

И. П. Поллаки,

14, Джордж-стрит, Мэншен Хаус, И. С.»¹.

Информационное – так традиционно, со времен агентства Видока, принято было называть частные детективные бюро. В объявлении фигурировал еще и латинский девиз: «Audi, vidi, tase» – «Слышу, вижу, молчу». *Континентальное* – потому что Поллаки продолжал заниматься расследованиями зарубежными.

Вскоре адрес изменился – бюро Игнациуса Поллаки (и сам он вместе с семьей) переехало по адресу Паддингтон Грин, 13.

---

¹ Bryn Kesselman. 'Paddington' Pollaky, Private Detective. The History Press, 2015. – P. 90. Пер. Д. Клуэра.

Судя по ряду публикаций в лондонских газетах того времени, Поллаки занимался самостоятельными расследованиями за несколько лет до ухода от инспектора Филда и даже давал соответствующие объявления – правда, в качестве адреса указывал свой домашний адрес или адрес бюро Филда. Видимо, его начальник против такой «самодеятельности» ценного сотрудника не возражал.

ПОЛЛАКИ I ПАДДИНГТОНСКИЙ

История эта случилась в Лондоне в начале 70-х годов XIX века. Некая дама из хорошей семьи (назовем ее леди N), широко известная в обществе, имела пагубную страсть к скачкам. Такое порой случается и в респектабельных семьях. Леди N не заметила, как результатом ее увлечения стали огромные долги. Мужу она признаваться не рискнула – он не одобрял страсть своей жены. Дама придумала хитроумный план, который, как она считала, поможет ей выйти из щекотливой ситуации и избежать скандала. У нее имелась чрезвычайно дорогая фамильная драгоценность – тиара с бриллиантами. Леди решила обратиться к опытному ювелиру, с тем чтобы тот изготовил точную копию тиары, заменив бриллианты искусно ограненными стекляшками. Продав подлинные камни, леди N рассчитывала расплатиться с долгами. Подделка же должна была занять место подлинника в домашнем сейфе – чтобы не вызывать ненужных подозрений у супруга.

Но слова ювелира, ознакомившегося с драгоценностями, повергли госпожу N в состояние шока. Ювелир сообщил высокородной заказчице, что в тиаре ее роскошной – отнюдь не бриллианты, а самые что ни на есть обычные стекляшки! Которые, разумеется, ничего не стоят.

Детективы Скотланд-Ярда, к которым обратилась леди N, установили только, что ни на входной двери в дом, ни на замке сейфа, в котором, как уверяла хозяйка, постоянно хранилась тиара, следов взлома не было. Более ничего они найти

не смогли; заниматься же внутрисемейным расследованием полицейским не позволила сама пострадавшая.

Вместо этого леди N отправилась к лучшему частному детективу Лондона, умевшему держать язык за зубами. Его контора находилась по адресу... нет, не Бейкер-стрит, 221б. Наша героиня отправилась по адресу Паддингтон Грин, 13. Там с 1865 года располагалось частное детективное бюро нашего героя. Именно из-за этого адреса он получил прозвище Паддингтон-Поллаки, Поллаки Паддингтонский. Почему бы и нет? Называют же монархов по личным владениям, например Алиенора Аквитанская или Леопольд Австрийский. А полководцам присваивали титулы в честь тех мест, где были одержаны блистательные победы, — например, Суворов-Рымникский или Румянцев-Задунайский. Паддингтон Грин, 13 — эти места были и владениями Игнациуса Поллаки, и местом его побед над самыми изощренными преступниками того времени.

В офисе знаменитого сыщика леди N изложила подробности своего дела и попросила о помощи.

Опросы слуг ничего не дали, но Поллаки, скрупулезно изучив фальшивую тиару (судя по карикатурам, он, подобно Шерлоку Холмсу, не расставался с лупой), обратил внимание на некоторые особенности огранки стекла, которые неизвестный ювелир использовал при изготовлении подделки. Проконсультировавшись у знакомых ювелиров, Поллаки быстро нашел мастера, изготовившего тиару. Ювелир признал свою работу и вспомнил человека, приносившего ему образец. Этим человеком оказался... муж пострадавшей, тоже испытывавший определенные денежные затруднения. Ему в голову пришла та же оригинальная идея, что и его жене. Только на полгода раньше.

Смеем заметить, что оригинальность идеи в данном случае явно преувеличена: читатели без труда вспомнят рассказы на подобный сюжет и у Агаты Кристи, и у Гилберта Честертона, и даже у Мопассана.

Разумеется, Поллаки сохранил детали расследования в тайне. Известны они стали значительно позже, когда некоторые конфиденциальные записи сыщика попали в печать.

Помимо уже упоминавшихся дел супругов Дитрихштейн и предотвращенного мошеннического затопления судна «Джон Лугар», Паддингтон-Поллаки продолжал активно сотрудничать с детективами Скотланд-Ярда, внося существенный вклад в разоблачение британских и международных преступников.

Так, спустя шесть лет после попытки затопления «Джона Лугара» Поллаки участвовал в похожем деле некоего Лайонела Холдсворта. Уже известный нам по делу Дитрихштейнов полицейский детектив Уэбб получил от страховой компании Ллойда информацию о том, что страховой агент Лайонел Холдсворт намерен затопить судно, имея на руках бумаги о дальнем плавании. Обнаружив за собой слежку, Холдсворт, как до того Дитрихштейны, бежал из Англии на континент. Уэбб в компании с Поллаки бросился за ним в погоню. Маршрут криминального путешественника пролегал через три страны: Данию, Швецию и Германию. Во Франкфурте-на-Майне детективы совсем было настигли свою жертву, но в последний момент Холдсворту все-таки удалось ускользнуть.

Преступник, безусловно, должен обладать динамичным темпераментом, уметь принимать быстрые решения — но при этом, согласитесь, нелишне иметь и голову на плечах. Понимание того, что сыщики буквально наступают ему на пятки, изрядно нервировало Холдсворта. В результате он совершил глупейшую ошибку. Расплачиваясь во франкфуртском отеле, преступник не нашел достаточной суммы и оставил в качестве залога за недостаточную сумму карманные часы. И вот, уже оказавшись в относительной безопасности, думая, что «сбросил со следа» цепких английских детективов, он перевел в отель необходимую сумму, указав адрес, по которому следовало прислать ему залог.

Немудрено, что уже через несколько часов базельская полиция, извещенная английскими сыщиками, явилась по указанному адресу. Холдсворт в наручниках был препровожден во Франкфурт. Здесь, по сообщению «Таймс», его на сутки посадили под арест — просто для того, чтобы дать вымотанным погоней Поллаки и Уэббу немного поспать — впервые за последнюю неделю.

В полном соответствии с «законом парных случаев» следующее громкое дело, которым занимался Игнациус Поллаки, было делом о крупном хищении.

В ноябре 1868 года в полицию Австро-Венгрии обратился венский банкир Розенбаум. Он обвинил некоего подданного Соединенного Королевства по фамилии Грэй в мошенничестве, стоившем пострадавшему астрономическую сумму – 5000 фунтов стерлингов¹, которые Грэй с помощью поддельных чеков получил в банке, принадлежавшем потерпевшему. При этом – да здравствует технический прогресс! – у Розенбаума случайно нашлась фотография Грэя, которую он тут же и передал венским полицейским. Полицейские же отправили фотографию в Лондон, где с ней ознакомились детективы Скотланд-Ярда. Они же на всякий случай продемонстрировали фотопортрет преступника своим коллегам «из частного сектора». Среди последних оказался и Игнациус Поллаки, который, во-первых, к тому времени заслуженно пользовался славой самого проникательного и энергичного частного сыщика Великобритании, а во-вторых, оставался австрийским подданным.

Поллаки вовсе не собирался заниматься поисками Грэя, у него хватало и других дел. Но тут на сцену вышел его величество случай: наш герой в связи с очередным расследованием выехал на континент – в Гамбург. Отметим, что в Гамбурге Поллаки бывал частенько, со времен службы в бюро Филда, во время тех таинственных служебных командировок, о которых уже шла речь. Сохранилась, например, запись о его путешествии из Лондона в Гамбург 14 марта 1859 года на пароходе «Джон Балл»². Как всегда, в судовом журнале против его имени в графе «Род занятий» было указано «Джентльмен».

Словом, сыскные дела связывали Поллаки с этим германским городом с давних времен. Так что Гамбург он хорошо знал. И любил бывать вечерами в местном театре. Вот и в этот раз, согласно сообщению газеты «Геральд», выходявшей в Глазго,

¹ Свыше 400 тысяч фунтов стерлингов нынешних.

² См.: England, Alien Arrivals, 1810–1811, 1826–1869 [database on-line]. Provo, UT, USA: Ancestry.com Operations, Inc., 2010.

Поллаки посетил театральную премьеру. И надо же такому случиться! – в одном из зрителей узнал того самого англичанина по имени Грэй, фотопортрет которого ему показывали коллеги из Скотланд-Ярда – незадолго до его отъезда в Германию. Поллаки теперь было не до спектакля. Он помчался в ближайший полицейский участок. Здесь, приложив максимум усилий, активно козыряя репутацией и связями, лондонский сыщик уговорил местных коллег арестовать предполагаемого преступника.

Пока Поллаки объяснялся с гамбургскими полицейскими, пока они проверяли его сведения, Грэй успел оплатить счет и собирался съезжать. Тут-то его и взяли – буквально на пороге. Денег он потратить не успел, так что наш сыщик торжественно вернул почти все похищенные пять тысяч. Кроме того, препровождая преступника в Лондон, Игнациус Поллаки сумел установить, что, во-первых, Грэй – имя вымышленное, во-вторых, мошенник – не англичанин, а француз по фамилии Фрейр (или Фрейяр). Наконец, в третьих, Фрейр-Грэй возглавлял крупную международную банду аферистов, орудовавшую, помимо австрийских и германских городов, еще и в России – в Одессе и Санкт-Петербурге.

Популярность нашему герою принесла и история с разоблачением брачного афериста, выдававшего себя за французского маркиза. Случилось это в 1870 году. «Маркиз» увлек девушку из известной и богатой семьи, все шло к свадьбе. Друзья девушки, заподозрив неладное, обратились к Поллаки. Сыщик быстро установил подлинную личность приезжего аристократа: тот оказался помощником парикмахера из Парижа. Самозванный маркиз поспешил покинуть Англию¹.

Знакомясь с криминальной жизнью Лондона второй половины XIX века, невольно приходишь к мысли, что самым распространенным видом преступлений в «приличном обществе» был тогда именно шантаж. Некоторые шантажисты пользовались большой известностью и действовали почти

---

¹ Подробности дела см.: Major Fitzroy Gardner. Days and Ways of an Old Bohemian. London, John Murray, 1921.

открыто. Например, Чарльз Огастес Хауэлл, секретарь знаменитого поэта-прерафаэлиты Данте Габриэля Росетти¹, шантажировал едва ли не всех знакомых своего патрона (не исключено, что и самого Росетти). Среди его жертв был, например, знаменитый поэт Суинберн.

Окончил свои дни Хауэлл печально (что, впрочем, характерно для многих шантажистов): однажды его нашли с перерезанным горлом поблизости от борделя. В рот убитому убийца (которого так и не нашли) засунул шиллинг. Случилось это в 1890 году – уже после того, как Игнациус Поллаки отошел от дел. Не исключено, что, будь он еще действующим детективом, развязка оказалась бы менее кровавой.

Среди частных сыщиков, действовавших в викторианском Лондоне, некоторые считались крупными специалистами именно по борьбе с этим видом преступлений. Можно назвать таковым, например, частного сыщика Джона Литтлчайлда, бывшего полицейского детектива, впоследствии заслужившего сомнительную известность своим участием в процессе Оскара Уайльда². Но самым популярным и успешным специалистом, грозой шантажистов считался Игнациус Поллаки. Поллаки руководствовался принципом: у каждого шантажиста есть свои скелеты в шкафу; вот их-то и следует вытаскивать

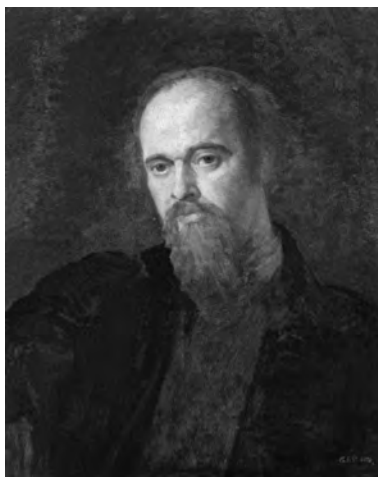

Чарльз Огастес Хауэлл. 1860.

¹ Его дядей по материнской линии был не кто иной как Джон Поллори, личный врач Байрона и автор первого в европейской литературе произведения на вампирскую тему – повести «Вампир».

² Именно Джон Литтлчайлд по поручению маркиза Куинсберри собирал компромат на Оскара Уайльда.

Данте Габриэль Росетти.
С портрета Джорджа
Фредерика Уоттса

на свет Божий, дабы защититься от притязаний преступника. Действуя таким образом, сыщик вынудил нескольких шантажистов покинуть Лондон и защитил спокойствие известных особ.

Признанием за ним особого опыта в делах подобного рода может служить тот факт, что именно к Поллаки обращались судьи в тех редких случаях, когда шантаж становился предметом судебного разбирательства.

Так, например, газета «Бакс геральд» от 20 февраля 1869 года поместила заметку

под названием «Угрожающие письма». Рассказывая, в общем, о вполне заурядном деле с письменными угрозами и вымогательством (речь шла, правда, о сумме немалой – 465 фунтов стерлингов), корреспондент особо подчеркнул, что судья принял дело к рассмотрению после консультаций с детективом Бэйтсом, сотрудником детективного бюро Поллаки. Как видим, хотя Поллаки открыл собственное бюро не так давно, он уже обзавелся сотрудниками и помощниками.

Шантаж был распространенным, но не единственным популярным в викторианском Лондоне преступным промыслом. Не менее широко практиковался еще один – вовлечение в занятия проституцией и торговля женщинами – чаще всего несовершеннолетними девушками. Их продавали на континент, в бордели Франции, Австрии и других стран. В борьбе с этим злом Игнациус Поллаки также считался непревзойденным специалистом. Он неоднократно выступал в качестве эксперта на судебных слушаньях по подобным делам, будучи, как я уже говорил, внештатным сотрудником Общества защиты молодых женщин.

1498.—*Wednesday, November 8, 1865.*

LIGHT of the NORTH! Why ungenerous? I will prove, if possible, to the contrary on Thursday.

1499.—*Friday, November 10, 1865.*

DIPLOMAT—insert the word (No) instead of the words (if any) 7307ⁿ — 2597ⁿ — 073128, 26 — ? 32 G. “reverse the question”—misfortune makes him doubt (S.F.) 83. 00-71. 283— '034,56.* Always prepared.—Pollaky, Private Inquiry-office, 13, Paddington-green, W.

1500.—*Wednesday, November 15, 1865.*

DIPLOMAT.—But for the fatal haste to condemn, H: Ex: would have been right.—Between the 20th and 25th of December; the mistake did certainly arise from the misconception of oⁿ 19384. (m) 7254ⁿ 293025 — oⁿ16, 34, 930 alluded to.—Pollaky (Private Inquiry-office), 13, Paddington-green.

1501.—*Friday, November 17, 1865.*

IT WON'T.

1502.—*Thursday, November 23, 1865.*

DIPLOMAT.—7ⁿ59362, oⁿ — 5, 16ⁿ71. 402—562 — '207, , ? 43,562 — '25, , 76, 410—2ⁿ63. 592ⁿo. '34ⁿ5, 992ⁿ—aut quas sibi fabula finxit.—Pollaky, Private Inquiry office, 13, Paddington-green.

Примеры объявлений Поллаки в газете «Таймс»

Так, например, газета «Морнинг Кроникл» в статье от 2 марта 1861 года писала:

«Лондонское Общество защиты молодых женщин сообщает о регулярных попытках убедить женщин, в первую очередь гувернанток, поехать на работу во Францию, соблазняя обещаниями высоких заработков. Но на деле цель таких предложений — заманить их в ловушку и заставить работать проститутками. Несколько недель назад множество уважаемых молодых дам откликнулись на опубликованное в “Таймс” объявление и обратились к некоему мистеру Ф. Робертсону, представлявшемуся французом, несмотря на английскую фамилию. Мистер Бэрд располагал тремя письмами, которые написал Робертсон трем женщинам, и все с одной целью. Указав в качестве своего

адреса улицу Парадис-Пуасонери в Париже, он утверждал, что готов пристроить дам на работу в качестве гувернанток в семьи французского высшего общества. Он сообщал, что разыскивает юных англичанок в возрасте 13–15 лет, и обещал им жалование в размере 72 фунтов в год, а также право пользоваться экипажем хозяев и жить в отдельной квартире. Он обещал также оплатить путешествие в первом классе и гарантировал трехлетнюю занятость. Комиссионные фирмы составляли четыре фунта, выплачиваемые по фунту в месяц, причем первый нужно было оплатить почтой немедленно. В другом случае он обещал работу у графини в Париже с жалованием 2000 фунтов в год (невероятные деньги, не всякий предприниматель в Лондоне получал столько!) и комиссионными 100 фунтов, из которых 25 нужно было внести немедленно. Странно, что простодушные юные англичанки во втором случае ничего подозрительного не замечали. По всей видимости, их представления о баснословном богатстве французов были весьма далеки от реальности.

Результаты расследования, проведенного мистером Поллаки по заданию Общества защиты, дают основания полагать, что двадцать юных дам поддались на уговоры и покинули дома ради Парижа. По прибытии они узнали, что их выманили на чужбину с аморальной целью»¹.

Статья показывает, насколько остро стояла в Великобритании 60–80-х годов XIX века проблема понуждения несовершеннолетних к проституции.

Проблема вызвала особенно острые дебаты в обществе после так называемого Дела Элизы Армстронг. Наш герой не имел к нему непосредственного отношения. Но я расскажу об этом деле подробнее — потому, во-первых, что спустя двадцать лет ситуация с этим видом преступлений в Англии не улучшилась и не изменилась, а во-вторых, потому что в этом деле участвовал настоящий отец жанра журналистских расследований.

---

¹ Entrapping Women for Prostitution // Morning Chronical Standart. — 1861. — 2 Marth. Пер. Д. Клугера.

ДЕЛО ЭЛИЗЫ АРМСТРОНГ

Четырнадцатого апреля 1912 года крупнейший в мире на тот момент пассажирский лайнер «Титаник» во время первого своего рейса столкнулся с айсбергом и затонул через два часа сорок минут после этого. В результате катастрофы погибли 1513 из 2224 человек, находившихся на борту.

Среди погибших пассажиров лайнера был человек по имени Уильям Сид — журналист, издатель, писатель. Сид отправился в США по приглашению президента Уильяма Тафта, чтобы принять участие в открывавшемся там мирном конгрессе. После того как «Титаник» столкнулся с айсбергом, Сид помогал спускать женщин и детей в спасательные шлюпки, а затем ушел в курительную комнату. В последний раз его видели там. Сид спокойно сидел в кресле и читал книгу.

Какова причина появления этой фигуры на страницах нашей книги? Самая непосредственная. Уильяма Сида часто (и заслуженно) называют отцом современного журналистского расследования. Славу ему принесла серия публикаций в газете «Пэлл-Мэлл гзетт» в 1885 году.

Все то же Общество защиты молодых женщин, с которым сотрудничал Игнациус Поллаки, однажды обратилось к журналисту Уильяму Сиду, бывшему тогда редактором «Пэлл-Мэлл гзетт». Ему предложили написать серию статей о том, что творилось в этой закрытой от общественности сфере жизни. Как раз в это время в парламенте готовились к обсуждению поправок к закону об уголовной ответственности. Среди прочего решался вопрос изменения так называемого возраста согласия, то есть возраста девушки, с которого интимные отношения с нею уже не считаются изнасилованием.

На момент расследования, предпринятого Уильямом Сидом, возраст согласия составлял 13 лет. В новых поправках планка повышалась до 16 лет.

Сид взялся за дело. По его заданию две сотрудницы газеты собирали материал для серии публикаций (в том числе, показания самих проституток, сутенеров, данные некоторых

**Уильям Сид, «отец»
жанра журналистских
расследований. 1881**

расследований, которые проводили Поллаки и его коллеги, частные и полицейские детективы и т.д.). На основе собранных сведений журналист написал несколько хлестких и ярких статей под общим названием «Девичья дань современного Вавилона». Статьи потрясли лондонское общество. Современники рассказывали, что соответствующие номера газет перепродавались вечером по двойной цене, тираж «Пэлл-Мэлл гзетт» существенно вырос, а имя Стида заблестало на лондонском горизонте.

Увлечшемуся журналисту показалось недостаточным всего лишь пересказывать то, что ему сообщали. Он знал о практике продажи английских девушек в бордели, в том числе континентальные. Но ему хотелось поразить общество, что называется, скандалом из первых рук – и тем самым доказать, что в этой сфере за последние двадцать лет не произошло никаких изменений.

Вот так и возникло дело, впоследствии получившее название дела Элизы Армстронг. Связавшись через Армию спасения с бывшей проституткой и содержательницей борделя Ребеккой Джарретт, Сид уговорил ее разыграть продажу несовершеннолетней девочки в бордель. Сам он должен был сыграть роль клиента-покупателя, а миссис Джарретт – саму себя из прежней жизни, то есть владелицу публичного дома. Совместными усилиями они отыскали некую алкоголичку Элизабет Армстронг и предложили той продать им тринадцатилетнюю дочь Элизу Армстронг. Матери было предложено пять фунтов стерлингов. Элизабет согласилась. Формально речь шла о работе служанкой, но, как заявила Сиду Ребекка Джарретт, мать прекрасно понимала, что продает малолетнюю дочь в публичный дом. Девочку отвезли в бордель, а затем туда же, под видом клиен-

та, прибыл и Уильям Стид. «Купив» Элизу, Стид отправил ее во Францию, под опеку все той же Армии спасения.

Вслед за тем, предупредив читателей, что ханжам и святошам лучше не читать последующие статьи, он начал печатать новую серию статей («Девственница за пять фунтов») о детской проституции в Лондоне. При этом он не указывал, что сам выступал в качестве «покупателя» девочки; юная Элиза в статьях носила имя Лили.

Разумеется, новые статьи еще больше подогрели интерес читателей – номера перепродавались по шиллингу, что в двенадцать раз превышало обычную цену. Начались массовые акции протеста, настолько напугавшие правительство, что Стида официально попросили прекратить публикации. Стид ответил, что сделает это, если будут приняты те самые поправки к закону.

Парламент проголосовал за повышение возраста согласия с тринадцати до шестнадцати лет.

Но вслед за тем автор разоблачений оказался в роли сначала подсудимого, а затем и заключенного. Вдруг объявился некий мужчина, называвший себя мужем Элизабет Армстронг и отцом Элизы. А поскольку Стид по закону должен был заручиться согласием обоих родителей на «работу» дочери, то мужчина подал на него в суд. Та же самая общественность, которая жадно читала разоблачения Стида, теперь азартно травила журналиста. Его обвинили в том, что, ради успеха своего расследования, он фактически совершил то, в чем обвинял других: вынудил к продаже мать и купил тринадцатилетнюю девушку. Мать Элизы тоже вдруг заявила: она ни сном, ни духом не догадывалась, что ее дочь покупали для занятий проституции, а не для того, чтобы она работала служанкой в богатом и уважаемом доме. Но даже на работу служанки Элизабет, по ее словам, согласилась не сразу, а лишь после долгих уговоров и под сильнейшим давлением со стороны Стида и Джарретт. Да и тот факт, что девушку, для вящей достоверности, напоили в борделе шампанским, а затем в комнату под видом клиента явился сам Стид, тоже выпивший немало (перепуганная девушка при этом подняла страшный шум, из-за чего Стид спешно ретировался), не говорил в пользу газетчика.

Суд приговорил «отца журналистских расследований» к трехмесячному заключению. Эти три месяца он впоследствии

Майор Фицрой Гарднер.
Автор мемуаров «Дела
и дни старого повесы»

назвал лучшим отдыхом в своей жизни, долго хранил на память тюремную робу и даже сфотографировался в ней, хотя ни разу не надевал ее в тюрьме.

В книге Гэвина Вайтмана «Тайна жертвы “Титаника”: подлинная Прекрасная Леди»¹ фактически подтверждаются обвинения в адрес Стида. Кроме того, согласно Вайтману, история 13-летней Элизы Армстронг своеобразно преломилась в знаменитой пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион». Девочка, которую то ли пытались, то ли не пытались продать за пять фунтов, стала прототипом Элизы Дулитл — главной героини пьесы.

Соответственно, бесцеремонно вышедший на авансцену отец Элизы Армстронг, возможно, шантажировавший Стида, прежде чем подать на него в суд, стал прототипом столь же бесцеремонного мистера Дулитла. В пользу этого утверждения говорит целый ряд деталей подлинного дела Элизы Армстронг, появившихся в «Пигмалионе». Ну и, конечно, тот факт, что во время расследования Бернард Шоу работал в «Пэлл-Мэлл гзетт» под руководством Уильяма Стида. То есть получал всю информацию из первых рук.

На суде Уильям Сид виновным себя не признал; что до мягкости приговора, то суд учел благородные мотивы подсудимого, боровшегося за права женщин.

Так или иначе, расследование принесло Уильяму Томасу Сиду скандальную известность. Дальнейшая его судьба была не менее бурной и разнообразной. Он продолжал разоблачать и расследовать; он боролся за мир во всем мире и за Соединенные Штаты Европы; он путешествовал по миру

¹ Gavin Weightman. *Secrets of a Titanic Victim: The Story of the Real My Fair Lady*. Backstory, 2012.

и писал интереснейшие статьи и книги. Например, после поездки в Россию (1888 год) он написал книгу «Правда о России», которая, хотя и содержала немало критических замечаний, в целом была чрезвычайно благожелательной по отношению к России и тогдашнему русскому императору Александру III.

Стид увлекся телепатией и активно пропагандировал ее, утверждая, что обладает экстрасенсорными способностями и умеет читать мысли. Он оставил свой след и в истории приключенческой литературы – именно Уильям Стид в 1896 году подсказал одному из классиков жанра – Мэтью Фипсу Шиллу¹ – сюжет романа «Сапфир раджи».

В конце жизни Стид близко сошелся с другим выдающимся человеком, чье имя неоднократно появлялось на страницах нашей книги (и без которого, признаюсь честно, эта книга не появилась бы никогда), – с Артуром Конаном Дойлом. Правда, общим интересом тут оказались отнюдь не расследования (а создатель Шерлока Холмса тоже занимался журналистскими расследованиями), как можно было бы ожидать, а спиритизм: и Стид, и Конан Дойл были ярыми популяризаторами возможности общения с миром духов (после гибели Стида в Чикаго даже появился спиритический центр его имени). Но это увлечение выдающегося журналиста и общественного деятеля не имеет отношения к теме нашей книги.

Вернемся к нашему герою. Вот с этим-то злом, буквально захлестнувшим викторианскую Англию, по мере сил боролся герой нашего очерка Игнациус Пол Поллаки – причем задолго до расследований Уильяма Стида. Майор Фицрой Гарднер, автор интереснейших мемуаров о викторианской эпохе «Дела и дни старого повесы» и «Новые воспоминания старого повесы», уделил в них место и знаменитому сыщику – и как раз в связи с таким случаем.

По рассказу мемуариста, знакомство состоялось в 1884-м, когда двадцатичетырехлетний Гарднер пытался разыскать исчезнувшую из дома молоденькую девушку, чья мать была приходящей медсестрой супруги родственника Гарднера. Поскольку в то время газеты полнились леденящими душу рассказами о бандах,

---

¹ М.Ф. Шилл – автор детективных рассказов об эксцентричном сыщике-декаденте князе Залесском.

обольщавших красивых девушек, а затем продававших их в бордели континента, Гарднер обратился к Поллаки, о котором было известно, что он имел обширнейшие знакомства в европейском криминальном мире и опыт в международном сыске:

«Первое представление о том, что такое работа детектива, я получил от Игнациуса Поллаки, в то время — самого известного детектива, пользовавшегося международной славой. Он свободно владел шестью языками и был близко знаком с опаснейшими преступниками четырех стран¹. Мне же было тогда двадцать четыре года. Речь шла о похищении человека. Я на всю жизнь запомнил его уроки...

<...>

...Опытный сыщик принял в деле живейшее участие; пропавшая девушка была вскорости найдена»².

Но не в каких-то иностранных трущобах, а в пансионе Вестборн Гроув, где она благополучно проживала со своим возлюбленным, занимавшим, по словам Гарднера, достаточно видное общественное положение:

«Мы вернули ее в семью, и я больше не слышал о ней — до тех пор, пока не встретил пятнадцать лет спустя в роли гостеприимной хозяйки одного приема, на котором среди прочих присутствовал покойный король, тогда — еще принц Уэльский. Она умерла два года назад»³.

ПРИНЦ СЫЩИКОВ, КОРОЛЬ ШПИОНОВ

Середина 1860-х годов была периодом расцвета деятельности Поллаки, пиком его карьеры частного детектива. Он обрел подлинную известность, его имя часто появлялось в печати,

---

¹ Имеются в виду Англия, Франция, Германия и Австрия.

² Major Fitzroy Gardner. *Days and Ways of an Old Bohemian*. London, John Murray, 1921. — P. 235. Пер. Д. Клугера.

³ Major Fitzroy Gardner. *More Reminiscences of an Old Bohemian*. London, John Murray, 192 (?). — P. 191. Пер. Д. Клугера.

звучало в частных и официальных беседах. Так, в марте 1867 года Поллаки вспомнили даже в парламенте. Депутат палаты общин Бредфорд Хоуп выступил с длинной речью, в которой выступил против намерений ужесточить досмотр багажа пассажиров, въезжающих в страну из Франции после посещения открывавшейся в апреле того же года Всемирной выставки в Париже. Власти опасались бурного оживления деятельности контрабандистов. Было предложено привлечь к работе на таможне частных детективов, в частности Игнациуса Поллаки и его сотрудников.

Посланник
Авраама Линкольна
Генри С. Сэнфорд

Мистер Хоуп в своей речи заявил, что нет никакой нужды обращаться в контору Поллаки. Он полагал, что полицейские и таможенники вполне справляются со своими обязанностями, а вводить дополнительные меры и привлекать частных лиц, означает непомерное увеличение расходов — действительно, услуги Поллаки и других частных детективов обошлись бы казнейшево.

В последовавших за речью дебатах приняли участие Бенджамин Дизраэли и Уильям Гладстон. Об этом сообщала статья в газете «Хансенд» от 8 марта 1867 года.

Частный и полицейский сыск того времени не дифференцировал дела уголовные и политические. Причем в деле политического сыска представители государства зачастую предпочитали частных сыщиков. Мы знаем об этом не только из произведений отцов детективного жанра — Эдгара По («Украденное письмо») и Конан Дойла («Чертежи Брюса-Партигтона», «Его прощальный поклон», «Второе пятно», «Пенсне в золотой оправе»). О том же говорят и реальные события, далеко не всегда появляющиеся из тени.

Наш герой — Игнациус Поллаки — участвовал в ряде крупных дел, имевших не уголовный, а именно политический характер. Одно из них было связано с именем американского дипломата

Генри Сэнфорда. Сэнфорд был хорошо известен в Европе примерно с 1847 года, когда во время достаточно острой ситуации возглавлял американские дипломатические миссии в ряде европейских городов: сначала в Санкт-Петербурге, затем, с 1848 года, во Франкфурте-на-Майне и Париже. С приходом в Белый дом Авраама Линкольна Генри Шелтон Сэнфорд становится доверенным лицом американского президента, его чрезвычайным посланником в ранге министра. Так, Сэнфорд передал личное послание президента Линкольна итальянскому революционеру Джузеппе Гарибальди. Письмо президента содержало предложение к Гарибальди принять участие в только что начавшейся Гражданской войне в качестве генерала армии северян.

Основной ставкой министра-дипломата Сэнфорда с 1861 года стала столица Бельгии – Брюссель. Здесь его деятельность была направлена на предотвращение дипломатического признания южной Конфедерации.

Кроме того, Генри Сэнфорд координировал действия секретной службы США на севере Европы.

В Брюсселе в качестве такого координатора Сэнфорд встретился с Игнациусом Поллаки. Правда, впервые ли – я точно не знаю. При встрече присутствовал также Фримен Харлоу Морс, консул США в Лондоне. Именно Морс первоначально привлек к сотрудничеству Поллаки, пользуясь рекомендацией хорошо ему известного Чарльза Фредерика Филда – «инспектора Филда». Сам Филд также принимал участие в делах своего протеже – во всяком случае, в дальнейшем часть получаемой информации Поллаки направлял не американцам непосредственно, а в Информационное бюро инспектора Филда, на Деверо-корт, откуда сведения передавались заказчикам.

Начавшаяся в США Гражданская война (1861–1865) ознаменовалась не только сражениями между армиями Севера и Юга. Не менее жестокие, хотя и не столь кровавые, сражения происходили между разведками двух сторон. Военную разведку северян возглавил знаменитый коллега нашего героя – американский частный детектив Алан Натаниэль Пинкертон.

Но деятельность Пинкертона и его агентов ареной имела территорию собственно США. Между тем, в Гражданской

войне обе стороны активно действовали в других странах, в первую очередь в Великобритании. Здесь у конфедератов были довольно прочные позиции: южных джентльменов поддерживали многие джентльмены английские, и лондонский высший свет предпочитал конфедератов с хорошими манерами невоспитанным янки. Неудивительно, что Конфедерации удалось создать достаточно эффективную разведывательную сеть в английской столице. Вот потому-то американский дипломат и обратился к Игнациусу Поллаки. Правда, Поллаки тогда еще не называли принцем сыщиков и королем шпионов. Этот почетный титул много позже, в 1875 году, присвоил ему тот самый корреспондент газеты «Квинслэнд Таймс» Дэвид Кристи Мюррей, интервью которого («Мистер Поллаки») я уже упоминал. Но известность он уже обрел – и именно как лучший детектив Лондона.

На встрече в Брюсселе американцы попросили Игнациуса Поллаки взять на себя и своих людей задачу сбора информации о шпионах Конфедерации, действовавших в Лондоне и других городах Великобритании (в частности, в Ливерпуле и Манчестере). Более всего представителей северян интересовали попытки приобретения агентами Конфедерации оружия и военного снаряжения для армии южан. Кроме того, они хотели иметь постоянную информацию о действиях агентуры южан, обосновавшейся в английской столице, как правило, в качестве частных лиц.

В книге «Шпион Линкольна: Томас Хайнс Дадли и Ливерпульская сеть» американский историк Дэвид Х. Милтон пишет, что Сэнфорд предпочитал нелегальные операции под прикрытием. Морс жаловался Сэнфорду, что Поллаки платят слишком много и без всяких оснований. По словам Морса, «его (Поллаки) люди наглы, и преследование ими своих жертв вызывает много толков». Морс требовал отказаться от услуг сыщика. Посол США Чарльз Френсис Адамс, не желавший быть скомпрометированным связями с разведкой, сообщил Морсу, что депутаты парламента, симпатизирующие северянам, считают открытые провокации вредящими их делу и склоняющими общественное мнение на сторону конфедератов. Вследствие этого Морс написал Сэнфорду, что хочет вообще отказаться от услуг лондонского детектива.

Известно, что, несмотря на недовольство некоторых своих коллег, Сэнфорд продолжал сотрудничество с Игнациусом Поллаки, причем никаких сведений о контактах представителей США с другими детективами не существует. Можно предположить, что, в отличие от Фримена Морса и Бенджамена Морана (сотрудника посольства США в Лондоне и главного ненавистника Поллаки), Сэнфорд оценивал и личность, и работу детектива достаточно высоко (Моран в докладах послу Ч.Ф. Адамсу называл Поллаки не иначе, как пронырливым немецким евреем).

Относительно гонораров Поллаки Морс, в частности, сетует, что совсем недавно ему и его людям посольство США выплатило 100 фунтов стерлингов (около десяти тысяч в ценах сегодняшнего дня). Так оценил сыщик трехдневную слежку (с 7 по 10 октября 1861 года) за представителями Конфедеративных Штатов Америки (КША) Дадли Амброзом Манном и Джеймсом Мэйсоном, а также за майором Эдвардом Клиффордом Андерсоном – поставщиком армии южан. Можно ли говорить о чрезмерной плате – сегодня судить трудно. Все зависит от того, насколько эффективной и важной была данная деятельность бюро Поллаки. А она была, похоже, весьма важна: вскоре после этого была сорвана поставка крупной партии оружия, закупленной для армии южан. Слежку и сбор информации за шпионами осуществляли сотрудники Поллаки – Эд Бреннан и Г. Граб. Еще один сотрудник, Джеймс И. Томпсон, следил за складами, на которые доставляли оружие для отгрузки в Америку – через один из европейских портов.

Не так давно бюллетень «Сэнфордского исторического общества» сообщил:

«Во время Гражданской войны Генри Сэнфорд нанял агентов в Англии, чтобы следить за деятельностью шпионов Конфедерации, покупавших оружие и боеприпасы для южан. <...> В архиве обнаружилось 61 письмо, большей частью зашифрованные, от агента за подписью "Pollaky". <...> Игнатий Пол Поллаки – английский детектив в 1870-х годах. Он был известен как "Паддингтон Поллаки". <...> Популяриность его была столь

высока, что он даже упоминается в песенке драгуна из широко известной оперетты Гильберта и Салливана “Терпение”¹.

Зашифрованными оказались, естественно, письма, содер- жавшие разведывательную (вернее, контрразведывательную) информацию. Письма, как зашифрованные, так и открытые, ад- ресованы Генри Сэнфорду и тогдашнему госсекретарю США Уильяму Генри Сьюарду². Из них можно сделать вывод, что для Игнациуса Поллаки споры вокруг его личности и мето- дов, которые вело его временное американское начальство, секретом не были. И то сказать: хорош бы он был в качестве контрразведчика и детектива, если бы не знал и не догадывался о них. Особенно его задевали обвинения со стороны Морса и Морана в жадности. Он считал своим долгом отчитаться во всех своих тратах. Собственно говоря, многие письма, отправленные Поллаки госсекретарю Сьюарду, начиная с первого, написан- ного в феврале 1862 года, посвящены именно теме денежных отношений его бюро и нанимателей американцев.

Но есть среди этих писем, в незашифрованной их части, и контрразведывательные данные. Приведу некоторые из них, со- держащиеся в одном лишь донесении Поллаки Генри Сэнфорду.

«Список тайных агентов Конфедерации, проживающих в Лондоне и Ливерпуле и участвующих в шпионской деятель- ности:

1. Капитан Баллок
2. Капитан Блекли
3. Лейтенант Хьюз
4. Капитан Филд
5. Майор Андерсон
6. Майор Гор
7. Мистер и миссис Бингли
8. Мистер Кинг

---

¹ Paddington Pollaky – Secret Agent /Sanford Historical Society. Friends and Supporters of the Sanford Museum. January – February 2005. – P. 5. Пер. Д. Клугера.

² С именем Уильяма Г. Сьюарда, 24-м госсекретарем США, связана покупка Аляски у Российской империи в 1867 году.

9. Мистер Янси
10. Капитан Уоллес (Ливерпуль)
11. Мистер Нейл
12. Исаак Кемпбелл»¹.

Список сопровождался подробными адресами и краткими характеристиками фигурантов. Далее в этом же письме сообщалось о приобретении шпионами южан 20 тысяч ружей для отправки их в КША. Далее в том же письме сообщалось о намерении южан купить артиллерийские орудия в количестве 70 или 80 пушек (9 или 10 стандартных легких артиллерийских батарей, как отмечает Поллаки). Здесь же он указывает адреса складов, в которых хранится все перечисленное оружие, а также запасы бронзы, необходимой для самостоятельного производства пушек, боеприпасов и прочих стратегических грузов, тайно подготовленных для армии конфедератов агентами южан.

Если у читателя сложилось впечатление, что Игнациус Поллаки действовал во многом по собственной инициативе, то это не совсем так. Письма Сэнфорда частному детективу содержат зачастую подробнейшие инструкции, детально расписанные задания, порой до мелочей. В ответных отчетах Поллаки можно видеть, как внимание к деталям сочетается у нашего героя с артистизмом и интеллектуальной смелостью. Видимо, сочетание таких качеств и заставляло Сэнфорда не обращать внимания на критику его протезе со стороны сотрудников.

Не будучи специалистом в области сбора разведанных, а тем более преискуранта за такую работу, осмелюсь предположить, что чрезмерно жадным Игнациус Поллаки не был. Если в каждом из зашифрованных донесений Сэнфорду содержится, хотя бы частично, информация подобного характера и объема, он свои деньги заработал. Заметим кстати, что оплата через агентство Филда связана была не только с какими-то сугубо техническими обстоятельствами. Как раз в это время его первый учитель и наставник испытывал серьезные материальные

---

¹ Bryan Kesselman. 'Paddington' Pollaky, Private Detective. The Mysterious Life and Times of the Real Sherlock Holmes, 2015. – P. 50. Пер. Д. Клугера.

трудности: полиция прекратила выплачивать бывшему инспектору пенсию — за упорное нежелание отказаться от права писать перед фамилией слово «инспектор» (я уже рассказывал об этом конфликте детектива Филда с руководством Скотланд-Ярда). Часть денег, которые американцы выплачивали Поллаки через контору Филда, оставались Филду. Так что, еще раз повторяю, Игнациус Поллаки никогда не был алчным субъектом, только и норовившим надуть доверчивых американских наемателей.

Другое дело — недовольство приличных людей методами, которыми он пользовался. В этом смысле возмущение Морана и его начальства имело под собой основания. Действительно, методы тогдашних частных сыщиков были, мягко говоря, сомнительными — хотя и эффективными. Они дерзко нарушали привычные для светского общества представления о приличиях. Свет предпочитал терпеть шпионов с манерами респектабельных господ, но не охотников на шпионов, игнорирующих хорошие манеры и позволяющих себе бесцеремонно задавать респектабельным господам вопросы, которые в приличном обществе не задают. Предубежденное отношение общества к сыщикам вообще и частным детективам в частности было характерно и в более поздние времена, и не только для Англии, но и для других стран. Я уже

**Игнациус Пол
Поллаки. Карикатура
Фостина Бедбедера
из альбома «Лондонские
знаменитости», 1874**

показывал на примере истории Джонатана Уичера, как принимало общество полицейских детективов, сотрудников ныне легендарного Скотланд-Ярда. Так вот, отношение к полицейским было цветочками — а вот частные детективы получали ягоды. В уже упоминавшемся интервью Поллаки с горечью признавался:

«Я участвовал в весьма щекотливых делах, которые мне самому нисколько не нравились. Мне приклеили немало презрительных и оскорбительных кличек. Что поделаешь!.. Наша профессия не пользуется симпатиями. Одно утешение: я знаю, что она необходима. Конечно, я бы предпочел быть премьер-министром, как мистер Бенджамен Дизраэли, или даже архиепископом Кентерберийским, как преподобный Лонгли. Но я — частный детектив...»¹

Весной 1862 года Игнациус Поллаки вел интенсивную переписку с возглавлявшим Скотланд-Ярд сэром Ричардом Мэйном, пытаясь поступить на службу в сыскную полицию, чтобы хотя бы таким образом вырваться из касты парий, какими были частные сыщики. После почти годичного обмена письмами Мэйн назначил настырному эмигранту аудиенцию. Но результатом ее стал отказ. Поллаки не удалось стать штатным сотрудником полиции, детективом Скотланд-Ярда. Это отрицательно сказалось и на его гражданском статусе — в это же время детектив-эмигрант впервые подал документы на натурализацию. В чести стать подданным Британии ему отказали, причем причиной отказа была определена «сомнительность профессиональных занятий» соискателя. Собственно, это и послужило стимулом к его попыткам сменить статус частного детектива на должность детектива Скотланд-Ярда.

Только спустя примерно десять лет Поллаки получил должность, в какой-то степени являющуюся официальной, — он был зачислен в 10-й дивизион столичной полиции спецконстеблем, то есть внештатным сотрудником-добровольцем. 10-й дивизион занимался делами иностранцев, проживавших в английской столице.

---

¹ Bryan Kesselman. 'Paddington' Pollaky, Private Detective. The Mysterious Life and Times of the Real Sherlock Holmes, 2015. — P. 165. Пер. М. Бородкина.

Впрочем, обвинять американских дипломатов и их сотрудников в чрезмерной щепетильности или снобизме не стоит. Вот только один характерный образчик агента детективного бюро – некто Мэтью Бернсайд, работавший в течение короткого срока на нашего героя. И, хотя это происходило немного позже, стоит познакомиться с ним поближе – вряд ли в этом вопросе за пятнадцать-двадцать лет всё могло измениться к лучшему. Итак, в августе 1881 года на слушаньях в суде Олд-Бейли мистеру Бернсaidu довелось давать показания. И говорил он при этом вполне откровенно:

«Меня зовут Мэтью Генри Барредж Бернсайд, но у меня есть и другие имена. Я могу сменить имя еще до того, как вернусь домой сегодня вечером. Если хотите записать все мои имена, вам понадобится слишком много бумаги. Да, мне доводилось сидеть в тюрьме, разумеется, безо всяких причин, поскольку не был ни в чем виновен»¹.

Видимо, его самого забавляло обилие имен, поскольку он обращался к этому неоднократно (все его показания добросовестно зафиксировал судебный клерк):

«Я использовал имена Смит, Бейли, Браун, Блейк, Джонс, да все не упомнишь. Например, однажды я пользовался фамилией Прудон, еще, кажется, Перри. В качестве Прудона я работал агентом мистера Коули, а под своей собственной фамилией Бернсайд – агентом мистера Маклейса. От одного получал деньги, другому передавал. Не всегда, разумеется, однажды, помнится, я присвоил 24 шиллинга, которые должен был отдать мистеру Коули, в другой раз – фунт...»²

Закончил свою карьеру этот достойный человек судебным коком. И нет у нас оснований считать мистера Бернсайдса исключением из длинной шеренги ангелов, которыми очень вежливо руководил архангел Игнациус Поллаки.

Понятно, что такой вот Бернсайд, действительно развязный, действительно наглый, к тому же нечистый на руку, да еще

¹ Bryan Kesselman. 'Paddington' Pollaky, Private Detective. The Mysterious Life and Times of the Real Sherlock Holmes, 2015. – P. 168. Пер. М. Бородкина.

² Там же. – P. 169.

и бывший преступник, сидевший в тюрьме, вряд ли мог вызвать благосклонность мистера Морса или мистера Морана, не говоря уже о госсекретаре Сьюарде. Да и сам Сэнфорд наверняка морщился от такого сотрудничества.

Тем не менее респектабельным джентльменам пришлось смириться с тем, что они имеют дело не с ангелами или архангелами и даже не с премьер-министром или архиепископом, а с Игнациусом Поллаки и его сотрудниками. Среди которых (среди сотрудников агентства), по словам их босса, были самые разные люди: кэбмены, водители omnibusов, стюарды в клубах, официанты в ресторанах. У большинства из них, как и у самого Поллаки, манеры зачастую были далеки от манер выпускников Кембриджа или Тринити-колледжа. Перефразируя старую песню Михаила Анчарова, можно сказать: «Но где ты святого найдешь одного, который пошел бы» в частные сыщики? Даже священники (а среди его агентов бывали и служители религии) оказывались на поверку далеко не святыми. Поллаки вспоминал одного викария, бывшего его агентом, который совратил юную прихожанку. Правда, впоследствии, с помощью того же Поллаки, помог ей встать на путь исправления.

Но если общество – и английское, и американское, и европейское – относилось к частным детективам вообще и Игнациусу Поллаки в частности с нескрываемым презрением и брезгливостью, то сам Поллаки, считавший свою профессию важной и полезной, в долгу не оставался. Тому же Мюррею он откровенно сказал:

«Вы правы, я невысокого мнения о человеческих добродетелях, особенно в Англии. Здесь модно говорить об аморальности французов. Я хорошо знаю Францию. Я хорошо знаю Европу. Нет страны, аморальной более, чем Англия».

При этом парадоксом выглядит тот факт, что Игнациуса Поллаки то же самое общество считало абсолютно неподкупным. Известно было несколько попыток дать ему взятку (в том числе и агентами конфедератов), причем назывались огромные суммы. Эти попытки постигла неудача. Ни один из его недоброжелателей, в том числе и тех, кто обвинял его в алчности, не сомневался в его неподкупности. Он мог запросить крупную

сумму за услуги, но ни один преступник не мог похвастаться тем, что сумел дать взятку знаменитому сыщику.

Так что сотрудничество частного детектива и дипломатаразидента Сэнфорда продолжалось на протяжении всей Гражданской войны и завершилось лишь в 1865 году. Во всяком случае, ни обычных, ни зашифрованных писем Поллаки к Сэнфорду, написанных позже 1865 года, историками обнаружено не было.

ТАИНСТВЕННЫЙ МИСТЕР ПОЛЛАКИ

«Мистер Игнациус Поллаки скрывает больше тайн, чем диккенсовский адвокат Токингхорн из “Холодного дома”. Поллаки – князь сыщиков и король шпионов. Ему известны пугающие, жуткие тайны очень многих. Но в его внешности и поведении на первый взгляд ничего таинственного нет. Его вполне можно считать едва ли не самым открытым и прямодушным из всех, с кем вы встречаетесь ежедневно»¹.

Так начинается свой рассказ о личных впечатлениях от встречи с прославленным детективом журналист Дэвид Кристи Мюррей.

Но тут же замечает:

«Он в полной мере владеет искусством, которым, по слухам, прекрасно владеет Отто фон Бисмарк: сказав всё, не сказать ровным счетом ничего»².

Это интервью для нас особенно интересно, потому что загадочность нашего героя определяется еще и тем, что он категорически не любил общаться с прессой. В этом он являл собою полную противоположность своему учителю Чарльзу Филду, любившему славу и внимание прессы. Поллаки, напротив, охотно использовал печать, английскую и континентальную,

---

¹ Bryn Kesselman. ‘Paddington’ Pollaky, Private Detective. The History Press, 2015. – P. 164. Пер. М. Бородкина.

² Там же.

но всячески избегал внимания журналистов к своей персоне. Тем ценнее редкие свидетельства о нем единственного газетчика, с которым он согласился пообщаться — незадолго до того, как решил отойти от дел.

Например, журналист обратил внимание на то, что Поллаки усадил гостя лицом к свету, так что он мог видеть Мюррея, а вот его гостью было гораздо труднее рассмотреть хозяина, оказавшегося в глубокой тени. Правда, детектив тут же извинился, сказав, что вовсе не стремился к подобному эффекту, просто его кабинет устроен таким вот образом.

Даже дом знаменитого сыщика имел своеобразный облик. Он, по словам Мюррея, словно бы вздернул плечи, то ли из презрения к окружающим, то ли для сохранения каких-то своих тайн.

Действительно, подавляющее большинство расследований, которыми занимался наш герой, покрыты тайной по сей день. Как уже было сказано, он избегал рекламы, но активно пользовался газетными объявлениями, подобно всем своим коллегам — частным детективам. И в этих объявлениях, благополучно дошедших до нашего времени, Поллаки оставил невероятное число загадок. По сравнению с его объявлениями объявления, скажем, Чарльза Филда читаются с той же легкостью, что и детские прописи.

Примеры? Сколько угодно. Скажем, как вы оцените вот такую переписку:

«КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ. Стоит ли так мучить жертву? Все будет прекрасно, если вы немедленно встретитесь. Ваше поведение выглядит чрезвычайно подозрительным для тех, кому все известно. Оно выдает стремление ввести в заблуждение. Препрежнее ваше поведение имело ту же цель. “Мученик” не может больше выносить такие оскорбления. Адрес прежний: мистеру Поллаки, частное детективное бюро, 13, Паддингтон-грин»¹.

И далее:

«КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ. Пятнадцать лет меланхолии, долгие часы боли и тоски превратили меня в того, каким я сейчас

---

¹ The Agony Column of the Times 1800–1870. London, Chatto and Wiondus Pikadilli, 1881. — P. 261. Пер. Д. Клугера.

являюсь. Но поскольку предмет нашей любви перешел в лучший мир, “Каменное сердце” смягчится, если “Мученик” с покорностью, подобающей избранному псевдониму, согласится на условия предыдущего послания мистера Поллаки. Пока это не сделано, ни о какой встрече не может быть речи.

МУЧЕНИК – КАМЕННОМУ СЕРДЦУ. Я принимаю все условия, за исключением той части 5-го параграфа, который относится к “Корке”. Я оставила все необходимые документы у мистера Поллаки.

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ – МУЧЕНИКУ. После стольких лет страданий для чего мне богатство? Поскольку нашего кумира больше нет в живых, я не буду настаивать на принятии 5-го пункта. Пусть наша встреча состоится в приближающуюся годовщину того события, которое навсегда запечатлелось в нашей памяти. И пусть оно не будет осквернено даже намеком на жадность. Я сообщу мистеру Поллаки время и место нашей встречи»¹.

При чтении этих объявлений воображение рисует историю, полную страстей и обманов, потерь и обретений, которая вполне заслуживала бы целого романа.

Еще одна история – всего лишь в одном объявлении:

«ГАСТОНУ. Я наконец-то увидела вас, но, увы, слишком поздно. Я жена другого, и если будет суждено встретиться, то только посторонними. Я умоляю вас вернуть мои письма мистеру Поллаки. Я молю Бога, чтобы вы немедленно уехали за границу и забыли о существовании “Бутона”. Прощайте»².

Тут, очевидно, дело связано с шантажом, борьба против которого составила значительную часть славы Игнациуса Пола Поллаки. А вот, похоже, краткий «отчет о проделанной работе», то ли результат слежки, то ли оценка поведения – от 21 июня 1870 года:

«ТАРТАР. Они выглядят слишком веселыми для похоронного кортежа. Поллаки, 13, Паддингтон-грин»³.

¹ Там же. – Р. 263.

² Там же. – Р. 295.

³ Там же. – Р. 301.

Может быть, действительно оценка лицемерия близких некоему покойнику людей, а возможно, образное выражение, вроде «пира во время чумы».

Иные его объявления производят впечатление зашифрованных шпионских посланий. Вот, например, объявление, появившееся в «Таймс» 10 ноября 1865 года:

«ДИПЛОМАТ. Если бы не стремление осудить, он был бы прав. Между 20 и 23 декабря произошла ошибка из-за неверного представления. 19384. 7254. 293025. 016' – 34, 930. Намек на то. Поллаки, 13, Паддингтон-грин»¹.

Сразу же вспоминается журнал стивенсоновского Билли Бонса с его загадочными записями типа «У Палм-Ки он получил все, что ему причиталось». Или аналогичная шарада, которую в дойловской «Долине страха» решает Шерлок Холмс:

«Холмс снова расправил листок на своей пустой тарелке. Я встал и через плечо Холмса стал рассматривать необычную запись:

534 K2 13 127 36 31 4 17 21 41

Даглас 109 293 5 37 Берлстоун

26 37 Берлстоун 9 127 171

– Что вы об этом думаете, Холмс?

– Автор явно пытался передать какую-то секретную информацию.

– Но какой смысл в зашифрованном послании, если отсутствует ключ к шифру?»²

На самом деле, как выясняется далее, прочитать подобное послание в те времена особого труда не составляло (да и сейчас тоже). Речь идет о простейшем шифре, использовавшем распространенные повсеместно издания – от Библии до почтового справочника. Цифры же означают номера страниц, колонок и глав.

А вот объявление не менее загадочное, чем вышеприведенные шифровки, но только в другом роде:

¹ Там же. – Р. 264.

² А. Конан Дойл. Долина страха / Пер. Л. Бриловой и С. Сухарева // А. Конан Дойл. Долина страха. Записки о Шерлоке Холмсе. – СПб: Азбука, 2017. – С. 13.

«МИРЯНИН (Рим). — Наш 50, 52, 53 в безопасности — 51, 52. Угрожающие отпечатки пальцев! 51. Боролся благородно. — Поллаки, 13, Паддингтон-грин»¹.

Если речь идет действительно о дактилоскопии (а не просто, скажем, о кровавом отпечатке на стене), то, выходит, Игнациус Пол Поллаки интересовался ею еще в 1870 году — за семь лет до начала работ «отца дактилоскопии» Уильяма Гершеля и *за двадцать пять лет* до официального введения дактилоскопии в практику английской полиции! Хотя он здесь, разумеется, не одинок: я уже говорил о прозрениях Видока.

Все эти таинственные послания регулярно публиковались в «Колонке страждущих» газеты «Таймс». Так назывался раздел, в котором помещались частные объявления о розыске пропавших людей, похищенных вещей и т.п. Объявления Игнациуса Поллаки (как зашифрованные, вроде приведенных выше, так и вполне обычные — о конфиденциальных сведениях и вознаграждении за них) печатались не только в «Таймс». Но этой газете он отдавал безусловное предпочтение, о чем со сдержанной гордостью поведала редакция «Таймс» в некрологе, посвященном Поллаки и появившемся на страницах газеты через три дня после смерти знаменитого детектива.

Если Мюррей, посетив Поллаки в 1882 году, рассчитывал узнать о каких-то скандальных секретах сильного мира сего (а сыщик, безусловно, знал очень много и о многих), он просчитался. Поллаки предпочел потчевать газетчика анекдотичными случаями супружеской неверности — иногда мнимой, иногда реальной. Например, рассказал, как однажды ему пришлось выполнять два заказа одной семьи. Сначала некий джентльмен попросил проследить за женой, которая, как ему казалось, неверна мужу. А затем сама супруга, подозреваемая в неверности, обратилась к нему же, на Паддингтон-грин, 13, с просьбой проверить подозрения в отношении мужа. Агенты Поллаки проследили за обоими супругами и убедились в том, что оба

¹ The Agony Column of the Times 1800–1870. London, Chatto and Wiondus Pikadilli, 1881. — P. 299. Пер. Д. Клурепа.

сохраняли верность друг другу. Узнав о результатах расследования, клиенты Поллаки устыдились собственных подозрений и простили друг друга.

ИГНАЦИУС ПОЛЛАКИ И ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

«История со Шмидтом великолепна. Поллаки уже давно содержит частное полицейское бюро, в справочной книге оно значится среди бюро по расследованию (*всего их имеется 18*) – Поллаки Игнациус Пол, 13 Paddington Green, W. (совсем недалеко от меня), корреспондент *Foreign Police Gazette*»¹.

Так написал Фридрих Энгельс, живший тогда в Лондоне, в Цюрих, одному из руководителей немецкой социал-демократии и своему близкому другу Эдуарду Бернштейну 28 ноября 1882 года. Бернштейн вынужден был уехать из Германии в Швейцарию в связи с обвинением его германской прокуратурой в «оскорблении величества». Здесь он редактировал социалистический еженедельник *Sozialdemokrat* и являлся признанным лидером радикального крыла немецких социал-демократов, вынужденных эмигрировать после революционных событий 1848–1849 года.

Но о какой же «истории со Шмидтом» пишет Энгельс?

Речь идет о разоблачении некоего Иоганна Карла Фридриха Элиаса Шмидта. Человек со столь длинным именем (чаще всего он подписывался значительно короче – как Фридрих Шмидт) был агентом германской тайной полиции в Цюрихе, внедренным в среду немецких революционеров-эмигрантов. Его разоблачили

---

¹ Ф. Энгельс. Письмо Э. Бернштейну от 28 ноября 1882 года / Пер. с нем. // Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Соб. соч. – М.: Изд. политической литературы, 1964. – Т. 35. – С. 335.

в 1882 году, когда редакция бернштейновского «Социал-демократа» опубликовала памфлет «Немецкая тайная полиция в борьбе с социал-демократией. Документы и разоблачения, представленные на основе подлинных материалов»¹.

В свое время Карл Маркс и Фридрих Энгельс, разбирая провокационную деятельность немецких властей против революционеров, иронизировали по поводу необъяснимой привязанности германских агентов к псевдониму Шмидт, утверждая, что Шмидт, по-видимому, незаменимая фамилия для пу-

Фридрих Энгельс

тешествующих инкогнито прусских полицейских агентов. Они припомнили, что именно под этим именем путешествовал по Силезии опытный германский разведчик Вильгельм Штибер, под ним же его лондонский агент Флери посещал Париж.

Добавим еще, что под всё тем же именем Шмидт, точнее, «художник Шмидт», вышеупомянутый Штибер в 1851 году побывал в Лондоне и даже на короткое время внедрился в круг близких Марксу революционеров. Впоследствии он сделал прекрасную карьеру, возглавив германскую полицию, одновременно, как пишут сегодня, став резидентом русской разведки в Европе. Умер от подагры в 1894 году.

Но в случае, о котором пишет Бернштейну Энгельс, Шмидт — подлинная фамилия агента. Почему же в связи с делом Шмид-

---

¹ Die deutsche Geheimpolizei im Kampfe mit der Sozialdemokratie. Aktenstücke und Enthüllungen auf Grund authentischen Materials dargestellt, Hottingen—Zurich, 1882.

та Энгельс упоминает нашего героя? Какое отношение имел Игнациус Поллаки к разоблаченному германскому шпиону?

Брайан Кессельман, автор последнего по времени и единственного полного биографического исследования об Игнациусе Поллаки, высказывает предположение, что Поллаки сотрудничал с означенным Фридрихом Шмидтом, то есть фактически работал на германское правительство против эмигрантов-революционеров. Между тем единственное документальное свидетельство контактов между германским агентом Шмидтом и частным сыщиком Поллаки – два письма Поллаки, приведенные в упомянутой брошюре среди «подлинных документов». В обоих Поллаки отказывается от каких-то документов, которые предлагаются Шмидтом (какие именно, не говорится), уклончиво мотивируя свой отказ тем, что предложение немецкого агента «утратило актуальность».

Опять же – с чего бы Энгельс акцентировал внимание именно на авторе двух писем (из нескольких десятков!), опубликованных в брошюре? Ведь в изданной Э. Бернштейном брошюре есть куда более содержательные письма, почему же об их авторах Энгельс не пишет ни слова, а вот о Поллаки, чьи письма представляют собой лишь две вежливые отписки, упоминает. И упоминает как о человеке, хорошо известном и ему самому, и Бернштейну?

Логичнее предположить, что в данном случае Поллаки действовал прямо противоположно тому, что предполагает Б. Кессельман, – *против* германского правительства, а не для него. Скорее всего, он приложил некоторые усилия для разоблачения германского агента.

Это представляется тем более логичным, если обратить внимание на то, с какой настойчивостью впоследствии Поллаки выступал против облегчения натурализации в Англии беженцев с континента.

Интонация же письма лишний раз убеждает меня в справедливости первоначального предположения о причинах эмиграции Игнациуса Поллаки – причинах политических, в условиях наступившей в Европе и особенно в Германии послереволюционной реакции.

Здесь же, возможно, кроется и ответ на еще один вопрос, касающийся биографических загадок нашего героя. Чем же занимался Поллаки на родине, если опытный детектив Филд почти сразу доверил ему столь ответственный пост? Многих современников впоследствии поражала осведомленность Поллаки в отношении криминального мира Европы. Она вполне могла идти от его связей с анархистами: как известно, анархисты считали профессиональных преступников резервом революции и естественными союзниками профессиональных революционеров. Разумеется, для полицейского представляется естественным обладать широкой информацией о криминальных сообществах, в том числе и международных, и будь Поллаки до эмиграции полицейским, это не вызывало бы удивления. Но Игнациус Пол Поллаки никогда не был полицейским!

Очевидно, его осведомленность произвела серьезное впечатление на главу детективного бюро Филда. И, возможно, осведомленность его, так же как упоминание Энгельсом, связана с революционным прошлым нашего героя.

ПУСТОЙ ДОМ ИГНАЦИУСА ПОЛЛАКИ

С 1865 по 1882 год контора Поллаки находилась в Паддингтоне, откуда и пошло уже упоминавшееся прозвище Паддингтонский Поллаки. Впрочем, есть сведения, что контора просуществовала до 1884 года: именно тогда Поллаки ушел из детективного бизнеса — в пятидесятишестилетнем возрасте.

Не исключено, что и тогда этот его уход был фиктивным, хотя он официально уведомил об этом публику через «Таймс». Некоторые историки высказывают предположение, что с этим связано объявление, появившееся в «Таймс» в 1882 году: «Слухи о моей кончине неверны. Поллаки». Спустя много лет об этом ироничном объявлении вспомнят в уже упоминавшемся некрологе. Там

же называется еще одна его должность, уже упоминавшаяся мною: «специальный констебль Десятого дивизиона Скотланд-Ярда». Вряд ли знаменитый детектив Поллаки патрулировал лондонские улицы по ночам, в компании добровольцев-«дружинников». Скорее всего, речь шла о консультативной помощи полиции.

Так что, вслед за Шерлоком Холмсом, Поллаки мог бы называть себя «сыщиком-консультантом». Правда, Холмс говорил о себе как о единственном в мире сыщике-консультанте. Но, может быть, они просто не были друг с другом знакомы? С другой стороны, Шерлок Холмс явился публике в 1887 году, то есть через двадцать лет после того, как Поллаки стал «специальным констеблем». В тот момент наш герой уже находился в отставке, так что Холмс не ошибся.

О безусловной (хотя и двусмысленной) славе Игнациуса Поллаки говорит многое. Например, тот факт, что его фамилия стала еще при его жизни жаргонным оборотом. Современный «Фразеологический словарь старого сленга» Эрика Партриджа по этому поводу пишет:

«О, Поллаки!» (иногда сокращается до просто “Поллаки!”). Означает протест против слишком настойчивых расспросов. Происходит от рекламных объявлений “детектива-иностранца” Игнациуса Пола Поллаки, уроженца Австрии¹.

В популярном мюзикле Гилберта и Салливана «Терпение», премьера которого состоялась 21 апреля 1881 года в Лондоне, один из персонажей (Полковник) перечисляет качества настоящего драгуна, где, среди прочего, говорится и о том, что тот должен обладать «проницательностью Поллаки Паддингтонского». Так что данное качество Игнациуса Поллаки рассматривалось как нечто само собой разумеющееся – например, как фигурирующие в том же списке неисчислимое богатство русского царя и грациозность одалиски из серала. Об этих куплетах любят упоминать все его биографы. Даже некролог был озаглавлен следующим образом:

---

¹ Eric Partridge. A Dictionary of Catch Phrases: British and American, from the Sixteenth Century to the Present Day. Routledge, 1986 – Foreign Language Study. P. 905. – Пер. Д. Клугепа.

«Детектив, увековеченный в оперетте Салливана»¹.

Несколькими годами раньше премьеры «Терпения», в 1876 году вышла анонимная сатирическая пьеса «Бенджамин Д.: Его скромный ужин». Мишенью сатиры была политика тогдашнего премьер-министра Бенджамена Дизраэли – лорда Биконсфильда. В пьесе можно было прочесть о Поллаки целое стихотворение, в котором его называют «детектив-генералом² нашей аристократии», намекая на активное участие Поллаки в делах и расследованиях щекотливого свойства, касающихся семейств высшего света. При всей иронии и язвительности автор отдает должное детективу, называя его «повелителем интриг и хаоса»:

«Вот Поллаки в кресле дубовом сидит,
На столике рядом посланье лежит.
Печать на конверте с короной, гербом.
Великие тайны есть в деле таком.

<...>

И важен, и горд, будто он – кардинал.
Для лордов велик детектив-генерал!
И не усомнится никто ни на миг,
Что именно он повелитель интриг!³

Разумеется, враги Дизраэли не могли пройти и мимо соблазнительного «этнического» намека (как известно, лорд Биконсфильд был крещеным евреем). Вообще же при прочтении этой сатиры остается странное ощущение, что ее автор (или авторы) интеллект сыщика Поллаки оценивают выше, чем

¹ A Detective mentioned in Sullivan opera // The Times, Februar 28. Пер. Д. Клугера.

² Видимо, по аналогии с реально существовавшими званиями детектив-инспектора и детектив-сержанта.

³ Bryan Kesselman. 'Paddington' Pollaky, Private Detective. The Mysterious Life and Times of the Real Sherlock Holmes, 2015. – P. 184–185. Пер. Д. Клугера.

интеллект премьер-министра «Беджамена Д.». Что, впрочем, неудивительно: Игнациус Поллаки был необыкновенно обаятелен и артистичен. Кстати, свою «иностранность», заграничное происхождение он сделал не только объектом иронии, но и орудием работы. Как правило, он сознательно и старательно демонстрировал при разговоре свой акцент (то ли немецкий, то ли венгерский). По его собственному признанию, этот акцент сбивал собеседника с толку — тот начинал думать, что сыщик понимает меньше, чем на самом деле. А акцент в нужный момент вдруг исчезал бесследно.

В лондонской редакции французского журнала «Фигаро», в номере от 28 января 1874 года, появился карикатурный портрет нашего героя. На рисунке он, держа в руках блокнот, заглядывает в замочную скважину. Портрет нарисовал известный французский художник Фаустин Бетбедер по заказу лондонского редактора «Фигаро» Джеймса Мортимера. Портрет входил в серию «Знаменитые лондонцы», вышедшую затем отдельным изданием. Самым известным из вошедших в нее шаржированных портретов остается портрет Чарльза Дарвина, демонстрирующего обезьяне ее отражение в зеркальце. Так что Поллаки оказался в неплохой компании (имеем в виду, разумеется, Дарвина, а не обезьянку). Если это не слава, что же тогда слава?

Нередко он выполнял деликатные поручения иностранных правительств. Его способности высоко ценили во Франции и Австрии. Среди дипломатов или финансистов он чувствовал себя так же свободно, как и в криминальной среде. По словам его биографов, даже знаменитое агентство Пинкертона в зените славы не могло соперничать с Паддингтонским Поллаки. Частыми были внезапные отлучки из Англии, которые сопровождались скупыми и таинственными упоминаниями о нем в континентальных газетах. И оказывалось, что то или иное зарубежное правительство призвало гения сыска для распутывания очередного сложного дела.

Что представляли собою его методы? Не манеры, выводившие из себя приличных джентльменов, а именно методы как система сыска? Об этом его спрашивали многие. Слегка приоткрыл завесу знаменитый детектив в разговоре с Мюрреем:

«Суть моей системы, если таковая существует, в ее секретности. Как говорится, левая рука не знает, что делает правая. Я не веду никаких записей, и в моем бюро нет администратора или секретаря, фиксирующего на бумаге информацию. Мои сотрудники не знакомы друг с другом. Я не встречаюсь с ними в своем офисе. В моей памяти и моей записной книжке они фигурируют под номерами: “Номер такой-то, номер такой-то”. Скажу вам больше: я и сам не стремлюсь узнать их, мне достаточно номеров»¹. Тут он слегка лукавил. Разумеется, он знал своих агентов. И не просто знал их имена (а не одни лишь номера), но и всю их подноготную – иначе вряд ли ему удалось бы их завербовать и убедить заниматься таким, в общем-то, не самым безопасным ремеслом, каким был (да и по сей день остался) частный сыск. Другое дело, что тайны своих агентов он хранил столь же строго, как и тайны клиентов, в том числе весьма высокопоставленных.

Тем не менее на стене его офиса, рядом с портретом Чарльза Филда, располагался портрет одного из его агентов – очаровательной молодой женщины, имя которой он унес с собою. Интервьюеру он вскользь заметил, что красавица-агент – «самая очаровательная и виртуозная авантюристка, какую он когда-либо встречал»². Невольно приходит на ум Ирэн Адлер, восхитившая великого сыщика с Бейкер-стрит. Возможно, этой женщины уже не было в живых к моменту встречи Поллаки и Мюррея – потому ее портрет сыщик более не прятал.

Еще одной особенностью профессиональных принципов, которыми руководствовался Поллаки, было – никогда не брать на службу полицейских детективов – ни бывших, ни действующих. При том что, как я уже говорил, он охотно сотрудничал с полицией. Он представлял Скотланд-Ярду свои услуги, но не просил и не принимал ответных.

Поллаки с гордостью заявлял:

---

¹ Bryan Kesselman. ‘Paddington’ Pollaky, Private Detective. The Mysterious Life and Times of the Real Sherlock Holmes, 2015. – P. 167. Пер. М. Бородкина.

² Там же. – P. 167.

«Мои люди – маленькие, незаметные, кажущиеся незначительными. Они могут неслышно идти за вами по пятам, и вы не заметите их. Потому-то мне и не нужны полицейские»¹.

Несмотря на всю известность и популярность, Поллаки натурализовался в Великобритании лишь в 1914 году. 17 сентября 1914 года он принес присягу в качестве британского подданного, о чем сохранился соответствующий документ. В графе «Происхождение» указано – Венгрия. В этом же документе приведен его последний адрес: Брайтон, Станфорд-авеню, 33.

К сожалению, финал жизни этого незаурядного человека был омрачен быстро развивавшейся душевной болезнью. Он замкнулся в своем доме, будучи уверенным, что его преследуют агенты германского правительства – видимо, сыграли свою роль воспоминания о революционных грехах молодости. Возможно, впрочем, дело было связано с более поздними событиями. Например, с проясненной не до конца историей разоблачения «агента Шмидта», следившего за немецкими революционерами-эмигрантами. Из-за этой мании (предположим, что мании, хотя кто его знает?) Поллаки никому не открывал дверь, а по случайным посетителям без предупреждения открывал огонь из револьвера.

О встрече вот с таким, больным и не похожим на себя Игнациусом Поллаки пишет все тот же Фицрой Гарднер. Спустя тридцать лет после первой встречи Гарднер вновь обратился к Поллаки, отошедшему к тому времени от дел и поселившемуся в Брайтоне. Гарднеру понадобилась информация о некоторых польских и русских беженцах, которые могли быть опасными для общественного порядка в английской столице (и для государственной безопасности тоже). Но...

«Я не представлял, что он уже поражен тяжелой формой психического заболевания. Он был одержим мыслью о том, что на него готовится покушение. Меня он не узнал и даже не вспомнил моего имени. Вместо того, чтобы открыть дверь,

---

¹ Там же. – Р. 165.

он принялся угрожать мне револьвером. Мне пришлось вернуться в Лондон ни с чем...»¹

По словам Гарднера, Поллаки в течение нескольких последних лет жизни опасался мести со стороны некоторых преступников, которые с его помощью отправились на каторгу или в тюрьму. Он был уверен, что за ним охотятся. Нельзя сказать, что эти подозрения были всего лишь плодом болезненного состояния его психики. Воган Драйдон пишет:

«С годами уголовный мир все сильнее ненавидел Поллаки. Многие негодяи и авантюристы поклялись расправиться с ним. Большинство, правда, были слишком трусливы, чтобы попытаться открыто расчитаться с детективом, но находились среди них и преисполненные решимости отомстить Поллаки. Сыщик держал при себе оружие и продолжал работать, но все время помнил, что его преследуют. Дом Поллаки превратился в настоящую крепость, снабженную многочисленными сигнальными устройствами»².

Так, по словам Драйдона, дело обстояло еще в Лондоне. То же самое, как видим, обнаружил Гарднер спустя несколько лет в Брайтоне. Учитывая, что как раз началась Первая мировая война, можно и этому найти вполне серьезные, а не только связанные с болезнью основания: ведь Поллаки активно способствовал выявлению немецких шпионов накануне войны; видимо, он обладал серьезной информацией относительно планов германской разведки. Кроме того, он еще в конце 1870-х годов признавался, что хранит множество тайн сильных мира сего. И, хотя знаменитый сыщик уверял, что тайны эти никогда не выйдут наружу, наверняка немало было людей, всерьез опасавшихся, что он забудет о своем обещании. Его неоднократно хотели подкупить и несколько раз покушались на его жизнь. Поэтому опасения его имели под собой серьезные основания.

---

¹ Major Fitzroy Gardner. More Reminiscences of an Old Bohemian. London, John Murray, 192 (?). — P. 191. Пер. Д. Клугера.

² Vaughan Drydon. Pollaky: The Detective of Genius. A Sherlock Holmes in Real Life / Very Odd Fellows — No. 1, The Argus (Melbourne), 09.01.1934. Пер. Д. Клугера.

Возможно, болезнь лишь превратила обоснованные подозрения в манию преследования — или же начало мировой войны послужило своеобразным катализатором заболевания. Основной его инструмент — интеллект, могучая память — отказал ему в конце жизни. Умирая, он не узнавал никого из тех немногих, кто собрался вокруг его смертного одра.

Читая статью Вогана Драйдона и воспоминания Фицроя Гарднера о последних днях Поллаки, я не мог отрешиться от неожиданных параллелей с Шерлоком Холмсом, точнее, с началом рассказа «Последнее дело Холмса»:

«Холмс внезапно появился у меня в кабинете. Мне сразу бросилось в глаза, что он еще более бледен и худ, чем обычно.

— Да, я порядком истощил свои силы, — сказал он, отвечая скорее на мой взгляд, чем на слова. — В последнее время мне приходилось трудновато... Что, если я закрою ставни?

Комната была освещена только настольной лампой, при которой я обычно читал. Осторожно двигаясь вдоль стены, Холмс обошел всю комнату, захлопывая ставни и тщательно замыкая их засовами.

— Вы чего-нибудь боитесь? — спросил я.

— Да, боюсь.

— Чего же?

— Духового ружья»¹.

Кто знает — может быть, и Игнациус Пол Поллаки ждал своего духового ружья, своего профессора Мориарти (или «художника Шмидта»)? Он умер в понедельник 25 февраля 1918 года, в возрасте 90 лет². Спустя три дня, 28 февраля, «Таймс» поместила уже упоминавшийся некролог об этом блестящем детективе. В частности, там говорилось о том, что мистер Поллаки, несомненно, являлся лучшим сыщиком своего времени.

---

¹ А. Конан Дойль. Последнее дело Холмса / Пер. Д. Лившиц // А.К. Дойль. Собр. соч. в 8 тт. — М.: Правда (Библиотека Огонек), 1966. — Т. 2. — С. 222.

² См. запись: England & Wales, Death Index, 1916–2007 [database on-line]. Provo, UT, USA: Ancestry.com Operations Inc, 2007.

Спустя четверть века, в 1934 году, Воган Драйдон в своей статье о Поллаки написал:

«Он был Шерлоком Холмсом реального мира и, возможно, фигурой куда более крупной, нежели литературный герой, с именем которого его любят связывать»¹.

ПАДДИНГТОН-ГРИН VS БЕЙКЕР-СТРИТ

Сравнение реальных детективов с фигурой героя, придуманного Артуром Конан Дойлом, давно уже стало общим местом. «Русский Шерлок Холмс» по поводу И.Д. Путилина, «Американский Шерлок Холмс» по адресу Алана Н. Пинкертона, а заодно и по поводу вымышленного же Ника Картера – и так далее. Может быть, и объявление Игнациуса Поллаки «реальным Шерлоком Холмсом» тоже всего лишь красивый (и банальный) оборот речи? В самом деле, разве сэр Артур не назвал прототипом своего героя профессора Джозефа Белла? И разве, говоря о влиянии образа Эжена-Франсуа Видока на культуру, я сам не указывал на «французские корни» великого сыщика с Бейкер-стрит?

Все так. Тем не менее, знакомясь с биографией Игнациуса Поллаки, нельзя пройти мимо некоторых деталей, немедленно вызывающих в памяти соответствующие места из шерлокиады. Кое-что я уже называл: очаровательная авантюристка, чей портрет хранил Игнациус Поллаки, – и очаровательная же авантюристка Ирэн Адлер, чей портрет хранил Шерлок Холмс. Страх Холмса перед возможным покушением в «Последнем деле Холмса» – и страх Поллаки (болезненный) перед покушением в конце жизни.

В то же время Артур Конан Дойл не просто никогда не говорил о возможной связи своего героя и реального детектива.

---

¹ Vaughan Drydon. Pollaky: The Detective of Genius. A Sherlock Holmes in Real Life // Very Odd Fellows – No. 1, The Argus (Melbourne), 09.01.1934. Пер. Д. Клугера.

Он вообще ни разу, ни в одном произведении, ни в одном интервью, ни в одном письме не упомянул Игнациуса Поллаки. Что, вообще-то говоря, может показаться странным: Поллаки знаменит и популярен, к тому же — принадлежит той же профессии, что и герой Конан Дойла. Но для писателя он словно бы и не существует.

И все-таки очень хочется их сравнить — придуманного Холмса и реального Поллаки. В конце концов, литературные герои интересны еще и тем, что редко бывают простой копией какого-то одного реального человека, получившего от автора новое имя. Нет, как правило, любой книжный персонаж, тем более такой бессмертный, каким является Шерлок Холмс, вбирает в себя черты разных реальных личностей. Поэтому, не отрицая влияния профессора Белла, подчеркивая родство с Видоком, проанализируем заодно и черты сходства (характера или биографии) с Игнациусом Полом Поллаки.

Начнем с конца.

Сравнивая трагический финал жизни Поллаки с трагическим финалом рассказа «Последнее дело Холмса», обращаешь внимание не только на сходство, но и на различие, причем принципиальное: согласно воспоминаниям современников, реальной опасности для Игнациуса Поллаки в 1918 году не существовало; для Холмса же опасность была реальной — профессор Мориарти шел за ним по следу и намеревался убить (что он и сделал — пока в «Пустом доме» Дойл не воскресил великого сыщика). И самое главное: Поллаки боялся своего «духового ружья» и своего Мориарти в 1916–1918 годах; Шерлок Холмс же рухнул в бездну Рейхенбахского водопада в 1893 году (дата первой публикации), так что вряд ли слухи о странном поведении сыщика могли натолкнуть писателя на идею рассказа.

В то же время некоторые коррективы история Поллаки внесла в историю Холмса. Правда, в историю, написанную не Артуром Конан Дойлом, а Николасом Мейером. Мейер написал продолжение «Последнего дела Холмса». Вернее, не продолжение, а весьма своеобразную версию этих событий — роман «Семипроцентный раствор» («Вам вреден кокаин, мистер Холмс»). В романе Мейера история с Мориарти и попытками последне-

го поохотится на Холмса оказывается... манией, навязчивым бредом, возникшим у Холмса на почве чрезмерного увлечения кокаином. Именно мания – подобная той, которую наблюдал у Игнациуса Поллаки Фицрой Гарднер, – заставляет Холмса (в романе Мейера) подозревать всех окружающих в стремлении его убить, заставляет закрывать все двери и окна и спать с револьвером в руке – точь-в-точь как Игнациуса Поллаки в конце жизни. Таким образом, можно предположить, что некоторые страницы биографии Поллаки оказали влияние на образ Холмса – пусть не у Конан Дойла, но у некоторых его эпигонов.

В то же время можно предположить, что Игнациус Поллаки опасался преследований со стороны представителей преступного мира (и иностранных агентов, им разоблаченных) задолго до 1916 года – ведь он удалился от дел в середине 1880-х годов. Так что отмахиваться от такого влияния нельзя.

Я уже рассказывал о шантажисте Чарльзе Огастесе Хауэлле, чья преступная деятельность и ужасный финал натолкнули А. К. Дойла на рассказ «Конец Чарльза Огастеса Милвертона». Немало громких дел о шантаже и шантажистах связаны были с именем Игнациуса Поллаки, который считался в этом экспертом номер один. И, хотя убийство Хауэлла произошло спустя несколько лет после того, как Поллаки отошел от дел, нет сомнений, что детектив был в курсе преступной деятельности секретаря знаменитого поэта Данте Габриэля Россетти. Поскольку реальный Хауэлл, подобно придуманному Милвертону, почти открыто занимался своим сомнительным ремеслом на протяжении нескольких десятков лет, то есть когда Поллаки активно расследовал множество подобных дел, а его помощники часто выступали свидетелями в судебных процессах против шантажистов.

И вновь, как в случае с противостоянием Холмса и профессора Мориарти или с портретом прекрасной авантюристки в кабинете знаменитого детектива, скажу лишь одно – возможно. Возможно, и этот эпизод из приключений Шерлока Холмса в основе своей имел страницы жизни Игнациуса Поллаки.

Есть и некоторые другие детали, разбросанные по рассказам Шерлока Холмса, отсылающие к биографии нашего героя. При желании их можно найти во многих рассказах.

Но если предположить, что Артур Конан Дойл использовал в похождениях своего героя какие-то эпизоды расследований Поллаки, чрезвычайно интересным представляется вопрос о полном игнорировании писателем этой фигуры – при всей популярности Поллаки в викторианском Лондоне. Простейшее объяснение – несовпадение во времени. В самом деле, первое дело Шерлока Холмса («Этюд в багровых тонах») появилось в печати в 1887 году. В тот момент частный детектив Игнациус Поллаки уже минимум три года пребывал на покое, и его сыскное бюро прекратило свое существование. Это объяснение явно недостаточно – спустя тридцать лет «Таймс» пишет о Поллаки как о знаменитости. Вряд ли он был забыт в 1887 году. Да и позже имя знаменитого детектива появлялось на страницах газет, в том числе в связи с разоблачением германских шпионов (кстати вспомнить рассказ «Чертежи Брюса-Партингтона»).

Какие же еще причины могли вызвать нежелание писателя замечать сходство придуманных им расследований с реальными делами реально жившего человека?

Думаю, причина в том, что образ детектива, созданного гением сэра Артура, во всем представлял полную противоположность реальным частным детективам, с которыми Конан Дойл был знаком и воплощением всех черт которых представлялся тогдашнему обществу прославленный сыщик Игнациус Поллаки. Шерлок Холмс с первого своего появления являл собою образ истинного джентльмена. Со временем его вообще стали воспринимать квинтэссенцией истинного викторианца. Репутация же частных детективов была такова, что Конан Дойл и помыслить, наверное, не мог сделать своего героя *частным* сыщиком. Шерлок Холмс – сыщик-консультант Скотланд-Ярда, «спецконстебль» (опять непроизвольная отсылка к Поллаки и его добровольческой службе в Десятом дивизионе Скотланд-Ярда). Может быть, именно поэтому при всем сходстве дел Поллаки и Холмса, при всем сходстве их функций – борьбы с преступностью, – при том что жили они оба в Лондоне, в викторианскую эпоху, для Артура Конан Дойла они – антагонисты. Безупречный благовоспитанный джентльмен благородного происхождения (ну да, с четвертушкой французской крови),

бескорыстно преследующий преступников исключительно во имя справедливости (никаких денег! – ну, почти), с одной стороны. Эмигрант, венгерский (польский, немецкий – неважно) еврей, бесцеремонный и нахальный, дерущий за свои сомнительные услуги втридорога, не брезгующий слезкой за неверными супругами, борющийся с шантажистами, шантажируя их, – с другой... Ничего общего! Такой персонаж никак не мог заслужить симпатии читателей – сначала британских, а затем и читателей во всем мире. Поэтому, даже если фигура Игнациуса Пола Поллаки и повлияла на образ Шерлока Холмса, можно понять Артура Конан Дойла, игнорировавшего это влияние столь тщательно, что сегодня это кажется даже чрезмерным.

Таково было отношение общества к людям, подобным нашему герою. И отношение общества, очевидно, диктовало и отношение «отца Шерлока Холмса».

Лишь в 1920 году, с рождением Эркюля Пуаро, детектив-иностранец, детектив-эмигрант, к тому же открывший частное сыскное агентство, появляется на страницах английской детективной литературы в роли безусловно положительного, безупречного героя. Рыцаря без страха и упрека.

Впрочем, и его порой попрекают иностранным происхождением. Но это делают малосимпатичные персонажи.

Интерлюдия третья **ЭХО ЛЕСНОГО ВЫСТРЕЛА**

19 октября 1894 года в лесу под Лондоном прогремел выстрел. В самом звуке выстрела ничего неожиданного не было — здесь находились излюбленные места охоты лондонской аристократии.

Но на этот раз пуля поразила не оленя, а человека. Целью неизвестного стрелка стал один из самых блестящих представителей лондонского света 27-летний сэр Фрэнсис Арчибальд Дуглас, виконт Драмланриг. Несмотря на то что погибший не просто представлял древний и знаменитый род, но еще и занимал высокое положение в политике (он был секретарем министра иностранных дел Арчибальда Филиппа Примроуза, графа Розбери), никто никакого расследования не проводил. Официальная версия гласила: сэр Фрэнсис Дуглас пал жертвой несчастного случая на охоте. Кто-то верил этой версии, кто-то — нет. Среди тех, кто — нет, был и младший брат убитого сэр Альфред Дуглас, известный в богемных кругах британской столицы под прозвищем Боузи. Боузи не просто не верил в несчастный случай. Он был убежден в том, что знает истинного виновника этой смерти.

Альфред считал преступником маркиза Куинсберри, который приходился отцом и убитому Фрэнсису, и самому Альфреду. Боузи был уверен: лорд Джон Шолто Дуглас, 9-й маркиз Куинсберри лично застрелил своего старшего сына. Или, в крайнем случае, нанял убийцу. Иногда он, впрочем, делал уступку: признавал, что его отец, возможно, лишь довел Фрэнсиса до самоубийства. Так или иначе, но ничто не могло поколебать его уверенность в виновности отца. А далее — негаснущая ненависть к маркизу, которая подпитывалась тем, что братья были очень близки между собой.

Причиной убийства Боузи считал самодурство маркиза Куинсберри и его деспотический, тиранический характер.

При знакомстве с этой историей у меня сложилось стойкое убеждение в том, что маркиз растлил своих сыновей — если не физически, то духовно. В том смысле, что относился к ним как султан к собственному гарему. Еще раз повторяю: это не означает физического насилия, скорее, духовное. Для маркиза Куинсберри было характерно извращенное чувство собственника.

О нетрадиционной же сексуальной ориентации Дугласа-старшего никаких упоминаний нет — в отличие от его сыновей, и старшего Фрэнсиса, и младшего Альфреда, и — хотя неявно — среднего, Перси, унаследовавшего в 1920 году отцовский титул и ставшего 10-м маркизом Куинсберри.

Первым взбунтовался Фрэнсис, оставивший отцовский дом, поступивший на службу в министерство иностранных дел и, по упорным слухам, ходившим в светских кругах, ставший не только секретарем, но и любовником графа Розбери. Последнее обстоятельство вызвало ярость отца, который неоднократно грозился «примерно наказать» старшего сына. Альфред считал, что убийство (или самоубийство) Фрэнсиса как раз и стало тем самым «примерным наказанием».

Альфред пытался найти возможность отомстить отцу за гибель любимого брата. Но силы были слишком неравны.

Тем не менее мысли о возмездии Боузи не оставил. Он лишь искал повода.

И повод вскоре представился.

Еще в 1892 году юный аристократ Альфред Дуглас познакомился со знаменитым писателем Оскаром Уайльдом. Уайльд всерьез увлекся юношей. Настолько, что оставил семью. Возможно, в Боузи он увидел своего Дориана Грея. И не только он — многим эта история показалась воссозданием в реальной жизни канвы знаменитого романа.

Эти отношения, как и следовало ожидать, привели в неопишемую ярость маркиза Куинсберри: младший сын пошел по пути старшего. Мало того, Фрэнсис всячески поддерживал Альфреда.

Маркиз начал преследовать писателя, пытаясь прекратить связь между Уайльдом и Боузи.

Нападки взбешенного Куинсберри достигли кульминации в 1895 году, когда он оставил для Уайльда записку, подписанную «Оскар Уайльду, позеру и содомиту». Записку Куинсберри оставил на видном месте в клубе, который обыкновенно посещал Уайльд.

Вскоре писатель подал в суд иск, обвиняя маркиза Куинсберри в клевете.

Тут я хочу остановиться.

Вызывает недоумение то, что Оскар Уайльд, который откровенно пренебрегал общественным мнением и занимался всю жизнь тем, что дразнил благопристойных господ и дам, вдруг настолько возмущился выходкой человека, считавшегося в обществе субъектом вздорным и малоуважаемым, несмотря на аристократичность происхождения. Когда за год до того в Лондоне появился анонимно изданный роман «Зеленая гвоздика» (несмотря на анонимность, вскоре стало известно, что автором романа был Роберт Хитченз), в сатирических тонах изображавший страсть Уайльда к Боузи, писатель лишь пожал плечами. Когда карикатурист Марк Бирбом высмеивал и унижал его в своих статьях и весьма недружеских шаржах, Уайльд не реагировал. А тут...

Альфред Дуглас усмотрел в открытом противостоянии Оскара Уайльда и маркиза Куинсберри возможность уничтожить маркиза и тем самым отомстить за смерть брата, которого он действительно очень любил. Именно он заставил Уайльда обратиться в суд — с тем, чтобы наказать маркиза.

Уайльд так и сделал — как выяснилось, на свою беду.

На что именно рассчитывал Боузи, подстрекая Уайльда к войне против Багрового маркиза (так называли в свете маркиза Куинсберри за необузданный нрав и скандальные выходки), сказать трудно. Может быть, он считал, что умный интеллектуал Оскар Уайльд легко победит в судебном противостоянии необразованного и вспльчивого Куинсберри. И, поддавшись уговорам, Оскар Уайльд подал в суд на маркиза Куинсберри, требуя последнего к ответу за клевету.

Но...

К сожалению, первую часть оскорбительного определения, каким наградил Уайльда разъяренный маркиз, писатель оправдал полностью. Истец действительно предстал в суде, мягко говоря, человеком, склонным к рисовке. Он сыпал остроумными поговорками, цитатами, его едкие насмешки язвили судью и вызывали одобрителный смех среди зевак. Парадоксы Уайльда, афористичные реплики — все это подхватывалось присутствующими на процессе репортерами и разносилось по всему свету. Словом, Уайльд купался в волнах публичной славы, на которую он при всем своем исключительном таланте был весьма падок.

А что же ответчик? Что же Куинсберри? Маркиз, в отличие от Уайльда, подошел к процессу куда более ответственно. Он обратился к профессионалам. Куинсберри нанял известного частного детектива, бывшего полицейского Джона Джорджа Литтлчайльда — одного из лучших в своем деле.

Дж.Дж. Литтлчайльд родился в 1848 году в Ройстоне (Хартфордшир). В полицию он поступил в 1870 году, через год стал детектив-сержантом. В 1883 году он фактически возглавил специальный ирландский отдел Скотланд-Ярда (формально начальником отдела был старший инспектор Альфред Уильямсон, одновременно возглавлявший весь сыскной департамент столичной полиции). В 1878 году Литтлчайльд стал детектив-инспектором, а в 1891-м — старшим инспектором. Через два года, в 1893-м, он уволился из полиции и открыл частное детективное бюро.

Маркиз, несмотря на свою вспыльчивость и необузданный нрав, поступил весьма логично и трезво. Он поручил Литтл-

**Писатель Роберт Хитченз,
автор романа-памфлета
«Зеленая гвоздика»**

чайльду собрать доказательства нетрадиционных наклонностей знаменитого писателя. Литтлчайльд занялся делом и очень быстро нашел двенадцать свидетелей – молодых людей, которые дали показания о своей связи с писателем. Процесс о клевете был проигран Уайльдом.

И тотчас начался суд уже над истцом – по обвинению его в непристойном поведении. За десять лет до того к британскому уголовному законодательству была принята поправка, запрещающая «непристойные отношения между взрослыми мужчинами». В соответствии с этой поправкой Уайльда приговорили к двум годам тюремного заключения.

В истории литературы сложилась традиция рассматривать Альфреда Дугласа, Боузи, как капризного никчемного сноба с холодной душой – в частности, из-за его поведения по окончании процесса Уайльда.

В своей знаменитой тюремной исповеди «De profundis» писатель упрекает своего возлюбленного за холодность и равнодушие. Мне же кажется, что поведение молодого сэра Альфреда Дугласа связано с острым разочарованием результатами этой истории – и разочарованием в своем возлюбленном. Он ведь ожидал, что блестящий Оскар Уайльд легко победит его ненавистного отца и хотя бы выставит на всеобщее посмешище того, кого Боузи считал (с основанием или без оных) виновником гибели любимого брата. Вышло же все иначе: Уайльд (во всяком случае, в представлении юного Альфреда) предстал позером, которому аплодисменты черни, заполнявшей зал суда, сиюминутный успех у нее были дороже мести, задуманной Альфредом Дугласом. А еще замечу, что темная история убийства (самоубийства, несчастного случая и т.д.) лорда Фрэнсиса Арчиальда Дугласа, виконта Драмланрига, так и осталась одной из многочисленных криминальных загадок викторианского Лондона...

Альфред Дуглас, ставший после смерти отца и старших братьев лордом Альфредом Дугласом, до конца жизни (он умер в 1945 году) отвергался литературной «тусовкой». Нэйо Марш, известная писательница, автор многочисленных детективных романов, вспоминала, как, впервые приехав в

Лондон (она родилась в Новой Зеландии), впервые же посетила столичное артистическое кафе. Дело было в 1928 году. Марш обратила внимание на пожилого джентльмена, сидевшего в углу над чашечкой кофе, и на то, что вокруг него образовалось как бы мертвое пространство, словно никто из присутствующих не желал даже случайно оказаться чересчур близко от него.

Она поинтересовалась у друзей, кто этот человек. «Боузи, — ответили ей. — Тот самый. Злой гений несчастного Уайльда».

Добавлю, кстати, что, став спустя много лет после смерти Оскара Уайльда примерным католиком, раскаявшимся в прежних своих прегрешениях, Альфред Дуглас был крестным отцом старших детей знаменитой танцовщицы Айседоры Дункан — будущей жены Сергея Есенина.

Что до Литтлчайльда, то сыщик всего лишь добросовестно выполнил свою работу. Не исключено, что он даже сочувствовал писателю: Джон Литтлчайльд, несмотря на полицейское прошлое, входил в круг лондонской «золотой молодежи» — повес, заполнявших театральные ложи, проводивших свободное время в дорогих ресторанах и клубах.

Хотя участие в громком процессе принесло Литтлчайльду славу с акцентом скандальным (и чем дальше, тем больше), многие современники отзывались о нем как о человеке профессионально безупречном и даже щепетильном в отношении современной ему «цеховой» этики. Вот, например, одна история, описанная Фицроем Гарднером, дружившим с Литтлчайльдом как раз в те времена:

«Более двадцати лет тому назад существовали так называемые частные детективы иной породы, не такие, каким был Литтлчайльд. Они специализировались на разводах и иногда добывали необходимые доказательства. Они любили охотиться на благотворительных концертах в Ковент-Гардене. Один наиболее известный из них публиковал свои объявления в “колонке страждущих”. Он предлагал следить за мужьями и называл себя Слейтером, хотя никто не знал его настоящего имени.

Слейтер настолько запятнал саму профессию частного детектива, что в итоге три человека, все бывшие полицейские, с Литтлчайльдом во главе, устроили на него охоту»¹.

По словам Гарднера, Литтлчайльд и еще два частных сыщика, все полицейские в прошлом, вступились за честь мундира. Установив за Слейтером слежку, они смогли добыть неопровержимые доказательства того, что Слейтер и его подручные не столько искали доказательства неверности супругов, сколько фабриковали их – например, подпайвали мужей и провоцировали их на неподобающее поведение, к вящему удовольствию нанимавших Слейтера жен. Скандал получился большой, Слейтер спешно закрыл свое бюро и исчез из Лондона.

Из этой истории можно вынести ложное впечатление, будто сам Литтлчайльд не занимался бракоразводными делами. Разумеется, это не так – именно такие дела составляли основу деятельности частных детективов, и Литтлчайльд не был тут исключением. Сам же Гарднер вспоминает об одном таком процессе – деле Баккарта, получившем громкую известность из-за участия в нем принца Уэльского, будущего короля Эдуарда. Принц Уэльский был одним из свидетелей со стороны истца. Литтлчайльд собирал материалы для этого процесса и для дела Мордаунта, имевшего место несколькими годами раньше (в нем тоже одним из свидетелей выступал принц Уэльский).

Процесс Оскара Уайльда был не единственным громким делом, в котором оказался замешан частный детектив Джон Литтлчайльд. Не менее скандальным (хотя и в ином смысле) стал процесс, вошедший в анналы криминалистики как дело Друс – Портленд. Он длился еще дольше, чем рассматривавшееся нами ранее дело лже-Тичборна. Как вы помните, Уичер занимался самозванцем около семи лет. В деле Друс – Портленд точка была поставлена спустя десять лет после начала. На наш взгляд, финальная точка не ликвидировала обилие лакун в странной этой истории и не ответила на все вопросы. Сходство с делом лже-Тичборна не только в длительности, но еще и в том,

---

¹ Major Fitzroy Gardner. More Reminiscences of an Old Bohemian. London, John Murray, 192 (?). – P. 182. Пер. Д. Клуэра.

что здесь тоже присутствовали и самозванцы, и таинственные события, и лжесвидетельства. Вообще же, называя шантаж самым популярным преступлением той эпохи, мы, возможно, поторопились: истории доктора Джекила и мистера Хайда тоже были почти что обыденностью.

По сравнению с пятым герцогом Портлендом маркиз Куинсберри был серой заурядностью. Странности маркиза рядом со странностями герцога выглядят легким ветерком по сравнению с торнадо. Во-первых, герцог Портленд страдал целым букетом фобий. Например, панически боялся простуд, в связи с чем носил странные костюмы и еще более странные парики и головные уборы. А еще он со временем перестал общаться со слугами, передавая им письменные распоряжения посредством почтовых ящиков с двойными камерами. Единственным человеком, имевшим возможность лицезреть хозяина, был его камердинер. Выходил из дома герцог только ночью, при этом слуга впереди нес фонарь. Сам же Портленд шествовал за фонащиком в сорока метрах, не приближаясь ни на шаг. В тех редких случаях, когда ему все же приходилось выйти днем, он нес над собой огромный зонт, скрывавший от случайных взоров его лицо.

В придачу ко всему герцог затеял грандиозное строительство в своем доме, выстроив огромный подземный дворец, включая большой зал 50 на 20 метров. Ходили слухи, что общая длина туннелей, проходивших под усадьбой, составили 24 (!) мили.

Словом, перед нами образцовый герой готического «романа тайн». Скончался он 6 декабря 1879 года в своей лондонской резиденции, не оставив наследников мужского пола. Титул герцога Портленда перешел к его двоюродному брату Уильяму Кавендишу-Бентинку.

А спустя семнадцать лет, в 1896 году, некая Мэри-Энн Друс выступила с сенсационным заявлением (или обвинением). По ее словам, не в меру эксцентричный Портленд вел двойную жизнь. Ни дать, ни взять — доктор Джекил, создавший мистера Хайда. Мистер Хайд герцога Портленда носил имя Томаса Чарльза Друса. Мистер Хайд-Друс, в отличие от Джекила-Портленда, никакой эксцентричностью не отличался. Он был торговцем, имел семью и детей, владел

рынком в районе Бейкер-стрит и вел жизнь добропорядочного зажиточного буржуа. Его дочерью и была Мэри-Энн Друс. Вслед за первым ее заявлением последовали другие, каждый раз все более скандальные и сенсационные.

Из ее рассказов вырисовывалась картина настолько запутанная, таинственная, страшная и даже мистическая, что в некоторых случаях повесть Стивенсона бледнеет на фоне действительных событий. Миссис Друс обвинила своего отца герцога Портленда, во-первых, в убийстве. По ее словам, герцог (тогда еще маркиз Тичфилд) страстно влюбился в некую Анну Мэй, незаконную дочь графа Беркли, и ради близости с ней убил соперника – собственного младшего брата лорда Джорджа Бентинка. Убийство лорда Бентинка действительно имело место в 1848 году – и не было раскрыто. Вот после этого будущий герцог Портленд (он стал герцогом в 1854 году, после смерти отца) и построил подземные чертоги, тоннели и ходы, в которых укрылся от внешнего мира. Одновременно в мир вошел некий торговец Томас Чарльз Друс. Анна Мэй стала женой торговца-герцога. У них родились дети. Спустя тринадцать лет Хайду-Друсу наскучила семейная жизнь (по словам миссис Друс, он частенько поколачивал свою жену и отпрысков), в 1864 году он инсценировал свою смерть и вернулся к первоначальному образу, прожив еще несколько лет в роли эксцентричного пятого герцога Портленда.

Для подтверждения этого заявления и удовлетворения своего иска миссис Друс потребовала вскрыть гроб торговца Друса – с тем, чтобы доказать: никакого тела в гробу нет, там лежат камни и свинцовый груз.

Переполошившиеся родственники-наследники герцога забили тревогу. Они категорически противились вынесению судом решения об эксгумации тела умершего торговца. Но суд, заслушав свидетелей со стороны истицы, неожиданно признал, что только это может дать окончательный ответ на ее требования, и постановил вскрыть могилу. Постановление было немедленно опротестовано противной стороной, так что все зависло в неопределенности. Вот тогда-то, в 1898 году, герцог Портленд (уже шестой носитель титула, Уильям Кавендиш-Бентинк) и обратился за помощью к частному детективу Литтлчайльду.

Первое, что сделал сыщик, это занялся бывшими слугами Томаса Друса — с тем, чтобы восстановить всю биографию покойного и доказать отсутствие какой-нибудь связи между ним и пятым герцогом Портлендом. От бывшего дворецкого он узнал, что Друс происходит из графства Эссекс. Отправив туда своих людей, Литтлчайльд получил информацию о прошлом почтенного торговца. Оказывается, Томас Друс был женат дважды: брак в Лондоне, сын от которого стал мужем истицы, был вторым. А первый раз Друс-старший женился еще на родине. Литтлчайльд нашел внучку загадочного торговца. Та рассказала сыщику, что в первом браке у Томаса Друса родились пять детей, впоследствии перебравшихся в Австралию.

Когда эти сведения не повлияли на позицию истицы, Литтлчайльд принялся обрабатывать свидетелей с ее стороны. Сейчас очень трудно сказать, действительно ли они являлись лжесвидетелями или сыщик прибег к элементарному шантажу и запугиванию, но только миссис Друс лишилась свидетельниц, так что в 1901 году суд отклонил требование об эксгумации тела Томаса Друса. Однако на этом дело не кончилось. Потомки Друса от первого брака, по всей видимости, решили внести свою лепту в странную историю двойной жизни герцога Портленда. В 1903 году свои права на имущество и титул заявил некий Джордж Холламби Друс, австралийский плотник, внук Томаса Друса по линии первой жены. Этот претендент даже организовал финансовую компанию, которая должна была покрывать все судебные издержки. В 1907 году австралийскому плотнику удалось то, чего не смогла добиться миссис Друс: вскрытия склепа. Но увы...

Гроб Томаса Друса содержал останки Томаса Друса. Ни камней, ни свинцовых болванок там не оказалось. Что до тела, то оно было идентифицировано бывшим партнером покойного. На этом дело закончилось. Литтлчайльд участвовал и в последнем процессе. Тем более что в качестве свидетелей, поддержавших претензии Друса-внука, выступили те же люди, что и в предыдущем процессе. Видимо, соблазн отщипнуть кусочек от богатства герцогов Портлендов оказался сильнее страха перед сыщиком Литтлчайльдом.

Мэри-Энн Друс скончалась в клинике для душевнобольных в 1911 году. Что в действительности послужило причиной ее экстравагантного заявления, сказать трудно, как трудно вообще понять мотивы самозванцев. Что двигало лже-Анастасией? Что двигало лже-Алексеем? Ведь зачастую эти люди искренне верили в собственные версии. Вот и Мэри-Энн верила, что ее отец — на самом деле, герцог Портленд. Из того, что дошло до нас от тех давних событий, можно сделать вывод, что ее противники не так уж однозначно считали ее рассказ ложью (иначе зачем бы они так противились вскрытию склепа?). И то сказать: уж очень странным (мягко говоря) казался герцог Портленд, очень странную жизнь он вел. Устроить себе вторую жизнь было вполне в его духе.

Остается добавить, что повесть Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» была опубликована в 1886 году — за десять лет до того, как в реальной жизни разыгрались события, выглядящие отражением фантазий писателя. Так что не всегда жизнь отражается в литературе — случается и наоборот. Причем, если в истории Уайльда и Боузи фабула «Портрета Дориана Грея» повторилась вполне сознательно, волею писателя, то вряд ли миссис Друс читала изящную повесть Стивенсона.

Правда, Стивенсон не вводил в свое произведение сыщика, похожего на Джонатана Литтлчайльда, — а ведь именно он сыграл ключевую роль в расследовании.

В дальнейшем имя нашего героя можно найти и на страницах кровавой и таинственной истории Джека-Потрошителя. В письме американскому журналисту и писателю Джорджу Р. Симсу от 23 сентября 1913 года Литтлчайльд высказывает свои подозрения относительно личности убийцы. Несмотря на то что Литтлчайльд не занимался непосредственно расследованием, он служил тогда в полиции и имел возможность наблюдать за действиями своих коллег. По мнению Литтлчайльда, «Джеком-Потрошителем» был некий Френсис Тамблти, американец ирландского происхождения. Версия Литтлчайльда не получила поддержки ни в те времена, ни у сегодняшних криминалистов.

IV

ВЕЛИКИЙ
СЫЩИК
ИЗ НОВОГО
СВЕТА

В 1915 году вышла из печати последняя из повестей Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе – «Долина страха»¹.

Время для издания было не самым удачным: шел уже второй год чудовищной бойни, на европейском и азиатском фронтах ежедневно погибали тысячи молодых здоровых людей всех национальностей. Вряд ли кого-нибудь всерьез мог заинтересовать рассказ о придуманных загадочных убийствах и хитроумных расследованиях.

Конан Дойл начал работать над этим произведением до войны, в 1913 году. Возможно, успей он закончить повесть в мирное время, эффект от ее появления был бы иным. В самом деле, «Долину страха» с полным основанием можно назвать самым необычным произведением шерлокианы. Начнем с того, что «придуманных» преступлений в ней нет. Эта повесть – одно из двух (всего-навсего!) дел Шерлока Холмса, в основе которых лежат подлинные события. Первое – «Конец Чарлза Огастеса Милвертона»², написанный в 1904 году и вошедший в сборник «Возвращение Шерлока Холмса» (русским поклонникам великого сыщика это произведение известно еще и по экранизации «Король шантажа» из телесериала Игоря Масленникова). В основу рассказа легла реальная история лондонского шантажиста Чарлза Огастеса Хауэлла и его гибели. Я уже рассказывал об этом преступнике в главе, посвященной Игнациусу Поллаки и другим частным сыщикам викторианской эпохи. Но Артур

---

¹ Arthur Conan Doyle. The Valley of Fear. Strand Magazine, September 1914 – May 1915.

² В оригинале – «The Adventure of Charles Augustus Milverton».

Конан Дойл дал простор фантазии и лишь оттолкнулся от реального дела: убийство Хауэлла, в действительности, раскрыто не было. Впрочем, и в рассказе имеется любопытная деталь: Шерлок Холмс впервые за свою уже довольно долгую литературную жизнь совершает преступление (взлом и попытка ограбления дома шантажиста, а затем сокрытие убийства последнего, свидетелями которого стали Холмс и Ватсон).

Что же касается «Долины страха», то в этой повести (или даже коротком романе) присутствует почти документальное изложение нашумевшего дела «Молли Магуайр»¹. «Молли Магуайр» – так называлась тайная организация ирландских эмигрантов, действовавшая в рабочей среде на угольных копях в Восточной Пенсильвании, в долине, которая называлась Угольной страной. «Молли Магуайр» приписывали множество преступлений, в том числе зверские убийства. Ее разоблачение и последующий разгром стали возможными благодаря действиям частного детективного агентства Пинкертона. Один из сотрудников агентства, Джеймс Макпарлан (в романе – Берди Эдвардс, действующий под именем Макмердо), сумел внедриться в организацию, а затем обеспечил арест самых активных членов. Последовал громкий процесс, девятнадцать членов «Молли Магуайр» были приговорены к смертной казни.

Правда, случилось это в 1877 году. Артур Конан Дойл обратился к делу «Молли Магуайр» спустя почти сорок лет, и его позиция относительно подоплеки нашумевшего дела принципиально отличалась от общепринятой в то время. Согласно одним источникам, о деле «Молли Магуайр» писатель узнал от американского частного детектива Уильяма Бернса. Соглас-

---

¹ Курьез, связанный с вышедшей несколько лет назад в серии ЖЗЛ биографией А.К. Дойла. Рассказывая о «Долине страха», автор книги, М. Чертанов, утверждает, что у Дойла произошел конфликт с Пинкертоном, автором книги о деле «Молли Магуайр». Курьез в том, что книгу о деле «Молли Магуайр» написал Алан Н. Пинкертоном ('Mollie Maguires and The Detectives', 1877), руководивший разгромом этой организации, а конфликт у Дойла (по невыясненным обстоятельствам) случился с Уильямом Пинкертоном, сыном знаменитого сыщика, – сам Алан Пинкертоном на тот момент уже тридцать лет как лежал в могиле...

но другим – от Уильяма Пинкертона-младшего, одного из сыновей знаменитого сыщика. После смерти отца У. Пинкертон был «принципалом» (главой регионального управления агентства) Чикагского филиала агентства и содиректором (вместе с братом Робертом Пинкертоном) Национального детективного агентства Пинкертона.

МОЛОДОЙ БОНДАРЬ И ЕГО ХОББИ

В 1819 году у полицейского сержанта Уильяма Пинкертона и его жены Изабеллы, урожденной Стивенсон, родился сын – четвертый (и второй выживший), которого назвали Алан Натаниэль Пинкертон. Таким образом, профессию, которая в дальнейшем обессмертила его имя, можно до известной степени считать семейным делом – отец тоже боролся с преступниками и, по возможности, защищал закон. Случилось радостное событие в семье сержанта 21 июля, а крестили новорожденного 25 августа.

Пинкертоны относились к старейшим обитателям Глазго – городского района, который назывался «Горбалз». В течение долгого времени у этого района была дурная слава. Уже появившийся на страницах нашей книги слепой судья Джон Филдинг говаривал, что его сыщики-«бегуны» способны взять вора в любой точке королевства, но только не в Горбалз Глазго. Некогда в этом месте располагалась колония прокаженных.

Неудивительно, что мы не знаем подробностей о жизни молодого обитателя этих трущоб, тем более что сам сын шотландского полицейского не упускал случая навести тень на плетень.

В возрасте двадцати трех лет он эмигрировал в США. И вот тут возникает первая (но далеко не последняя) загадка, связанная с его биографией. По собственному рассказу Пинкертона, причина эмиграции была исключительно романтической. Якобы будущий бескомпромиссный борец с преступностью сам в юности не брезговал нарушениями закона. По этой причине в родном Глазго он не мог жениться (его бы схватили прямо

Алан Нат Пинкертон

во время венчания), так что молодой Пинкертон и его еще более молодая (пятнадцати лет) невеста Джоан Карфай бежали в Новый Свет, где обвенчались и зажили вполне добропорядочной семьей. У них родилось шестеро детей. При этом, похоже, Пинкертон был весьма деспотичным отцом — во всяком случае, он заставил своих сыновей помогать ему в работе, из-за чего те бросили учебу. Во время Гражданской войны он решил, что сыновьям следует быть с ним, а вовсе

не на передовой, куда молодые люди стремились. Пинкертон также сделал все возможное, чтобы помешать дочери выйти замуж за ее избранника. Опять-таки, это не помешало ему добиваться равноправия для женщин в работе. Пинкертон стал нанимать детективов-женщин за полвека до полицейского управления Нью-Йорка, в 1856 году, а позже противился попыткам сыновей и других сотрудников расформировать Женское детективное бюро. Но о детективном бюро Пинкертона и особенностях этого учреждения поговорим несколько позже, а сейчас вернемся к годам его молодости.

На самом деле у Пинкертона действительно были нелады с законом. Но имели они не уголовный, а политический характер: Алан Натаниэль Пинкертон, несмотря на молодость, был одним из вождей чартистского движения¹ и по этой причине подвергался преследованиям со стороны властей. В 1839 году в Ньюпорте вспыхнуло восстание чартистов, жестоко подавленное правительством. В восстании активно участвовал молодой

¹ Чартизм — политическое и социальное движение в Англии в 1830–1840-х годах, получившее название от поданной в 1839 году так называемой «народной хартии».

Пинкертон, возглавлявший радикальное левое крыло движения. Левые чартисты предпочитали действия насильственного характера, к чему был склонен и наш герой, уже тогда продемонстрировавший большие организационные способности.

Как видим, и этот великий сыщик в молодости увлекался революционными идеями (читатель помнит, что у Игнациуса Поллаки были, возможно, сходные причины для эмиграции из Германии в Великобританию, да и Эжен-Франсуа Видок успел поучаствовать в Великой французской революции).

Итак, Пинкертон с невестой Джоан перебрался в США. Справедливости ради отметим, что именно это и было его единственным *уголовным* преступлением – невеста еще не достигла совершеннолетия. Здесь будущий соперник Шерлока Холмса некоторое время работал бондарем. Трудно сказать, как повернулась бы его судьба, если б не случай. Сразу оговорим, что, какую бы стезю ни избрал Пинкертон, его наверняка ждал успех – очень уж умен и энергичен был этот молодой человек. Но случай подтолкнул его к карьере именно криминалистической.

Это произошло в 1846 году. Наш молодой бондарь бродил по пригородному лесу в поисках подходящей древесины. И вот тут, попав на островок посреди реки Фокс-Ривер, он обратил внимание на загадочные следы пребывания каких-то неизвестных. Будучи от природы любознательным и наблюдательным, Пинкертон по некоторым деталям понял, что набрел на тайный лагерь фальшивомонетчиков, за которыми безуспешно охотился местный шериф. Молодого эмигранта-бондаря охватил охотничий азарт. Он не успокоился, пока не выследил всю шайку и не отдал ее в руки шерифу. Дело принесло Пинкертону громкую славу. Бондаря из Глазго, бывшего главаря чартистов, избрали помощником шерифа округа Кейн, штат Иллинойс.

С этого времени и до конца жизни Алан Нат Пинкертон боролся с преступниками. И делал это с энергией, азартом и интеллектуальным напором, принесшими ему уже всемирную славу.

В 1849 году он поступил на службу в полицию, став едва ли не первым детективом Чикагского полицейского управления. В 1850 году совместно с адвокатом Эдвардом Рукером

Пинкертон открывает Северо-Западное детективное агентство. Спустя короткое время Эдвард Рукер вышел из совместного бизнеса, и тогда при участии брата Роберта Пинкертона Алан преобразовал Северо-Западное агентство в Национальное детективное агентство Пинкертона, существующее по сей день. Так началась новая жизнь (и дорога в бессмертие) этого знаменитого частного сыщика. Девизом агентства стало выражение «Мы никогда не спим», а эмблемой — недремлющее око.

Роберт Пинкертон занимался охраной поездов и дилижансов, поэтому ничего удивительно нет в том, что новорожденное агентство его брата занималось расследованием грабежей на железной дороге. Первоначально в агентстве работали всего два сотрудника. В Новом Свете это было первое предприятие подобного рода. Вскоре его знали многие — при том что число постоянных агентов выросло не чрезмерно. В начале 1850-х годов их было всего лишь девять. Но они выгодно отличались от многочисленных официальных полицейских — детективы Пинкертона, «пинки», как их вскоре стали называть по имени основателя и директора, были неподкупны, энергичны и неутомимы в преследовании преступников. А главное — их возглавлял по-настоящему незаурядный человек. Что до методов, то они были вполне в духе времени: жестокими и беспощадными. Меткий глаз, стрельба без промаха, крепкие кулаки, быстрая реакция. В этом смысле они не отличались от официальных полицейских. Правда, в отличие от последних, «пинки» редко пользовались услугами доносчиков из числа преступников.

СПАСТИ ПРЕЗИДЕНТА

Однажды на рекламное объявление агентства Пинкертона откликнулась молодая женщина по имени Кэт Уорн. Стройной привлекательной брюнетке было всего 23 года, но она уже успела овдоветь.

Пинкертон полагал, что миссис Уорн ищет место секретарши. Каково же было его удивление, когда женщина категори-

чески отвергла это предложение и заявила, что по объявлению она пришла в агентство с одной целью — стать детективом.

Ни в полиции, ни в частных агентствах в то время не было женщин-детективов, само это словосочетание казалось нонсенсом. Пинкертон так ей и ответил. Кэт оказалась настойчивой, ее аргументы поколебали уверенность Пинкертона. Кэт Уорн привела несколько конкретных обстоятельств, в которых женщина-сыщик окажется куда полезнее и эффективнее, нежели сыщик-мужчина.

После некоторого раздумья Пинкертон решил рискнуть. Так агентство обзавелось новым сотрудником, а в истории уголовного сыска появилась первая женщина-детектив. Запись в дневнике Пинкертона позволяет указать этот момент с большой точностью.

23 августа 1856 года в 10 часов утра Кэт Уорн приступила к исполнению обязанностей детектива в частном сыском агентстве Пинкертона.

И наш герой ни разу не пожалел об этом. Миссис Уорн оказалась прирожденным сыщиком. Первый крупный успех пришел к ней в деле «Адамс Экспресс компани». В 1858 году в агентство Пинкертона обратилось руководство этой компании с просьбой провести расследование хищения денег. К расследованию, среди прочих агентов, Пинкертон привлек и Уорн. Ей удалось войти в доверие к жене главного подозреваемого — одного из агентов компании, некоего Морни, проживавшего в г. Монтгомери (штат Алабама). В результате информации, добытой Кэт, «пинки» вернули руководству «Адамс Экспресс компани» 39 тысяч долларов из 50 тысяч, похищенных Морни. Самого же преступника суд приговорил к десяти годам тюрьмы.

Именно с Кэт Уорн было связано дело, поднявшее агентство Пинкертона на новую высоту.

В начале 1861 года по заказу президента Филадельфийской, Уилмингтонской и Балтиморской железной дороги Пинкертон занялся расследованием случаев саботажа на железной дороге в штате Мэриленд. Предварительный сбор информации показал, что саботаж являлся результатом деятельности местных сепаратистов — противников только что победившего на выборах президента Авраама Линкольна.

Пинкертон и Кэт Уорн во время Гражданской войны

Кэт Уорн действовала в Балтиморе под видом южанки мисс Черри, не скрывавшей сепаратистских симпатий. Мисс Черри, наследница богатых плантаций, была наивной и разговорчивой. Этот образ как нельзя лучше подошел для выполнения задания Пинкертона. Иногда, впрочем, сыщица выступала под псевдонимом леди М. Баликорн, отличавшейся теми же качествами (наивностью и болтливостью). Говорила Кэт Уорн с сильным южным акцентом. Словом, «Мата Хари» из агентства Пинкертона очень быстро оказалась принятой в домах балтиморских сепаратистов. Именно с этих собраний, представлявших собой нечто среднее между светскими раутами и собраниями заговорщиков, Уорн вынесла сведения о готовящемся покушении на президента Авраама Линкольна. Ей удалось собрать ключевые детали плана, к реализации которого были привлечены противники президента не только из самого Балтимора, но и из других городов штата Мэриленд. Другие агенты Пинкертона, действовавшие в Мэриленде, подтвердили информацию «леди Баликорн» и «мисс Черри».

Согласно этому плану, заговорщики воспользовались тем, что новоизбранный президент, отправляясь из родного

Спрингфилда (штат Иллинойс) в Вашингтон, решил превратить эту поездку в серию выступлений по различным городам. Программа президентского турне была опубликована заранее. Согласно ей, именно в Балтиморе Линкольн собирался сменить поезд. Для этого он должен был перейти со станции Калвер-стрит, на которую прибывал его поезд из пенсильванского Гаррисберга (предпоследний этап путешествия), на станцию Камден-стрит (ныне станция Камден Ярдз), с которой уже другой поезд отправился бы в Вашингтон. Расстояние между станциями составляло приблизительно одну милю, которую Линкольн намеревался преодолеть в карете. На этом участке и намеревались заговорщики убить президента.

План был разработан в деталях. Благодаря Кэт Уорн детали стали известны Пинкертону.

Заговорщики планировали следующее. Когда президент Линкольн будет идти по узкому вестибюлю станции Калвер-стрит к карете, несколько человек затеют в дверях потасовку, которая отвлечет полицейских из немногочисленной президентской охраны. В это время другая группа заговорщиков окружит оставшегося без охраны президента.

На одной из речных пристаней поблизости убийц будет ожидать специально зафрахтованный пароход, который доставит их в надежное убежище.

Получив информацию и проанализировав ее, Пинкертон поручил именно Кэтрин Уорн встретиться с доверенным лицом президента Норманом Б. Джаддом, членом палаты представителей США от штата Иллинойс. Джадд должен был прибыть в Балтимор за три дня до президента. Уорн договорилась с Джаддом о тайной трехсторонней встрече Джадда, Пинкертона и президента Линкольна.

Встреча состоялась 21 февраля в Гаррисберге. Выслушав соображения Пинкертона, Линкольн к возможности заговора отнесся скептически. Однако Джадд предоставил ему информацию, полученную от других источников. Эта информация в основных чертах подтверждала ту, которую добыла для Пинкертона Кэт Уорн.

Далее все напоминало старый фильм – или трюки, которые обожал Эжен-Франсуа Видок. Президента переодели в щегольской костюм и мягкую фетровую шляпу. Туалет дополнили трость и теплый шейный платок. В Гаррисберге он под руку с Кэтрин Уорн, изображавшей его сестру, сел в другой поезд. Здесь были зарезервированы места для миссис Баликорн и ее заболевшего брата.

Из Гаррисберга поезд отправился в Балтимор в 11 вечера и прибыл в 3:30 утра.

Трюк с переодеванием, придуманный Пинкертоном и его людьми, был весьма рискованным. Ради конспирации пришлось отказаться от охраны. Вернее, вся охрана состояла из отважной Кэтрин Уорн. Всю ночь она не сомкнула глаз, сжимая рукоять револьвера, готовая отразить нападение на своего президента. Говорят, что именно после этой ночи Пинкертону пришла в голову мысль сделать девизом агентства утверждение «Мы никогда не спим».

После спасения Линкольна и раскрытия балтиморского заговора слава Пинкертона взлетела на недосягаемую высоту.

Вскоре началась Гражданская война между северными и южными штатами.

Тут уместно отметить, что Пинкертон был последовательным и убежденным противником рабства. К 1858 году он считался одним из самых известных аболиционистов Чикаго, а его дом являлся надежным убежищем для беглых рабов и радикальных противников рабства, пробиравшихся в Канаду¹. Примерно к тому же времени относится и его знакомство со знаменитым борцом за освобождение рабов Джоном Брауном. Когда Брауна и его единомышленников обвинили в убийстве, Пинкертон принял их в своем доме, собрал для них среди знакомых 500 долларов (по тем временам – немалая сумма) и помог Брауну бежать в Канаду.

Личность радикального аболициониста произвела на Пинкертона сильнейшее впечатление. Он говорил своему старшему сыну Уильяму, что Брауна можно поставить выше Наполеона,

---

¹ Подробности в книге: James D. Horan, "The Pinkertons: The Detective Dynasty That Made History". Bonanza Books, 1967.

вровень с Джорджем Вашингтоном.

Во время последнего боя отряда Джона Брауна в Харперс-Ферри Пинкертон отправил вооруженных агентов на помощь мятежникам. Но они опоздали, Браун и его соратники были захвачены правительственными войсками (ими командовал полковник Ли — будущий главнокомандующий армии конфедератов). Спустя полтора месяца непримиримый противник рабства был казнен.

Джон Браун

Дружеские отношения связывали прославленного детектива и с другим видным борцом за освобождение рабов — Фредериком Дугласом¹.

В письме к жене Алан Пинкертон писал: «Я ненавижу рабство. Это проклятие американской нации».

Так что нет ничего удивительного в том, что с началом Гражданской войны Пинкертон принял самое активное участие на стороне северян, фактически создав и возглавив разведку и контрразведку янки. При этом, будучи чрезвычайно деспотичным отцом, он не позволил своим сыновьям идти добровольцами в армию, потребовав, чтобы они помогали ему в семейном бизнесе. Некоторым оправданием может служить тот факт, что семейный бизнес — детективное агентство — превратился тогда в общегосударственное дело.

О действиях Пинкертона-разведчика и его эффективности в годы войны существуют разные мнения. Например, известный разведчик, создатель Центрального разведывательного

---

¹ Фредерик Дуглас (1818–1895) — один из первых чернокожих писателей, видный деятель освободительного движения, дипломат, журналист.

управления Аллен Даллес оценивает их невысоко. В книге «Искусство разведки» он писал, что при всей ценности Пинкертона в вопросах безопасности и контрразведки разведчиком он оказался слабым. Даллес указывал на упрощенное представление Пинкертона о военной разведке. По его словам, Пинкертон полагал достаточным подсчитать число вражеских солдат, а затем пересчитать их еще раз. Ни о выведывании планов противника, ни об информации, связанной с поставками вооружения и фуража, ни о прочем, что выходило за рамки простейших арифметических задач, он даже не задумывался.

Генерал-майора Джорджа Макклеллана, который в начале войны командовал армией северян, Линкольн называл Кунктатором, то есть «Медлителем». Так некогда называли римского полководца Фабия, противостоявшего Ганнибалу. Макклеллан действительно, как считали современники и считают нынешние историки, был лишен необходимой для командующего решительности. Во всяком случае, как полагают некоторые историки, у него в самом начале был реальный шанс разгромить южан и закончить войну уже в 1862 году, но он упустил момент, опасаясь численного превосходства противника. На самом же деле войска северян в тот момент численно превосходили южан. После войны в своих неудачах Макклеллан обвинил Пинкертона — по его словам, он полагался на данные разведки, а они сообщили завышенные данные о численности противника. Действительно, командующий армией южан генерал Магрудер устроил успешное театральное представление, вводя в заблуждение разведку северян (то есть нашего героя). Кстати, это косвенно свидетельствует о том, что пинкертоновское отношение к разведке, критически оцененное Даллесом, было общепринятым — иначе противник не действовал бы именно таким образом.

Тем не менее несколько агентов Пинкертона стали весьма эффективными разведчиками армии северян, а сам Алан Пинкертон достаточно профессионально действовал против разведчиков южан, действовавших в тылу янки. Самым громким его разоблачением стало дело Роуз Гринхау.

ДЕЛО РОУЗ О'НИЛ ГРИНХАУ

21 июля 1861 года произошло первое крупное сражение Гражданской войны США – сражение при реке Булл-Ран. Сражение закончилось сокрушительным поражением армии северян. Некоторые историки вообще считают, что после этого сражения Северная армия перестала существовать.

Среди факторов, повлиявших на именно такой исход, назывались и тактические ошибки северян, и более высокий профессионализм южан, и некоторое преимущество численности артиллерии у конфедератов (при том что общая численность армии северян превышала численность южан).

Нас интересует одна из причин, которая не всегда оказывалась в центре внимания. Сражение при Булл-Ран (его называют Первым сражением – в отличие от Второго сражения, случившегося в августе 1862 года) было еще и первым крупным успехом разведки конфедератов. Ход сражения (и на это обратило внимание командование северян) указывал на то, что генерал-южанин Пьер Борегар был в курсе почти всех планов противника. А это означало, что в Вашингтоне действовал шпион южан, имевший доступ к секретной военной информации. И вот тут в игру вступил Алан Н. Пинкертон, незадолго до того, по предложению президента Линкольна, возглавивший секретные службы северян.

«Мы никогда не спим...» Трудно сказать, сколько бессонных ночей провел Пинкертон, изучая донесение своих агентов. В основном они касались слежки за жившими в Вашингтоне сторонниками конфедератов. Таких было множество, особенно в первый период войны и особенно в «приличном обществе».

Среди прочих, новоиспеченный контрразведчик обратил внимание на 37-летнюю Роуз О'Нил Гринхау. Она была дочерью плантатора и рабовладельца Джона О'Нила из штата Мэриленд. Ее муж Роберт Гринхау, дипломат, врач и юрист, погиб в результате несчастного случая в 1854 году. Он был служащим Государственного департамента, в качестве официального полномочного посланника много лет прожил в Мексике. Именно благодаря связям и репутации покойного мужа вдова

Роуз Гринхау с дочерью

была принята в кругах, близких к военному командованию и правительству. Общительная и обаятельная женщина, вдова известного дипломата и ученого, к тому же — прекрасная и заботливая мать, Роуз Гринхау пользовалась всеобщей симпатией и любовью.

В этих условиях Пинкертону приходилось действовать осторожно. На первых порах он установил слежку за подозрительно

активной южанкой и ее окружением. Чтобы усилить эффективность наблюдений, он прибег к помощи всё той же незаменимой Кэтрин Уорн. Он был уверен в том, что Гринхау – шпионка конфедератов. Но прямых доказательств тому у него не было.

Между тем, 9 и 16 июля 1861 года капитан Томас Джордан – один из наиболее эффективных руководителей разведки конфедератов – получил две шифровки из Вашингтона. Шифровки содержали информацию о планах северян относительно наступления в районе реки Булл-Ран.

Джордан был организатором разветвленной шпионской сети в Вашингтоне и некоторых других городах Севера. Именно он в свое время завербовал вдову Роуз Гринхау. Шифровки, раскрывавшие военные планы северян, отправила она.

После разгрома северян Пинкертон начал действовать решительнее. Кэтрин Уорн, ставшая подругой-наперсницей Роуз Гринхау, собрала для своего шефа множество прямых улик против вдовы-шпионки. Среди них была и благодарственная телеграмма капитана Джордана: «Наш президент и главнокомандующий поручил мне передать вам благодарность. Конфедерация у вас в долгу». Разумеется, телеграмма была шифрованной, но и шифр вдовы оказался в руках Пинкертона. Обыск в ее доме представил дополнительные доказательства шпионской деятельности: черновики кодированных донесений, карты укреплений и так далее. Буквально за несколько минут до ареста вдова пыталась сжечь компрометирующие ее материалы, но ей это не удалось. Единственное, что она успела, почувствовав слежку, это отправить дочерей к старшей сестре.

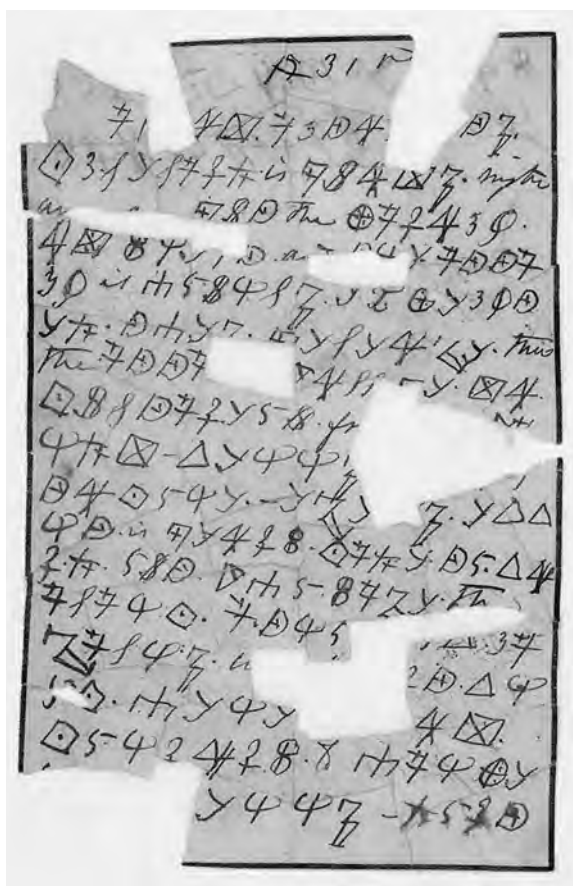
Выявились и информаторы вдовы – среди них, в частности, Генри Уилсон, сенатор-республиканец от штата Массачусетс. Будучи человеком, близким к Линкольну, Уилсон обладал информацией, далеко выходящей за рамки официальной. Обаяние вдовы-южанки сделало сенатора чересчур разговорчивым.

Роуз Гринхау была помещена под домашний арест. Одновременно люди Пинкертона арестовали одного из ее курьеров – Лили Маколд, подругу Роуз.

Разгадка шифра позволила Пинкертону вести игру с капитаном Джорданом, передавая южанам ложную информацию –

якобы собранную Роуз Гринхау. Мало того, Пинкертону удалось убедить южан в том, что отчаянная вдова, несмотря на домашний арест, ухитрилась продолжать вести разведывательную деятельность. Роуз Гринхау стала легендой конфедератов.

Когда же игра оказалась на грани раскрытия, вдова-шпионка была отправлена в тюрьму. Общественное мнение оказалось расколото почти поровну: одни считали Роуз Гринхау коварной шпионкой, другие – невинной жертвой хищного и подозрительного сыщика. Видимо, поэтому она отделалась

Одно из шифрованных донесений Роуз Гринхау

относительно легко — двумя годами тюремного заключения, вполне комфортного: ей даже позволили вывесить из окна тюремной камеры флаг Конфедерации.

31 мая 1862 года Гринхау была освобождена без суда. Она была передана представителям Конфедерации в обмен на несколько пленных северян.

Президент КША Джефферсон Дэвис приветствовал ее возвращение и назначил своим представителем во Франции и Великобритании.

Здесь она издала книгу своих воспоминаний. Книга пользовалась большим успехом. Разумеется, южные джентльмены были показаны идеалистами-романтиками, северяне же и особенно ненавистный вдове Алан Нат Пинкертон, были обрисованы самой черной краской. Агента Кэтрин Уорн, благодаря которой вдова была разоблачена, Роуз Гринхау сравнила с проституткой.

В 1864 году, возвращаясь в Америку, Роуз Гринхау погибла в результате катастрофы судна «Кондор», севшего на мель поблизости от Уилмингтона. Лодка, на которой Гринхау пыталась добраться до берега, перевернулась, и вдова пошла ко дну. Символично, что она утонула из-за вшитых в нижнее белье золотых монет на сумму две тысячи долларов. Это был гонорар, полученный ею от продажи мемуаров.

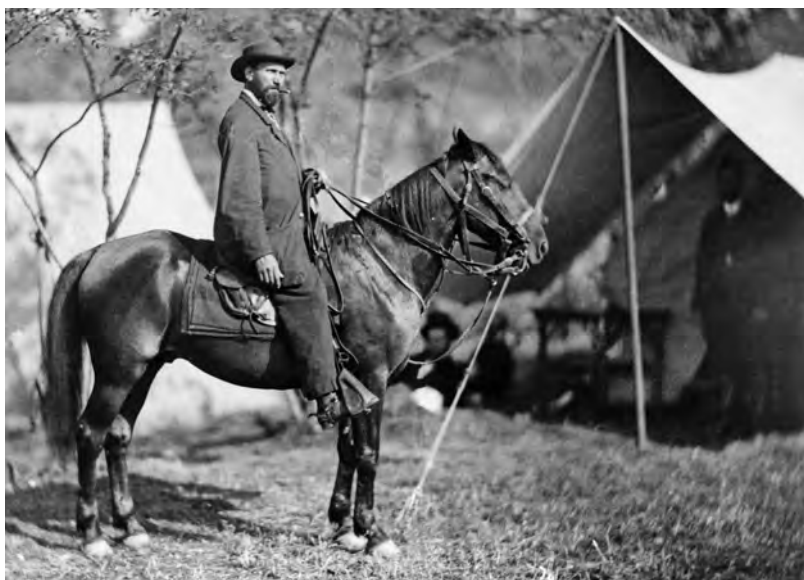
СУДЬБЫ РАЗВЕДЧИКОВ

Тимоти Уэбстер родился в Нью-Хейвене (Восточный Суссекс, Великобритания) в 1822 году. Когда ему было восемь лет, семья переехала в США и поселилась в Принстоне (Нью-Джерси). В 1838 году он стал полицейским в Нью-Йорке. Здесь в 1853 году он встретился с Аланом Пинкертоном, а через три года, уволившись из полиции, поступил в его частное агентство.

В начале 1861 года Уэбстер с Хэтти Лаутон (она была второй после Кэт Уорн оперативницей агентства) участвовали в раскрытии «Балтиморского заговора» против президента Линкольна.

Уэбстер и Лаутон изображали из себя семейную пару богатых южан, мистера и миссис Уэбстер. Им удалось внедриться в среду заговорщиков-сепаратистов и сохранить свою легенду после раскрытия заговора.

С началом Гражданской войны старший сын Уэбстера, Тимоти Уэбстер-младший, вступил в армию северян, был ранен в 1864 году в битве при Брайс-Кроссрудс. Раненым попал в плен к южанам. В тюрьме ему ампутировали ногу. От последствий ранения Тимоти Уэбстер-младший скончался в плену. Тело было передано северянам. Уэбстер-младший был похоронен рядом с дедом на кладбище в городе Онарга (штат Иллинойс).

Пинкертон в годы Гражданской войны

Между тем, в конце 1861 года «мистер и миссис Уэбстер» отправились по заданию Пинкертона в Ричмонд (Виргиния). Здесь они активно собирали разведывательную информацию для северян и в зашифрованном виде переправляли ее Пинкертону. При этом Уэбстер пользовался таким доверием, что его приняли гражданским служащим в военное ведомство.

К сожалению, обострение ревматизма, которым страдал разведчик еще на полицейской службе, уложило Уэбстера в постель. И это оказалось роковым обстоятельством.

Поскольку Уэбстер из-за болезни не имел возможности отправлять донесения, Пинкертон направил к нему для связи двух других агентов, Прайса Льюиса и Джона Скалли. Им не повезло, они почти сразу попали в руки конфедератов. Скалли, спасая жизнь, в конце концов указал на Уэбстера как на шпиона северян, к которому был послан для связи.

Показания Скалли (подтвержденные Льюисом) вызвали большой скандал в стане конфедератов. Уэбстер служил при штабе резервных войск в Ричмонде, поддерживал дружеские отношения со многими старшими офицерами южан, так что понятно было, сколько секретов через него утекло на север.

Уэбстер и Лаутон арестованы и помещены в тюрьму. При аресте у Уэбстера были изъяты зашифрованные донесения, шпионская деятельность его была доказана.

Тимоти Уэбстер был обречен. И не только потому, что слишком велик оказался урон, причиненный его деятельностью военным планам Конфедерации. Как раз в это время северяне выслали уже известную нам Роуз Гринхау. Прибыв в Ричмонд, эта дама, пылавшая ненавистью к Алану Пинкертону и его людям, приложила максимум усилий к тому, чтобы Тимоти Уэбстер был приговорен к смертной казни.

Узнав об этом, босс разведчика обратился к президенту. Авраам Линкольн в личном послании конфедератам пригрозил в случае приведения в исполнения приговора повесить шпионов южан, находившихся в тюрьмах янки.

Власти южан проигнорировали угрозу. 29 апреля 1862 года Тимоти Уэбстер взошел на эшафот. При первой попытке повешения веревка оборвалась, так что его повесили лишь со второго раза. Он успел сказать: «Я умираю вторично».

Хэтти Лаутон (в протоколах южан она до конца фигурировала как «миссис Уэбстер») была приговорена к году тюрьмы. Через несколько месяцев ее и еще четырех военнопленных (включая Льюиса и Скалли) обменяли на пленного офицера конфедератов.

Через десять лет после казни агента Уэбстера, в 1871 году, Пинкертон послал двух сотрудников своего агентства в Ричмонд. Они вывезли тело отважного разведчика. Тимоти Уэбстер был похоронен на том же кладбище в Онарге, где покоились его отец, Тимоти Уэбстер-старший, и сын, Тимоти Уэбстер-младший. Уэбстера часто называют лучшим агентом Пинкертона (и вообще разведки северян) времен Гражданской войны.

Тимоти Уэбстер перед казнью

Появлением женщин-детективов нововведения Алана Пинкертона в сыскной области не ограничивались. Убежденный аболиционист, сторонник равенства людей вне зависимости от цвета кожи, Пинкертон, естественно, не мог обойти вниманием бывших рабов.

Первым чернокожим сыщиком и одним из первых чернокожих разведчиков, появившихся благодаря инициативе Пинкертона, стал Джон Скобелл.

Еще до начала Гражданской войны Пинкертон приглядывался к бывшим рабам, надеясь привлечь их к оперативной работе. Его расчет основывался на том, что темнокожим американцам легче было оказаться вне подозрений при рассле-

довании преступлений — мало кому из преступников придет в голову, что расторопный «бой», начищающий ему сапоги, на самом деле, сыщик-«пинки».

К выявлению достойных кандидатур он привлек и своих старых сотрудников, ориентируя в первую очередь на выявление тех бывших и беглых рабов, которые имели какое-то образование и обладали хорошей памятью и наблюдательностью.

Таким образом, с началом войны в распоряжении Пинкертон оказался небольшой, но очень ценный контингент черных агентов.

Среди них Скобелл стал самым эффективным.

Джон Скобелл не был беглым рабом. Он жил в штате Миссисипи, его владелец обратил внимание на способного юношу и позаботился сначала дать ему образование, а затем освободил Скобелла. Пинкертон завербовал его в 1861 году.

Скобелл оказался не только умным и образованным человеком, но еще и необыкновенно артистичным. Выполняя задания своего шефа, он с легкостью менял маски и легенды, выступая в роли то повара, то разнорабочего, то контрабандиста, то преданного раба, разыскивающего хозяина.

Неоднократно он проникал на территорию Конфедерации в команде с другими агентами, под видом слуги — такова была его легенда, например, при работе с «мистером и миссис Уэбстер».

Скобелл передавал северянам ценнейшую информацию о перемещениях войск, поставках продовольствия и оружия южанам. Часто эта информация оказывалась более точной и разнообразной, чем информация, полученная белыми агентами от должностных лиц и офицеров Конфедерации. Источники Скобелла были менее заметны и значительны, но их было больше, и они были ближе к низовым секретам. Скобелл черпал сведения от представителей подпольной организации рабов — так называемой Юридической лиги, членом которой он состоял с довоенных времен и представители которой проникали во многие учреждения южан — слугами, рабами, денщиками. Таким образом, «глаза и уши» Скобелла буквально пронизывали многие подразделения Южной армии.

Когда Алан Пинкертон по ряду причин оставил службу в армии (это случилось в 1862 году), Джон Скобелл тоже прекратил службу. Дальнейшая его судьба, так же как судьба Хэтти Лаутон, неизвестна.

ПИНКЕРТОН И БРАТЬЯ РИНО

После казни Тимоти Уэбстера Пинкертон подал в отставку с поста начальника спецслужб. По времени это совпало с отставкой его командира – генерала Макклелана. Действительно ли причиной оказалась гибель ценного агента, его правой руки, или тут было всего лишь совпадение (как известно, после того – не всегда означает вследствие того), неизвестно. Факт остается фактом – с осени 1862 года Алан Пинкертон вернулся к своей прежней деятельности.

Тут он вновь оказался на высоте. Не имея формального образования полицейского, он обладал природным талантом и организационными способностями (не случайно, видимо, в Глазго он возглавил чартистов, будучи моложе многих других вожаков этого движения). Пинкертон изобрел множество методов слежки, наблюдения, внедрения и работы «под прикрытием», которые используются по сей день. Он быстро перенимал технические новинки вроде железных дорог и телеграфа и активно использовал их в борьбе с преступностью.

6 октября 1866 года впервые в Западной Америке был ограблен поезд. Это преступление совершила банда братьев Рино.

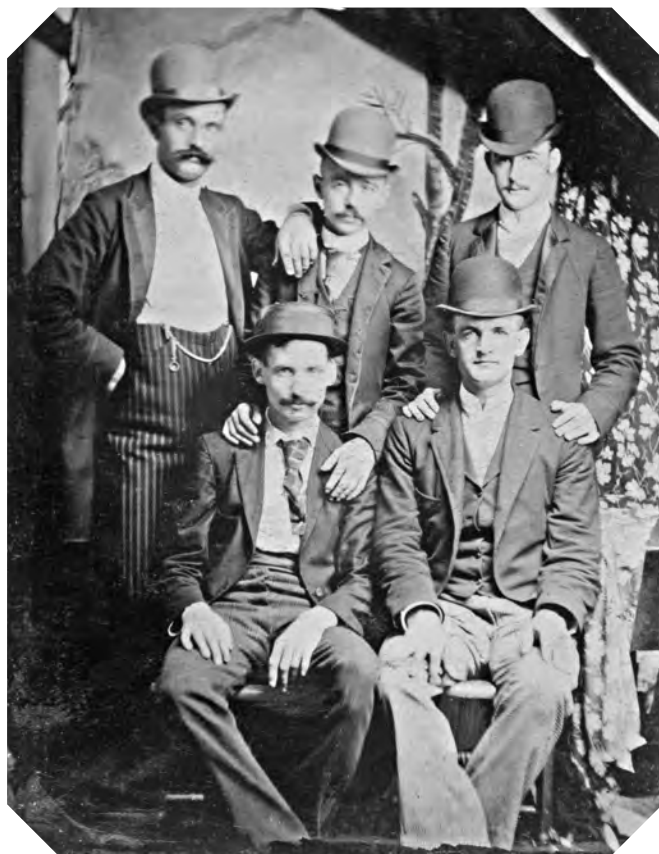
Банда братьев Рино была группой преступников, действовавших на Среднем Западе США во время Гражданской войны и сразу после нее. Она была своеобразным эталоном для преступных сообществ, возникших позже. Именно банда братьев Рино совершила первое в США ограбление поезда.

Члены банды действительно были родными братьями. Франклин (Фрэнк), Джон, Саймон (Сай) и Уильям (Билл) Рино родились в Рокфорде, графство Джексон, штат Индиана. Был еще один брат Клинтон («Честный» Клинт) и дочь Лаура. Клинт

не участвовал в криминальных подвигах братьев. Кстати, в фильме о «Банде Рино» «Честного» Клинта сыграл король рок-н-ролла Элвис Пресли. Так же далека от уголовщины была и единственная сестра Рино.

Остальные же братья очень рано приобрели криминальные профессии. Поначалу они промышляли шулерством, затем конокрадством.

Когда же началась Гражданская война, братья Рино стали дезертирами. И не просто дезертирами. Их дезертирство можно назвать «серийным»: они несколько раз вербовались в Армию

Банда Рино

США, получали подъемные, после чего благополучно бежали. Будем справедливы: так действовали трое: Фрэнк, Джон и Сай. Четвертый брат, Уильям, честно отслужил в армии и после войны получил почетную отставку.

Банда Рино сформировалась в 1864 году. Первоначально в нее входили Фрэнк, Джон и Сай Рино, затем к ним присоединился Уильям, уволившийся из армии, и еще два бандита — Грант Уилсон и некто Диксон. Первым крупным делом банды, дислоцировавшейся в Ричмонде, было ограбление Фрэнком Рино, Уилсоном и Диксоном почтового отделения и магазина в соседнем городе Джонсвилл. На свободе бандиты пробыли недолго, их арестовали уже через несколько дней. Грант Уилсон согласился дать в суде показания против соучастников, но был убит раньше, чем успел это сделать.

А вскоре произошло событие, вошедшее в историю криминалистики. Недалеко от Сеймура был ограблен поезд.

Впервые в истории США.

Вечером 6 октября 1866 года три члена банды — Джон и Сай Рино и недавно присоединившийся к братьям Фрэнк Спаркс — сели в поезд, отходивший от сеймурского перрона.

Когда поезд только начал набирать скорость, бандиты ворвались в специальный вагон, предназначенный для перевозки ценностей, скрутили охрану и взломали сейф, в котором хранились деньги — около 16 тысяч долларов. Второй сейф, в котором хранилась вторая, большая часть перевозимых ценностей, вскрыть не удалось, и бандиты просто вытолкнули его из вагона, а следом выпрыгнули сами.

Тут, у дороги, их ожидали остальные члены банды. Так и не сумев его вскрыть, бандиты вынуждены были ретироваться, поскольку к месту преступления подоспел большой отряд полицейских.

Пассажир Джордж Кинни, единственный свидетель, согласившийся дать показания против бандитов и опознавший двоих из трех налетчиков, был застрелен, не успев ничего рассказать. Братья и их поделники вновь ушли безнаказанными.

Они обосновались в Сеймуре, не пытаясь особо скрываться. Город был крупным железнодорожным узлом.

Но в конечном итоге банда Рино совершила большую ошибку, напав на поезд, груз которого страховала компания «Адамс Экспресс компани». Та самая «Адамс Экспресс компани», по заказу которой агентство Алана Пинкертона в 1858 году провело одно из самых крупных своих расследований — дело о хищениях на железной дороге.

И на этот раз страховая компания обратилась к знаменитому детективу.

Вскоре в Сеймуре открылся новый салун, очень быстро ставший популярным среди крутых парней. Хозяин салуна, некий Дик Уинскотт, по привычкам и манере поведения тоже производил впечатление бывалого человека. Хорошее впечатление производила и его щедрость, готовность отпустить выпивку в долг.

Словом, салун Уинскотта вскоре стал излюбленным местом отдыха и деловых встреч членов банды Рино, а хозяин салуна близко сошелся с ними, став едва ли не доверенным лицом братьев Рино. Однажды во время совместной попойки Уинскотт уговорил Фреда и Джона Рино сфотографироваться «на память».

Вскоре в объявлениях о розыске, которые рассылало агентство Пинкертона, появились фотографии знаменитых грабителей — впервые за всю историю банды.

Читатель уже понял, что «бармен Уинскотт» был агентом Алана Пинкертона. Но грабители так ничего и не заподозрили. Их дружба крепла. И однажды под благовидным предлогом он заманил братьев Рино на железнодорожную станцию Сеймура — аккурат в тот момент, когда туда прибыл Пинкертона с шестью своими помощниками. Члены банды не успели ничего понять, когда неизвестные схватили Джона Рино и тотчас увезли его поездом из Сеймура.

Джон Рино в 1868 году был приговорен к 25 годам тюрьмы в штате Миссури. Он вышел на свободу в феврале 1878 года. В 1886 году вернулся в Сеймур, но был вновь отправлен в тюрьму. Его осудили на три года, на сей раз — по обвинению в подлоге. Умер он в 1895 году. Думаю, Джон Рино должен был благодарить «бармена» и его шефа — оказавшись первым из братьев

за решеткой, он благополучно пережил всех остальных членов банды ни много ни мало на целых двадцать семь лет!

Еще два поезда были ограблены бандой Рино, причем во время третьего ограбления между агентами Пинкертон и бандитами случилось настоящее сражение. Десять агентов устроили засаду на разбойников. В ходе перестрелки были раненые с обеих сторон, но грабителям удалось уйти, хотя и с пустыми руками. Они восполнили потерю ограблением казны графства Харрисон и графства Миллс (оба – в штате Айова), завладев баснословной по тем временам суммой в 30 тысяч долларов. После этих ограблений «пинки» быстро вышли на их след и наконец-то арестовали банду. Но... Детективы банду арестовали, а вот полицейские арестованных упустили. Арестованным удалось бежать.

После побега банда ограбила четвертый поезд – на невероятную сумму 96 тысяч долларов. После этого агенты Пинкертон вновь, что называется, сели банде Рино на хвост. Банда распалась.

Активность детективов и в этот раз увенчалась успехом. Правда, ни о каких побегах речь уже идти не могла. Сомнительная слава, которой банда Рино обзавелась в результате дерзких преступлений, оказалась роковой. Не успевали агенты Пинкертон схватить очередных грабителей и передать их в руки полиции, как местные представители так называемых «комитетов бдительности» отнимали их у властей и устраивали самосуд, вешая арестованных на ближайших деревьях.

Последними линчевали организаторов банды – братьев Фрэнка, Билла и Сая Рино и Чарли Андерсона. Они были последними еще остававшимися в живых членами знаменитой банды и содержались в тюрьме графства Флloyd.

В ночь на 11 декабря несколько десятков местных жителей с лицами, закрытыми капюшонами, ворвались в дом шерифа, под угрозой немедленного расстрела заставили его выдать ключи от тюрьмы и камеры (угрозы не были пустым звуком – шерифу прострелили ногу, прежде чем он уступил линчевателям). Первым был повешен Фрэнк Рино. Последним – Чарли Андерсон.

Но к этому событию Алан Пинкертон уже не имел отношения.

ПИНКЕРТОН И БРАТЯ ДЖЕЙМС

В 1874 года всё та же «Адамс Экспресс компани» вновь обратилась к Алану Пинкертону с заказом. На этот раз требовалось разобраться с другой «братской» бандой.

Знакомясь с криминальной историей США, сталкиваешься с феноменом, который в других странах меньше бросался в глаза (хотя, несомненно, и в других странах такое случалось), — банды-семьи, то есть банды, основой которой становились члены одной семьи. Банда братьев Рино тому характерный пример. Другой пример, с которым тоже пришлось иметь дело нашему герою, — банда братьев Джеймс, которую сколотили братья Джесси и Фрэнк Джеймс из Миссури. Их отец, баптистский проповедник, умер рано, мать вторично вышла замуж за доктора Рубена Сэмюэля. Поэтому банду иногда называли бандой Джеймс—Сэмюэль.

Во время Гражданской войны старший из братьев, Фрэнк, добровольно служил в армии Конфедерации и даже участвовал в сражении при Уилсонс-Крик в августе 1861 года — одном из первых крупных сражений той войны.

К концу 1861 года на территориях, уже занятых северянами, развернулось партизанское движение южан. Организатором этой герильи в Миссури выступал некий Уильям Кларк Кантрилл. До войны Кантрилл еще совсем молодым человеком присоединился к банде грабителей и убийц, промышлявших среди прочего поимкой беглых рабов и возвращением их рабовладельцам. Эта деятельность дала Кантриллу серьезный опыт, а также сформировала его политические симпатии. К началу Гражданской войны он был убежденным сторонником рабовладения, к тому же обучившимся тактике партизанской борьбы у индейцев-чероки, поддерживавших в ходе войны конфедератов, а до войны охотно участвовавших в поимке беглых рабов (среди индейцев-чероки хватало рабовладельцев).

Партизанский отряд Кантрилла первоначально состоял из десяти бойцов, преданных ему душой и телом. В 1862 году численность существенно выросла, среди новых партизан ока-

зались и оба брата Джеймса (Фрэнк Джеймс незадолго до того уволился из армии по болезни).

Люди Кантрилла, разбившись на небольшие отряды, нападали на солдат Северной армии, на фермы жителей, сочувствовавших федералам. Заодно грабили почты, банки, магазины. Так, люди «Кровавого Билла» Андерсона убили 125 солдат 39-го пехотного полка Северной армии в ходе стычки солдат с партизанским отрядом.

Эта рискованная деятельность придала героический ореол дальнейшей, уже уголовной, деятельности Фрэнка и его брата.

К этому ореолу прибавился еще и оттенок мученичества — когда в ходе борьбы с южными партизанами северные волонтеры нагрянули на ферму родителей братьев Джеймс и без лишних слов повесили их отчима Рубена Сэмюэля.

При некотором внешнем сходстве операции агентства Пинкертонa против братьев Джеймс существенно отличались от операции против братьев Рино. Прежде всего, «театр военных действий» был принципиально иным. Если, атакуя братьев Рино, «пинки» действовали в крупных городах штата Иллинойс и их окрестностях, то в случае с семейкой Джеймс ареной становились маленькие городки и деревни Миссури. Разумеется,

проблема в данном случае связана не с масштабами и не с географическими координатами. Просто маленькие городки и деревни штата Миссури считались опорой южан, здесь жили многие бывшие солдаты и офицеры конфедератов, которые считали братьев Джеймс «конфедеративными Робин Гудами», которые своего брата-южанина не тронут и даже защитят, а вот проклятым и наглым янки справедливо отомстят — за смерть отчима, за поражения и притеснения. Разумеется, в этих условиях действовать приходилось иначе.

Джесси Джеймс. 1882

Банда братьев Джеймс (еще ее называли бандой Джеймс-младшего – поскольку отца тоже звали Джесси Джеймс) специализировалась на ограблениях банков и почтовых отделений. Первый раз они ограбили банк в 1868 году. Их добыча составила 2000 долларов. При этом один из сотрудников банка погиб.

И в дальнейшем братья Джеймс не очень церемонились в применении оружия. Счет убитых они вели на десятки. И эти десятки уже не были солдатами вражеской армии.

Пинкертон воспользовался опытом, приобретенным во время Гражданской войны. Один из его сыщиков, Джозеф Уичер (по странному совпадению однофамилец известного английского сыщика Уичера, который расследовал убийство в Роуд-Хилл¹), под видом демобилизованного солдата-конфедерата путешествовал по местам действий банды Джеймсов. В конце концов, выйдя на след бандитов, он устроился на работу на ферме, находившейся неподалеку от семейной фермы Джеймсов.

Видимо, артистических способностей для изображения конфедерата Уичеру не хватило. Преступники разоблачили его, и Джесси Джеймс-младший лично застрелил агента Пинкертона.

Вслед за тем бандиты без лишних разбирательств сожгли ферму, на которой нашел пристанище Уичер, и убили ее хозяина.

Еще два агента Пинкертона, Луи Дж. Лулл и Джон Бойл, погибли в перестрелке с бандитами.

Теперь Пинкертон рассматривал войну с братьями Джеймс как личную вендетту.

Он наладил сбор информации среди сторонников Севера, осевших на территории деятельности банды. Пользуясь полученными данными, в ночь на 25 января 1875 года его агенты под его личным руководством совершили налет на семейную ферму Джеймсов-Сэмюэлей. В ходе короткой стычки кто-то из детективов (не исключено, что сам Пинкертон) бросил в дом ручную зажигательную бомбу. Взрыв убил на месте сводного брата Джеймса – юного Арчи Сэмюэля, названного в честь партизана-

---

¹ См. предыдущий раздел.

конфедерата Арчи Клемента. Еще одному обитателю фермы, чернокожему слуге и бывшему рабу Джесси Джеймса Зерельде Сэмюэлю, тем же взрывом оторвало руку. Вскоре он скончался.

Дом почти полностью сгорел, но остальным членам банды удалось отбиться от жаждавших крови «пинки» и скрыться.

Позже Пинкертон отрицал, что целью рейда был поджог. Но относительно недавно было обнаружено письмо прославленного детектива, в котором он пообещал «сжечь осиное гнездо и выкурить негодяев».

Местные жители, в основном поддерживавшие «Робин Гуда» и его людей, обвинили Пинкертона в ничем не мотивированном нападении на респектабельный семейный дом. На волне общественного возмущения конгресс штата Миссури едва не принял закон об амнистии братьев Джеймс, объявляя их героическими защитниками граждан штата. Закон не прошел, но теперь уже Пинкертону пришлось скрываться от разъяренного Джесси Джеймса, поклявшегося отомстить за гибель «невинного ребенка». Джеймс появился в Чикаго и всерьез принялся выслеживать своего врага. Агенты Пинкертона сумели скрыть своего шефа от глаз «миссурийского Робин Гуда» и его информаторов. Джеймс убрался из Чикаго ни с чем, а Пинкертон продолжил вендетту.

Несмотря на то что агенты наседали и почти уничтожили банду Джеймсов, точку в деле поставило предательство двух преступников-новобранцев, братьев (опять братья!) Форд, Чарли и Роберта. Они были подкуплены губернатором Миссури Томасом Криттенденом. Криттенден пообещал братьям Форд по пять тысяч долларов за голову Джесси Джеймса и его людей. 3 апреля 1882 года Роберт Форд в присутствии своего брата застрелил Джесси Джеймса.

Роберт и Чарльз Форды были арестованы и осуждены за убийство первой степени, но тут же помилованы губернатором. Впоследствии, на деньги, полученные за предательство, Боб Форд открыл салун. Но долго наслаждаться нормальной жизнью ему не пришлось. Спустя короткое время его застрелил прямо в салуне один из поклонников Джесси Джеймса.

Старший из братьев Джеймс, Фрэнк, через полгода после гибели брата сдался властям. При этом, передавая лично губер-

натору Криттендену кобуру с револьвером, он сказал: «Губернатор, вы – первый человек с 1861 года, которому я позволяю прикоснуться к моему револьверу».

Фрэнк Джеймс провел год в тюрьме штата, ожидая суда, и в конце концов был оправдан. Ни по одному преступлению ему не были предъявлены обвинения. После освобождения он вел мирную жизнь законопослушного обывателя. Один из театров, ставивший спектакль по истории братьев Джеймс, привлек его для рекламы, сделав девизом премьеры лозунг: «Принеси билет, прокомпостированный Фрэнком Джеймсом!» Позже Фрэнк восстановил семейную ферму и водил по ней любопытных – по цене 25 центов за экскурсию. Умер он в 1915 году, пережив и своих преследователей, и своих подельников.

ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК

Пинкертон завел правило фотографировать преступников. Он создал первый в США альбом таких фотографий. Второй созданный им альбом содержал тысячи снимков лошадей, что помогало пресечь мошенничество на скачках.

Свой опыт криминалиста-практика Пинкертон стремился сделать достоянием широких кругов. Например, в книге «Тридцать лет сыщиком» он подробно рассказал о профессиональной специализации преступников, с которыми ему приходилось сталкиваться. В предисловии к книге он пишет:

«Я сделал преступника и его методы темой своего исследования. Я старался проникнуть в тайну его намерений, раскрыть схему его действий. Я добрался до мельчайших деталей и узнал достаточно много для успешного выполнения своей работы. Мне хорошо известно, как действуют взломщики сейфов, считавшихся абсолютно надежными, я ознакомился с тонкой работой фальшивомонетчиков и изготовителей подделок и с многочисленными инструментами, которые используют преступники всех видов, и я не отставал от них, когда они расширяли свои знания и приобретали новые приспособления.

Собранную информацию я решил представить общественности. Мне кажется, в интересах общества знать все приемы, которыми пользуются преступники, чтобы завладеть деньгами своих жертв. Знание поможет многим людям защитить себя от грабителей и воров.

Обширное поле преступности отличается большим разнообразием, но тем не менее преступления можно легко классифицировать. Мой труд был сосредоточен именно на этой задаче¹.

Вот перечень тех преступных специальностей, на которые Пинкертон делил современный ему преступный мир:

- «1. Воры из светского общества.
2. Карманники.
3. Грабители магазинов.
4. Вымогатели.
5. Гостиничные воры.
6. “Тихие” воры.
7. Преступники на катерах.
8. Взломщики-домушники.
9. Мошенники на доверии и шантажисты.
10. Разбойники.
11. Специалисты по подлогу.
12. Фальшивомонетчики.
13. Железнодорожные воры»².

Обращаясь к коллегам и просто добропорядочным гражданам, Пинкертон пишет:

«Общественность получает лишь скудные и недостаточные знания о преступниках и их привычках. Фрагментарные заметки в газетах, такие как сообщения из зала суда в случае важного процесса, а иногда и дорогостоящий личный опыт остаются единственными источниками информации о весьма многочисленных людях, ежедневно обдeldывающих свои дела. Если бы кто-нибудь подсчитал точное количество преступлений, совершающихся ежегодно, то число получи-

---

¹ Allan Pinkerton. *Thirty Years a Detective*. 1500 Books, LLC, Warwik, NY, 2007. — P. 17. Пер. М. Бородкина.

² Там же. P. 7. — Пер. Д. Клугера.

лось бы астрономическое. Но, несмотря на распространенность преступности, большинство жертв понятия не имеют о том, как именно они теряют свое имущество. Надежный банк грабят между сумерками и зарей. Надежные, крепкие сейфы, сделанные с учетом необходимости выдержать попытки взлома, опустошаются за очень короткое время, и сотни тысяч долларов свободно покидают банки еще до сигнала тревоги. Магазины и дома взламываются прямо под носом опытных сторожей, ночные воры уносят свою добычу, несмотря на охрану и защиту»¹.

Можно ли утверждать, что это написано более ста лет назад? Замечания Пинкертон не утратили актуальность и по сей день.

Он завершает предварительные суждения следующими словами:

«Преступность сегодня стала отчасти научным делом. Ряды преступников пополнили люди выдающихся качеств — умные, с сильной волей, хорошо образованные. Они могли бы преуспеть на законных поприщах, могли бы стать успешными учеными или бизнесменами, но направили свои способности в иное русло. Жажда наживы, стремление завладеть чужим добром и разбогатеть, не работая, превратили их в хищников. Они беззастенчиво грабят общество и живут за чужой счет»².

УЖАСНАЯ ДАМА МОЛЛИ МАГУАЙР

В конце 60-х — начале 70-х годов XIX века шахты Угольной долины в Восточной Пенсильвании были объаты страхом. Здесь, в рабочих городках, прокатилась волна нападений, избиений, поджогов и даже убийств. Вслед за преступлениями ползли упорные слухи: это дело рук «Молли Магуайр». Как уже говори-

---

¹ Allan Pinkerton. *Thirty Years a Detective*. 1500 Books, LLC, Warwik, NY, 2007. — P. 16. — Пер. М. Бородкина.

² Allan Pinkerton. *Thirty Years a Detective*. 1500 Books, LLC, Warwik, NY, 2007. — P. 17. Пер. М. Бородкина.

лось, «Молли Магуайр» — это не женское имя, а название реально существовавшей на пенсильванских угольных шахтах тайной организации ирландских эмигрантов. Первоначально организация возникла в XVII веке, и в нее входили ирландские крестьяне, боровшиеся против англичан-колонизаторов. Легенды утверждали, что так звали их предводительницу, отомстившую помещику, который лишил ее земли. Организация то ли возродилась, то ли возникла независимо во второй половине XIX века уже в США, куда тысячи ирландцев отправились за лучшей долей.

Условия жизни и труда в этих краях были ужасными. Бурно развивающаяся угольная промышленность требовала все больше людских ресурсов, и владельцы пенсильванских шахт предпочитали нанимать не местных уроженцев, а именно эмигрантов: основную массу их составляли люди неграмотные, согласные на любую работу и на любые условия. Катастрофы и гибель рабочих от несчастных случаев быстро стали тут обычным делом, а произвол хозяев был просто чудовищным. Рабочие создали нечто вроде профсоюзного объединения, которое пыталось противостоять произволу и хоть немного улучшить условия существования шахтеров. Вот тут-то в 1873 году и началась самая настоящая вакханалия дерзких убийств и других преступлений. На шахтах гремели взрывы, исчезали люди — иные бесследно, а других в дальнейшем находили, вернее, находили их изувеченные тела. В нескольких конторах из надежнейших сейфов исчезли огромные денежные суммы. Полиция разводила руками: «Ничего нельзя сделать...»

Когда среди убитых оказались уже не только рабочие или бригадиры, но и управляющие предприятиями и директора шахт, владельцы угольных копий решили обратиться к Национальному детективному агентству Пинкертон. Пинкертон же остановил свой выбор на молодом, но многообещающем сотруднике Джеймсе Макпарланде.

Макпарланд появился в Угольной долине под видом ищущего работу ирландца и устроился на одной из шахт. Одновременно сыщик собирал информацию. Уже после его появления здесь произошли еще несколько убийств. Проведя тайное расследование, Макпарланд вышел на преступников, но не выдал их, а напротив

того, постарался завязать добрые отношения. Заслужив их доверие, он установил: за всеми преступлениями стоит тайная организация, именуемая «Молли Магуайр». Спустя некоторое время сыщик был принят в ее ряды. Теперь ему нужно было собрать такое количество доказательств преступных деяний «кровавой дамочки», которое позволило бы одним ударом прикрыть ее раз и навсегда.

Его двойное существование (сыщика и преступника), балансирование на грани жизни и смерти длилось около трех лет. За это время Макпарланд поднялся едва ли не по всем ступеням посвящения в рядах «Молли Магуайр» и наконец вошел в ее руководство. В какой-то момент он оказался на грани разоблачения — а значит, и смерти. Узнав о готовящемся убийстве директора шахты Санджера, сыщик попытался спасти его. Попытка оказалась безуспешной, но Макпарланд навлек на себя подозрения некоторых членов тайной организации.

Тогда, разработав план очередного преступления, он устроил дело таким образом, что все главари организации собрались в одном месте. Полиция нагрянула вовремя. Верхушка «Молли Магуайр» оказалась в руках закона.

Так выглядела вся история в интерпретации агентства и его заказчиков. Правда, самого Макпарланда кое-что смущало. Например, в течение всего времени своей подпольной жизни он передавал нанимателям имена лиц, заподозренных им в преступной деятельности. Однако их никто не арестовывал — всех этих людей в скором времени убивали так называемые «бдительные», созданные владельцами шахт отряды самообороны. По сути это были незаконные вооруженные формирования. Макпарланд прекратил информировать хозяев, когда обнаружил, что «бдительные» убивают не только преступников, но и членов их семей, в том числе детей.

Кроме того, среди убитых оказались не только люди, которых сыщик считал членами «Молли Магуайр», но и участники уже упомянутого профсоюзного объединения, выступавшего против насильственных методов борьбы. Так, в 1875 году «бдительными» был убит его глава Эдвард Коул.

Во время состоявшегося в 1876 году судебного процесса по делу террористической организации «Молли Магуайр» Мак-

Казнь членов «Молли Магуайр». 1876

парланд выступил свидетелем обвинения. Как пишут современные историки, именно его показания помогли отправить на виселицу десять человек из девятнадцати.

Несмотря на молодость, Макпарланд был, видимо, настоящим асом частного сыска. Во всяком случае, несколько лет жизни под прикрытием, внедрение в организацию, славившуюся своей жестокостью и безжалостностью, для него не закончились трагически. Чего нельзя сказать о другом сотруднике Пинкертона – Джеймсе Уичере (я уже рассказывал о его гибели от рук Джесси Джеймса).

Итак, дело «кровавой ирландской дамы» стало одной из самых громких побед агентства Пинкертона. Но...

Сегодня большинство исследователей, обращающихся к тем событиям, сходятся на утверждении, что история «Молли Магуайр» вымышлена. Сказки о страшном тайном обществе распускались владельцами угольных копей для борьбы с нарождавшимся профсоюзным движением. И Национальное агентство Пинкертона выглядит тут не очень привлекательно, фактически выступая в роли агентов-провокаторов, выполнявших неблагоприятную роль по разгрому рабочего движения.

Однако большинство – это еще не значит все. Кроме того, мнение о Пинкертоне как «короле провокаторов» появилось после его смерти. Точнее, после так называемого Хоумстедско-

го дела, имевшего место в 1892 году, спустя восемь лет после смерти Алана Ната Пинкертон. Мы еще поговорим о нем. Что до «Молли Магуайр» и деятельности Пинкертон против так называемых рабочих организаций, то тут следует отметить несколько фактов. Во-первых, сам Пинкертон отнюдь не изменил взглядам собственной молодости, когда сам возглавлял рабочее движение, отличавшееся достаточно радикальными взглядами. В некоторых трудах, конечно, можно встретить сетования насчет «перерожденца», ставшего королем штрейкбрехеров. Однако сам Пинкертон не только не поощрял штрейкбрехерство, но категорически запрещал своим людям участвовать в борьбе между рабочими и хозяевами на стороне хозяев. Видимо, им частенько это предлагали, потому что в 1850 году глава агентства даже написал инструкции для своих сотрудников, строго запретив им шпионить за рабочими или вмешиваться в их право на забастовки.

Отметим, что, пока Пинкертон был жив, ни у кого из современников не возникло и тени сомнения относительно кровавого характера «Молли Магуайр» и выдающегося вклада Национального агентства Пинкертон в ее разоблачение. Так что автор книги о Пинкертоне Джеймс Маккей прав, когда утверждает: «Принципы основных прав человека, усвоенные в юности, не покидали его [Пинкертон], на какого бы диктатора он ни работал».

Кроме того, не следует забывать: первые революционные организации отнюдь не гнушались кровавыми методами классовой борьбы: вспомним русских народовольцев, убивших царя, и наследовавших им эсеров (да и социал-демократов), азартно охотившихся на чиновников; вспомним французских анархистов, метавших бомбы в уличные кафе, устраивавших покушения на политиков и общественных деятелей. Тогдашние рабочие организации Америки мало чем отличались от других тайных обществ, связанных кровавой круговой порукой, охотно пускавших в дело не столько пропаганду, сколько нож и динамит, петлю и пулю. Возьмем, к примеру, упоминавшееся нами Хоумстедское дело. В 1892 году на металлургическом заводе в городе Хоумстед (штат Пенсильвания) началась забастовка. Причиной послужило намерение управляющего заводом Генри Клея Фрика урезать зарплату квалифицированным рабочим.

В ответ профсоюз рабочих (Объединение рабочих сталелитейной промышленности) объявил начало забастовки. Эндрю Карнеги, глава корпорации, купившей девятью годами ранее завод в Хоумстеде, несмотря на стремление к налаживанию связей с профсоюзами, поддержал решение управляющего, который провозгласил курс на экономию средств и эффективность производства. Когда рабочие отказались прекращать забастовку, Фрик обратился в агентство Пинкертона, которым управляли сыновья отца-основателя. В Хоумстед прибыли вооруженные агенты-«пинки». По одним данным, их было триста, по другим – двести. Словом, очень много. Баржа с ними прибыла к причалу, где собралась толпа рабочих и просто местных жителей. И здесь, согласно показаниям свидетелей, началась стрельба. По сей день неизвестно, кто и почему выстрелил первым. Не исключено, что имела место провокация. Результат перестрелки – шестнадцать убитых: девять рабочих и семь агентов (по другим данным, общее число погибших было двенадцать) и свыше двадцати раненых.

Не исключено, что стрельбу начали рабочие. Да и вообще странно говорить о разгоне вооруженными «пинки» безоружных рабочих: при соотношении потерь, которое приведено выше, естественно предположить, что и среди рабочих многие были вооружены. Тем не менее все описывалось в газетах именно как провокация со стороны владельцев завода и агентов Пинкертона. Анархист Александр Беркман (выходец из России) в своих «Тюремных мемуарах» вспоминает, как он узнал о случившемся:

«6 июля 1892 года. Мы сидим в нашей тихой квартирке. Вдруг к нам буквально врывается девушка с газетой в руках, со сверкающими глазами:

– Вы слышали? Хоумстедская забастовка подавлена! “Пинки” стреляли в детей и женщин!

Я выхватываю газету и с растущим волнением читаю яркий отчет о Хоумстедской забастовке: попытка компании Карнеги подавить волнения рабочих, организованные Объединенной ассоциацией рабочих сталелитейной промышленности; выбор для этого кандидатуры Генри Фрика; его тайные действия и планы; обнесение завода забором с колючей проволокой;

организация амбразур для стрелков; найм целой армии пинкертоновских бандитов...»¹

Здесь перечислены детали, которые на все лады перемывались газетами. Что тут основывалось на слухах, а что соответствует действительности — трудно сказать. Порядок в городе навела вызванная Фриком национальная гвардия.

Вскоре после этого уже упомянутый Беркман и его подруга Эмма Гольдман решили отомстить Фрику и попытались его убить. Беркман пробрался кабинет Фрика и открыл стрельбу из револьвера. Но, видимо, решительность и умение стрелять — не одно и то же. Фрик был лишь легко ранен, а Беркман получил двадцать два года тюрьмы и возможность написать цитировавшиеся нами мемуары. Подруга Беркмана развила бурную деятельность по его освобождению, так что в итоге он вышел на свободу, просидев только часть срока — четырнадцать лет.

Так или иначе, после этих событий состоялись специальные слушания в конгрессе, посвященные проблеме насилия в борьбе с забастовками. И само сражение в Хоумстед, и эти слушания создали агентству Пинкертона ту дурную славу поставщика штрейкбрехеров и врага рабочих. По стране прокатилась волна обысков в филиалах Национального детективного агентства Пинкертона. Результатом стало изъятие внушительного арсенала стрелкового оружия, которого хватило бы на оснащение целой армии.

Правда, некоторая демонстративность действий властей наводит сегодня на мысль: а не спровоцировали ли они сами ту перестрелку? Очень уж независимым выглядело агентство Пинкертона на фоне весьма коррумпированной официальной правоохранительной системы. Конфликты между официальной полицией и частным сыском имели место частенько. И далеко не всегда государственная сторона представляла в них как положительная. Вот, например, что писала русская газета об определенном факте, случившемся в 1912 году, но характеризующем и положение дел десятью — пятнадцатью годами ранее:

---

¹ А. Berkman. «Prison Memoirs of an Anarchist». Электронная версия. — Пер. Д. Клугера.

«В связи с делом об убийстве Розенталя ведется пять отдельных следствий. Сын известного миллиардера Дж. Рокфеллер ведет следствие о тайной организации торговли женщинами. В докладе Конгрессу Рокфеллер представит ценные сведения о преступной роли полиции. Некоторые полицейские инспекторы получали по 1200 р. в месяц от содержателя дома терпимости и бюро международной торговли живым товаром. Кроме того, частный сыщик Бернс, ведущий деятельные розыски, сообщил, что в течение трех месяцев он сам держал один притон с целью разоблачения.

Бернс исправно платил полиции должную дань; но он выплачивал ее кредитными билетами, которые носили особую отметку. Такие кредитки найдены уже у трех инспекторов полиции, которые привлекаются к ответственности»¹.

Так что, повторим, во-первых, отношения между частными правоохранительными (и сыскными) организациями и государством были весьма далеки от нынешних (тоже, прямо скажем, не идиллических). А во-вторых, и это в нашем случае главное, Хумстедское дело имело место *после смерти основоположника*.

Алан Натаниэль Пинкертон счастливо избежал великого множества покушений на свою жизнь. Его не достала пуля кровавого Джесси Джеймса, не убили братья Рино и их подручные, ему не отомстили оставшиеся на свободе адепты кровавой леди Молли Магуайр. Он умер от несчастного случая, который еще и сегодня поражает своей нелепостью. В 1884 году прославленный сыщик споткнулся на улице и прокусил до крови собственный язык. Спустя короткое время начался сепсис, от которого Пинкертон и скончался 1 июля 1884 года в возрасте 65 лет.

Что до повести «Долина страха», то (надеемся, читатель со мной согласится) ее можно рассматривать как слово великого английского писателя в защиту доброго имени великого американского сыщика. Думаю, незаслуженное очернение памяти Алана Н. Пинкертона и его деятельности, которым занимались

---

¹ Нью-йоркская полиция торгует женщинами // Раннее утро. — 1912. — 14 августа. Из собрания сайта «Газетные старости»: <http://starosti.ru/>.

едва ли не все газеты по обе стороны океана, заставили Шерлока Холмса выручать из беды реального героя дела «Молли Магуайр». Символично, что роман «Долина страха» завершается трагически – это тоже нехарактерно для произведений о Шерлоке Холмсе. Правда, сыщику Макпарланду, прототипу Макмердо из романа, повезло больше, чем литературному герою. Профессор Мориарти, убивший Макмердо, до сотрудника Пинкертона не добрался.

ПРОЦВЕТАЮЩИЙ СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС

Обращает на себя внимание кардинальное отличие первого частного сыщика Нового Света от известных сыщиков Европы. Ни один из них – ни француз Эжен-Франсуа Видок, ни англичанин Чарльз Филд или эмигрант из Германии Игнациус Пол Поллаки – не думал о превращении открытых ими бюро и контор в семейный и процветающий бизнес. Каждый из них сделал немало для развития сыского дела, но, похоже, им даже в голову не приходило расширять свои предприятия, тем более – привлекать к работе собственных детей или других родственников. Складывается впечатление, что частный сыск был для них лишь способом создать себе безбедное существование на каком-то этапе, и в последующем они всячески стремились уйти от него и уж, во всяком случае, обеспечить своим наследникам более respectable карьеру. Да и сами наследники были, мягко говоря, не в восторге от профессии своих предков. Мы не знаем ничего о потомках Видока или Филда; что до потомков самого блистательного сыщика Старого Света – Поллаки, то они при первой же возможности отказались от фамилии своего предка, чересчур, очевидно, скомпрометированной в их глазах, и стали Гамильтонами.

Совсем иным предстает перед нами наследие Пинкертона. Сыновья Алана Пинкертона, Уильям и Роберт, возглавили семейное дело сразу после смерти патриарха. В этот момент Национальное детективное агентство Пинкертона насчитыва-

Банда Бутча Кэссиди

ло две тысячи активных агентов и свыше 30 тысяч «резервистов», привлекаемых в случае необходимости. По сути, это была настоящая частная армия, хорошо обученная, вооруженная и дисциплинированная.

Да она и действовала зачастую как армия – достаточно вспомнить об операциях против банды братьев Рино и банды братьев Джеймс.

При новых руководителях агентство продолжало вести «бандитские войны» – в частности, против знаменитой «Дикой банды» Бутча Кэссиди и Санденса Кидда. Хотя агентам «пинки» не удалось захватить или уничтожить преступников, именно масштабная война и преследование грабителей, которое вели люди агентства, вынудило банду, по сути, самоликвидироваться – спешно бежать за границу, в Боливию. Здесь боливийские солдаты довершили разгром «Дикой банды», убив всех ее членов, еще остававшихся в живых, в том числе самих Бутча Кэссиди и Санденса Кидда. Ходили, правда, упорные слухи, не опровергнутые по сей день, что гибель последних была инсценировкой, а на самом деле Бутч и Кидд благополучно дожили до глубокой старости – под чужими именами. В этом, в частности, был убежден один из боссов агентства – Уильям Пинкертон.

Следует отметить, что при наследниках прославленного сыщика были проведены некоторые реорганизации в деятельности агентства, которые он бы вряд ли одобрил. В частности, Уильям и Роберт Пинкертон, едва взяв управление делами в свои руки, упразднили женское бюро. Они сочли излишними и ненужными женщин-сыщиц, которых высоко ценил их отец. Кроме того, они изменили его жесткое требование — не участвовать в конфликтах между хозяевами и работниками на стороне хозяев.

В 1903 году агентство имело уже двенадцать отделений в разных городах. Еще через три года число отделений дошло до двадцати. Вот что представляла собою примерная структура агентства во времена наследников Алана Пинкертона.

«Каждое отделение из указанных двадцати подразделялось на четыре отдельные секции, известные под именем конторского (clerical), криминального (criminal), операционного (operating) и исполнительного (executive) отделов.

Конторский отдел обыкновенно состоит из швейцара, мальчика, кассира, бухгалтера и стенографов. В этом отделе <...> ведется корреспонденция и составляются отчеты сыщиков»¹.

Первоначальная эмблема агентства «Пинкертон»

¹ М. Фридман. Рабочее движение и агентство Пинкертона / Пер. с англ. Н. Бревновой. — СПб.: Издание Е. Трацкой, 1910. — С. 5.

Так описывает работу агентства в начале XX века Морис Фридман, автор книги «Агентство Пинкертона и рабочее движение», сам в прошлом работавший стенографом в одном из «конторских» (как он это называет) отделов агентства.

Куда интереснее для нас, разумеется, отдел криминальный, в котором хранятся так называемые галереи преступников – картотеки, составляемые из описаний, фотографий, а позже и отпечатков пальцев преступников, хоть раз оказавшихся в поле зрения «пинки».

Но самым интересным (и с точки зрения Фридмана тоже) было так называемый операционный отдел (сегодня бы сказали – «оперативный»), целиком состоящий из детективов. По сведениям того же Фридмана, сыщики операционного отдела делились на три категории: специальные агенты, общие и тайные. Каждый из них выполнял строго определенную работу.

«Специальный агент» – это временный, случайный работник агентства. Его нанимают для выполнения разовой второстепенной работы и увольняют сразу же по окончании расследования.

«Общий агент» – это, говоря современным языком, штатный сотрудник агентства, основная фигура среди «пинки». К общим сотрудникам предъявлялись особые требования: они должны обладать развитым интеллектом, уметь поддержать разговор на любую тему, иметь актерские способности, позволяющие выдать себя за кого угодно.

При этом агентство Пинкертона никогда не объявляло публично о найме работников и не принимало на службу сыщиков с опытом. Если таковые обращались в агентство с предложением услуг, им вежливо отвечали, что в настоящий момент вакансий нет, но что их, конечно, будут иметь в виду. После смерти Алана Пинкертона его преемники предпочитали набирать сотрудников из числа служащих торговых и промышленных предприятий. Объявления об этом, помещаемые в газетах, обычно выглядели так:

«Требуется толковый, опытный в торговле человек для заведования выгодным делом; жалование и комиссионные. Великолепный случай для предприимчивого человека обза-

вестись связями в высшем обществе. Возраст средний, опыт, рекомендации»¹.

Как видим, в этом объявлении ничто не указывает на будущую работу сыщиком. Тем не менее руководители отделений агентства Пинкертона находили будущих сотрудников именно среди тех, кто откликнулся на подобное объявление.

Наконец, «тайный агент» – это информатор, работающий под прикрытием. По мнению Мориса Фридмана, именно деятельность тайных агентов («тайных сыщиков») обеспечивала реальную основу славы агентства Пинкертона как «никогда не спящего». Эта слава началась с 1892 года, и именно тогда, похоже, наследники Алана Пинкертона отошли, как я уже говорил, от его принципа невмешательства во взаимоотношения профсоюзных организаций и владельцев предприятий. И вновь отметим тот факт, что профсоюзы в США конца XIX века (да и в первой половине века XX) были весьма похожи на преступные организации, а порой и конкурировали с гангстерами за сферы влияния (или сотрудничали с ними же). Неслучайна поэтому та забота, которую агентство проявляло, чтобы сохранить инкогнито «тайного сыщика» – ведь в случае разоблачения его жизнь не стоила и цента.

Для «тайных сыщиков» была разработана четкая система защиты. Во-первых, никто, кроме начальника операционного отдела, не знал подлинного имени и адреса информатора. Через несколько дней после зачисления в штат (эти дни занимала проверка) агент получал номер, и отныне все, связанное с ним, от фиксации сообщаемых сведений до выписывания чеков оплаты или расходных счетов, проходило исключительно под этим номером. Никто, даже начальник «конторского» отдела, глава основного бюрократического аппарата агентства, не знал, кто под каким номером скрывается. Личность агента была неизвестна и клиенту, по заказу которого тайный сыщик собирал информацию: заказчик имел дело только с руководителем данного филиала. Кстати, владельцы агентства одновременно возглавляли самые крупные филиалы: Роберт Пинкертона – нью-йоркское представительство, а Уильям Пинкертона – чикагское.

---

¹ Там же. – С. 14.

Другой предосторожностью являлись почтовые ящики, арендованные агентством на вымышленные имена. Каждый агент, приступая к выполнению своих обязанностей, получал номер одного из таких секретных ящичков. Свои отчеты он, разумеется, адресовал вымышленному человеку, на чье имя был арендован данный ящик.

Сам агент, получив задание и прибыв в соответствующее место, также снимал на почте ящик и немедленно сообщал агентству его данные. Существовали специфические правила оформления корреспонденции, вплоть до мелочей: адрес, например, следовало писать только чернилами, само письмо — только карандашом и т. д.

Наконец, еще одной мерой предосторожности было требование агентства к тайным сыщикам непременно снимать отдельное жилье, чтобы не привлекать внимания возможного соседа-компаньона.

Все эти меры позволяли избежать разоблачения сотрудника теми, за кем он следил и кого должен был вывести на чистую воду. Позволяли, разумеется, теоретически — иначе не случилось бы провалов, имеющих трагических финал. Таких, правда, за всю историю агентства набралось крайне мало, что свидетельствует об эффективности разработанных мер безопасности.

В 1907 году агентство возглавил Алан Пинкертон II — внук основателя. В 1930 году его сменил Роберт Пинкертон II — правнук знаменитого сыщика. Он был последним членом династии, управлявшим семейным бизнесом.

Агентство Пинкертона (Pinkerton Consulting & Investigations) продолжает существовать и сегодня. Оно имеет отделения более чем в 30 странах, его штат насчитывает свыше 25 тысяч сотрудников. Правда, нынешние владельцы компании никакого отношения уже не только к ее основателю и наследникам, но и к их родине не имеют — с 1999 года компания принадлежит шведской международной корпорации Securitas AB.

Отметим, что в оперативном отделе Балтиморского филиала Национального агентства Пинкертона с 1915 по 1923 год работал будущий всемирно известный писатель, классик детективного жанра Дэшил Хэммет. Ничего удивительного в этом

нет — ведь и сам основатель агентства оставил след не только на поприще сыска, но и в детективной литературе. Его перу принадлежат несколько произведений, написанных по мотивам реальных дел. Говорят, правда, что книги эти писал не он, а наемные литературные поденщики. Но факт остается фактом: детективы выходили под его собственной фамилией — как и мемуары («Тридцать лет сыщиком» и другие).

И, разумеется, нельзя не вспомнить «Ната Пинкертона — короля сыщиков», героя многочисленных дешевых брошюрок, очень мало похожего на своего прототипа, но немало способствовавшего его всемирной славе. Кстати, даже в «пинкертоновщине», как иногда презрительно и вполне заслуженно называют вал низкопробных сочинений, при желании можно найти отзвуки реальных дел Алана Натаниэля Пинкертона. Вплоть до предотвращения покушения на президента Авраама Линкольна, имевшего место в действительности. К сожалению, эти же сочинения, возможно, помимо воли их безымянных авторов, немало содействовали очернению фигуры первого сыщика Америки, превращая, среди прочего, убежденного борца против рабства в патологического расиста.

ПИНКЕРТОН В РОССИИ

«Начиная с осени 1907 года широкой волной разливаются по России бесчисленные сказания о необычайных похождениях и подвигах “знаменитого интернационального сыщика”. Везде, в самых отдаленных уголках страны, на каждом уличном перекрестке, в каждом железнодорожном киоске — всюду бросаются в глаза эти маленькие, пестренькие, пятикопеечные книжечки с портретом “короля сыщиков”, со страшными названиями и еще более страшными рисунками на обложках... Натом Пинкертоном увлекались и до сих пор продолжают увлекаться. И тем не менее никто из поклонников знаменитого интернационального сыщика, вероятно, не подозревает, что Нат Пинкертон — не мифическая личность, созданная богатым во-

ображением чутких к спросу авторов и издателей бульварной литературы, а действительное, живое, историческое лицо...»¹

Так писала в 1910 году Н. Бревнова, переводчица книги Морриса Фридмана «Рабочее движение и агентство Пинкертона».

Вслед за книгами американскими, небрежно переведенными на русский язык, появились и свои подражания, сначала все о том же Нате Пинкертоне, а затем — и о своих, русских сыщиках. Некоторые романы были вполне конкурентоспособны. В них действовали коварные и кровожадные преступники, на которых охотились умные, пронырливые сыщики. Кое-кто из них становился очень популярным, не менее, чем Нат Пинкертон или появившийся в России несколько раньше Шерлок Холмс. Правда, главными героями в этих книгах выступают официальные представители закона — судебный следователь в рассказах Александра Шкляревского или начальник сыскальной полиции Путилин в произведениях Романа Доброго. Однако среди них попадаются и коллеги наших героев — частные сыщики. Таков, например, герой романа Андрея Зарина «В поисках убийцы» частный сыщик Борис Романович Патмосов. По воле автора, он сначала служил у И.Д. Путилина, «а потом, как Путилин помер, Патмосов вышел из состава полиции и стал заниматься сыскным делом самостоятельно...» В романах А. Лаврова («Царица хунхузов» и «Стальные тайны») главным героем становится сыщик Мефодий Кобылкин — тоже вышедший в отставку полицейский, занявшийся частным сыском. Жаль, что автор остановился на двух произведениях, не сделав своего героя по-настоящему «серийным» сыщиком.

Полагаясь на старую беллетристику, можно было сделать вывод, что в России, как и в Великобритании, Франции, США, существовал институт частных детективов. Но в данном случае реальность оказалась иной. Частных сыщиков в России не было. Разумеется, можно предположить, что попытки независимого расследования преступлений предпринимались неоднократно, в первую очередь адвокатами, журналистами. Не исключено, что полицейские, выйдя в отставку, подобно героям Зарина и Лаврова, на досуге участвовали в расследовании уголовных дел, помогая

---

¹ Там же. — С. II.

бывшим менее опытным коллегам. Но официально действующих частных детективных контор в России не существовало.

А попытки создания были. Особенно в связи с валом бульварной литературы о похождениях Пинкертона.

Как это частенько случается, поклонники великого сыщика немедленно стали ему подражать, предлагая свои услуги полиции — к месту и не к месту. Газеты иронизировали: среди доморощенных сыщиков сначала превалировали юные читатели — гимназисты, студенты, — но вскоре их ряды пополнились вполне взрослыми людьми, причем не только мужчинами, но и женщинами, в том числе из высшего общества!

«Такой стильный образец, как “знаменитый интернациональный сыщик”, не мог не вызвать непосредственных учеников и подражателей. И они явились. Сначала как курьез, а затем как обыденное явление стали попадаться газетные сообщения о доморощенных “пинкертонах”: появились любители и целые группы сыщиков, добровольцев, занимающихся выслеживанием и преследованием мнимых и действительных преступников...»¹

Все это закончилось тем, что в Министерство внутренних дел было подано ходатайство об учреждении в Российской империи Всероссийского частного сыскного бюро (явно имея за образец Национальное детективное агентство Пинкертона). Сообщение об этом в 1910 году опубликовали многие газеты. Говорилось, что среди авторов проекта имеются весьма влиятельные лица. Но, по всей видимости, среди этих лиц не было профессионалов-криминалистов, которые все как один решительно выступили против этой затеи. И дело было вовсе не в том, что они опасались конкуренции. Вряд ли такие блестящие и высокопрофессиональные криминалисты, как начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции Владимир Филиппов или начальник Московской сыскной полиции и всего уголовного сыска империи Аркадий Кошко, видели в авторах проекта конкурентов. Скорее, они опасались, что нашествие дилетантов, весь опыт которых был почерпнут из бульварных книжонок, многократно осложнит и без того нелегкую работу сыскной полиции.

---

¹ Там же. — С. IV.

Словом, их стараниями ходатайство было отклонено. Всероссийское частное сыскное бюро не появилось.

Но вот через год в прессе можно было прочитать, например, следующее сообщение:

«В Москве организуется частное сыскное бюро по примеру существующих в Англии. Лицо, взявшее на себя инициативу этого дела, прослужило 20 лет по сыскной части и, между прочим, раскрыло крупную воровскую железнодорожную организацию. Бюро предполагает охватить своей деятельностью как Европейскую, так и Азиатскую Россию, руководя розысками в провинции из Москвы»¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что агентство собиралось работать в провинции. По всей видимости, в отличие от обеих столиц, там борьба с преступниками оставляла желать много лучшего. Об этом свидетельствуют и весьма многочисленные публикации провинциальных газет, рассказывающие о подлогах, грабежах, убийствах, кражах и прочих уголовных делах. И почти каждая такая заметка содержала справедливые упреки в адрес местной полиции. Очевидно, инициатор открытия Московского частного сыскного бюро учитывал эту обстановку, сложившуюся в провинции.

К сожалению, мне не удалось обнаружить никакой дополнительной информации: удалось ли указанному лицу, «служившему по сыскной части», открыть частное сыскное бюро, а если да, то какими делами оно занималось. В любом случае, это едва ли не единственное свидетельство о частном сыске в России. Косвенно указывает на это и сравнение будущего московского бюро с «существующими в Англии». То есть аналогичных русских бюро, с которыми можно было бы сравнивать, в природе не существовало.

Вряд ли следует относить к таковым открытое в Париже в 1912 году частное сыскное бюро «Бинт и Самбэн», хотя само по себе это было весьма интересное предприятие – учитывая, что его владелец и глава Генрих Бинт, старший агент фран-

---

¹ В Москве организуется частное сыскное бюро // Новое время. – 1911. – 30(17) августа. Из собрания сайта «Газетные старости»: <http://starosti.ru/article.php?id=28417>.

цузской сыскной полиции, одновременно был сотрудником заграничной агентуры русского Департамента полиции, а затем руководителем службы наружного наблюдения. После революции и вплоть до 1925 года он оставался русским агентом. Но рассматривать на этом основании его бюро как русское частное сыскное агентство вряд ли стоит – оно было лишь прикрытием.

Хотя, надо признать, очень удачным прикрытием. Вот как об этом писал в секретном докладе непосредственный начальник Бинта – заведующий заграничной агентурой российского Департамента полиции А.А. Красильников:

«Бывший начальник парижской сыскной полиции Горон, выйдя в отставку, открыл розыскное бюро, существующее до сих пор, и зарабатывает большие деньги. Заведовавший когда-то наблюдением при заграничной агентуре Альфред Девернин тоже занимается ныне частным розыском, и никто не будет удивлен, если теперь, после окончательной ликвидации, старший агент Бинт объявит другим филерам, что, чувствуя себя еще в силах работать и сделав за 32 года своей службы кое-какие сбережения, он намерен тоже открыть розыскное бюро по примеру Горона, Девернина и других.

...Бинт устроится в нанятом для его бюро помещении, начнет свою частную деятельность, делая соответствующие рекламные объявления в некоторых газетах, с указанием адреса бюро, телефона и т.д., приблизительно такого содержания: “Тенрих Бинт, бывший инспектор сыскной полиции. Дознание, розыск, частные наблюдения”.

Если на такое объявление кто-нибудь отзовется, то Бинт не будет отказывать первое время от исполнения предложенных ему посторонних дел, так как возможно, что некоторые обращения частных лиц в его бюро будут делаться с целью проверки, действительно ли он занимается общим розыском в коммерческих интересах...»¹

---

¹ Доклад заведующего заграничной агентурой А.А. Красильникова директору Департамента полиции С.П. Белецкому о необходимости усовершенствования постановки наблюдения за политической эмиграцией, 1912 год. Электронная версия.

Возможно, где-то в парижских архивах можно отыскать и следы деятельности этого бюро – именно как французского сыскного бюро, а не русской нелегальной резидентуры¹.

Чтобы закончить с Генрихом Бинтом и его бюро, скажем, что именно от него впоследствии исходило сообщение о «русском» происхождении печально известных «Протоколов сионских мудрецов»: известный разоблачитель провокаций Владимир Бурцев с его слов заявил, что «Протоколы» были сфальсифицированы заведующим заграничной агентурой Департамента полиции Петром Рачковским или по его прямому указанию. Сегодня, впрочем, эта версия поддерживается не всеми историками. Так что деятельность французского полицейского, бывшего одновременно агентом русской разведки и частным сыщиком, содержит еще немало тайн.

Вернемся в Россию. Хотя частных сыскных бюро здесь до революции не было или почти не было, уже 6 декабря 1905 года Совет министров предоставил губернаторам право разрешать учреждение полицейских должностей и целых подразделений, обеспечивающих охрану частных владений, в первую очередь земельных, но также и промышленных предприятий. Таким образом в России появилась частная полиция.

В 1906 году были приняты «Правила об образовании обществами и частными лицами должностей полицейских чиновников и команд полицейской стражи», которые утверждали сложившийся на практике порядок учреждения и финансирования частной полиции. В 1916 году число ее сотрудников достигало пяти с половиной тысяч человек.

Но частная полиция выполняла охранные функции вроде тех, которые выполняют современные службы безопасности в крупных компаниях. Хотя, разумеется, в определенных случаях она могла проводить и внутреннее расследование каких-то правонарушений и случаев промышленного шпионажа.

---

¹ В Госархиве РФ есть фонд Генриха Бинта, включающий в себя донесения агента и отчеты его непосредственного начальства: ГАРФ. Ф. 509. О. 1. 1130 ед. хр., 1874–1929.(12)

В свете всего вышеизложенного пикантным выглядит тот факт, что блестящий российский криминалист и последовательный противник частного сыска Аркадий Францевич Кошко в конце жизни сам стал частным сыщиком. Случилось это, правда, не в Москве, а в Стамбуле, в пору, когда бывший генерал Кошко оказался в эмиграции. В 1920 году в турецкой столице он открыл частную детективную контору, которая успешно действовала в течение нескольких лет. Честно признаюсь, мне очень хотелось, чтобы именно его деятельность и его личность натолкнули Агату Кристи на идею романа «Убийство в Восточном экспрессе». В конце концов, почему бы и нет? Встретились случайно в Стамбуле, сыщик-эмигрант (русский Пуаро!) что-то поведал писательнице из своего опыта... Увы! Писательница посетила Стамбул лишь в 1934 году, а Аркадий Францевич Кошко за одиннадцать лет до того, в 1923-м, встревоженный слухами о возможной выдаче правительством Ататюрка всех эмигрантов советским властям, перебрался в Париж.

Но, с другой стороны, что мешает предположить, что в стамбульском отеле «Пера Палас» в 1934 году служил какой-то пожилой русский эмигрант, знакомый с Аркадием Францевичем? А уж от него Агата Кристи узнала о каких-то делах замечательного русского сыщика, что какое-то из этих дел подтолкнуло ее к замыслу знаменитого романа, который она тут же в отеле и написала?..¹

Похоже, автор дал волю своей литературной фантазии. Приношу за то извинения читателям...

Коль скоро зашла речь о России, рассмотрим некоторые нашумевшие дела, которые в принципе можно счесть частными расследованиями (то есть относящимися к предмету книги). Одновременно они – прямо или косвенно – указывают на влияние Пинкертона (а лучше сказать, его литературных двойников) на следственное дело в России.

---

¹ Агата Кристи действительно писала роман «Убийство в Восточном экспрессе» в номере 411 стамбульского отеля «Пера Палас». Сегодня в этом номере открыт ее музей.

Интересно, что нам предстоит иметь дело со своего рода зеркальным отражением дел Пинкертонa. Зеркальным — то есть диаметрально противоположным: главными героями у нас окажутся представители аналогичных тайных организаций. В роли проницательного сыщика предстанет член революционной партии, а противостоять ему будут зловещие агенты правительства. Словом, дело «Молли Магуайр», вывернутое наизнанку: взгляд со стороны членов «Молли Магуайр». *Как бы с той стороны.*

Нет ничего удивительного в том, что частный сыск в России конца XIX — начала XX века, в отличие от Запада, служил антиправительственным силам. Ведь коли официальная полиция служит государству, то революционеры, естественно, обходятся своими силами. А применяют они, разумеется, методы частного сыска.

Правда, «частный сыск» революции и задачи решал достаточно своеобразные. Речь шла главным образом не о расследовании убийств или грабежей, а о разоблачении тайных агентов полиции.

Особенно блистал на этом поприще упоминавшийся нами журналист и член партии социалистов-революционеров (эсеров) Владимир Львович Бурцев. Он даже заслужил прозвище, вынесенное в заголовок, — автор одной из брошюр, вышедших в 1911 году, назвал Бурцева Шерлоком Холмсом русской революции, каковой титул «охотник за провокаторами» (еще одно громкое прозвище Бурцева) принял вполне благосклонно. Насколько оно соответствовало реальным «делам» Бурцева, судить читателю. Самым громким расследованием Бурцева стало разоблачение Азефа. Вот как все происходило, если судить по воспоминаниям самого Владимира Львовича.

«В мае 1906 года ко мне в Петербурге в редакцию “Былого” пришел молодой человек, лет 27–28, и заявил, что желает поговорить со мной наедине по одному очень важному делу. Когда мы остались с глазу на глаз, он мне сказал:

— Вы — Владимир Львович Бурцев? Я вас знаю очень хорошо. Вот ваша карточка, я ее взял в департаменте полиции, по этой карточке вас разыскивали... По своим убеждениям я — эсер, а служу в департаменте полиции чиновником особых поруче-

ний при охранном отделении... Скажу вам прямо: не могу ли я быть чем-нибудь полезным освободительному движению?»¹

Так начинает Бурцев свой рассказ об этом деле в книге воспоминаний «В погоне за провокаторами». К тому моменту он уже заслужил громкую славу разоблачениями агентов-провокаторов, внедренных в революционное движение. Сразу же поясним: в сленге русских революционеров того времени слово «провокатор» означало не совсем то, что понимали под этим в других странах и в другие времена. Русские революционеры «провокаторами» называли тайных агентов полиции, которые работали внутри революционных партий и организаций. Эти агенты никого не провоцировали на совершение преступных деяний, но определение «провокаторы» приклеилось к ним всерьез и надолго и очень быстро распространилось за пределы собственно революционной среды.

Молодой человек, желавший быть полезным делу революции, назвался Михайловским, однако вскоре Бурцев выяснил, что настоящее его имя Михаил Бакай и что он действительно служит в Варшавском охранном отделении. По его словам, произвол, пытки, провокации охранки (на этот раз провокации в общепринятом смысле – вплоть до организации убийств чиновников), творящиеся в этом отделении, заставили его прийти к революционерам и предложить им свои услуги.

Бакай буквально завалил Бурцева информацией о действиях полиции против революционеров-террористов. Касалась она главным образом тех членов партии эсеров, которые одновременно были тайными сотрудниками полиции.

Среди прочего он сообщил, что в руководстве «Боевой организации» эсеров имеется агент полиции. Зовут предателя дела революции Раскин, но это, разумеется, псевдоним.

Такое вот полицейское «не-могу-молчать».

Ко времени появления Бакай в редакции «Былого» в активе Бурцева уже числилось несколько серьезных побед. Ему удалось разоблачить агентов русского политического сыска,

---

¹ В.Л. Бурцев. В погоне за провокаторами. – М.: Юрайт (Антология мысли), 2018. – С. 37.

внедренных в революционную среду, неких Геккельмана и Бейтнера. Первый под именем Ландезена был внедрен в среду революционеров-народовольцев еще до покушения на Александра II. Когда в 1884 году Бурцев с ним столкнулся, Геккельман вращался в кругах революционных эмигрантов в Париже. Бурцев, по его собственному признанию, никаких расследований не проводил, а случайно получал нужную информацию от народовольца Дегаева, завербованного полицией, но затем раскаявшегося, выдавшего нескольких информаторов и организовавшего на собственной квартире убийство своего куратора – жандармского подполковника Георгия Судейкина.

Разумеется, разоблачение нашим героем Геккельмана и Бейтнера можно отнести к случайности. Но после знакомства с историей Пинкертона я хорошо понимаю, сколь важную роль играет случай в жизни сыщика¹.

Теперь же, получив наводку от полицейского чиновника, Бурцев уже не ждал подарков судьбы. Он всерьез занялся следствием, поскольку и обвинение было чрезвычайно серьезным.

Проверка показала, что сведения, которые, по словам Бакая, становились известны полиции, мог сообщить только человек из руководства партии эсеров, а точнее – самой законспирированной ее части, Боевой организации, стоявшей за всеми террористическими акциями.

«Охотник за провокаторами» чувствовал, что приближается к самой крупной добыче. Но кто же это?

Однажды, как пишет Бурцев, он случайно встретил прогуливавшегося с женой главу БО Евно Фишелевича Азефа.

«Передо мной вдруг встал очень серьезный вопрос. Если я издали увидел Азефа и так легко узнал его, то как же сыщики, которые, конечно, знают его в лицо, могут его не узнать, когда

---

¹ Окончательно Геккельман был разоблачен (можно сказать, саморазоблачился) лишь в 1908 году, когда оказался в Париже в официальной должности руководителя зарубежной агентуры Департамента полиции при русском консульстве. Он к тому времени с разрешения правительства принял православие и поменял свою фамилию на Гартинг. Но фактически Бурцев разоблачил его публично еще в 1884 году.

он так открыто бывает в Санкт-Петербурге?»¹

Бурцев решил, что, очевидно, полицейские внедрили своего агента Раскина в окружение Азефа, чтобы получать ценную информацию почти из первых рук. Потому, как он полагал, они и не арестовывают главного организатора террора – чтобы не подставлять под удар своего «Раскина».

Теперь все мысли Бурцева сосредоточились на фигуре Азефа и его окружении. Размышляя о каждом из революционеров, он задавался вопросом: не этот ли является пресловутым «Раскиным»? И всякий раз отбрасывал подозрение. До тех пор пока ему вдруг не пришло в голову: а не сам ли Азеф и есть агент охранки по имени Раскин?

Это предположение поразило будто громом в первую очередь самого Бурцева. Но отмахнуться от него «охотник за провокаторами» не смог.

Евно Фишелевич Азеф словно самой природой был определен на роль Иуды-предателя. Еврей с той самой внешностью, которую называют «мечта антисемита». Некрасивый, с приплюснутым носом, выпуклыми глазами, толстыми, словно вывернутыми губами. Он родился в октябре 1869 года в местечке Лысково Гродненской губернии в семье бедного портного. Участвовал в деятельности революционных кружков. Учился в гимназии, затем уехал за границу, в Карлсруэ, где окончил университет и стал инженером-электротехником.

Вернувшись в Россию и вступив в 1899 году в партию эсеров, Азеф вскоре возглавил ее Боевую организацию. И тут

Владимир Львович Бурцев.
1900

¹ В.Л. Бурцев. В погоне за провокаторами. – М.: Юрайт (Антология мысли), 2018. – С. 44.

проявился его фантастический талант организатора террористической войны с правительством. Под его непосредственным руководством были совершены более тридцати террористических актов. Среди них — убийство министра внутренних дел и шефа корпуса жандармов В.К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Он же организовал убийство священника Георгия Гапона, осуществленное по его распоряжению боевиками Петра Рутенберга. Словом, для революционной России Азеф был фигурой легендарной.

Теперь понятно, каким абсурдом в глазах руководства партии эсеров выглядело обвинение, высказанное Бурцевым. Скорее можно было поверить, что папа римский на самом деле — главный раввин Рима и на Пасху ест мацу, замешанную на крови христианских младенцев.

При этом никаких доказательств Бурцев не представил. Только общая информация, полученная от Бакая, да еще глубокая личная убежденность в том, что Азеф и Раскин — один и тот же человек. Впрочем, убежденность — вещь нематериальная. Неудивительно поэтому, что соратники Азефа в обвинения не поверили и потребовали более весомых улик.

Бурцев и сам понимал, что столь тяжкое обвинение требует неопровержимых доказательств, и решил получить их из первых рук — от бывшего директора Департамента полиции А. Лопухина. Встретиться с ним Бурцеву удалось в поезде: в Берне он сел в вагон, а в нем — кто бы мог подумать! — как раз ехал отставной сановник с супругой. Чета Лопухиных направлялась в Лондон.

Оставим в стороне вопрос (сам по себе интересный), как эта встреча была организована. Скажем лишь, что Лопухин не проронил ни слова за первые четыре часа, пока Бурцев вдохновенно говорил о страшной роли двойного агента Азефа. Впрочем, Лопухину он сразу сказал: «Вы можете молчать. Я все расскажу сам, от вас требуется лишь подтвердить мой рассказ». И Лопухин, по словам Бурцева, подтвердил, возмущившись кровавой ролью Азефа. Правда, подтвердил своеобразно: «Никакого Раскина я не знаю. С господином Азефом

несколько раз действительно встречался».

Можно ли из этого заключить, что Азеф и Раскин — одно и то же лицо? Бурцев считал — можно.

А ему вновь не поверили. Вот как сам Бурцев вспоминает об этом:

«По настоянию судей, П.А. Кропоткина, Г.А. Лопатина и В.Н. Фигнер, мне пришлось рассказать о моем разговоре с Лопухиным. Мои обвинители настаивали на том, что Лопухин был подослан ко мне, что он сознательно оклеветал Азефа, и мне сообщили, что в Петербург будет послан специальный представитель социал-революционеров для допроса Лопухина»¹.

Евно Азеф

Не будем занимать внимание читателей всеми деталями. У меня сложилось впечатление, что руководство революционеров просто устало отбиваться от «доказательств» Бурцева. Азефа признали виновным в «провокаторстве» — сотрудничестве с властями и приговорили к смертной казни. Правда, он благополучно скрылся за границу и поселился в Берлине, где жил по документам Александра Нимейера. Эсеры не знали? Да нет, знали. Даже Бурцев знал и встречался с Азефом на французском курорте в 1912 году. Но никто его не трогал, он благополучно дожил до конца Первой мировой войны и умер от почечной недостаточности в 1918 году. Почему не убили? Загадка. Еще одна.

Словом, разоблачили провокатора Азефа. И что? Наконец-то эсеры могли действовать по-настоящему эффективно? Отнюдь. После ухода Азефа боевая деятельность партии просто сошла на нет.

¹ Там же. — С. 78.

И власти наконец могли вздохнуть спокойно. Кто же выиграл от действий Бурцева?

Когда Бурцева называли Шерлоком Холмсом русской революции, не кто иной, как его бывший информатор, благородный полицейский Бакай возмущенно отозвался на это в 1912 году: «Вы и Шерлок Холмс мне представлялись двумя противоположными полюсами, как по социальному положению, так и по моральному облику»¹. И чуть дальше: «На деле Азефа... Вы заработали до 40 000 франков. К Вам поступали деньги с разных сторон – из Швейцарии, из Америки, от партий, от частных лиц. Вы сами говорили, что за один первый год Вашей кампании Вами было получено более 100 000 франков... за дутые дела о выеденных яйцах»². Вот тебе и раз... А говорят – бескорыстие Бурцева восхищало даже его врагов... Да еще дутые дела...

Сам Бурцев вспоминает, как при той самой случайной встрече во Франции в 1912 году Азеф ему сказал: «Если бы не вы, я бы убил царя!» И был при этом, как пишет Бурцев, совершенно искренен. Добавим – потому что говорил правду: именно незадолго до бурцевских разоблачений Азеф активно готовил покушение на Николая II. И – что тут скажешь? – действительно, активность Бурцева эту подготовку остановила.

Так что же? Была ли степень сотрудничества Азефа с охранкой вполне допустимой для революционера-террориста? Такая практика существовала. Можно, например, вспомнить члена Исполнительного комитета «Народной воли» революционера Н.В. Клеточникова, который совмещал участие в революционной деятельности, в том числе в подготовке покушения на Александра II, со службой в одном из департаментов Третьего отделения³. Служба позволяла ему раз за разом срывать планы полиции по раскрытию революционной организации. Если Бурцева, справедливо или нет, называли Шерлоком Холмсом

---

¹ Цит. по изданию: Л. Троцкий. Политические силуэты // Л. Троцкий. Сочинения. – Гос. изд-во, 1926. – С. 120.

² Там же.

³ Тогдашний политический сыск.

русской революции, то Клеточникова можно было бы назвать Штирлицем русской революции.

Или же Азеф переступил черту, которая отделяла «игру» от предательства?

На этот вопрос ответа не существует.

Общепринятым является мнение об Азефе как о «провокаторе» (агенте полиции). Его как будто подтверждают не только разоблачения Бурцева, вроде бы поддержанные Лопухиным, но и воспоминания А.В. Герасимова – начальника Санкт-Петербургского охранного отделения. В своих воспоминаниях «На лезвие с террористами» он много страниц уделяет деятельности Азефа как добросовестного агента. Глава, в которой он впервые выводит на сцену Азефа, так и называется «Знакомство с моим лучшим агентом»¹.

Но мемуары Герасимова были написаны спустя два десятилетия после всех разоблачений, когда «провокачество» Азефа уже стало общим местом для историков русской революции.

Опять-таки, окончательно решить, рассказывает ли эта книга об агенте полиции или об «агенте» революционной партии, мне по прочтении не удалось. Меня не оставляло всё то же ощущение: Вальтер Шелленберг вспоминает об истинном германском патриоте Штирлице и о своем мудром руководстве...

Так что, несмотря на вышесказанное, я оставляю этот вопрос открытым. Но не забудем, что разоблачение (истинное или мнимое) главы Боевой организации как агента-осведомителя Охранного отделения обезглавило партию эсеров всерьез и надолго. Может быть, в этом все дело? И Шерлок Холмс русской революции Владимир Бурцев оказался всего лишь пешкой в умелых руках полиции? С его позерством и тщеславием (что никак не отрицает искренности и личной порядочности охотника за провокаторами) он вполне подходил на такую сомнительную роль. Во всяком случае, в рассказе Бурцева хватает лагун, вызывающих сомнения.

---

¹ См. А. Герасимов. На лезвие с террористами. – М.: Товарищество Русских художников, 1991.

Впрочем, иногда мне кажется, что Азеф было наплевать и на партию, и на власти. Полиция не сумела предотвратить несколько терактов, совершенных под его руководством, — убийств министра внутренних дел В.К. Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и санкт-петербургского градоначальника В.Ф. Лауница. Первого русские революционеры (и Азеф в их числе) считали виновником печально известного кишиневского погрома 1903 года (погибли 49 человек, были ранены 586). Второго — главным вдохновителем государственного антисемитизма: став в 1891 году московским генерал-губернатором, Сергей Александрович одним из первых указов своих, 28 марта того же года, распорядился о выселении евреев из Москвы и Московской губернии; всего в течение двух лет были выселены десятки тысяч человек, в том числе часть отставных николаевских солдат, которым прежде разрешалось проживание на всей территории Российской империи, включая обе столицы. Тяжелые условия переселения, стрессовое состояние людей, вдруг лишенных родного дома, привели к смерти нескольких человек. Санкт-петербургский же градоначальник Лауниц открыто поддерживал «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела», а за убийство черносотенцами депутата I Государственной думы М. Герценштейна выплатил убийцам денежную премию в 2000 рублей.

Так, может быть, самые громкие теракты Евно Азеф организовал не столько из-за революционных взглядов, сколько по причинам личного, национального характера? Почему бы не предположить, что его действия — месть еврею тем, кого он и его окружение считали виновниками антисемитских эксцессов в стране?

Впрочем, роль евреев в русской революции не является предметом этой книги. В том же, что касается сыскных способностей Владимира Бурцева, то при всем уважении к искренности и кипучей энергии этого человека я позволю себе усомниться в них.

Вынужденный эмигрировать из России после окончания Гражданской войны, Шерлок Холмс русской революции поселился в Париже. Здесь он написал свои воспоминания («В погоне за провокаторами»), опубликованные не только во Франции, но и

в Советской России, где его считали предателем революционных идей: он не только не признал большевиков, но и поддержал обвинение Ленина и других лидеров большевистской партии в работе на германскую разведку. Например, на допросе в Париже по делу об убийстве царской семьи Бурцев заявил следователю:

«Совершенно определенно заявляю Вам, что главой немецкой агентуры был Ленин. Его окончательное соглашение с немцами произошло еще в 1916 году в г. Берне. Тогда он получил от немцев крупные деньги и окончательно “нанялся” к ним, согласившись работать по их указаниям... Прибыв в Россию в 1917 году с целым сонмом нанятых им агентов, в чем ему открыто помогли немцы, он повел энергичную борьбу на развал России в самом широком масштабе...»¹

Судите сами, насколько такие показания говорят о детективных способностях Владимира Львовича и о его добросовестности как сыщика.

В 1934–1935 годах Бурцев выступал в качестве свидетеля на Бернском судебном процессе, который рассматривал вопрос о подлинности «Протоколов сионских мудрецов». Позже он написал и опубликовал книгу «Протоколы сионских мудрецов. Доказанный подлог». В своих утверждениях о «русском» происхождении знаменитой фальшивки он, как предполагается, опирался на информацию, полученную от уже упоминавшегося мною Генриха Бинта, французского полицейского (впоследствии частного сыщика) и агента русской заграничной службы.

Умер Бурцев в 1942 году в оккупированном немцами Париже.

* * *

Октябрь 1917 года переломил историю России. Изменилась и система борьбы с преступностью. Но попытки организации частного сыска здесь продолжались и в это время.

---

¹ Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Предварительное следствие 1919–1922 гг. Т. 8. Выпуск 1. 1998., – С. 222.

В июле 1922 года начальник Управления уголовного розыска НКВД Зиновий Кацнельсон подал в Совнарком проект Декрета об организации частных розыскных бюро. В сопроводительном письме, приложенном к проекту, Кацнельсон писал:

«Работа розыскных Бюро по негласному наблюдению и осведомлению должна в значительной мере разгрузить работу в этой области активных сотрудников Уголовного Розыска, не могущих, по своей малочисленности, достаточно успешно бороться с громадной преступностью в крупнейших городах РСФСР.

С другой стороны, установленный п. 2 проекта порядок открытия Бюро, предусмотренные пп. 4–6 ограничения круга деятельности и осуществляемый на основании п. 10 надзор должны парализовать возможные злоупотребления».

Сам же декрет, по замыслу разработчиков, был достаточно краток и содержал всего 10 пунктов.

«1. Разрешить открытие частных розыскных бюро по уголовным преступлениям.

2. Право открытия частных розыскных Бюро по уголовным преступлениям предоставляется организациям частных лиц с особого на каждый раз разрешения Народного Комиссара Внутренних дел.

3. Для получения разрешения на открытие бюро, организаторы должны представить в Народный Комиссариат Внутренних Дел организационный договор и подписку о соблюдении правил настоящего Положения.

4. Круг деятельности частных розыскных бюро ограничивается негласным наблюдением и осведомлением для раскрытия или предупреждения уголовных преступлений против личных и имущественных интересов частных лиц и имущественных интересов учреждений и предприятий, правительственных и частных.

5. Кроме того, частным розыскным бюро предоставляется принимать на себя охрану путем наблюдения складов, торговых помещений, квартир и грузов в пути, а также розыск пропавших без вести лиц и потерянного имущества.

6. Воспрещается принимать к производству наблюдение и сыск по делам исключительно личного, семейного и т.п. ха-

рактера, не связанным с предупреждением или раскрытием уголовных преступлений.

7. Указанная в пп. 4 и 5 деятельность осуществляется организаторами бюро лично или через наемных агентов.

8. Организаторам и агентам частных розыскных бюро не присваивается никаких особых прав и привилегий, и за все совершенные или допущенные ими при розыске нарушения законов они отвечают на равных со всеми гражданами Республики основаниях.

9. Если по ходу порученного бюро явится необходимость в производстве обыска, ареста, выемки или других нарушающих свободу граждан действий, то бюро должно обращаться к содействию органов Милиции или Уголовного розыска, от коих всецело зависит принятие, на основании сообщенных сведений, соответствующих мер.

10. Частные розыскные бюро обязаны вести книги, в которые подробно заносятся все принятые к производству дела, и списки агентов. Книги и списки подлежат осмотру исключительно по специальным в каждом отдельном случае требованиям: Народн. Комиссара Внутренних Дел, судебных мест и Начальников: Управления Уголовного Розыска Республики и местного Управления Уголовного Розыска.

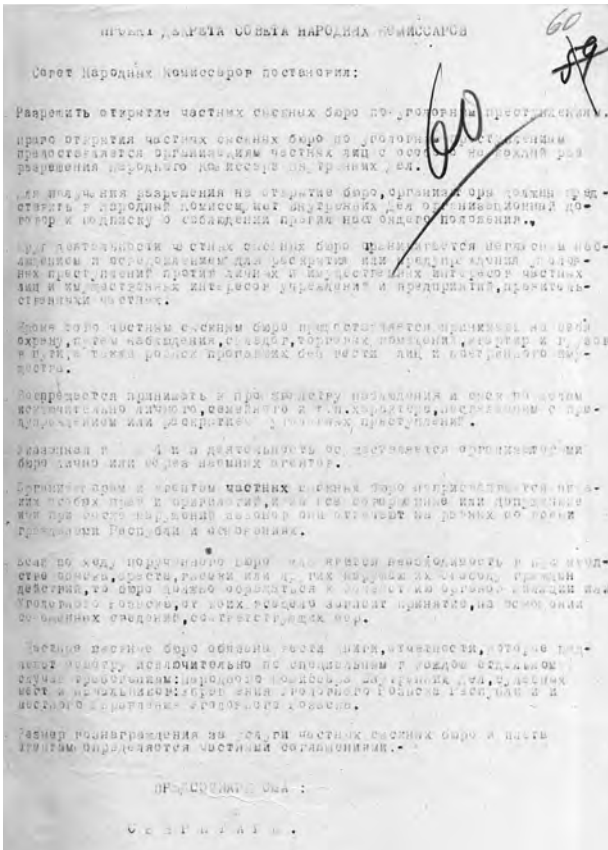
11. Размер вознаграждения за заслуги частных розыскных бюро и плата агентам определяется частными соглашениями¹.

Итак, согласно этому проекту, частные розыскные бюро призваны были разгрузить государственные правоохранительные органы в связи с резким ростом преступности в годы недавно закончившейся Гражданской войны. Нам кажется, что тут играла свою роль и новая политика Советского правительства, так называемая новая экономическая политика: в стране появился свободный рынок, частная собственность, появились богатые люди — а следовательно, и преступники тех специальностей, о которых за время Гражданской войны и военного коммунизма успели позабыть. Далеко не все ре-

---

¹ Государственный архив РФ. Ф. 393. Оп. 38. Д. 2. Лл. 29, 29 об., 28, 28 об., 26, 27, 58, 59, 59 об. 60, 56, 57.

**Проект указа СНК РСФСР о создании
Всероссийского частного сыскного бюро**

преступников, среди которых «классово близких» элементов было больше, чем среди нэпманов, новой буржуазии. Возможно, идея организации частного сыска в стране имела и такую скрытую составляющую: вот пусть буржуев такие же буржуи от сыска и оберегают. Пусть нэпманы платят таким же частникам за охрану, розыск похищенного имущества и прочее. А настоящий уголовный розыск будет бороться с бандитизмом, контрреволюцией и теми преступниками, которые посягают на государственную собственность.

Так ли рассуждал старый большевик и чекист Кацнельсон, трудно сказать. Это только предположение, и, разумеется, я имею в виду лишь одну из возможных причин появления проекта. Да и вряд ли Кацнельсон в самом деле так формулировал его цель. Я говорю лишь о возможной эмоциональной составляющей, одной из многих.

Проект вызвал серьезную критику со стороны наркома юстиции Курского, который в докладной записке указал, что малочисленность аппарата уголовного розыска не позволит должным образом контролировать деятельность частных сыскных бюро. Кроме того, наркомюст высказывал опасения, что частные сыскные бюро, имея постоянный контакт с преступниками, могут легко втянуться в организованную преступную деятельность. На это, правда, З. Кацнельсон вполне резонно возразил, что такое подозрение можно высказать и в адрес представителей правительственных органов (в том числе и подчиненных самому Курскому) – ведь они тоже имеют контакты с преступниками. Но серьезной дискуссии относительно разрешения частных сыскных бюро не получилось. В августе 1922 года Кацнельсон ушел с поста главы уголовного розыска – ушел на повышение¹. Сменивший его И. Визнер попросил членов Совнаркома отложить рассмотрение проекта, считая его преждевременным (или непродуманным). Визнер в 1923 году скончался, и проект так и канул в Лету. Спустя некоторое время советское правительство особым указом запретило в стране частную сыскную деятельность.

---

¹ Его карьера была поначалу успешной. Ставленник Г. Ягоды, он прошел ряд ступеней служебной лестницы и к апрелю 1937 года занял должность заместителя начальника ГУЛАГа. Но завершилось все расстрельным подвалом в июле того же 1937 года.

Вместо интерлюдии – эпилог

СРАВНЕНИЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЙ

Невозможно проанализировать особенности личностей и биографий наших героев без сопоставления их. Воспользуемся же опытом древнегреческого философа и писателя Плутарха. В самом популярном своем труде, «Сравнительные жизнеописания», он сравнивает знаменитых исторических деятелей, реальных и легендарных, живших в разные эпохи, но в чем-то важном похожих друг на друга: Юлия Цезаря и Александра Македонского, Ромула и Тесея, Демосфена и Цицерона. Чем наши герои хуже перечисленных? По мне, так в чем-то и лучше. Вот и решил я завершить эту книгу сравнением Эжена Видока, Игнациуса Поллаки и Алана Пинкертона.

Что между ними общего?

И чем они отличаются друг от друга – принципиально?

Сначала – об общих чертах. Кроме, разумеется, профессии, того, что все они были сыщиками, борцами с преступностью. Но что еще в их жизни было похожим? С самого начала?

Думаю, читатель уже заметил: три великих сыщика начинали свою общественную деятельность в эпоху социальных потрясений. Причем все трое вполне активно в них участвовали.

Эжен-Франсуа Видок был солдатом, а затем и офицером революционной армии в годы Великой французской революции. Игнациус Пол Поллаки участвовал в событиях европейских революций 1848 года. Алан Натаниэль Пинкерстон был самым молодым и радикальным лидером чартистов в Глазго.

А вот затем...

Видок, если верить официальной биографии, стал преступником, а Поллаки и Пинкерстон бежали из своих стран, пер-

вый – в Великобританию, второй, напротив, из Великобритании – в США.

Что же – Видок из нашей троицы по этому вопросу выпадает?

Да как сказать. Может, выпадает. А возможно, и нет. Даже если предположить, что официальная версия биографии знаменитого француза справедлива, почему бы не рассматривать его бегство «в Страну Криминале» тоже своего рода эмиграцией? Уходом от привычной жизни? По-вашему, натяжка? Ну, хорошо. Значит, в вопросе эмиграции Видок выпадает.

Вернемся к Поллаки и Пинкертону. Оба молоды, предприимчивы, оба полны решимости начать новую жизнь в чужой стране. И оба – так уж получилось – оказываются причастными к правоохранительной деятельности. Пинкертон становится помощником шерифа, Поллаки – переводчиком в суде.

Заметим, что в том же возрасте третий, или, вернее, первый из Большой Тройки служит в армии, мошенничает, корсарствует, сидит в тюрьме, бежит с каторги. Иными словами, оказывается по другую сторону баррикады, которую защищают его коллеги.

Но рассмотрим теперь то, как каждый из них пришел к делу всей жизни. Делу, принесшему им славу и – да-да, бессмертие.

Видок – первопроходец. Его энергии, изобретательности, артистизму Европа обязана появлению первой на континенте криминальной полиции, а в дальнейшем – и первого частного сыскного бюро.

Поллаки становится учеником Чарльза Филда. Затем открывает собственное частное детективное бюро.

Пинкертон работает у старшего брата, занимающегося охраной железнодорожных грузов. Затем открывает собственное частное сыскное агентство.

Вот с этого момента сходство существенно усиливается. Все трое показывают себя непримиримыми борцами с преступностью.

Все трое активно и охотно используют новейшие достижения криминалистики, от которых полиция с досадой отмахивается.

Все трое показывают себя противниками сложившихся стереотипов — как профессиональных, так и социальных.

Видок приглашает на работу бывших преступников, доказывая, что преступниками многие становятся от безысходности.

Поллаки всемерно помогает борьбе революционеров с преследующими их властями. Да и сам он, будучи евреем-эмигрантом, сочувствует жертвам социальных, религиозных и национальных преследований.

Пинкертон впервые в истории полицейского и частного сыска принимает на службу женщин и бывших рабов. Это немногим отличается от подхода к вопросу о приеме на службу Видоком других изгоев. Тем более что в обществе, в котором он живет, иные преступники считаются более уважаемыми гражданами, нежели женщины и тем более люди с темной кожей.

И Пинкертон, и Поллаки числят среди друзей таких прогрессивных и даже радикальных деятелей, как Фредерик Дуглас, Авраам Линкольн и Джон Браун (первый) или как Фридрих Энгельс и Эдвард Бернштейн (второй).

Видок, представитель более старшего поколения, не дожидаясь Гражданской войны в США. Игнациус Поллаки и Алан Пинкертон в этой войне решительно и вполне убежденно оказались на одной стороне. Поллаки выявляет агентов Конфедерации в Лондоне, Пинкертон — в Вашингтоне. Что интересно: сходство дополняется и отношением к ним, вызванным их активностью на поприще контрразведки. Игнациуса Поллаки раздраженно именовали «наглым германским евреем, своей бесцеремонностью оскорбляющим уважаемых джентльменов» (разумеется, сочувствующих южанам), Пинкертона называли в тех же случаях полицейской ищейкой, палачом и чудовищем. Сочувствие высшего общества было на стороне их противников — воспитанных аристократов с хорошим образованием и приличными манерами.

И Видок, и Поллаки, и Пинкертон отличались личной храбростью. Это, в общем-то, понятно. Трус не выберет такую профессию, какую выбрали (следовало бы сказать, создали) они. А преступный мир неоднократно объявлял вендетту гениаль-

ным сыщикам, и им приходилось защищаться, не полагаясь на общество, с трудом их терпевшее, и правительство, цинично отворачивавшееся от собственных защитников. История сохранила для нас и печальный финал жизни Игнациуса Поллаки, и кровавые разборки бандитов Дикого Запада с Пинкертоном и его людьми. Известно ей и то, как, оказавшись в одиночестве среди профессиональных преступников, Эжен-Франсуа Видок громогласно провозглашал: «Я – Видок!» – и готов был сражаться в одиночку с десятком головорезов.

Но главное, что объединяло этих замечательных героев истории криминалистики, их безусловное интеллектуальное превосходство над противниками. Их потрясающая наблюдательность, умение заметить мелочи, которые другим не были бы заметны и под микроскопом. Способность запомнить тысячи лиц преступников, да так, чтобы легко (это так говорится – «легко»!) распознать их под чужой личиной, под гримом, в чужой одежде. Видок с полувзгляда видел беглого каторжника, представлявшегося степенным обывателем; Поллаки раскусывал поддельных графов и маркизов; Пинкертон держал в памяти особенности не только бандитов, но и угнанных ими лошадей.

Артистизм, присущий этим людям, приводивший в восхищение даже врагов; артистизм, создававший легенды о тысячах личин, под которыми могли скрываться Видок и Поллаки, иностранные акценты, которым легко подражали Поллаки и Пинкертон, – и такие качества ставили их над окружающими. Это не неуловимый Фантомас, созданный фантазией П. Сувестра и М. Аллена, это их старший соотечественник Э. Видок мог быть то высоким, то низкорослым, то старухой, то молодым парнем, то испанцем, то русским, то каторжником, то князем...

И – главное, самое главное качество, присущее всем трим: способность мыслить нетривиально, принимать быстрые и неожиданные решения, делать точные умозаключения на основе мелочей.

И я думаю, что вот именно это – интеллектуальное превосходство – и явилось тем, что превратило героев моей книги, гениев уголовного сыска, в часть современной мифологии.

Сделало их бессмертными персонажами самого удивительного, самого поэтического и парадоксального жанра — детектива.

Но интеллектуальное превосходство — не единственная причина. Есть и еще одна общая черта, заметная при изучении их биографий.

Неблагодарность общества и власти.

Эжен-Франсуа Видок, великий борец с преступностью, был с позором изгнан со службы, все его начинания фактически уничтожены, а само имя превратилось в нарицательное прозвище продажного доносчика и лицемера.

Игнациус Пол Поллаки, спаситель сотен женщин, ставших жертвами торговцев живым товаром, гроза шантажистов и аферистов, разоблачитель иностранных шпионов, к концу жизни вынужден был превратить свой дом в крепость, а после смерти — горькая участь! — его дети отказались от имени отца, чересчур, на их взгляд, скомпрометированного неджентльменским поведением.

Алан Натаниэль Пинкертон, сражавшийся против системы рабства, воевавший с преступностью, захлестнувшей США, после смерти был объявлен чуть ли не расистом, а принятый федеральным правительством «Закон Пинкертона» позволил властям фактически разгромить созданную им систему борьбы с преступностью.

Так что вот они — общие особенности этих людей. Личная храбрость, интеллектуальная смелость борцов с несправедливостью и несправедливость по отношению к ним самим — вот тот фундамент, который стал основой героизации и мифологизации гениев сыска

Но, может быть, я ошибаюсь. Что же, каждый сам может сделать вывод самостоятельно — для того и была написана эта книга.

2011–2017

Реховот

Израиль

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Акельев Е.В. Преступный мир Москвы. Два «повинных доношения» профессиональных воров. 1741 // Исторический архив. 2007. № 6.

Античное ораторское искусство. Сетевая публикация: <http://www.orator.ru/referats.html>.

Бальзак Оноре де. Отец Горио // Оноре де Бальзак. Соб. соч. в 24 тт. М.: Правда (Библиотека Огонек), 1960. Т. 2.

Бальзак Оноре де. Блеск и нищета куртизанок // Оноре де Бальзак. Соб. соч. в 24 тт. М.: Правда (Библиотека Огонек), 1960. Т. 10.

Библиографический очерк о жизни Видока // Э.-Ф. Видок. Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции / Пер. с франц. В 3 тт. Киев: Изд. СП СВЕНАС/

Брехт Бертольд. Трехгрошовая опера // Бертольд Брехт. Мамаша Кураж и ее дети. Пьесы. М.: Текст, 2008.

Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М.: Юрайт (Антология мысли), 2018.

В Москве организуется частное сыскное бюро // Новое время, 1911. 17 августа 1911. Из собрания сайта «Газетные старости»: <http://starosti.ru/>.

Ван Дайн С. С. Двадцать правил для пишущих детективы // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990.

Верне Орас. При дворе Николая I. Письма из Петербурга 1842–1843 / Пер. Д. Васильева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

Видок Э.-Ф. Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции / Пер. с франц. В 3 тт. Киев: СВЕНАС, 1991.

Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2000.

Габорио Эмиль. Дело вдовы Леруж // Дело вдовы Леруж. Духи дамы в черном. Арсен Люпен – джентельмен-грабитель. М.: Прогресс, 1990.

Габорио Эмиль. Преступление в Орсивале // Э. Габорио. Преступление в Орсивале, Г. Леру. Тайна Желтой комнаты. М.: Молодая гвардия, 1991.

Герасимов Александр. На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников, 1991 .

Герцен Александр. Былое и думы. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1958.

Джеймс Ф.Д. Детектив на все времена. М.: АСТ: Астрель, 2011.

Диккенс Чарльз. Сыскная полиция // Чарльз Диккенс. Собр. соч. в 30 тт. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957–1963. Т. 19.

Диккенс Чарльз. Холодный дом /Чарльз Диккенс. Собр. соч. в 30 тт. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1957–1963. Т. 17.

Дойл Артур Конан. Долина страха // Долина страха. Записки о Шерлоке Холмсе. СПб.: Азбука, 2017.

Дойл Артур Конан. Родни Стоун // А.К. Дойл. Собр. соч. в 14 томах. М.: Терра. 1998. Т. 8.

Дойль Артур Конан. Этюд в багровых тонах // А.К. Дойль. Собр. соч. в 8 тт. М.: Правда (Библиотека Огонек), 1966. Т. 1.

Дойль Артур Конан. Последнее дело Холмса // А.К. Дойль. Собр. соч. в 8 тт. М.: Правда (Библиотека Огонек), 1966. Т. 2.

Дойль Артур Конан. Случай с водопроводчиком // А.К. Дойль. Собр. соч. в 8 тт. М.: Правда (Библиотека Огонек), 1966. Т. 2.

Дюма Александр. Маркиза де Бренвилье // Александр Дюма. Знаменитые преступления. СПб.: Азбука-классика, 2008.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука («Литературные памятники»), 1984.

Комаров Матвей. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина // Ванька Каин. М.: Эксмо (Русская классика), 2008.

Красильников А.А. Доклад заведующего заграничной агентурой директору Департамента полиции С.П. Белецкому о не-

обходимости усовершенствования постановки наблюдения за политической эмиграцией, 1912 год. Сетевая публикация: <http://regiment.ru/Doc/B/II/24.htm>.

Липранди И.П. Записки. Мнение, представленное д.с.с. И.П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1872. Т. VI.

Лисий. Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена // Лисий. Речи. М.: Ладомир, 1994.

Лисс Дэвид. Заговор бумаг. СПб.: Азбука-классика, 2006.

Мордовцев Даниил. Ванька Каин / Даниил Мордовцев. Ванька Каин. Царь Петр и правительница Софья. Царь и Гетман. М.: Планета, 1994.

Нокс Роберт. Десять заповедей автора детективов // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990.

Нью-йоркская полиция торгует женщинами // Раннее утро. 1912. 14 авг. Из собрания сайта «Газетные старости»: <http://starosti.ru/>.

По Эдгар Аллан. Полное собрание рассказов. М.: Наука (Литературные памятники), 1970.

Проект указа Совнаркома РСФСР об организации частной розыскной службы. Государственный архив РФ. Ф. 393. Оп. 38. Д. 2. Лл. 29, 29 об., 28, 28 об., 26, 27, 58, 59, 59 об. 60, 56, 57.

Пушкин А.С. Эпиграммы. Собр. соч. в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2.

Пушкин А.С. О записках Видока. Собр. соч. в 10 тт. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6.

Пушкин А.С. Встреча с Кюхельбекером. Полное собр. соч. в 17 тт. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. Т. 12.

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Предварительное следствие 1919–1922. 1998. Т. 8. Вып. 1.

Садиков П.И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (По новым материалам) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — [Вып.] 6. — С. 266–295. Сетевая версия издания: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v41/v41-266-.htm>.

Саммерскейл Кейт. Подозрения мистера Уичера, или Убийство на Роуд-Хилл. М.: АСТ, 2010. .

Суворов А.В. Письма. М.: Наука (Литературные памятники), 1986.

Твен Марк. Жизнь на Миссисипи // Марк Твен. Собр. соч. в 12 тт. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 4.

Троцкий Леон¹. Политические силуэты // Леон Троцкий. Сочинения. Гос. изд-во, 1926.

Торвальд Ю. Век криминалистики / Пер. И. Власова и Л. Пэка. М.: Проспект, 2009.

Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.: Наука (Литературные памятники), 1964.

Файкс Герхард. Большое ухо Парижа. М.: Юридическая литература, 1981.

Филдинг Генри. История Джонатана Уайльда Великого / Генри Филдинг. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1989.

Фрай Дж.Н. Как написать гениальный детектив. СПб.: Амфора, 2005.

Фридман Морис. Рабочее движение и агентство Пинкертона / Пер. с англ. Н. Бревновой. СПб.: Издание Е. Трацкой, 1910.

Хитченз Роберт. Зеленая гвоздика. М.: Алетейя, 2009.

Чернов Светозар. Бейкер-стрит. Эпоха Шерлока Холмса. М.: Форум, 2012.

Эйдельман Натан. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. Высшая школа, 1993.

Энгельс Фридрих. Письма // Маркс Карл и Энгельс Фридрих. Собр. соч. М.: Изд. политической литературы, 1964. Т. 35.

A Detective mentioned in Sullivan opera // The Times, Februar 28, 1918.

Agony Column of the Times 1800–1870. London, Chatto and Wiondus Pikadilli, 1881.

---

¹ Так в издании.

Alien Arrivals, 1810–1811, 1826–1869 [database on-line]. Provo, UT, USA: Ancestry.com Operations, Inc., 2010.

Ashley M. «The Great Detectives: Vidocq», *Strand Magazine*, 04. 2011.

Berkman A. «Prison Memoirs of an Anarchist». Электронная версия.

Case of Rosenwaks / Illustrated Australian News, 4 декабря 1871 г.

Die deutsche Geheimpolizei im Kampfe mit der Sozialdemokratie. Aktenstücke und Enthüllungen auf Grund authentischen Materials dargestellt, Hottingen – Zurich, 1882.

Drydon Vaughan. Pollaky: The Detective of Genius. A Sherlock Holmes in Real Life // Very Odd Fellows. The Argus (Melbourne), 09.01.1934. – No. 1.

England & Wales, Death Index, 1916–2007 [database on-line]. Provo, UT, USA: Ancestry.com Operations Inc, 2007.

Entrapping Women for Prostitution // Morning Chronicle, 2.03.1865.

Gardner Major Fitzroy. More Reminiscences of an Old Bohemian. London, John Murray, 192(?)

Gardner Major Fitzroy. Days and Ways of an Old Bohemian. London, John Murray, 1921.

Gay John. Newgate's Garland. Сетевая публикация: <https://www.poetrynook.com/poem/newgates-garland>.

Horan James D. The Pinkertons: The Detective Dynasty That Made. History. Bonanza Books, 1967 .

Jewish Gen: <http://www.jewishgen.org>.

Jewish Genealogy in Argentina. The Online Center of Jewish Genealogy in Argentina: <http://www.jewishgenealogy.com.ar/guia1950/ancestors-phone-357.html>.

Kesselman Bryan. 'Paddington' Pollaky, Private Detective. The Mysterious Life and Times of the Real Sherlock Holmes, 2015.

Kuhns Matt. Vidocq / Matt Kuhns. Brilliant Deduction. The Story of Real-Life Great Detectives. Lakewood, Ohio, Lyon Hall Press, 2012.

Kuhns Matt. 'Paddington' Pollaky / Matt Kuhns. Brilliant Deduction. The Story of Real-Life Great Detectives. Lakewood, Ohio, Lyon Hall Press, 2012.

Letter from Ch. Dickens to Inspector Ch. Field /Summary from Sotheby Catalogue, Jule, 1982.

Mackay J. «Alan Pinkerton. First detective». Castle Books, 2007.

Morton James. First detective. The Life and Revolution Times of Vidocq. The Overlook Press, NY, 2004.

Paddington Pollaky – Secret Agent / Sanford Historical Society: Friends and Supporters of the Sanford Museum. January – February 2005.

Paddington, Register of marriages, P87/JS, Item 034 / London Metropolitan Archives, Saint James.

Partridge Eric. A Dictionary of Catch Phrases: British and American, from the Sixteenth Century to the Present Day. Routledge, 1986 – Foreign Language Study.

Pinkerton Allan N. Mollie Maguires and The Detectives. NY, G.W.Carleton & Co. Publisahers, 1877.

Private Inquiri Office // Sydney Morning Gerald. 1865.

Records on Inspector Field from the files of Scotland Yard. <http://www.ric.edu/faculty/rpotter/chasfield.html>.

Scotland: Murder most horrid // The Times. 2005.

Surrey, England, Marriages, 1754–1937 [database on-line]. Provo, UT, USA: Ancestry.com Operations, Inc., 2013.

Weightman Gavin. Secrets of a Titanic Victim: The Story of the Real My Fair Lady. Backstory, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение	5
От автора	6

I. ПРЕДТЕЧИ

Подлинная история великого человека	13
Генерал против маршала	22
Так проходит мирская слава, так приходит мирская слава ...	29
Верни долг по-хорошему!	47
На другом краю Европы	51
Интерлюдия первая. Афины, смерть Казановы	65

II. ОТЕЦ «СЮРТЭ НАСЬОНАЛЬ»

Юность каторжника	76
Видок и революционная армия	84
Король побегов	100
Агент под прикрытием	113
Лучшая полиция Европы	118
Первые дела агента Видока	129
Рождение бригады «Сюртэ Насьональ»	137
Бюро по сбору информации	153
«Жид и шпион»	161
Акцент Эркюля Пуаро	171
Интерлюдия вторая. Дедушка Шерлока Холмса	178

III. ШЕРЛОК ХОЛМС В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Пожонь, Пресбург, Прешпорек	187
Убийство на Роуд-Хилл	193
Инспектор Филд, детектив	208
Сыщик-полиглот	218
Поллаки I Паддингтонский	226
Дело Элизы Армстронг	235
Принц сыщиков, король шпионов	240
Таинственный мистер Поллаки	251
Игнациус Поллаки и германская социал-демократия	256
Пустой дом Игнациуса Поллаки	259
Паддингтон-грин vs Бейкер-стрит	267
Интерлюдия третья. Эхо лесного выстрела	272

IV. ВЕЛИКИЙ СЫЩИК ИЗ НОВОГО СВЕТА

Молодой бондарь и его хобби	287
Спасти Президента	290
Дело Роуз О'Нил Гринхау	297
Судьбы разведчиков	301
Пинкертон и братья Рино	306
Пинкертон и братья Джеймс	311
Теоретик и практик	315
Ужасная дама Молли Магуайр	317
Процветающий семейный бизнес	325
Пинкертон в России	331
Вместо интерлюдии – эпилог. Сравнение жизнеописаний ...	353
Список использованной и рекомендуемой литературы	358

Научно-популярное издание

Клугер Даниэль

ГЕНИИ СЫСКА

Этюд в биографических тонах

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Г. Пернавский*

Художественный редактор *М. Левыкин*

Технический редактор *Н. Атауллина*

Верстка *А. Григорьев*

Корректор *Д. Мельник*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».
Адрес: 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д.13, стр. 1, оф. 835
Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

ISBN 978-5-9500938-2-1

9 785950 093821

Подписано к печати 19.02.2019.

Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Mirandolina». Печать офсетная.
Бум. офс. Усл. печ. л. 23,0. Зак. №

Отпечатано в:

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

АО «Первая Образцовая типография»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, секр. 8(495)988-63-41

12+ | *Издание не рекомендуется детям младше 12 лет*

|| ФОРМАТ: 60x90/16, ОБЪЕМ: 320 СТР. ||

В этой книге идет речь о народе, чье самоназвание можно перевести именно так — «Перешедшие реку». Так назвали их предка: Авраам Иври — Авраам Еврей (Перешедший).

Очерки, составившие книгу Даниэля Клугера, рассказывают именно о тех, кто так или иначе переходил — переходил реку, пересекал границу, преобразил традицию...

Три раздела — три путешествия на машине времени. «Иудейские войны» — по страницам военной истории евреев, «Рассеяние» — вослед евреям, осевшим в других странах после разрушения Иерусалимского Храма, «Авантюристы, безумцы, мессии» — именно за ними, за этими странными, далеко не всегда привлекательными, но всегда яркими пассажирами этой машины времени, которая называется историей еврейского народа.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЯТЫЙ РИМ

ВОЕННАЯ КНИГА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОВЕРИТЬ ЗАКАЗ

ВХОД

FIRST100

Код на скидку 10%.
Количество и стоимость
книг в заказе неограничены.
Код можно использовать только один раз.

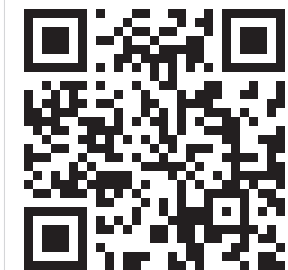
ПРИБРЕТАЙТЕ КНИГИ
В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

5rim.ru

НОВИНКА!

Мы к вам приедем
600 ₽

НОВИНКА!

Бакунин.
Первый панк Европы
550 ₽